

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ

Выпуск 9

М а т е р и а л ы
Всероссийской с международным участием
научной конференции молодых ученых
Самара, 16 декабря 2022 г.

© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-98229-515-6

Самара
2023

УДК 8:37
ББК 80/84:74

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент *Е.В.Цветкова*
(ФГБОУ ВО «Костромской государственной
университет им.Н.А.Некрасова»)

кандидат филологических наук, доцент *С.Е.Подлесова*
(ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»)

Ответственный редактор:

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
культуры речи и методики их преподавания ФГБОУ ВО
«Самарский государственный социально-педагогический университет»
Т.Е. Баженова

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ. Выпуск 9 :
материалы Всероссийской с международным участием науч-
ной конференции молодых ученых (Самара, 16 декабря
2022 г.) / отв. ред. Т.Е. Баженова. – Электрон. текст. дан.
[3 Мб]. – Самара : ООО «Научно-технический центр», 2023.
– 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

В очередной выпуск сборника вошли материалы ежегодной научной конференции, которая состоялась 16 декабря 2022 года на филологическом факультете Самарского государственного социально-педагогического университета.

В статьях участников конференции освещен широкий круг вопросов, затрагивающих связи между языком, культурой, сознанием, обществом и воспитанием личности.

Издание адресовано прежде всего начинающим исследователям языка и словесности, а также обучающимся всех направлений и уровней подготовки.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:

Компьютер: процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше;

512 Мб ОЗУ; 5 Мб на жестком диске;

видеокарта SVGA 1280x1024 High Color (32 bit);

привод CD-ROM

Операционная система: Windows XP/7/8

Программное обеспечение: Adobe Acrobat Reader версии 6 и старше.

© Коллектив авторов, 2023

От редакции

16 декабря 2022 года на филологическом факультете педагогического университета г.Самары состоялась Всероссийская с международным участием конференция молодых ученых «Язык. Культура. Личность». Эта конференция, которая проходит в стенах нашего вуза ежегодно в декабре, уже в шестнадцатый раз собирает на своей образовательной площадке обучающихся всех форм и направлений подготовки, а также молодых специалистов и потенциальных абитуриентов.

В конференции приняли участие представители университетов Самары, Москвы, Смоленска, Твери, Пензы, Чебоксар, Ярославля, Оренбурга, Курска, Челябинска, Ишима, Йошкар-Олы, Тольятти и др. городов Российской Федерации. Среди докладчиков были аспиранты из Китая и Италии, обучающиеся в Томском университете, а также преподаватели и студенты из ДНР (Горловка), Кыргызстана (Ош). Данный выпуск включает большую часть материалов, представленных в виде докладов на очередном форуме конференции.

В соответствии с традиционно сложившимися направлениями работы конференции статьи в сборнике объединены в шесть разделов.

В разделе «Русский язык в современном социуме» представлены материалы исследований в русле современных направлений языкознания: когнитивной лингвистики, сравнительно-исторического языкознания, социолингвистики. На языковом материале текстов различных жанров рассматриваются проблемы прецедентности, авторской модальности, неологии.

Раздел «Педагогический процесс и языковая личность» составили статьи педагогической и лингвометодической направленности. В них излагается практический опыт начинающих учителей русского языка, свежие дидактические материалы и полезные рекомендации. Особое внимание уделяется вопросам нравственного, патриотического воспитания,

развитию творческих способностей, повседневной работе в формате «Разговоров о важном».

Раздел «Культурологический аспект изучения языковых единиц» составили статьи участников конференции, интересующихся проблемами региональной ономастики, устного народного творчества, лингвогеографии и изучения культурных кодов в лингвокультуре русского языка и других языков. Большое место в данном разделе занимают полевые исследования диалектов и фольклора Заволжья и Южного Урала.

Концептуально и методологически связан с предыдущими следующий раздел – «Фольклорный и художественный текст как феномен культуры». Здесь собраны статьи, посвященные изучению языка в его эстетической функции на материале произведений русских и зарубежных писателей, а также великого эпоса кыргызского народа «Манас».

В разделе «Проблемы перевода языковых единиц» молодые исследователи рассматривают вопросы адекватной передачи средствами русского и иностранных языков безэквивалентной лексики, идиоматических, образных выражений. Небезынтересными для любого читателя будут результаты анализа переводческой рецепции русской литературы за рубежом и зарубежной литературы в России (статьи Каролины Боттески и Чжан Ян).

В завершающем сборник разделе «Функционирование языковых единиц в современном рекламном тексте» собраны статьи, посвященные вопросам развития языка рекламы, социально значимой области функционирования языка, в которой находят отражение культурные ценности.

Во всех разделах утверждается идея взаимосвязи языка и культуры, оказывающих большое влияние на становление духовно развитой личности.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

УДК 81-112.2

*М.Б. Адамович (г. Пенза, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. проф. С.В. Кезина*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

*ФГБОУ ВО «Пензенский государственный
университет», Педагогический институт имени В. Г. Белинского*

В данной статье рассмотрены процессуальные фразеологизмы древнерусского языка, их функционирование в памятниках письменности различных жанров с целью выявления особенностей категории времени. Все фразеологизмы распределены по тематическим группам, что позволило более структурировано изложить материал, тщательно проанализировать как группы фразеологизмов, так и отдельные единицы, проследить зависимость функционирования категории времени не только от характера памятника письменности и контекста, но и от семантики самих фразеологических единиц. Сделаны предварительные выводы, которые при дальнейшем исследовании могут уточняться и дополняться.

Ключевые слова: древнерусский язык, фразеологизм, грамматическая категория времени, тематические группы.

This article discusses the procedural phraseological units of the Old Russian language, their functioning in the written monuments of various genres in order to identify the features of the category of time. All phraseological units were divided into thematic groups, which made it possible to present the material more structured, to deeply analyze both groups of phraseological units and individual units, to trace the dependence of the functioning of the category of time not only on the nature of the monument of writing and context, but also on the semantics of the phraseological units themselves. After the analysis, interme-

diate conclusions were made, which can be refined and supplemented during further research.

Key words: Old Russian language, phraseological unit, grammatical category of time, thematic groups.

Изучение истории категории времени русского глагола имеет давнюю традицию, и такие ученые, как М. Л. Ремнева, П. С. Кузнецов, П. Я. Черных, В. В. Колесов, Г. А. Хабургаев, внесли значительный вклад в рассмотрение данного вопроса. Так, глубоко исследованы вопросы истории «падения» сложной системы форм времени, изменения семантики отдельных временных форм на протяжении истории русского языка, особенности функционирования временных форм в памятниках старославянской и древнерусской письменности и т. д. Однако все эти исследования проводились только на базе одной единицы – слова, между тем в языке «всегда существовала еще одна единица, которая тоже служит средством обозначения предметов, их свойств, действий, признаков, – фразеологизм» [5, с. 4]. Подобно слову, фразеологизм имеет грамматические свойства, нуждающиеся не только в синхроническом, но и в диахроническом изучении.

Нас привлекла категория времени в процессуальных фразеологических единицах (ФЕ) древнерусского языка (ДРЯ), которые были получены методом сплошной выборки из первого и второго тома Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. (всего 110 ФЕ). Для более глубокого анализа материала и более удобного его изложения мы провели тематическую классификацию фразеологизмов, выделив 7 тематических групп (ТГ) с подгруппами (ТПГ).

Самой объемной оказалась ТГ *«Фразеологические единицы, обозначающие общественные отношения между членами коллектива»* (40 ФЕ). В данной группе можно выделить подгруппы с более узким значением.

В ТПГ *«Обозначение положения субъекта по отношению к кому-либо, чему-либо»* (19 ФЕ) можно выделить фразеологизмы, которые а) имеют все временные формы, б) имеют формы только прошедшего и будущего времени, в) имеют формы только будущего времени.

К группе а) относится только три единицы: *быти въ божьей (вашей, своей и т. п.) воли* (быть под чьей-л. властью, в чьем-л. подчинении); *поити въ (чьей-л.) воли, ходити въ (чьей-л.) воли, въ (чью-л.) волю, по (чьей-л.) воли* (повиноваться кому-л.); *выю подъяклонити, поклонити, преклонити* (покорить(ся), смириться).

У первого фразеологизма распределение форм времени очень четко связано с характером памятника письменности (ПП) и контекстом: настоящее, простое будущее встречаются в текстах делового, юридического, наставительного содержания, а единственный пример на прошедшую форму (имперфект) – в повествовательном тексте. Так, настоящее время встречаем в *Грамоте перемирной послов в. кн. литовского Ольгерда Гедиминовича с московским в. кн. Дмитрием Ивановичем Донским 1371 г.*: а то *есмы въ бьи воли* и во црвѣ ка(к) повелити та(к) ныдѣяти [4, т.1, с. 473]; будущее время 3 раза из трех, нами зафиксированных, встречается в условных конструкциях в *Рязанской кормчей, Грамоте духовной (второй) московского в. кн. Дмитрия Ивановича Донского* и в *Златой цепи*: аще же кто не *боудеть въ воли еп(с)па* да познають епитемью [4, т.1, с. 473]; А который снѣ мои. не име(т) слушати свое мтри а *буде(т) не въ ее воли* на то(м) не буде(т) моего блг(с)внѣя [4, т.1, с. 473]; обилье много г(с)ь намъ подасть. аще ли *в воли его будемъ* [4, т.1, с. 473]. Единственный пример прошедшего времени (имперфект) фигурирует в Ипатьевской летописи в повествовательном контексте: *бяху* бо тогда Олговичи *въ* Мьстиславли *воли* [4, т.1, с. 473].

В двух других ФЕ картина обстоит немного иначе. Инфинитив встречается в текстах юридического и наставительного содержания, где прослеживается семантика приказа, совета: *Новгородская кормчая* – якого [вместо всякого] иноплемьника во истину и вѣрѣ нашей противника, поставити и *въ свою волю ходити* [4, т. 1, с. 473]; *Златая цепь* – аще ли рабъ и рабыни не слушаетъ и *по твоей воли не ходити* то за года лозы на нь н(е) щадити [4, т. 1, с. 474]; *Изборник Святослава* – *прѣклони* отъ оуности *выю* ихъ [4, т. 2, с. 264].

Формы настоящего и простого будущего времени зафиксированы в ПП разных жанров, но их объединяет участие

в обстоятельственных конструкциях: *Ипатьевская летопись* – и р(ч)е андрѣи романови **не ходиши в мои воли** съ братьею своею. а поиди с киева. а двдѣ исъ вышгорода. а мьстиславъ из бѣлагограда [3]; *Поучения Сергияна Владимировского* – Аще бо **поиде(м) в воли г(с)ни**, всѣмъ оутѣшеньемъ оутѣшити ны Бѣ [4, т. 1, с. 473]; *Лаврентьевская летопись* – и в днь во нь же смѣрить члвкъ дшю свою, аще **преклонити выю свою** [4, т. 2, с. 264]. Использование настоящего времени вне обстоятельственных конструкций представляет единичный пример.

Прошедшее время используется только в летописях, причем для обозначения длительного состояния в прошлом: *Ипатьевская летопись* – а володимѣръ **не хожаше в волю его**. и того дѣла не дашь емоу галича [3]; *Новгородская летопись* – съ смь яко не помыслити на цр(с)тво· испощень бы(с) ис тврди· и **хожашеть въ своѣи воли** [3].

Группа б) также представлена тремя единицами: **стати на** (чьей-л.) **воли** (подчиниться кому-л.); **дати въ роуцъ** (отдать во власть, на милость кому-л.); **на выю** (чью-л.) **въстоупати, настоупати, настоупити** (о действии победителя по отношению к поверженному противнику). Отсутствие форм настоящего времени у первой и второй ФЕ объясняется совершенным видом глагольного компонента. Неупотребление фразеологизма **на выю** (чью-л.) **въстоупати, настоупати, настоупити** в форме настоящего времени, скорее всего, связано с его семантикой условия, действия, которое выполняется после победы над противником; очень ярко семантика условия проявляется в Палее толковой 1406 г.: и солжють тобѣ врази твои. ты же **на выю ихъ настоупиши** [4, т. 2, с. 264].

Группа в) включает единицу **Выятися изъ** (чьей-л.) **воли** (не подчиняться кому-л., послушаться). Она фигурирует в памятнике юридического характера, для которого вообще характерно настоящее или будущее время, причем единица имеет значение приказа: *Грамота (заменительная запись) Яна Тарновского на именья, данная Игнатку и Самоїлу Черневичам в Перемышле* – А по грѣхо(м) которого сна моего бѣ отъиме(т) и княгини моя подѣли(т) того оудѣло(м) снѣв

мои(х) которому что дать. то тому и есть а дѣти мои изъ ее **воли не вымутъ(с)** [4, т. 2, с. 264].

Единичный пример употребления ФЕ **дати на роуцъ** (отдать в опеку кому-л.) только в инфинитиве связан с тем, что она фигурирует в условной конструкции Русской правды, для которой схема *аже / оже...то + инфинитив* является весьма распространённой [6, с. 298].

В ТПП **«Судопроизводство, закон»** и **«Экономические отношения»** употребление временных форм ФЕ непосредственно связано с их фиксацией только в юридических и договорных текстах: фразеологизмы употребляются в настоящем и будущем времени (единичные случаи повелительного наклонения и один случай на обе ТПП перфекта).

В ТПП **«Судопроизводство, закон»** из 11 ФЕ имеют формы настоящего или будущего 9 и по два примера инфинитива и повелительного наклонения, но как мы видели выше, инфинитив тоже характерен для ПП юридического и договорного характера. Приведем несколько примеров: *Русская Правда* – а кто порветь бородоу. а **вънъметъ знамение**. а выльзуть людие. то ·ви· гри. продажѣ [4, т. 2, с. 196]; *Аще будетъ на кого поклепная вира, то же будетъ послуховъ ·з· то ти выведуть виру* [4, т. 2, с. 237]; *искавшие ли послоуха и не нальзоуть. а истьца начънетъ головою клепати*. то ти имь правдоу желъзо [4, т. 2, с. 348]; *Грамота (заменительная запись) Яна Тарновского на именья, данная Игнатку и Самойлу Черневичам в Перемышле* – кто жъ коли **зломит(т)** нашу **грамотоу** су(д) пре(д) б(г)мъ имаю с нимъ [4, т. 2, с. 384] и т. д.

В ТПП **«Экономические отношения»** связи между временными формами и характером ПП также сильны: все единицы употребляются только в настоящем или будущем времени (или имеют обе формы, если этому не препятствует вид глагольного компонента). Приведем несколько примеров: *Кормчая Рязанская* – аще же **взало(г) возмещи** ризоу ближняго твоего. к заходу слнца о(т)даси емоу [4, т. 2, с. 149]; *Аще въ невѣдѣньи. в наемъ возметъ* корьчагъ разъбье(н) и излѣтется вино. твердый же і дати дольженьъ есть [4, т. 2, с. 149]; *Грамота (донесение) перемышльскаго судьи*

Костька польскому королю Ягеллу о сборе податей и расходовании королевских денег в Перемышльской волости – А изъ ряшювской волости, приходить поль тритья ста коло(д). опроче волянъ што **на воли съдять** [4, т. 1, с. 474]; *Русская правда* – за разбойника людье не платять. нъ **выдадять** и всего. съ женою. и съ дѣтьми **на потокъ. а на разграбление** [4, т. 2, с. 241].

Следует отметить, что большая часть ФЕ из ТПГ «*Судопроизводство, закон*», «*Экономические отношения*» обозначает активное действие и поэтому «не имеют, а часто и вовсе не способны иметь оценочного значения» [1, с. 223]. В. П. Жуков в «Русской фразеологии» указывал, что «чем слабее выражено значение качественной характеристики в том или ином фразеологизме, тем ярче представлена в нем активность видо-временных форм» [1, с. 213]. Однако материал ФЕ ДРЯ данных ТПГ не может подтвердить высказанный вывод, что уже указывает на своеобразие категории времени у древнерусских процессуальных фразеологизмов.

Второй по объему является ТП «*Фразеологические единицы, выражающие душевное или физическое состояние человека*» (16 ФЕ). Большая часть данных единиц выражает качественную характеристику, имеет оценочное значение, что выражается в полном отсутствии употребления форм будущего времени, так как «...фразеологизмы с таким значением пассивно передают глагольный признак. Этим можно объяснить слабо выраженную во многих фразеологизмах активность временных форм...» [1, с. 216]. В данной группе можно выделить ФЕ, которые имеют формы а) только настоящего времени, б) только прошедшего времени, в) формы настоящего и прошедшего времени.

В группе а) – **болѣти огоньмъ** (быть в жару, в лихорадке); **въпадати въ словеса** (быть в состоянии сказать что-л.); **выю въздвигати** (вести себя заносчиво, высокомерно); **сърдце болить по; врежатися доушевѣньмъ вредомъ** (заболевать душевной болезнью); **гърдѣти ноздри** (проявлять надменность) – фразеологизмы имеют яркое качественное значение, некоторые из них выражают оценочную семантику, что, скорее всего, и является причиной «запрещения» на упо-

требление других форм; ФЕ *болѣти огньмь* и *гърдѣти ноздри* для усиления качественной характеристики образуют формы действительного причастия настоящего времени: ти бо подобии соуть *болящимъ огньмъ* зѣло и не чюющимъ. что творять или что молвять [4, т. 1, с. 294]; і на высокы(х) пр(с)тлѣхъ гордящеса. и *ноздри гордяще*. трепещите вышняго [4, т. 2, с. 410]. Связь между формой ФЕ и характером ПП не прослеживается: встречаются памятники юридического характера, жития, хроники, повествовательная литература.

Фразеологизмы группы б) – *Вънити въ ся* (вдуматься, поразмыслить); *быти въ себѣ* (прийти в себя, очнуться); *Быти (въ) възтързѣ* (о состоянии религиозного экстаза, видений); *положити* (что-л.) *въ гнѣвъ* (разгневаться за что-л.); *възати гърдостъ* (возгордиться); *грьшити помысла своего* (потерпеть неудачу в своем намерении, ошибиться) – в меньшей степени обладают качественным значением, но «запрещение» на образование настоящего и будущего времени связано тут с другими причинами. Отсутствие форм настоящего времени у ФЕ *Вънити въ ся*, *положити* (что-л.) *въ гнѣвъ*, *възати гърдостъ* объясняется 1) совершенным видом глагольного компонента, 2) семантикой мгновенного действия, 3) соседством во всех трех случаях с формой аориста со значением единичного действия в прошлом. Отсутствие формы настоящего времени (зафиксированы примеры только в форме аориста) у фразеологизма *Быти (въ) възтързѣ* можно объяснить фиксацией ФЕ в Прологах в повествовательных контекстах в окружении других аористных форм, которые, возможно, влияли на ФЕ и образовывали цепь форм для описания событий в прошлом; так как фразеологизм в семантике содержит указание на продолжительное действие, формы аориста выступают в имперфектном значении: и възлегъ хоте почити. и *бы(с) въвъсторзѣ*. и видѣ себе въ полатѣ ц(с)рвѣ [4, т. 2, с. 134]; бывъшу же ми на дорозѣ, похоти палящи мя *быхъ въ въсторзѣ*. видѣхъ землю о(т)вѣрстоу и мене въмыкаема [4, т. 2, с. 134]; мало оуснувъ. [старец] *бы. въсторзѣ*. и обрѣтеса нѣ в коемъ дому чюднѣ [4, т. 2, с. 134]. ФЕ *быти въ себѣ* зафиксирован единственный раз в форме действительного причастия прошедшего времени: и

поноуди [старец] его [манихея] молитися. и поноудивъ его оуспи манихеи же *въ себе бывъ* в нощи тои [4, т. 1, с. 349]. Из-за недостатка материала по этой единице нельзя точно объяснить фиксацию именно в данной форме, но, возможно, тут «наслаивается» семантика состояния и желание автора охарактеризовать манихеев, которые в ту ночь были очнувшимися.

К группе в) относятся единицы *бити (въ) лице свое* (о соответствующих жестах как проявлении горя); *бити (въ) пьрси (свои), по пьрсемъ* (о соответствующих жестах как проявлении горя, скорби, раскаяния); *болъти доушею*. Отсутствие форм будущего времени объясняется поздним формированием (ближе к 17 веку) конструкции *буду + инфинитив* для выражения будущего глаголов несовершенного вида [2, с. 123]. Значение качественности в данных единицах снижено, а значение активного действия наоборот высоко. Возникает противоречие: с одной стороны, формы будущего времени невозможны из-за несформированности на данный момент необходимой конструкции, с другой стороны, они теоретически должны быть, так как «чем слабее выражено значение качественной характеристики, тем ярче представлена активность видо-временных форм» [1, с. 213]. Такая слабая качественная характеристика и проявляется в возможности этих ФЕ употребляться в настоящем и прошедшем времени (присутствуют единичные примеры на инфинитив и повелительное наклонение). Неким способом компенсации ослабленности у данных ФЕ качественной характеристики является образование от них действительных причастий настоящего времени (от фразеологизма *бити (въ) пьрси (свои), по пьрсемъ* мы зафиксировали 7 форм причастий, от *бити(въ) лице свое* и *болъти доушею* – по одной).

Третьей по количеству фразеологизмов является ТГ «Фразеологические единицы, обозначающие конкретные действия и их характеристику» (15 ФЕ). В данной ТГ только два фразеологизма – *бити собъ* (поступать по своему усмотрению), *възнести главоу* (возвеличить, прославить) – имеют формы будущего времени, причем это их единственные формы. Употребления второй единицы практически

идентичны: *Изборник Святослава* – Моудрость съмѣренааго **възнесеть главоу** его и посредѣ вельможь посадить ю [4, т. 2, с. 91]; *Пчела* – Хытрость врачевная **възнесеть** всѣмъ **главоу** и при вельможахъ чюдень явить(с) [4, т. 2, с.91]. Видимо, повторяемость форм диктуется семантикой результативности при наличии какого-либо качества: если ты обладаешь в настоящем мудростью или врачебной хитростью (мастерством), то это сыграет роль и прославит тебя потом, в будущем. По второй ФЕ сложно делать выводы из-за только одного зафиксированного употребления; можно предположить воздействия прямой речи, соседства с другими формами будущего времени: реша потьснися к на(м). да выженемъ Ростиславича... иже ли не поидеши с нами то мы **собѣ буде(м)**. а ты собѣ. и рѣхъ аще вы ся и гнѣва(е)те не могу вы я ити. ни кр(с)та переступити [4, т. 1, с. 349].

В данной ТГ можно выделить ФЕ, которые имеют формы а) только настоящего времени, б) только прошедшего, в) настоящего и прошедшего.

В группе а) – **быти на дѣвое** (двурушничать, действовать двучленно); **бѣжати (отъ) мира** (уйти от мирской жизни); **чьсть възкладывати** (оказывать честь); **вынимати зракъ** (ослеплять, лишать зрения); **бити кони** (стегать, погонять коней); **на видѣние приити (приходити)** (прийти на встречу) – в 4 из 6 случаев встречаем форму действительного причастия настоящего времени (единственную для них форму). Опять же, недостаток примеров употребления усложняет анализ фразеологизмов, поэтому можно лишь предположить употребление форм причастий как компенсацию ослабленности у данных ФЕ качественной характеристики (см. выше).

В группе б) две ФЕ, имеющие по одному примеру употребления, что не дает нам оснований для выдвижения каких-либо точек зрения.

Группа в) тоже малочисленна – **видѣти въ снѣгъ; видѣти снѣгъ; быти (бывати) безъвѣсти** (пропасть без вести, исчезнуть (исчезать)), – но здесь мы наблюдаем достаточное количество примеров употребления (18; 12; 5). В первых двух ФЕ отсутствие формы будущего времени связано с несовершенным видом глагольного компонента (см. выше).

Большое количество примеров на аорист (13 у *видѣти въ снѣ* и 8 у *видѣти снѣ*) объясняется влиянием повествовательных контекстов, в которых рассказывается, что пережил либо сам рассказчик, либо лицо, о котором рассказывается, при этом частотны ПП повествовательного характера (Житие Феодосия Печерского, Житие Андрея Юродивого, Киево-Печерский патерик, Александрия, Хроника Георгия Амартола). Перфект один раз встречается в значении аориста и один раз в прямой речи (для перфекта вообще очень характерно употребление именно в прямой речи и замещение аориста [2, с. 128, 145]): *Житие Андрея Юродивого* – и повѣда юму. еже есть *видѣль въ снѣ* [3]; *Александрия* – его же еси *видѣла въ снѣ* идоуща к тобѣ [3]. Формы настоящего времени являются единичными: Сонъная видѣния дньныхъ помысль соуть възглагошания. иже *во снѣ видѣти* любимая. тѣмъ и оутѣшаются [4, т. 1, с. 422]; вна же рече къ нему. аще *вижду сонъ* сеи, не яко влхву, но яко бѣу поклонюса тобѣ [3]. Во втором случае мы, скорее всего, имеем дело с неохарактеризованным по виду глаголом [2, с. 71].

Четвертой по численности является ТГ «*Фразеологические единицы, обозначающие военные действия*» (12 ФЕ). Отличительной особенностью единиц этой группы является их преимущественное употребление в летописях. Даже если ФЕ и встречается в ПП других жанров (жития, сказани), все равно они обязательно имеют примеры в летописях.

Из всей ТГ выделяется фразеологизм *въсѣсти на конь (на конѣ)* (отправиться в поход): он преимущественно употребляется в форме второго сложного будущего времени и инфинитива: *Грамота договорная московского в. кн. Симеона Ивановича Гордого с его братьями, князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем* – А гдѣ ми *будетъ всѣсти на конь*. всѣсти вы со мною. А гдѣ ми буд(е)ть самому не всѣсти. а бу(д)еть ми вас послати. *всѣсти вы на конь* без ослушанья [4, т. 2, с. 131]; *Грамота договорная московского в. кн. Дмитрия Ивановича Донского с кн. серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем* – а коли ти *бу(д)ть всѣсти* со мною *на конь*, а кто бу(д)ть твоихъ бояръ и слугъ... тѣмъ быти по(д) твоимъ стягомъ [4, т. 2, с. 131];

Грамота договорная московского в. кн. Дмитрия Ивановича Донского с кн. серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем – А коли ми **будет** самому **встѣсти на конь**. а тебѣ со мною... А московская рать. хто ходил с воеводами... а нам ихъ не приимати [4, т. 2, с. 131]. Формы сложного будущего «использовались в XI–XIV вв. преимущественно в деловых текстах, где была востребована его специфическая модальная семантика... оно относит к будущему не само действие, а возможность его проявления...» [2, с. 124]. Как видим, на использование формы времени в данном случае влияет 1) характер ПП, 2) контекст, который «понуждает» выбрать форму, выражающую семантику возможности проявления действия. Прошедшее время используется один раз в летописи в повествовательном контексте: *Лаврентьевская летопись* – и о(т) Рюрика рѣчь слышавъ [князь Всеволод] ... на лѣто **встѣде на конь** про свата своего [4, т. 2, с. 131]. Инфинитив чаще используется в летописях (3 раза в Лаврентьевской летописи) тоже в повествовательном контексте: слахуть бо ся к нему Галичане веляче ему **встѣсти на конь**... рекуче толико яви(т) стягы. и мы о(т)ступимъ о(т) ярослава [4, т. 2, с. 131]; ты же како ми ся еси обѣчалъ. **встѣсти на коня** и помочи ми [4, т. 2, с. 131]; Црь на мя Грецкыи вѣстаетъ ратью. и сеѣ ми зимы и весны нѣлзѣ **на конь** к тобѣ **встѣсти** [4, т. 2, с. 131].

Большая часть остальных ФЕ (5 единиц) употребляется только в форме прошедшего времени (чаще всего это аорист), что связано с влиянием повествовательного контекста в летописях, либо помимо это формы еще имеют форму настоящего / будущего. На наличие настоящего либо будущего времени влияет вид глагольного компонента.

Следующей по объему является ТГ «*Фразеологические единицы, обозначающие речевые действия*» (11 ФЕ). Главной причиной «запрещения» употребления тех или иных форм является вид глагольного компонента. Иногда на выбор формы влияет и контекст. Так, употребление ФЕ **выбити челомъ** (добиться чего-л. настойчивой просьбой) в форме перфекта диктуется прямой речью: язъ к тобѣ послалъ. а ты оу мене **выбилъ чело(м)** дружину [4, т. 2, с. 236]. ФЕ **въче**

дѣяти (совещаться, сговариваться), возможно, из-за обозначения активного действия в двух случаях из двух зафиксированных употреблены в форме инфинитива в сочетании с модальным глаголом со значением начинательности; однако это можно объяснить и фиксаций в летописи, где в разных местах мы видим идентичные контексты, описывающие сбор вечевого собрания у жителей Новгорода и Смоленска: Том же лѣ(т) *начаша* новгородьци *въче дѣяти* в тайнѣ по дворомъ [4, т. 2, с. 308]; смолнѣнѣ же *почаша въчѣ дѣяти* рекоуще. мы пошли до киева [3].

В тематической группе «*Фразеологические единицы, связанные с христианскими представлениями*» (8 ФЕ) можно выделить несколько подгрупп.

В ТПГ «*Наименование элементов богослужения*» (5 ФЕ) у некоторых единиц частотным является образование действительных причастий прошедшего времени: *въити въ баню*; *въити въ святоую коупль* (о крещении); *възьръти на небо* (устремить на небо молитвенный взор). Здесь, с одной стороны, действует контекст, повествующий о событиях в прошлом, а с другой – желание сконцентрировать внимание на производителе данного действия и на тех изменениях, которые принесло ему крещение или молитва: *въшедшо* емоу *въ стоую коупль* о(т)верзошася емоу очи [4, т. 2, с. 152]; и *вше(д)* в стую купль. породи(с) о(т) дха и воды [4, т. 2, с. 152]; таче *в баню вшедше* со(т) страха свобожаются [4, т. 2, с. 152]; и *възьръвъ на нбо* прп(д)бныи. блг(с)ви малый хлѣбы [4, т. 2, с. 59]; и *возръвъ на нбо* и воздавъ хвалоу Боу глѣ бесмртныи Бѣ. хвалю тебе w всемъ [3]; володимеру же се слыша. *възьръвъ на нбо* и ре(ч) [3]; аврамъ же пришедъвъ оу(м). *възьръвъ на нбо.* и ре(ч) [3]; и *възьръвъ на нбо* и рче бе великыи створивыи бѣ и землю. призри на новыя люди своя [3]. Часто после ФЕ *възьръти на небо* в форме действительного причастия прошедшего времени идет прямая речь (*и рече*); это, по всей видимости, и есть изменения, которые принесла с собой молитва: человек, воззревший на небо, обретает способность высказать то, что у него на душе.

Что касается остальных ФЕ, то наличие / отсутствие форм настоящего / будущего времени зависит, опять же, от вида глагольного компонента.

Интересной является единственная ФЕ из ТПГ «*Евангельские фразеологизмы*» – *метати (дати, пометати, сыпати) бисерь свињямь (предь свињями)* (внушать христианские представления тем, кто не способен оценить их по достоинству). Данный фразеологизм употребляется только в формах инфинитива и повелительного наклонения, хотя в современном русском языке по данным Национального корпуса, данная единица употребляется и в прошедшем, и в настоящем времени. Причина употребления анализируемого фразеологизма только в форме инфинитива и повелительного наклонения – постоянный назидательный контекст, в котором запрещается внушать христианские представления тем, кто не способен оценить их по достоинству, и иногда соседство с другими формами инфинитива и повелительного наклонения, что образует некий список правил: не дадите бо рече стхъ псомь. и *бисерь не мещите прьдь свињями* [4, т. 1, с. 162]; ни *пометите бисерь* вашихъ *предь свињями* [там же]; Казателемь по(д)баеть первое испытати наказаемыхъ. каци соуть... аще ли не стыдятся. *то не сыпати бисера пре(д) свињями* [там же]; пред ними ж(е) о(т)ну(д) *не помьтати бисерь* заповѣдано ми есть [там же].

Последней ТГ является «*Фразеологические единицы, обозначающие смерть*» (8 ФЕ). Интересным является частое употребление фразеологизмов *главою положити (съскладати, съложити)* (отдать жизнь); *головою повалити* (сложить голову, погибнуть); *головою положити (съскладати, съскладывати, съложити)* (отдать (отдавать) жизнь); *вьдати доушоу* (умереть) в формах простого будущего и первого сложного будущего. Причиной этому является частое использования этих ФЕ в значении клятвы, обета, желания: *голову* свою *сложю* за Рускую землю [4, т. 2, с. 349]; *хочемь* за о(т)ца твое(г) ч(с)ть и за твою *головы* своя *сложити* [там же]; *положю главу* свою за тя [4, т. 2, с. 319]; а *головою повалю* за новьгородь [4, т. 2, с. 348]; онь *дию* свою *вьдасть* за ненавидящая [4, т. 1, с. 518]. Реже для этого используется форма

повелительного наклонения второго лица множественного числа со значение призыва к совместному действию: *положимъ главы* своя оу стои софыи [4, т. 2, с. 319].

У других ФЕ формы времени связаны с совершенным – *възъвати отъ гроба* (воскресить); *възстати отъ мъртвыхъ*; (чь-л.) *глава ляжетъ* (о чьей-л. смерти) – или несовершенным видом – *въдаяти доушоу*.

Проанализировав особенности функционирования категории времени во фразеологизмах ДРЯ, мы можем сделать следующие предварительные выводы:

1. В древнерусском языке временные формы, использованные во фразеологизмах, часто были связаны с характером ПП: если это текст делового, юридического содержания, то ФЕ будет иметь формы настоящего, будущего времени, иногда инфинитива; если текст имеет повествовательный характер (жития, летописи), то эта же единица с большей вероятностью будет иметь форму прошедшего времени.

2. На временную форму в древнерусских фразеологизмах может влиять её участие в обстоятельственных конструкциях, что отражается в использовании настоящего / будущего времени.

3. Временные формы могут быть связаны и с семантикой ФЕ: семантика условия и мгновенного действия не дает образовываться настоящему времени; значение клятвы, обета, желания влияет на частое использование будущего времени.

4. Контекст часто является причиной употребления ФЕ в определенных формах: в прямой речи частотна форма перфекта; в окружении аористов ФЕ употребляется в аористе, даже если указывает на продолжительное действие (см. *Быти (въ) възтързъ*); повествовательный контекст может «диктовать» глаголу во ФЕ частое употребление в форме прошедшего времени; необходимость выражения *возможности проявления действия* «заставляет» выбрать форму второго сложного будущего; назидательный контекст «требует» повелительного наклонения или инфинитива.

5. Историческое развитие временных форм тоже может быть причиной неупотребления ФЕ в какой-либо форме (см.

пример с конструкцией *буду* + *инфинитив* глаголов несовершенного вида).

6. Видовая характеристика глагольного компонента часто является причиной отсутствия формы настоящего / будущего времени, а соотносительных видовых форм типа *вѣдати доушоу – вѣдаяти доушоу* в ДРЯ было еще мало.

7. Уже в ДРЯ действовало правило: «чем слабее выражено значение качественной характеристики в том или ином фразеологизме, тем ярче представлена в нем активность видо-временных форм, и наоборот» [1, с. 213]. Но и из этого правила могут быть исключения (см. пример из ТПГ «Судо-производство, закон», «Экономические отношения»). Если же ФЕ имеет слабое качественное значение, это может компенсироваться образованием от него действительных причастий настоящего времени.

Литература

1. Жуков В. П. Русская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М. : Высшая школа, 1986. 310 с.
2. Кукушкина О. В., Ремнева М. Л. Проблемы изучения категорий вида и времени русского глагола. М. : ЛЕНАНД, 2021. 200 с.
3. Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (Дата обращения: 10.11.2022).
4. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Русский язык, 1988. Т. 1, 2.
5. Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов / Учебное пособие к спецкурсу. Челябинск : ЧГПИ, 1983. 93 с.
6. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. С предисловием и под ред. акад. В. В. Виноградова. М. : Учпедгиз, 1953. 368 с.

*Д.В. Андреева (г. Чебоксары, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. О.А. Дмитриева*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В «КУЛИНАРНЫХ» ДЕМОТИВАТОРАХ

*ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет имени И. Я. Яковлева»*

В данной статье рассматриваются демотиваторы, вербальный и невербальный компоненты которых отражают кулинарную тематику. Анализу подвергаются демотиваторы, в которых вербальный компонент выражен фразеологическими единицами. Отмечается, что фразеологизм может быть представлен эксплицитно – через вербальный компонент, и имплицитно – при помощи визуализации. Обращается внимание на то, какие трансформации происходят с фразеологизмами в контексте и как это влияет на восприятие и осмысление демотиватора.

Ключевые слова: демотиватор, кулинарная тематика, вербальный и невербальный компоненты, фразеологизм, трансформация фразеологизмов.

This article discusses demotivators, the verbal and nonverbal components of which reflect culinary themes. Demotivators in which the verbal component is expressed by phraseological units are analyzed. It is noted that phraseology can be represented explicitly – through a verbal component, and implicitly – with the help of visualization. Attention is drawn to what transformations occur with phraseological units in the context and how this affects the perception and comprehension of the demotivator.

Key words: demotivator, culinary topics, verbal and nonverbal components, phraseology, transformation of phraseological units

Демотиваторы являются одним из видов полимодального текста, которые набирают популярность в современной интернет-коммуникации. Повышенный интерес к данному источнику информации определяет его актуальность для различных возрастных и социальных групп. Это подтверждает, что демотиваторы оказывают влияние не только на индивидуальное, но и на общественное сознание. Популярность такого рода полимодальных текстов, по мнению Н. В. Гладкой,

обусловлена прежде всего их «развлекательно-юмористическим характером» [4, с. 15].

Демотиватор представляет собой, по определению И.В. Бугаевой, «изображение, состоящее из графического компонента в черной рамке и поясняющего его слогана, создающегося по особым правилам» [3, с. 148]. Содержание текста к данному изображению имеет негативный характер / элементы юмора, часто черного, что создает комический эффект.

С. В. Канашина определяет *демотиватор* следующим образом: «семиотически сложное образование, содержащее вербальный и невербальный компоненты и функционирующее в интернет-среде в качестве особого вида полимодального текста» [5, с. 4]. Отсюда следует, что эти компоненты составляют единое смысловое и структурное целое, необходимое для создания такого рода полимодального текста.

Демотиваторы в настоящее время часто становятся предметом исследования. Они становятся результатом отклика человека на происходящее, отражая реалии и события времени. Так, М. Н. Лату в статье рассматривает мемы и демотиваторы, иллюстрирующие явление массовой самоизоляции в период пандемии COVID-19 [7]. Автор отмечает, что в мемах и демотиваторах находят отражение текущие события в стране и мире, актуальные вопросы, проблемы, касающиеся человека. Например, Е. Н. Антонова, Е.А. Зацепина и Ю.И. Рудинова обращаются к анализу демотиваторов, которые иллюстрируют «восприятие социумом экологических проблем» [1, с. 6]. Тем самым демотиваторы охватывают различные сферы жизни человека, отражая те или иные аспекты.

Основообразующим компонентом демотиватора является его вербальный компонент, правильно осмыслить который позволяет визуализация. Материалом данного исследования являются демотиваторы, содержащие либо вербальный компонент, либо визуальный, связанный с кулинарной тематикой, в них рассматривается функционирование «пищевых» фразеологизмов. Большинство демотиваторов собрано с сайтов Бугага [2], Mixer.lv [10], Demotivatorium [11] и др.

Фразеологизмы представляют собой «лексически неделимые, целостные по значению, воспроизводимые в виде готовых речевых единиц словосочетания» [6, с. 4]. Во многих демотиваторах фразеологизмы представлены видоизмененными. Трансформации фразеологизмов рассматриваются в работах многих исследователей в сфере фразеологии: Н. М. Шанского, В.В. Горлова, Э.Д. Головиной и др. Огромный вклад в изучение фразеологизмов внес Н.М. Шанский. Автор подробно описывает и рассматривает девять разновидностей художественно-выразительной трансформации фразеологизмов, называя их «авторскими преобразованиями». К ним он относит следующие изменения: «1) семантическое преобразование; 2) обновление лексико-грамматической стороны фразеологических оборотов (далее – ФО) при сохранении его значения и основной структуры; 3) использование ФО в качестве свободного сочетания; 4) образование по аналогии с общеупотребительными фразеологизмами новых, индивидуально-авторских фразеологизмов; 5) употребление ФО одновременно и как фразеологизма, и как свободного сочетания слов; 6) контаминация двух ФО; 7) использование ФО рядом с одним из образующих его слов; 8) использование ФО не как такового, а его образа или содержания; 9) создание ФО на базе новых и неожиданных, а потому очень выразительных сочетаний слов [9]. В данной классификации семантические и формальные трансформации фразеологизмов четко не разграничиваются. Автор также обращает внимание на следующие модификации ФО. К ним относятся изменения: 1) значения ФО; 2) состава ФО (замена одного компонента фразеологизма другим, синонимичным или сходного значения; возникновение в фразеологизме не существующих вне его слов; возникновение в фразеологизме незначимых компонентов; сокращение состава фразеологизма; добавление к исходному составу фразеологизма новых слов); 3) структуры ФО (эвфоническая обработка, потеря стержневым компонентом способности к образованию грамматических форм и др.).

Многие ученые классифицируют трансформации фразеологизмов, опираясь на труд Н. М. Шанского. В основном

авторы рассматривают модификации ФО, отталкиваясь от представлений об изменениях их содержания и формы. Например, в статье К. С. Парфеновой обращается к изучению трансформации фразеологизмов в текстах газет [8]. Автор рассматривает эти трансформации, опираясь на изменения их формы и содержания. При этом отмечается, что данные изменения могут быть как явными, влияющими на семантику фразеологизма, так и скрытыми. Тем не менее исследователи вносят свои новшества, изучая трансформации фразеологизмов.

Трансформация «кулинарных» фразеологизмов в демотиваторах. Фразеологические единицы могут подвергаться различного рода семантическим и формальным изменениям. Обратимся к анализу демотиваторов, в которых используются фразеологизмы, связанные с кулинарной тематикой.

Рассмотрим первую группу демотиваторов, вербальный компонент которых содержит фразеологизм *суп с котом*. Данное выражение часто используется в демотиваторах, при этом оно теряет одно из своих свойств – переносное значение. Исходный фразеологизм (*а потом* – *суп с котом* в сознании человека является ответом на вопрос «*а что потом?*»). Устойчивое словосочетание сообщает о том, что никому неизвестно, что будет дальше. Оно также используется в качестве отговорки от какого-либо действия или употребляется как предложение сделать дело не сразу, отложить на потом. В анализируемых демотиваторах данной группы фразеологизм употребляется в буквальном значении. Каждый элемент, входящий в состав фразеологизма, выражает собственное значение, что подтверждается с помощью изображения демотиватора. Например, невербальный компонент демотиватора (рис. 1) позволяет понять, что фразеологизм использован в данном контексте в прямом значении – *кот рядом с готовым супом* и значение

рис. 1

творительного падежа существительного здесь «совместное действие» (ср. чай с другом)

Обратимся к следующей паре демотиваторов, представленных на рис. 2 и рис. 3.

рис. 2

рис. 3

В данных примерах изображение, подкрепляющее вербализацию, создает комическую ситуацию (суп с котом, где кот в кастрюле). Здесь происходит буквализация фразеологизма, которая позволяет рассматривать его в качестве свободного словосочетания. Вербальный компонент демотиватора (рис. 3) – *у китайцев это вовсе не поговорка* – отсылает к другой культуре, а именно к китайской, где стереотипом является поедание всего того, что движется. С юмором отмечается, что суп с котом вполне возможен у народов Китая.

рис. 4

В демотиваторе (рис. 4) дается пошаговый рецепт по приготовлению *супа с котом*. Невербальный компонент демотиватора создаёт комическую ситуацию, изображая руководство по приготовлению блюда.

Фразеологизм снова утрачивает свое переносное значение, на что нам указывает визуальный компонент демотиватора.

Таким образом, в приведенных демотиваторах этой группы фразеологизм *суп с котом* используется в качестве свободного сочетания, т. е. каждое слово, входящее в его состав, выражает свое исходное, словарное значение. Визуализация помогает правильно понять, в каком значении используется устойчивое словосочетание, и подкрепляет его, что позволяет создать комический эффект демотиватора.

Проанализируем вторую группу демотиваторов, вербальный и / или визуальный компонент которых отсылает к фразеологизму *вешать лапшу на уши*. Значение данного устойчивого словосочетания – намеренно вводить в заблуждение, обманывать кого-либо. По одной из версии данное выражение происходит от французского *la poche*, что переводится как «карман». Этим словом пользовались воры-карманники. Отсюда появился глагол *облапошить* в значении «обмануть, обокрасть». Рассмотрим следующие демотиваторы.

рис. 5

рис. 6

рис. 7

Вербальный компонент демотиватора (рис. 5) объясняет, для чего нужны серьги в виде вилок, изображение которых используется в качестве визуального компонента. Можно предположить, что такое украшение поможет человеку, и он не сможет быть обманут. Состав исходного фразеологизма изменен – глагол *вешать* заменен противоположным ему по значению глаголом *снимать*. Такая замена значимого компонента фразеологизма влияет на семантику. В данном случае фразеологизм приобретает значение, противоположное исходному – раскрыть обман, ложь, вранье.

В следующем демотиваторе (рис. 6) визуализация (человек в лапше) имплицитно отсылает к анализируемому фразеологизму.

По изображению становится ясно, что имеется в виду в вербальном компоненте демотиватора – начальник *вешает лапшу на уши* своему сотруднику (обманывает его), рассказывая о том, почему он не может повысить ему заработную плату. Несмотря на то, что фразеологизм не вербализован, достаточно легко его восстановить в сознании, установив связь между компонентами демотиватора. К тому же это достаточно популярное устойчивое словосочетание. В совокупности вербальный и невербальный компоненты создают комический эффект, так как многие работающие знакомы с данной ситуацией, которая обыгрывается в данном демотиваторе.

Невербальный компонент демотиватора (рис. 7) (ребёнок с лапшой на голове) и его вербализация помогают установить их связь с фразеологизмом *вешать лапшу на уши*. Стоит отметить, что в языке существует немало синонимичных фразеологизмов, т. е. устойчивых словосочетаний, близких по семантике. Этот признак позволяет опознать и восстановить другую фразеологическую единицу – *рассказывать сказки*, используемое в значении «врать, придумывать, сочинять». В целом эти два фразеологизма используются для передачи одного значения. Интересно то, что только по одним словам (лапша и сказки) легко восстановить исходный вид фразеологизмов. В данном случае из всего словосочетания используется одно слово. Ситуация юмора связана с сопоставлением мира реального, наполненного ложью, обманом, враньем, и мира идеального, связанного с желаниями и мечтами человека.

рис. 8

В демотиваторе (рис. 8) отсутствует прямая визуализация значения фразеологизма *вешать лапшу на уши*. Вербальный компонент демотиватора позволяет установить связь фразеоло-

гизма и изображения. Так с грустным юмором говорится о том, что людям не придется голодать, так как на ушах у них висит лапша, т. е. их обманывают. Сокращение фразеологизма не влияет на понимание, переносное значение сохраняется и соотносится с изображением демотиватора.

Одним из наиболее заметных изменений состава фразеологических оборотов является их сокращение (эллипсис). Чаще всего такому изменению подвергается вторая часть фразеологизма. ФО *голод не тетка* представляет собой сокращение пословицы *голод не тетка, пирожка не подсунет*. Данное выражение выражает крайнюю степень нужды, когда человек готов на все, что угодно для удовлетворения своих потребностей. В демотиваторе (рис. 9) фразеологизм вербализируется и подкрепляется изображением (бутерброд из всевозможных продуктов). В качестве начинки используются продукты и изделия, которые обычно не употребляются в таком виде. Так демотиватор демонстрирует нужду в удовлетворении потребности человека в еде, указывает на недостаток средств.

Интересен демотиватор, вербальный компонент

Первый блин в коме

рис. 10

которого содержит трансформированный фразеологизм – *первый блин в коме* (рис. 10). Исходное устойчивое словосочетание выглядит следующим образом – *первый блин комом*. Данный фразеологизм используется для обозначения ситуации, когда

что-то не получается с первого раза. Изначально выражение не имело отношения к неудачам. Если обратиться к истории, то полная фраза выглядит так: *первый блин – комам, второй – знакомым, третий – дальней родне, а четвертый мне*. В древнеславянском языке комами называли медведей, которых очень уважали славяне. Со временем произошло фонетическое искажение слова (*комам* (кому?) – *комом* (чем?)). В составе известного многим фразеологизма происходит смена одного компонента – слово *ком* заменяется

на слово *кома* с совершенно иным значением. Само выражение и изображение являются несовместимыми с реалиями действительности, что и создаёт ситуацию юмора.

В демотиваторе (рис. 11) в качестве вербального компонента выступает популярное выражение – *пицца богов*, связанное с древнегреческой мифологией. В настоящее время так называют еду, отведав которой человек получает невероятное удовольствие. Корнями значение этого выражения уходит в представление людей о божественных трапезах. В демотиваторе юмористически обыгрывается данный фразеологизм. Невербальный компонент изображает человека, поедающего кастрюлю лапши быстрого приготовления с сосисками: соотносятся мир реальный и мир идеальный.

рис. 11

Компоненты следующего демотиватора (рис. 12) отсылают к фразеологизму *котелок не варит*. Это довольно распространённое просторечное выражение, означающее «голова не соображает». В данном демотиваторе не используется исходная форма отрицания (частица *не* отбрасывается), и значение фразеологизма меняется на противоположное. Слово *котелок* соотно-

рис. 12

сится со словом *голова*, а глагол *варить* соотносится с глаголом *соображать*, *думать*. Так, смысл вербального компонента демотиватора заключается в том, что если *голова* человека думает, то он не останется без того, чего желает. Буквальное изображение *котелка* на месте *головы* человека создаёт комический эффект.

Таким образом, вербальный компонент «кулинарных» демотиваторов может быть представлен трансформациями фразеологизмов. При этом они проявляются в виде семантических и / или формальных изменений. В исследовании встречены следующие изменения в составе фразеологизмов:

– сокращение компонента ФО (*суп с котом*); – сокращение целой части ФО (*голод не тетка*); – использование одного компонента ФО (*лапша и сказки*); – замена одного компонента ФО другим (*снимать лапшу с ушей, первый блин в коме*); – переоформление ФО (*котелок варит*). Семантические изменения связаны с использованием фразеологизмов в виде свободного словосочетания, где каждый компонент имеет собственное значение. К тому же на изменение семантики фразеологизмов влияют и формальные модификации. Стоит отметить, что фразеологизм может не вербализоваться, однако изображение позволяет его восстановить в контексте демотиватора.

Литература

1. Антонова Е.Н. Коммуникативное событие в образе паремий русского медийного дискурса // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 6-19.
2. Бугага – твоё хорошее настроение! // [Электронный ресурс]. URL: <https://bugaga.ru> (Дата обращения: 05.01.2023).
3. Бугаева И.В. Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика // [Электронный ресурс]. URL: [rastko.rs>filologija/ stil/2011/10Bugaeva.pdf](http://rastko.rs>filologija/stil/2011/10Bugaeva.pdf) (Дата обращения: 15.01.2023).
4. Гладкая Н.В. К вопросу о демотиваторах как неотъемлемой составляющей интернет-дискурса // Новые горизонты русистики. 2020. № 11. С. 14-20.
5. Канашина С.В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 24 с.
6. Кохтев Н.Н. Русская фразеология: учеб. пособие для иностранцев, изучающих рус. яз. М.: Рус. яз., 1986. 302 с.
7. Лату Н.М. Мемы и демотиваторы о самоизоляции: коррелирующие смысловые компоненты и типы семантических отношений // Вестник ВолГУ. 2022. Т. 21. № 4. С. 20-37.
8. Парфенова К.С. О трансформации фразеологизмов в текстах Санкт-петербургских газет // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 143-145.
9. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие для студентов филологических факультетов. М.: URSS, 2010. 265 с.

10. Demotivatorium // [Электронный ресурс]. URL: <https://demotivatorium.ru> (Дата обращения: 05.01.2023).

11. Mixer.lv // [Электронный ресурс]. URL: <https://mixnews.lv/tag/demotivatory> (Дата обращения: 05.01.2023).

УДК 81-13

А.А. Карачевцева (г. Курск, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. проф. О.С. Зубкова

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ИГРА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

В статье рассматривается понятие «ономастическая игра» как особый вид языковой игры, реализующий эффект аллюзии, на материале романа для подростков Мариам Петросян «Дом, в котором...». Предпринята попытка анализа наиболее ярких игровых образований произведения, выраженных в онимах, прозвищах героев произведения, в которых заложены не только трагические ноты взросления, но и личный взгляд писательницы на подростковую реальность. Клички, средством образования которых, является ономастический каламбур, – примеры эффекта языковой игры через призму комического на страницах художественного текста.

Ключевые слова: языковая игра, оним, оном, ономастическая игра, ономастический каламбур, антропоним, аллюзия.

The article discusses the concept of “onomastic game” as a special type of language game that realizes the effect of allusion in terms of the novel for teenagers by Mariam Petrosyan “The Gray House”. An attempt is made to analyze the most vivid game formations of the book. They are expressed in onoms, heroes’ nicknames, which express not only tragic notes of growing up but also the writer's personal view of teenage reality. The monikers of heroes that are formed with the help of onomastic pun are examples of a language game’s effect through the prism of the comic on the pages of a literary text.

Key words: language game, onym, onom, onomastic game, onomastic pun, anthroponym, allusion.

В сознании любого носителя языка феномен «языковая игра» ассоциируется с некоторой деятельностью, где её мотив заключается не в процессе, а в результате создания язы-

ковых единиц, имеющих эстетическую ценность как любое произведение искусства. Так, языковая игра, воспринимаемая в качестве «баловства» с различными приёмами звукового и словесного «обыгрывания», порождает остроумные многозначные слова и выражения в форме каламбуров, парадоксов, иронии, афоризмов, метафор, неологизмов или острот [10].

В лингвистической литературе термин «языковая игра» пропитан разным содержанием, но неизбежно является «важной составляющей, неизменным компонентом русской языковой деятельности» [5, с. 28–29]. В трудах отечественных лингвистов последних десятилетий: В.З. Санникова, Б.Ю. Нормана, Т.А. Гридиной, – теория языковой игры придерживалась курса заключения всеобъемлющего определения данного феномена. Каждый лингвист по-своему трактует отличительные особенности словесной игры: Б.Ю. Норман писал о языковой игре как об эстетически прекрасном явлении, нацеленном развеселить и рассмешить собеседника на грани нормы строения и функционирования языка [7, с. 7–10]. В.З. Санников трансформирует понятие «языковая игра» в «языковую шутку» (словесную форму комического), механизм которой основан на знании функционирования системы единиц языка и норм их использования посредством намеренного применения тропических и фигуральных возможностей языка с целью добиться юмористического обыгрывания жизненных ситуаций [9, с. 108–114]. Т.А. Гридина предлагает же рассматривать языковую игру как форму лингвокреативного мышления, функционирующего на ассоциативных механизмах, в которых заложен нестандартный языковой код вербальных знаков. По её мнению, интенция к языковой игре исходит из желания погружения в творческий процесс самореализации языковой личности в различных ситуациях речевой деятельности игрового дискурса [1, с. 9–12].

Придерживаясь указанных разносторонних определений, мы считаем, что языковая игра – яркий игровой приём, нарушение привычного и устойчивого в рамках функциональной системы языка на всех уровнях. «При этом необходимо помнить о тесном взаимодействии всех психических процессов – восприятия, памяти, мышления» [4, с.18]. Обра-

щаясь к разному роду образных и стилистических приёмов, субъект разрушает стереотипы речевого восприятия, воплощая в элементах языковой игры обусловленную образность, экспрессивность и оценочность через призму юмора.

В настоящее время игры с языком осуществляются повсеместно, но активным и постоянным «поставщиком» языковой игры на разных этапах развития языка выступает художественная литература, – кладёшь реализации языковых возможностей авторского стиля и персонажной индивидуализации [2, с. 58]. В художественном тексте автор вырабатывает оригинальную «технику» и подчёрк, воплощающий игровую тенденцию через героев своего произведения. Так, через «игрему» (термин Т.А. Гридиной), заключённую в именах собственных – кличках в подростковом романе «Дом, в котором...», Мариам Петросян повествует о беспощадной реальности в закрытом интернате подростков с тяжёлыми недугами: слепых, безруких, опорников, онкологических больных, сиамских близнецов. Клички героев не только служат инструментом для придания колорита художественному тексту, но и отражают идейный замысел самого автора, демонстрируют его мировоззрение через призму комического. В данном художественном произведении они подвергаются игровому переосмыслению с целью передачи нового содержания, транслирующего» мотивы и правила речевого поведения в деятельности выдуманного языкового коллектива романа» [6, с. 201]. Языковая игра редуцируется в ономастическую игру – игровую интерпретацию имён собственных, семантика которых связана с акцентированием или переключением ономастического стереотипа. Например, опираясь на типичные представления следующих ономов (кличек героев): *Стервятник, Соломон, Гомер, Гуль* и др., – Мариам Петросян интерпретирует имя, как знак, несущий социо- и этнокультурную информацию о его носителе.

Обратим, таким образом, внимание на авторскую ономастическую игру, реализующую эффект аллюзивности, анализируемого нами художественного произведения. Свобода перемещения ономов художественного произведения в номинативном пространстве создаёт условия для актуализации

различных аллюзий, выступающих общеизвестными намёками, понятными лишь жителям Дома и читателям. Следовательно, стереотипы-образы персонажей и стереотипы-ситуации, в которые они попадают, определяют смысл данных им автором кличек: «красный цвет» и «натура настоящего дракона», по определению жителей Дома, служат предпосылками нарицания одного из героев романа *Македонским*, в честь выдающегося полководца. Именно биография персонажа, которую можно узнать лишь из романа, является кодом интерпретации его имени.

Т.А. Гридина выделяет четыре основные тенденции обыгрывания аллюзивного онома:

- 1) создание ономастического каламбура;
- 2) символическая мотивация онома;
- 3) экспликация ассоциативного потенциала онома в производных от него апеллятивах;
- 4) характерологическая «мотивация» фамилий персонажей [1, с. 97].

Исходя из игровых образований романа, мы можем обратиться к данной дифференциации и с уверенностью утверждать о превращении языковой игры в ономастическую. В романе игрымы реализуют ономастический каламбур (что является подтверждением наличия одного из основных способов воплощения аллюзии через онома) и обращены к коннотативным и денотативным значениям языковых единиц. Рассмотрим более детально примеры ономов («ярлыков» задействованных персонажей), которые наделены функцией игровой доминанты.

Директор интерната по кличке *Акула* – один из первых персонажей, с которыми знакомится читатель. Аллюзивная игра, заданная писательницей, заключается в использовании ассоциативного потенциала «говорящих» имён/кличек. Аллюзивность ономастического каламбура вызывает у читателя запрограммированные не только автором, но и жизнью ассоциации: опасность, хитрость, непредсказуемость, ненасытность, кровожадность и др. Сущность *Акулы* раскрывается на первых страницах книги в беседе с основным персонажем, воспитанником интерната – *Курильщиком*. В разговоре с ним

директор занимает доминирующую позицию, издевательски демонстрируя своё отношение к юноше. «Не зря его прозвали Акулой. Он ею и был. Пятнистой, косоротой рыбиной, с глазами, глядящими в разные стороны. Она состарилась и, наверное, была не очень удачлива на охоте, если её веселила такая мелкая добыча, как я» [8, с. 15], – размышлял про себя *Курильщик*, понимая, что Дом – это игра, примерка масок и ролей, и клички здесь даются не просто так.

Курильщик – инвалид-опорник, от лица которого чаще всего идёт повествование в романе. Мариам Петросян, нарицая своих персонажей, всего один раз прибегает к физическим недугам воспитанников. Кличке «*Курильщик*» не присуща яркая ономастическая номинация как особый код передачи информации. Читатель сразу понимает, что кличка связана с пагубной привычкой персонажа – курением. Ситуация «крещения» подростка тоже очень непримечательна: его застукали курящим в учительском туалете.

Крёстным курильщика оказывается *Сфинкс*, «безрукий верзила», в прошлом носивший кличку «*Кузнечик*», доставшуюся ему от Ведьмы (существа из астрального плана) после того, как она увидела его «нёсшимся по лестнице». «У тебя в ногах будто по пружине запрягано», – сказала Ведьма новому на тот момент воспитаннику [8, с. 67]. По мнению *Курильщика*, *Сфинкс* – авторитетная личность Дома, а его речи всегда казались загадкой для обитателей. Более того, бывший *Кузнечик* был не по годам умным подростком, пробывшим 6 лет в Изнанке (мистической составляющей Дома). Оном «Сфинкс», являясь антропонимической моделью, обращён к культуре Древних Египтян, где сфинкс являлся стражем, охраняющим долины и покои фараонов. Так, мы можем провести параллель в ассоциативном восприятии клички персонажа героями и читателями, потому что в Доме *Сфинкс* – это «строгая заботливая мать» [8, с. 43], оберегающая своих подопечных, воспитанников Четвёртой группы. Кроме того, в скрытом смысле клички мы можем заметить ещё одну причинно-следственную связь, указывающую на сущность сфинксов, которые считались в Египте сверхъестественными существами, проводниками в загробный мир. Так мы узнаём

из романа, что *Сфинкс* – это связующее звено между Изнанкой и Домом, проводник в другое измерение.

Прозвище ещё одного героя, инвалида-колясочника, – «*Шакал Табаки*», представляет собой аллюзивный антропоним, через который передана национально-культурная коннотация, комизм восприятия которой определяется через призму аллюзии на древнеегипетского бога Анубиса, которого представляли с головой шакала и телом человека. Анубис – древнеегипетский бог погребальных ритуалов, «страж весов» на суде мёртвых, хранитель ядов и целебных трав. *Шакал Табаки* же является хранителем времени и артефактов Дома.

Появление клички «*Слепой*» оказывается тем единственным случаем, когда инвалидность подростка зафиксирована в роли потенциального материала антропонима, который своим внутренним значением сигнализирует об отличительных особенностях персонажа. Несмотря на то, что подросток по природе слеп, «в душе *Слепой* был взрослым отшельником» [8, с. 57], вожак Четвёртой группы и хозяином Дома.

В романе стоит выделить ещё один интересный аллюзивный каламбур – кличку «*Лорд*», которая связана с привлечением известного титула культурного «контекста» Великобритании. Отличительные черты этого персонажа – выдающаяся красота (*Курильщик* размышляет: «В жизни не встречал людей, на которых больно было смотреть из-за красоты» [8, с. 32]), вспыльчивый и раздражительный по характеру (на момент начало действия повествования имел максимальное число предупреждений в личном деле), возможная благородная родословная (*Табаки* сравнивал его с «злым эльфийским королём» [8, с. 31], в присутствии которого терялся «погребенный под кучей комплексов» [8, с. 256]; он рассказывал *Курильщику*, что в роду у *Лорда* были драконы, а на гербе красуется двуглавый ящер).

В романе Мариам Петросян придуманные клички героев в результате языковой игры передают глубокую ассоциативную многоплановость восприятия художественного произведения. В книге понятие «говорящее имя» не ограничива-

ется классом искусственных ономов, придуманных автором в характерологических целях, оно также включает имена выдуманных героев, на первый взгляд, с прозрачной фоновой информацией, но в истоках которой лежит индивидуальная история жизни персонажа. Таким образом, именно биография и характер героев обыгрываются для перехода в ономастическую игру, результатом которой оказывается маркирующая номинатема, обозначающая кличку персонажа.

Проанализированные нами игровые образования, с одной стороны, формируют авторский стиль повествования, являясь для писательницы одним из средств творческого самовыражения, с другой стороны, они связаны с типологическими признаками художественного стиля.

Итак, на примере современного художественного произведения «Дом, в котором...» мы наблюдаем эффект языковой игры, наделённый ассоциативной семантикой и олицетворяющий в себе разносторонние лингвокультурные характеристики. Языковая игра, беря на себя роль разрушителя языковых стереотипов, несёт информацию о языковой картине мира определённого общества и характеризует в данном случае объект номинации через коннотативные и денотативные значения. Используя игровой речевой код для реализации комического эффекта, она создаёт продукт, сталкивающий разнородные полисемичные лексемы в одном смысловом контексте, «основанном на вербальной проекции социально-культурного опыта» [3, с. 135].

Литература

1. Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008. 165 с.
2. Дидковская В.Г. Языковая игра в текстах современной литературы // Вестник Череповецкого государственного университета 2013. Т. 2. № 2. С. 57–61.
3. Зубкова О.С. Медицинская метафора как результат культурной фиксации в медицинской терминологии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2008. Т. 1. №5(19). С. 127–135.
4. Зубкова О.С. Номотетическая методика vs. методика живой речи // Теория языка и межкультурная коммуникация. № 1(11). 2012. С. 16–18.

5. Ильясова С.В., Амили Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2018. 296 с.
6. Кунщикова М.О. Имена собственные как источник языковой игры в речи искусственных билингвов // Электронный научный журнал Уральского федерального университета. 2022. Т. 19. №1. С. 201-208.
7. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта : Наука, 2006. 344 с.
8. Петросян Мариам. Дом, в котором... М.: Лайвбук, 2019. 992 с.
9. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
10. Энциклопедия Кругосвет: Языковая игра [Электронный ресурс] URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_IGRA.html (дата обращения: 20.10.2022)

УДК 811.161.1

Е.Н. Малова (г. Чебоксары, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. О.А. Димитриева

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В КУЛИНАРНОМ
РЕЦЕПТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЦЕПТОВ
А. ЗИМИНА И Е. ЧЕКАЛОВОЙ В ЖУРНАЛЕ
«КОММЕРСАНТЬ WEEKEND»)**

*ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический
университет имени И. Я. Яковлева»*

В рецептах А. Зими́на и Е. Чекаловой из журнала «Коммерсантъ Weekend» встречаются следующие составляющие прецедентного феномена: прецедентное высказывание и прецедентная ситуация. В работе представлен анализ функционирования прецедентных феноменов, в основе которых поговорка, фразеологизм, математическое свойство и песня в зависимости от места их расположения: в заголовке кулинарного рецепта или в этапах приготовления.

Ключевые слова: кулинарный дискурс, кулинарный рецепт, прецедентный феномен, семантика.

The recipes of A. Zimin and E. Chekalova from the Kommersant Weekend magazine contain the following components of a precedent phenomenon: a precedent statement and a precedent situation. The paper presents an analysis of the functioning of precedent phenomena, which

are based on a saying, phraseology, mathematical property and song, depending on the place of their use.

Key words: culinary discourse, culinary recipe, precedent phenomenon, semantics.

В научной литературе кулинарный рецепт определяется не только как «набор отдельно стоящих предложений-указаний, как приготовить блюдо, но и как связный текст, обладающий определенными признаками и выполняющий определенные функции» [1, с. 210]. Выделяют коммуникативную, социальную, системную, когнитивную, историческую, дидактическую, эмоциональную и др. функции такого текста [1, с. 211].

Материалом для данного исследования послужили фрагменты, извлеченные из кулинарных рецептов Алексея Зимина и Елены Чекаловой, опубликованные в журнале «Коммерсантъ Weekend». В их состав входят прецедентные тексты, которые органично вписываются в контекст рецепта, создают определенный культурный фон и апеллируют к знаниям читателя. Нами частично изучены прецедентные тексты на материале рецептов Е. Чекаловой [8].

Труды Ю.Н. Караулова [4], Ю.А. Сорокина [11], Ю.Е. Прохорова [10], И.М. Михалева [11], Р.З. Назаровой [9], В.А. Ефремова [3] и др. посвящены изучению понятий, ключевым словом которых является слово прецедентный: «прецедентный текст», «прецедентное высказывание», «текстовая реминисценция», «прецедентная текстовая реминисценция» [7, с. 5].

Так, Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты как «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216].

Ю.А. Сорокин и И.М. Михалева расширяют определение Ю.Н. Караулова: «ПТ – это некоторые вербальные микро- и макроединицы плана/сценария, указывающие на когни-

тивно-эмотивные и аксиологические отношения в плане/сценарии, это некоторые избирательные признаки, сопоставляющиеся с другими «заимствованными» и оригинальными признаками для создания «эстетической видимости»/типологического образа», «это, прежде всего, средства когнитивно-эмотивной и аксиологической фокусировки смысловой массы художественного текста, указывающие на глубину индивидуальной и групповой (социальной) памяти и свидетельствующие о способах художественной «обработки» актуальных для нас вопросов и проблем» [11, с. 104; 113].

В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова пишут о понятии «логоэпистема» и отмечают, что «ядро логоэпистем связано с прецедентными текстами» [6, с. 29]. По мнению ученых, «логоэпистемы можно назвать символами чего-то, стоящего за ними, сигналами, заставляющими вспомнить некоторое фоновое знание, некоторый текст, сама же логоэпистема представляется тогда эмблемой, сверткой символики текста, единицей описания текста в лингвокультурном аспекте» [6, с. 25]. Сущность прецедентного текста близка к определению «логоэпистем», ведь для прецедентных феноменов присуще свойство интертекстуальности. То есть «присутствие в тексте элементов других текстов, его восприятие как частицы общего дискурса и – шире – как элемента национальной культуры» [13, с. 48]. В своей работе мы будем опираться на классификацию прецедентных феноменов в исследовании И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. Так, прецедентная ситуация (ПС) определяется следующим образом: «некая “эталонная”, “идеальная” ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя» [2, с. 83].

Рассмотрим сначала прецедентные феномены в заголовке кулинарных рецептов, а затем в самом рецепте.

Прецедентный феномен в наименовании рецепта

«Жизнь за царя», – так озаглавлен кулинарный текст Алексея Зимина о способе приготовления популярного салата «Цезарь» (Жизнь за царя: Еда с Алексеем Зиминим // KW.

№45 от 25.11.2011). Автор долго сохраняет интригу о самом блюде, не раскрывает сразу, о чем именно пойдет речь. Начинает Алексей Зимин с фанфаронской мысли одного из отцов гастрономизма Жан-Антельма-Брийя-Саварена, что «открытие нового блюда приносит человечеству больше пользы, чем открытие новой звезды». Далее речь идет об истории создания еще не известного кулинарного шедевра: итальянец Цезарь Кардини был обладателем двух ресторанов в Сакраменто и в Сан-Диего. Когда на кухне ресторана не оказалось готовой еды, Цезарь Кардини не растерялся и приготовил салат из листьев романо, лимонного сока, оливкового масла, сырых яичных желтков, хлебных крутонов, чеснока, вустерширского соуса и пармезанского сыра. Алексей Зимин пишет, что именно этот форс-мажор стал звездным часом Цезаря.

Теперь, когда автор раскрыл сам продукт приготовления, повествование о становлении салата «Цезарь» не прекращается. Зимин дополняет, что блюдо породило массу судебных тяжб, так как почти все сменявшиеся повара заявили, что рецепт салата принадлежит им. Только после изложения фактов о салате, шеф-повар переходит к самому рецепту.

Прецедентный феномен не случайно вынесен в заглавие. «Жизнь за царя» – это название оперы Михаила Ивановича Глинки, где рассказывается о событиях 1612-1613 годов, связанных с походом польского войска на Москву. Первоначальное название оперы было «Иван Сусанин», но за несколько дней до премьеры Михаил Иванович переименовал её (теперь, конечно, она нам известна под ее первоначальным названием). Прецедентное высказывание подчеркивает здесь значимость салата, который А. Зимин называет «королём кухни».

Еда, по Алексею Зимину, «это порождение контекста: культурного, природного, экономического, политического». Он считает, что «аутентизм любой кухни состоит сразу из всех этих вводных, и при попытке выделить из ряда только что-то одно аутентизм разрушается». Именно на этом основано разочарование, которое большинство впечатлительных туристов испытывают при встрече с любимой едой в нети-

пичных для нее обстоятельствах. С такого рода рассуждения начинается рецепт, название которого в основе своем содержит прецедентное высказывание «Вернуться к не нашим баранам» (Вернуться к не нашим баранам: Алексей Зимин о пряной баранине с изюмом и миндалем// KW. №14 от 20.04.12).

Стоит отметить, что поговорка намеренно изменена автором рецепта. С добавлением отрицательной частицы «не» переиначивается и смысл. Само высказывание «вернемся к нашим баранам» означает «вернемся к сути вопроса, мы отклонились от первоначальной темы». Выражение пришло в язык из уличной французской театральной постановки времен 15-го века про адвоката Патлена. Алексей Зимин вовсе не придерживается такого значения используемой в заглавии фразы. Автор с помощью прецедентного феномена делает акцент на том, что продукт, который подвергается кулинарной переработке (баранина), будет приготовлен иначе, то есть способом непривычным для типичного русского человека.

Алексей Зимин предлагает рецепт пряной баранины с изюмом и миндалем. Такой способ подачи блюда он унаследовал из книги «Кухня Магриба», купленной в ливанском магазине «Зеленая долина», «лучшем в Лондоне ближневосточном супермаркете».

В основе наименования другого рецепта Алексея Зимина «Эксцессы на горошине» (Эксцессы на горошине: Алексей Зимин о супе из нута с кальмарами // KW. №4 от 07.02.2014) известный фразеологизм «принцесса на горошине», который употребляется для описания изнеженного и капризного человека, выросшего в тепличных условиях. Происхождением фразеологизм обязан одноименной сказки Г.-Х. Андерсена (1835), в которой сын короля должен был жениться лишь на настоящей принцессе. Проверкой стала горошина, положенная под двенадцать перин, на которых и спала принцесса. Автор рецепта трансформирует выражение: заменяет слово «принцесса» на термин из психологии «эксцессы, таким образом усложняя восприятие текста. Также

следует подчеркнуть, что указанные два слова схожи по своему звучанию.

В качестве эксцессов в анализируемом рецепте выступают блюда, где главным ингредиентом служит турецкий горох нут. Шеф-повар делится несколькими необычными способами приготовления данного продукта. Во вступлении рецепта автор пишет, что «в итальянской Умбрии ему довелось видеть что-то вроде нутового культа, когда крупные, желтые, почти как кукуруза, горошины там коптят в дыме из сена, замачивают с содой, а потом варят несколько часов и подают, сбрызнув зеленым оливковым маслом, под бокал белого сухого пино-гриджо с соломенным привкусом». Употребление такого «гастрономического взрыва» Алексей Зимин уподобляет «откусыванию от вечности»

В основной части рекомендации по приготовлению автор гостроблога дает сразу два рецепта супа-пюре из нута. Если следовать первому способу, то можно вкушать блюдо «только на следующий день», потому как на его приготовление уходит достаточно немалое количество часов. Именно поэтому Алексей Зимин советует использовать запас консервированного нута. Если придерживаться второго способа, то блюдо будет готово уже через двадцать минут. Следовательно, эксцессом, то есть крайним способом приготовления нута, нарушающим норму, является использование пищевого продукта в консервированном виде.

Прецедентный феномен в содержании рецепта

В основной части рецепта прецедентные тексты встречаются намного чаще. Вероятно, создатель кулинарной рубрики заботится о читателе, потому что указание в наименовании рецепта самого продукта, из которого состоит блюдо, во многом облегчает работу человека, который собирается приступить к готовке. Прецедентные феномены, безусловно, делают текст ярче и содержательнее, однако использование их в заголовках может усложнить поисковую деятельность того, кто собирается воспользоваться рекомендацией.

Например, в сущность названия рецепта «Места слагаемых» (Места слагаемых: Алексей Зимин о лососе с ванильным соусом и укропной сметаной// KW. №44 от 16.11.2012)

положен всем известный математический закон сложения (от перестановки слагаемых сумма не меняется), который, на первый взгляд, никак не относится к процессу приготовления блюда. Однако Алексей Зимин развивает «математическую» тему далее, в основной части рецепта. Автор пишет: «Люди привыкают к перестановкам мест слагаемых даже тогда, когда от этой перестановки начинает изменяться сумма». Это ПВ и есть переместительное свойство сложения, которое создатель рецепта интерпретирует по-своему. А. Зимин «переворачивает» правило, потому что рассматривает его с точки зрения кулинарии.

По мнению повара, в современном мире люди привыкли к изменению сумме (то есть вкуса) от перестановки мест слагаемых. Под слагаемыми автор подразумевает различного рода продукты. Например, тридцать лет назад «белое вино – к рыбе, красное – к мясу» служили догматическими сочетаниями, сегодня любой сомелье скажет, что это не так. А. Зимин утверждает, что в настоящее время люди с удовольствием употребляют в пищу замаринованную рыбу, хотя в середине 20-го века это было трудно представить. Рецепт под таким необычным названием посвящен блюду из лосося с ванильным соусом и укропной сметаной. Если следовать рекомендации, то «свежее филе необходимо посыпать солью, сахаром, молотым черным перцем, рубленым укропом и лимонной цедрой и завернуть в пищевую пленку. После чего – отправить в холодильник. Через три часа рыба готова к употреблению». Так А. Зимин мастерски использовал правило сложения в готовке, где в качестве слагаемых функционирует свежая рыба и приправа, а в сумме получился новый вкус, который так полюбился людям.

Алексей Зимин отдает предпочтение названиям, которые не раскрывают содержания самого рецепта. Например, следующая кулинарная заметка «В мокром остатке» о рыбном супе. Создатель кулинарной рубрики включает в повествование ПВ «век живи – век учись» (В мокром остатке: Еда с Алексеем Зиминим // КВ. № 2 от 27.01.2012). Значение поговорки сводится к следующему: всегда следует чему-либо учиться, даже будучи очень опытным. Алексей Зимин счита-

ет, что если бы не стремление людей постоянно изучать мир, то человечество никогда бы не познало прелести средиземноморской кухни. Ведь только благодаря традициям морских купаний мы сегодня можем вкусить тунца, омара и др.

Елена Чекалова в рецепте «Королевская курица в горшке» также сначала обращается к истории блюда. В кулинарной рубрике отмечены слова Генриха IV, который заявил о том, что «в королевстве не будет ни одного пахаря, который не мог бы себе позволить курицу в горшке». Король сдержал свое слово. Генрих IV получил прозвище «добрый Анри», а *la Poule au Pot* – курица в горшке – стала национальным блюдом Франции. Тогда Елена Чекалова заключает: «Все могут короли» (Королевская курица в горшке: Еда с Еленой Чекаловой // KW. №42 от 02.12.2022). Это ПВ – строчка из песни Бориса Рычкова на стихи Леонида Дербенёва из репертуара Аллы Пугачёвой. Е. Чекалова использует прецедентный феномен в качестве своеобразного вывода к сказанному.

Обращения к музыкальным композициям из репертуара Аллы Пугачевой в рецептах представительницы женского пола не единичны. Следующий прецедентный текст связан со словами из песни эстрадной певицы на стихи Андрея Вознесенского «Миллион алых роз». Автор рецепта использует антитезу: противопоставляет дешевые продукты (промышленная томатная паста, консервированные помидоры, сухие специи) и роскошь Грузии. Для того чтобы подчеркнуть изящество и шик этой страны, составитель рецепта проводит параллель с миллионом алых роз. *Да, недешево выходит, но ведь и Грузия – она не про экономность, а про «миллион алых роз»* (Нежно томленное мясо с томатами, луком и травами: Еда с Еленой Чекаловой // KW. №4 от 19.02.2021). В основе песни сюжет легенды об удивительном поступке грузинского художника Нико Пиромани, питавшего неразделенную любовь к французской актрисе Маргарите де Севр.

Спагетти с интересным названием «Уплывшие рыбки» Елена Чекалова считает невероятно вкусным блюдом, хотя главный ингредиент в нём всего лишь крошки сухого хлеба. Несмотря на то, что эта паста без сардин, она имеет ярко вы-

раженный рыбный вкус и аромат, потому что хлеб необходимо заранее поджарить в масле от консервированной продукции. Именно в этом кроется «загадка» названия яства. Процесс употребления такого «хитрого» блюда приносит большое удовольствие, а после во рту остается долгое послевкусие. Е. Чекалова в финале рецепта раскрывает свою мечту о сицилийском солнце, ведь именно в Сицилии это блюдо обязательно для официальных застолий. Автор выражает свою надежду на желанный отпуск прецедентным высказыванием из песни «А знаешь, всё еще будет» на стихи Вероники Тушновой: «Кто знает, может, всё еще будет» (Спагетти «Уплывшие рыбки»: Еда с Еленой Чекаловой // KW. № 38 от 04.11.2022).

Елена Чекалова как знаток русской словесности не обходится без прецедентных феноменов из литературы. Например, говоря о куриной грудке с соленым лимоном, автор рецепта делится своим опытом первой дегустации данного блюда и подчеркивает, что этот опыт стал для неё положительным. Соленый лимон – это «древний ферментированный продукт». Е. Чекалова пишет, что его рецепт найден еще в египетском трактате, а после добавляет: *«В веке нынешнем, когда ферментизация вновь оказалась важнейшим гастрономическим трендом, амбассадором соленых лимонов в Европе стала Клаудиа Роден»* (Куриные грудки с соленым лимоном: Еда с Еленой Чекаловой // KW. №26 от 09.07.2022). Информирова своих читателей о новом факте, который относится к настоящему времени, Елена Чекалова использует прецедентное выражение «век нынешний» из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Или следующий пример прецедентного высказывания: *«Люблю сморчки в начале мая! И в середине, разумеется. А в 20-х числах уже грущу, что их сезон неумолимо заканчивается»* (Сморчок с мозгами: Елена Чекалова о телячьих котлетах на косточке со сморчками и говяжьим костным мозгом // KW. № 18 от 22.05. 2015). Здесь прецедентный феномен – преобразованная строчка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Весенняя гроза»: *Люблю грозу в начале мая*. Создатель рецепта заменяет «грозу» на «сморчки» потому, что сезон этого

вида грибов приходится как раз на начало–середину указанного месяца. Елена Чекалова использует прецедентный феномен, чтобы с помощью него подчеркнуть благоприятное время года, когда сморчки следует приготовить, а также своё отношение к закуске.

Таким образом, прецедентные тексты функционируют в кулинарных рецептах как во вступлении, так и в заключении в качестве оригинального вывода. Алексей Зимин чаще обращается к прецедентным феноменам в назывании того или иного кулинарного изыска: «Жизнь за царя», «Вернуться к не нашим баранам», «Экссессы на горошине». Его реминисценции всегда вызывают трудности в истолковании, потому что берут своё происхождение из точных наук («Места слагаемых»), дисциплин, исследующих прошлое, изучающих закономерности и механизмы психической деятельности и др. Что касается Елены Чекаловой, то она предпочитает вводить ясность и легкость в свои рассуждения: в названиях рецептов указывает конкретные продукты для блюда, а прецедентные тексты использует такие, которые будут понятны любой домохозяйке. Например, ПВ из песен является её излюбленной формой передачи мыслей («Всё могут короли», «Грузия – она не про экономность, а про миллион алых роз»).

Литература

1. Волкова А.Ю. Текст кулинарного рецепта в свете современных теорий текста // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 8. С. 209–212.
2. Захаренко В.В., Красных В.В., Багаева Д.Б., Изотов А.И. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 82–103.
3. Ефремов В.А. Культурная память и прецедентные феномены: случай Ф.М. Достоевского // Мир русского слова. 2021. №4. С. 65–72.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
5. Коммерсантъ Weekend // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/weekend> (Дата обращения: 10.11.2022).
6. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Современный русский язык и культурная память // Этнокультурная специфика речевой

деятельности: сборник обзоров / Центр гуманит. науч.-информ. исслед., Отд. языкознания; Редкол.: Трошина Н.Н. (отв. ред.) и др. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 20–32.

7. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык сознание коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 5–12.

8. Малова Е.Н. Когнитивно-дискурсивный анализ кулинарных рецептов: прецедентные тексты // Мы говорим на одном языке: материалы X междунар. научно-практ. конф. СПб. : РГТМУ, 2022. С. 96–101.

9. Назарова Р.З., Золотарев М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 2. С. 17–23.

10. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: URSS, 2005. 224 с.

11. Сорокин Ю.А., Михалева И.М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 98–117.

12. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–29.

13. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: учебное пособие. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. 248 с.

УДК 811'161.1.06

М.В. Михайлова (г. Самара, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. В.Л. Карякина
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ
МОДАЛЬНОСТИ В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА
«КРАСАВИЦА»

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В статье рассматриваются языковые средства выражения позиции автора в рассказе В.В. Набокова «Красавица» и особенности их функционирования. Описаны случаи использования эксплицит-

ных и имплицитных средств выражения категории модальности на разных уровнях текста. Сделана попытка определить специфику средств выражения категории модальности каждой группы, обозначить их роль в объективации авторского отношения к героям рассказа и описываемым в нем событиям.

Ключевые слова: модальность, субъективная модальность, объективная модальность, текстовая модальность, авторская модальность, эксплицитные средства, имплицитные средства.

The article deals with the linguistic means of expressing the author's position in the story by V.V. Nabokov "Beauty" and features of their functioning. Cases of using explicit and implicit means of expressing the category of modality at different levels of the text are described. An attempt is made to determine the specifics of the means of expressing the category of modality of each group, to identify their role in the objectification of the author's attitude towards the characters of the story and the events described in it.

Key words: modality, subjective modality, objective modality, textual modality, author's modality, explicit means, implicit means.

Модальность относится к числу актуальных категорий в современной лингвистике. Языковая модальность, то есть модальность предложения, функционирующего как высказывание, получила довольно солидную разработку в языкознании, в то время как модальность текста, особенно художественного, и способы ее выражения остаются недостаточно изученными.

Известно, что впервые модальность как текстовую категорию обозначил И.Р. Гальперин, представивший сущность категории модальности текста через ряд признаков: субъективная по природе, в тексте она носит не грамматический, а функционально-семантический характер, проявляясь неравномерно в разных фрагментах текста и выражаясь через характеристику героев, распределение отрезков текста, сентенции автора, актуализацию отдельных частей текста и др. [6, с. 116].

Авторская модальность – вид субъективной модальности внутри художественного текста, которая проявляется через выражение в тексте отношения автора к излагаемой информации, его авторской концепции, ценностных ориентаций, предлагаемых им читателю [4].

Согласно концепции З.Я. Тураевой, в тексте существует два вида информации – явная и скрытая [9]. Они связаны с двумя способами выражения мысли автора – эксплицитным и имплицитным. Уровни языка, на которых более ярко проявляется авторская модальность в имплицитном или эксплицитном выражении, – лексико-семантический, лексико-стилистический, морфологический и синтаксический.

Рассказ В.В. Набокова «Красавица» был написан в 1934 году по мотивам произведения И.А. Бунина «Лёгкое дыхание» [2, с. 380]. Его главная героиня, Ольга Алексеевна, считающаяся настоящей красавицей, окружённой поклонниками, – одинокая женщина, пережившая семейную трагедию и вынужденная уехать в эмиграцию. Спустя время, познав нищету как материальную, так и душевную, героиня вынуждена выйти замуж для обретения стабильности и благополучия, однако вскоре она умирает от родов. Проблематику рассказа набоковеды связывают с постижением душевной смерти перед смертью телесной – и необходимостью бороться за свою внутреннюю, моральную жизнь [7].

Условно произведение делится на две части, каждая из которых обладает своими особенностями использования средств модальности: первая связана со светлым и весёлым периодом в жизни героини, когда она была юна и обеспечена, а вторая показывает взросление обедневшей, томимой одиночеством и воспоминаниями о России девушки. Мы часто будем опираться на это композиционное построение, чтобы интерпретировать средства модальности внутри текстового поля.

Эксплицитные средства выражения авторской модальности

К лексико-семантическим средствам выражения авторской модальности относятся прежде всего лексические средства, способные производить эмоциональный эффект, отражать отношение говорящего к высказываемому.

В первой части рассказа индивидуально-авторские составляющие образа главной героини совпадают с принятым в обществе представлением о красивой девушке. Чувственная ткань предметного содержания образа представлена с доминирующей

нированием зрительной модальности и имеет положительную оценку. Личностный смысл «красота» в первой части включает смыслы «благосостояние», «беспечность», которые всегда в прозе Набокова имеют положительную коннотативную окраску. Рассмотрим это на конкретных примерах из произведения.

1. Оценка внешности: *«бледная девочка в белой матроске», «весёлыми глазами», «красавица», «чистота профиля», и др.* Чаще всего перед нами зрительный образ героини. Автор использует цвет (солнце и «иней петербургских скверов»), описывает портретные детали, обращает особое внимание на глаза – *«...и такими весёлыми глазами, что её все целовали в глаза»*. Но есть в рассказе и такая положительная оценка, которая воспринимается не только зрительно: *«шелковистая коса», «мягкая грудь», «свободно говорила по-французски, очень убедительно картавя»* и др.

2. Оценка, характеризующая характер, образ жизни, физическое проявление эмоций: *«Ольга Алексеевна, о которой сейчас будет речь, родилась в 1900 году в богатой, беспечной, дворянской семье...»* Оценочная лексика – *богатая и беспечная. «Нарядно, покойно и весело, как исстари у нас повелось, прошло это детство...»* Оценка заключена в наречиях *нарядно, покойно, весело*. Начальные образы рассказа пропитаны положительными эмоциями. В первой части рассказа повествователь «любуется» героиней, её красота неразрывно связана со счастливой, благополучной жизнью ее семьи в дореволюционной России.

Эмотивная и аксиологическая лексика с отрицательной коннотацией активно встречается в рассказе с наступлением второй части, когда героиня уезжает из России. Во второй части рассказа героиню преследует утраченный образ своей страны, дома, образ-воспоминание: *«запас таких воспоминаний и составил то единственное приданное, которое оказалось у нее при выходе из России весной 1919 года»*. Ольга Алексеевна – *«все та же красавица...»*, но *«волосы потеряли лоск, были плохо подстрижены, руки с блестящими, но неряшливыми ногтями были в выпуклых жилках и дрожали от нервности...»*. Эмоциональный фон рассказа резко меня-

ется на отрицательный, неразрывно связанный со смыслами «бедность», «эмиграция»: «...теперь, когда такая усталость...»; «...ненависть сделалась столь привычной, что почти перестала быть грехом...».

Некоторые слова и словосочетания Набокова получают оценочно эмоциональную окрашенность только в контексте. Так, словосочетание «*выражение сложенных губ*», входящее в ряд однородных положительно оценочных лексем («*чистота профиля, выражение сложенных губ, шелковистость косы, доходившей до спинной впадинки, – все это и в самом деле было очаровательно*»), становится обозначением положительной черты, не требующей конкретизации.

В.В. Набоков часто включает в текст произведение эпитеты, выражающие его оценку как героини, так и происшествий, с ней связанных: «*классический иней*», «*старосветские речения*», «*в оптимистическом предприятии*», «*сдавленным голосом*», «*чистые, широко раскрытые глаза*», «*дешёвые уроки французского языка*», «*очаровательный разрез глаз*», «*неряшливые ногти*», «*хулиганское курение*», «*беглый грош*», «*привычная ненависть*» и др. Эпитеты более ясно выражают динамику авторской оценки: в начале рассказа автор использует эпитеты с положительной коннотацией, однако по мере развития сюжета актуализируются определения с отрицательной эмоционально-экспрессивной окрашенностью, показывающие неодобрение автором образа жизни Ольги Алексеевны в эмиграции.

Морфологические средства выражения авторской модальности

В рассказе «Красавица» В. Набоков в непривычном ключе использует существительные – часто они отражают описание человека, его привычки и образ жизни через вещи: одежду, канцелярские принадлежности, детали в руках. Так автор описывает всех второстепенных персонажей. Верочку – через множество пакетов в её руках, «мохноглазого» терьера на поводке. Интересно описание её мужа: «...пожилой балтиец – обритая голова, монокль». Форсман тоже описывается при помощи существительных: «русский немец», «автор», «вдовец», «спортсмен». Скудность описаний таким

образом подчёркивает авторское отношение к персонажам: это уже давно сформированные личности, которых легко разгадать; они почти не представляют для него интереса.

Глаголы используются в форме прошедшего времени, создавая иллюзию воспоминания повествователя. Кроме того, сухое перечисление событий жизни героини, в том числе трагичных и драматических, создает ощущение отстраненности, даже некоторой циничности рассказчика, внимание которого сосредоточено на мелочах, деталях внешности и поведения персонажей, а не на их внутренних переживаниях.

Форма сослагательного наклонения отсылает к разрушительной силе красоты героини рассказа: «...не было гимназиста, который не собирался бы из-за неё стреляться». Здесь мы видим преувеличение факта, вызванного восприятием автора. Предполагаем, что он хотел показать влияние красоты Ольги на окружающих людей, возможность иного развития судьбы героини, без зависимости от мещанского общества и пошлой, кратковременной моды.

Часто используются неопределённые местоимения: «ну и еще кое-чего ей недоставало», «кого-то нет, кого-то жаль», «но вот жизнь потемнела; что-то кончилось, уже вставали, чтобы уходить». Автор будто подчёркивает свой скептицизм по отношению к ранним желаниям героини – они искусственны и не способны принести ей истинное счастье.

Частицы – служебные слова, выражающие дополнительные смысловые оттенки предложения, сочетаний и отдельных слов. Набоков использует частицы в рассказе чаще всего для того, чтобы описать действия или абстрактную цель героини. Разделим их на несколько групп в зависимости от семантики дополнительного значения в тексте.

1. «А ведь всё это было», «но всё-таки очень красивым» – усилительное значение, подразумевающее под собой свидетельство автора описываемых явлений.

2. «Всё было как-то не так», «что-то кончилось», «ещё кое-чего ей не доставало» – частицы образуют неопределённые местоимения, которые передают ощущение неустойчивости положения героини, зыбкость её желаний, незнание их.

3. «Как прелестно поднимала она бокал...», «как любила в углу на диване обсуждать...», «как сочувственно улыбались при этом ее чистые глаза...» – повторяющаяся восклицательная частица *как* выражает восхищение автора обликом героини и в то же время его иронию по отношению к времяпрепровождению Ольги Алексеевны и ее окружения. Синтаксис рассказов В.В. Набокова очень разнообразен. Часто Набоков использует однородные члены, создавая градацию, усиление смыслов: «не было гимназиста, <...>, не было студента»; «цветы, которые лень поставить в воду; прогулки в сумерки то с этим, то с тем; тупики поцелуев», «теперь, когда в сумке внутренности были так изодраны; теперь, когда такая усталость...; теперь, когда, надевая единственные башмаки...» В последнем примере многоточие стоит рядом с точкой с запятой, что необычно в синтаксических конструкциях. Также частотность предложений, осложненных рядами однородных членов, может быть обусловлена стремлением автора показать суетность человеческой жизни, мелькание череды событий, которые воспринимаются как обыденность. Это способствует восприятию читателем автора как стороннего наблюдателя круговорота жизни, с кажущимся отстранением повествующего о судьбе героини рассказа.

Имплицитные средства выражения авторской модальности

Слово «красавица» содержит в себе оценочный компонент, так как она подразумевает положительную оценку говорящего. Очевидно, что доминирование зрительной репрезентативной системы заложено уже в названии, в чувственной ткани значения данного слова, поскольку идентификация самого явления красоты предполагает прежде всего использование органов зрительного восприятия. Название будто предлагает читателя задуматься не только о вопросе действительной красоты героини (и о красоте ли ведётся здесь речь), но и о собственном отношении к ней со стороны В.В. Набокова – есть ли в его определении ирония или насмешка.

В финале рассказа вместо того, чтобы использовать привычное для читателя описание смерти героини, автор

вставляет цитату из «его любимой сказки», на первый взгляд будто вырванную из контекста и не принадлежащую произведению: *«Какая стрела летит вечно? – Стрела, попавшая в цель»*. М.А. Дмитриевская в своей статье «Стрела, попавшая в цель. Телеология В. Набокова и Г. Газданова» приходит к мысли, что В.В. Набоков затрагивает проблему жизненной цели в рассказе: «Достижение цели ставит точку в стремлении к ней. За этим нет ничего, и это ничто непротиворечивым образом оборачивается смертью. Вечностью в ретроспективе обладает лишь бывшее движение, лишь одно оно составляет неоспоримый и не подлежащий сомнению факт, лишь оно являет свою бытийственную сущность» [7].

Лексико-стилистические средства

Имена собственные. Имя Ольга означает «светлая», «святая» и по одной из версий берёт начало из древнеславянского языка. Принадлежащая к своей родной стране – России, она уезжает, теряя свои именные славянские корни. Интересно, что Набоков использует полную версию имени героини и называет её по отчеству, подчёркивая её прежний статус и акцентируя внимание на своём уважительном отношении к ней.

Слова высокого стиля с символическим значением. Ольге не предлагают быть женой, её просят стать *«супругой»*, что значит гораздо больше. Это значит идти рядом, вместе переносить все тяготы. Этим словом автор передает всю важность момента для своей героини. Это слово становится символом новой, будущей жизни.

Диминутивы. «Верочка» – уменьшительно-ласкательная форма имени, указывающая на положительное расположение автора к персонажу. *«Говорок»*, *«тончик»*, *«сизоватая»*, *«дача»*, *«шумок»*, *«проделки»* и другие диминутивы, описывающее искусственное и неодобряемое автором общество Ольги.

Окказионализмы. У Набокова часто в произведениях встречается лексика, неупотребляемая в той форме, в какой она предстаёт в тексте. В «Красавице» мы подобные слова тоже можем наблюдать, по большей части в речи самой Ольги: *«пошли в кинемоньку»*, *«вчера ходили в дело»*. В данном слу-

чае окказионализмы подчёркивают искусственное стремление героини заимствовать лексику своего общества, что не одобряется автором. Интересно и слово «*смехотун*», которое обозначает в контексте внезапный, несдержанный приступ смеха. Окказионализмы носят потребность подчеркнуть своё отношение к предмету речи, дать ему свою авторскую характеристику, оценку.

Колоративы. В данном рассказе интересными из себя представляют словосочетания «*белая матроска*», «*бледное лицо*», «*белая шея*», «*белая терраса*» – белый цвет указывает на чистоту и непорочность героини. «*Чёрный костюм*», который приходит после «*белой матроски*» символизирует упадок облика героини, её мрачный период в жизни. Мы видим, что в цветовой гамме рассказа есть динамика от светлых тонов к тёмным, причём этот контраст очень сильный, так как мы сравниваем диаметрально противоположные оттенки – белый и чёрный. Это противопоставление напрямую соотносится с изменением в жизни самой героини, ещё раз подчёркивая переход от светлой жизни к мрачному существованию.

Пейоративы. Слова или словосочетания, которые отражают отрицательную оценку чего-либо или кого-либо; неодобрение, порицание, отвращение и др. Слово «*хам*», которое произносит Ольга Алексеевна, выражает отношение её не только к подлым людям, но и вообще к несчастливой жизни. Само слово несет в себе явную коннотацию отрицательной оценки, героиня же использует его абсолютно во всех ситуациях, положительных и отрицательных, догадаться об оценке, которую несет это слово можно только по манере произнесения, на которую читателю указывает автор.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводам:

1. В качестве эксплицитных лексических средств Набоков чаще всего использует эмоционально-оценочную лексику, причем в начале рассказа преобладают слова с положительной коннотацией, среди которых самые частые – существительные и прилагательные, характеризующие внешность героини, пространство вокруг неё. Во второй части домини-

руют слова с отрицательной оценкой, контрастирующие со словами первой части, – *нарядно/бедно, весёлый/неряшливый, чистота/грех, покой/нервность* и др.

2. Ключевой троп (лексико-стилистические средства) – эпитет – автор использует в первой части рассказа с положительной коннотацией, далее актуализируются определения с отрицательной эмоционально-экспрессивной окрашенностью, показывающие неодобрение автором образа жизни Ольги Алексеевны в эмиграции.

3. Среди морфологических единиц самыми яркими средствами выражения авторской модальности являются частицы и неопределённые местоимения, которые в сочетании с другими лингвистическими средствами репрезентируют авторское отношение к героине рассказа и ее судьбе.

4. Среди синтаксических средств выделяем:

а) предложения, осложненные рядами однородных членов, преимущественно однородных сказуемых (данные конструкции используются автором, с одной стороны, для демонстрации быстротечности, суетности и обыденности событий жизни героини, а с другой, для передачи внутреннего состояния Ольги Алексеевны через ее действия);

б) предложения, осложнённые синтаксическим повтором для градации, усиления эмоционального воздействия;

в) неоконченные предложения, которые автор использует для подчеркивания контраста между ожиданиями человека и прозаической реальностью.

5. ИмPLICITные средства выражения авторской модальности многообразны: это и языковые средства, употребленные в сильных позициях, и собственные имена, и окказионализмы, и диминутивы. Самыми сильными из перечисленных средств являются языковые средства, вынесенные в заглавие и концовку: они завуалированно отражают авторскую точку зрения на проблемы, поднятые им в рассказе. Несмотря на сочувственное отношение к Ольге, автор не снимает с неё ответственности за ее пассивность и нежелание бороться за собственную индивидуальность. Неспособность определить для себя жизненную цель – об этой проблеме повествует автор в рассказе «Красавица».

В тексте преобладают эксплицитные средства выражения авторской модальности, причём разных уровнях языка. Но имплицитные средства более отчётливо дают нам представление авторском отношении к героине и её судьбе – развивая тему утраченного рая детства персонажа, писатель скрытно осуждает Ольгу за эмигрантский образ жизни. Сам Набоков предстаёт перед читателем "ненадёжным" рассказчиком, намеренно избегающим «сопереживательной» стиливой манеры повествования, тем самым не выражая своё мнение открыто.

Проведенное нами исследование подтвердило, что В.В. Набоков является признанным мастером «литературного артистизма»: созданный им образ автора не заслоняет собой героев его произведений и изображаемые события. Выявление авторских интенций, зачастую скрытых, завуалированных, требует от читателей вдумчивого прочтения набоковских произведений, внимания к деталям и художественному слову.

Литература

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 464 с.
2. Барабтарло Г.А. Сочинение Набокова. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 457 с.
3. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. М. Флинта: Наука, 2009. 520 с.
4. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
5. Галкина Т.Г. Особенности заглавий рассказов сборника В.В. Набокова «Соглядатай» // Апробация. 2016. Вып. 2(41). С. 58–59.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 148 с.
7. Дмитровская М.А. «Стрела, попавшая в цель» (телеология В. Набокова и Г. Газданова) // Логос: [сайт]. 2001. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_1/2001_1_09.htm (дата обращения: 04.10.2022).

8. Мороз Н.А. Средства выражения субъективной модальности художественного текста // Вестник Южноуральского государственного университета. 2017. № 3. С. 29–33.

9. Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: в 5 томах. Том 3 / Сост. Н.И. Артеменко-Голстой; предисл. А.А. Долинина; прим. М.Э. Маликовой. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. С. 615–620.

10. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. №3. С. 105–114.

УДК 811.112.22

О.В. Раудина (г. Самара, Россия)

Научный руководитель к.ф.н. доц. О.И. Кальнова

**ФИКРАЙТЕРСКАЯ ЛЕКСИКА:
ОТ ЗАМКНУТОЙ ГРУППЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ
ДО ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОГО СЛЕНГА**

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В статье характеризуется фикрайтерская лексика как пример жаргона, состоящего из заимствований. Автор рассматривает особенности функционирования слова и проблему семантической диффузности, а также предлагает собственную классификацию набранных жаргонизмов. Дается обзор источников формирования фикрайтерской лексики, прослеживаются этапы развития лексики и степень приспособленности её к системе русского языка. Автор уверен, что фикрайтерская лексика будет переходить в общеупотребительный сленг, потому статья будет полезна для наблюдения за этими изменениями.

Ключевые слова: заимствованная лексика, неологизмы, семантическая адаптация, семантическая диффузность, фикрайтерская лексика, фанфик.

This article characterizes fiction writing vocabulary as an example of jargon consisting of borrowings. The author examines the features of the functioning of the word and the problem of semantic diffuseness, and also offers his own classification of the typed jargonisms. In addition, the article analyzes the sources of the formation of the fiction vocabulary, traces the stages of vocabulary development and the degree of its adaptability to the system of the Russian language. The author is sure

that the fiction vocabulary will turn into common slang, because the article will be useful for monitoring these changes.

Key words: adopted vocabulary, neologisms, semantic adaptation, semantic diffusivity, ficwriter vocabulary, fanfiction.

Слово «фанфикшн» появилось в семидесятые годы в англоязычной культуре. Фанфики – любительские тексты, созданные по мотивам других произведений (чаще фильмов или сериалов) [4]. Их публикуют на специализированных сайтах. Изначально фанфикшн был воспринят как протест против системы массовой культуры, в которой самиздат не имел права на широкое распространение.

Фикрайтерская лексика вызывает много вопросов лингвистического характера. Во-первых, неясно до конца, что это такое – сленг или жаргон. Опираясь на толковые словари и словарь русского жаргона В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной [6, с. 7–8], а также исследования Гальперина [3, с. 107–115], Соловьёва и других учёных, мы сделали вывод, что *сленг* – более обширное понятие. Сленговые слова могут рано или поздно перейти в общеупотребительную лексику. А вот *жаргон* – это язык узкой социальной группы, члены которой объединены одной профессией, увлечением и т. п. Часто жаргонизмы экспрессивны, у них есть оценочная коннотация. Поэтому язык фикрайтеров мы будем называть жаргоном.

Ещё одна проблема – классификация. Систематизировать фикрайтерскую лексику по какому-либо признаку сложно, так как единой системы языковых единиц среди самих фикрайтеров нет. Например, существует три понятия: жанр, предупреждение и события. Все эти слова характеризуют или сюжет фанфика, или отсутствие / наличие эпизодов, запрещённых для чтения определённым возрастным группам. На сайте Fanfics.me есть все три категории [2]. На самом популярном русскоязычном сайте «Книга Фанфиков» событий нет вообще, а жанры и предупреждения объединены понятием «метки» [1].

Вторая проблема – разные слова, обозначающие одно понятие. Подобное явление – признак жаргонизмов. Например, жанры «флафф», «романтика» и «ваниль» – фанфики о

нежных романтических отношениях между героями. Различий не понимают даже сами фикрайтеры. Наши выводы подтверждает и опрос, который был проведён в социальной сети «ВКонтакте», в сообществе фикрайтеров. В нём приняли участие 175 человек. Единицы из всех респондентов прямо сказали, что не видят разницы. Остальные 99% пытаются провести разницу между наименованиями и в качестве основы для сравнения используют «степень слащавости», «уровень сексуального напряжения» и наличие или отсутствие каких-либо сюжетных линий, кроме любовной. К единой классификации никто так и не пришёл, поэтому мы выработали собственную:

- общие понятия,
- создатели текстов (автор, редакторы),
- возрастные ограничения, или рейтинг,
- жанры,
- тип персонажа.

Фикрайтерская лексика почти полностью состоит из заимствований. Им присущи некоторые особенности, о которых пишет Е. В. Маринова [5]:

1. Интернациональный характер заимствований.
2. Преимущественно один язык-источник, конкретно – английский язык.
3. Заимствование «чужих» словообразовательных гнёзд (*фанфикшен*, *фанфик*, *фикрайтер*, *фикридер* и другие).

Интересно, что фикрайтерский жаргон не ограничивается только лишь «новыми» заимствованиями.

В фикрайтерской лексике встречается такой процесс, как *вторичное заимствование*: ранее заимствованное слово обретает новое, тоже заимствованное, значение.

«*Ваниль*» – это тропическое растение с плодами, содержащими ароматические вещества. Так ещё называют сушёные плоды этого растения, которые используют в качестве специй. Слово заимствовали из французского в XVIII веке. В фанфикшене ваниль – это фанфик с чрезвычайно милыми, «приторными» отношениями между героями. Новое значение в этом случае могло появиться либо благодаря повторному заимствованию, либо через метафорический перенос.

Аббревиатуры можно разделить на два вида. Первые – аббревиатуры, которые появились в английском языке, а русский их только заимствовал.

ООС – *Out of character* – «Не в характере»; персонаж, который ведёт себя не так, как в оригинальном произведении.

Во вторую группу входят всего три аббревиатуры – это те аббревиатуры, что образовались уже в русском языке.

ОЖП [о-жэ-пэ] – оригинальный женский персонаж.

ОМП [о-эм-пэ] – оригинальный мужской персонаж.

Обе аббревиатуры связаны с *ОС* («оригинальным персонажем»), но развились уже независимо от этого выражения. В англоязычном сообществе фикрайтеров подобных понятий нет.

ЙА [й'á] – йунный афтор.

Фикрайтерский язык с трудом поддаётся классификации. Это связано с тем, что полной ясности в значении тех или иных слов, нет даже у самих фикрайтеров; а также с тем, что многие жаргонизмы дублируются друг друга. Однако семантическая диффузность характерна жаргону, поэтому ничего удивительного в том, что мы столкнулись с подобными трудностями нет.

Фикрайтерская лексика зародилась в сообществах фикрайтеров и ролевиков. Не удивительно, что они «делят» между собой одну и ту же лексику, ведь у них есть много общего:

1) это объединения людей, в основу которого положен общий интерес;

2) это части фанатского движения, в центре которого лежит то или иное произведение, автор или художественная вселенная;

3) они пишут любительские тексты, основываясь на уже существующих художественных произведениях.

Уже на начальном этапе фикрайтерская лексика стала адаптироваться к системе русского языка. Фикрайтеры и ролевики активно занялись словотворчеством, придумывая новые словоформы и производные по русским словообразовательным моделям и с использованием русских морфем.

Например, от названия типа персонажа «Мэри Сью» образовалось слово «сююха» с помощью суффикса «-х-», имеющего пренебрежительное значение.

Долгое время фикрайтерская лексика «выкристаллизовывалась» в сообществах фикрайтеров и ролевиков. Так, например, из русскоязычной фикрайтерской лексики примерно в 2000-ые пропали слова «лимон», «цитрус» и «ваниль». Сейчас, согласно проведённому нами среди фикрайтеров опросу, никто не знает этих слов.

Последние десять лет этой лексикой заинтересовались учёные. В научных кругах появляются статьи и диссертации, посвящённые фанфикшену как явлению массовой культуры и фикрайтерской лексике. Например, в Национальном корпусе русского языка встречаются такие формулировки: «Пока этого больше в переводной литературе, но и отечественные авторы начинают привносить элементы фанфиков в свои тексты» (Дарья Бобылёва. Неизведанные территории // «Октябрь», 2013).

Примечательно, что слова из мира фанфикшена всё чаще переходят в разговорный бытовой язык. Всё чаще люди «шипперят» своих знакомых и называют Мэри Сью реального человека, а не героиню фильма.

В предыдущей публикации мы рассматривали пять жаргонизмов, которые перешли в общий сленг (фанфик, шиппер, шипперить, фэндом и Мэри Сью) [7]. По нашим наблюдениям, переход произошёл благодаря фанатам, которые начали использовать эти слова не только при обсуждении любимого произведения среди других поклонников, но и в повседневной жизни. Мы также высказывали предположение, что если процесс перехода продолжится, то проводниками снова станут фанаты. Наши прогнозы сбываются.

К пяти упомянутым жаргонизмам можно добавить аббревиатуру POV – Point of view – «точка зрения». Это сокращение очень активно используют в ТикТоке: блогеры снимают видео, в которых изображают человека в какой-либо типичной ситуации и подписывают её через аббревиатуру. Например, «POV: школьник, который проспал экзамен». Аббревиатура вышла и за пределы тиктока и часто встречается

в других социальных сетях в ситуациях, никак не связанных с каким-либо произведением (в переписках и мемах).

Судя по тому, как быстро «бытовая речь» осваивает эти жаргонизмы, процесс продолжится. Так как фанфикшен становится всё более популярным, о нём говорят и медийные личности, и литературное сообщество, поэтому мы уверены, что сфера употребления фикрайтерской лексики будет расширяться. Если этот процесс и не ускорится в ближайшее время, то точно не станет медленнее и не исчезнет совсем. Нам остаётся только наблюдать за этим и фиксировать изменения.

Литература

1. Гридина Т.А. Языковая Книга фанфиков // [Электронный ресурс]. URL: <https://ficbook.net/> (дата обращения 20.12.2022)
2. Fanfic.me // [Электронный ресурс]. URL: <https://fanfics.me/> (дата обращения 20.12.2022)
3. Гальперин И.Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. 1956. № 6. С. 107–114.
4. Корпус русской веб-лексики ruTenTen // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus> (Дата обращения: 21.11.2021).
5. Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука. 2012. 288 с.
6. Мокиенко В. М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.
7. Раудина О. В. Фикрайтерская лексика: на каком языке говорят писатели-любители в Интернете // Язык. Культура. Личность: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых, Самара, 16 декабря 2021 года/ Самарский государственный социально-педагогический университет. Выпуск 8. Самара: Научно-технический центр, 2022. С. 179–185.

Д.Р. Резников (г. Тольятти, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. О.Д. Паршина

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕГОРА ЛЕТОВА

*ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный
университет»*

В статье рассматриваются прецедентные тексты, высказывания, онимы и ситуации военной тематики, выявленные в текстах песен Егора Летова. Автор, на основании ряда признаков, предложенных В.В. Красных и Д.Б. Гудковым, выявляет прецедентные феномены в текстах, классифицирует их по функциональному принципу, прослеживает трансформацию конечного варианта по сравнению с исходным. Предлагаемая работа будет интересна тем, кто занимается изучением явлений прецедентности в отечественной рок-поэзии.

Ключевые слова: прецедентность, интертекстуальность, рок-поэзия, лингвокультурное пространство, семантика.

The proposed article examines precedent texts, sayings, animas and situations of military subjects identified in the lyrics of songs by Yegor Letov. The author, based on a number of features proposed by V.V. Krasnykh, D.B. Gudkov, identifies precedent phenomena in texts, classifies them according to the functional principle, traces the transformation of the final version compared to the original one. The proposed work will be of interest primarily to those who study the phenomena of precedent and Russian rock poetry.

Key words: precedent, intertextuality, rock poetry, linguistic and cultural space, semantics.

Имя советского и российского музыканта Егора Летова (настоящее имя Игорь Фёдорович Летов) хорошо известно поклонникам отечественного панк-рока. Основатель и бессменный лидер музыкальной группы «Гражданская оборона» и ряда других музыкальных проектов оставил большое творческое наследие, изучение которого привлекает сегодня исследователей. Научный интерес представляет анализ текстов песен автора с точки зрения наличия и функционирования в них прецедентных феноменов.

Для осуществления анализа прецедентных феноменов (ПФ) в поэзии Е.Летова необходимо обозначить понятийный аппарат, применяемый в предлагаемой статье, конкретизировать подходы к исследованию языкового материала.

В первую очередь, следует разграничить понятия «интертекстуальность» и «прецедентность», поскольку границы между ними все еще являются вопросом дискуссии в научных кругах. Ведущей точкой зрения является утверждение о родо-видовых их взаимоотношениях. Так, Н.А. Кудрина в работе «Интертекстуальности и прецедентности: к вопросу о разграничении понятий» обнаруживает близость между концепциями прецедентности и интертекстуальности, но в то же время принципиально не рассматривает отношения между прецедентными текстами (ПТ) и интертекстами (ИТ): «обращение к прецедентным текстам, неизбежное в процессе создания новых текстов, приводит к интертекстуальности последних, но это, конечно же, не означает справедливости обратного утверждения, то есть того, что интертекстуальность всегда создается только за счет «переклички» с прецедентными текстами» [4, с. 38]. Авторы, занимающиеся исследованиями интертекстов, неизбежно приходят к необходимости их рассмотрения и с точки зрения теории прецедентности, так как ИТ может включать прецедентные единицы, а порождается прецедентность за счет многократного использования интертекстуализации [4, с. 1–3].

В целом границы между ПТ и ИТ формальны, потому что любая единица последнего, при соблюдении ряда условий может стать прецедентной (в том числе посредством популяризации заложенной в ней идеи и при удачном способе ее выражения автором).

Следует заострить внимание на том, что исследователи наблюдают и обратное явление, когда ПТ утрачивает какое-либо из своих ключевых свойств, прежде всего из-за отсутствия апелляции к нему в течение продолжительного времени. В этом случае значительная часть потенциальных реципиентов авторской речи – представителей лингвокультурного пространства, утрачивает способность корректного восприятия ПТ и считает его как обычный интертекст. Состав

прецедентных феноменов (в том числе и прецедентных текстов как одного из их видов) подвергается, таким образом, постоянным изменениям [2, с. 16–17].

К национальному уровню прецедентности относятся прецедентные феномены как особая группа вербальных или вербализуемых феноменов [1, с. 44–45]. Именно в ПФ происходит осмысление ценностей этноса, отражающихся в культурной памяти носителей языка [7, с. 89]. По социально-групповому признаку, в терминологии Ю.А. Домнич, выделяют три типа феноменов: 1) «социумно-прецедентные, известные любому среднестатистическому представителю того или иного социума (поколения, вероисповедания, профессии и т.д.). Они входят в общее пространство и не зависят от национальной культуры; 2) национально-прецедентные, входящие в национальную когнитивную базу и известные среднему индивиду по этому принципу; 3) универсально-прецедентные, известные и понятные любому среднестатистическому представителю человечества и входящие в общечеловеческое когнитивное пространство» [2, с. 16–18].

На сегодняшний день исследователями выделяются четыре типа прецедентных феноменов: 1) прецедентные онимы (имена); 2) прецедентные ситуации; 3) прецедентные тексты; 4) прецедентные высказывания [1, с. 24–29; 3, с. 218–219]. Здесь же следует упомянуть, что границы между конкретными видами ПФ также во многом отсутствуют, так как они могут как терять связи друг с другом, так и приобретать новые. Также важным фактом является и то, что ПФ делятся на вербальные (имена и высказывания) и вербализуемые (тексты и ситуации) [3, с. 218–219].

Прецедентные феномены выполняют в тексте определенные функции. Так, Г.Г. Слышкин предлагает выделять функции: 1) номинативную для обозначения элементов окружающего мира и формировании понятий о них); 2) персуазивную, именуемую также функцией убеждения; 3) людическую, связанную с обращением каким-либо предшествующим прецедентным текстам; 4) парольную, определяющую круг своих реципиентов текста [10, с. 84–87].

На основании перечисленных выше подходов будет проводиться анализ в предлагаемом исследовании. В его ходе были отобраны тексты, относящиеся к различным периодам творчества автора, где потенциально могли находиться ПФ: «Солдатами не рождаются», «Отряд не заметил потери бойца», «Приказ №227», «У войны не женское лицо», «Бери шинель», «Иваново детство» [5, с. 210–532]. Следует отметить, что указанный интегративный подход был уже применен нами при анализе ПФ в творчестве Т.Ю. Кибирова [8; 9].

Оговоримся, что рассматриваемые в ходе исследования тексты Е. Летова были неоднократно опубликованы в сборниках (в 1994, 2003 и 2011 годах) и многократно переиздавались. Следовательно, считаем вполне правомерным использование термина «стихотворение» по отношению к ним.

В творчестве Егора Летова тема самовосприятия лирического героя в качестве солдата занимает важное место. Согласно исследованиям А.А. Моисеева, «милитарные образы» играют в лирике автора одну из ведущих ролей. Так, исследователь выявил целую группу стихотворений Летова, в которых присутствуют образы военных, боевых действий и т.д. В частности, к ним относятся «Вернулся из армии», «Мы идем по засохшей траве...», «Бери шинель», «Война», «Они сражались за родину», «Философская песня о пуле» и некоторые другие [6, с. 194–201]. А.А. Моисеев выделил два пласта реминисценций, в которых Летов отсылает к определенным ключевым событиям отечественной военной истории, вернее их художественному воплощению: 1) «отсылки к произведениям посвященным событиям Революции и Гражданской войны 1917–1922 в России; 2) отсылки к событиям Великой Отечественной войны 1941–1945» [6, с. 194–201]. При создании «милитаристской» лирики, Летов активно пользуется цитированием произведений, связанных с военной темой: «аллюзии к реалиям революции и гражданской войны служат, как правило, обличению, а основными средствами выразительности являются сарказм, гротеск и ирония. Кроме того, реминисценции из произведений о Великой Отечественной войне служат созданию надвременного, метафизического образа войны как вечной битвы» [6, с. 194–201].

В стихотворении «Солдатами не рождаются» выявлен ПФ в строке: «Ведь солдатами не рождаются / Солдатами умирают» [5, с. 205]. Первоисточником является название романа советского писателя К.М. Симонова «Солдатами не рождаются», который посвящен событиям Сталинградской битвы 1942–1943 гг. ПФ «солдатами не рождаются» можно отнести и к прецедентным высказываниям, и к прецедентным текстам (на базе единого первоисточника), которые выполняют функции: номинативную, образно обозначающую то или иное явление; персуазивную, доносящую авторскую позицию; парольную и людическую, апеллирующую к концептам текстов-первоисточников. Присутствует трансформация: автор обыгрывает исходный текст, добавляя противопоставление на основании введения антонима: «Солдатами умирают».

Подобный тип прецедентности наблюдается и в стихотворении «У войны не женское лицо» [5, с. 371]. Первоисточник – одноименное произведение С.А. Алексиевич. Выполняются аналогичные функции. ПФ может быть охарактеризован как прецедентный текст/прецедентное высказывание. Трансформация также основана на добавлении текста с противоположным смыслом: «У войны не женское лицо / но нежные женские руки».

В стихотворении Е. Летова «Иваново детство» [5, с. 273] само заглавие являет собой прецедентный феномен, источник которого – название кинофильма режиссера А.А. Тарковского. Далее в тексте этот ПФ повторяется в строке: «Иваново детство – дело прошлое / Шел весёлый год войны» [5, с. 273]. Здесь можно видеть еще один ПФ «Шёл веселый год войны», представляющий собой трансформант исходного текста – названия фильма Г.М. Николаенко «Шёл четвертый год войны». Помимо этого в тексте присутствует трансформант фразеологической единицы «перегнуть палку», основанный на замене глагола «перегнуть» возвратным глаголом «перегнулась»: «*Палка перегнулась – я буду жить долго*» [5, с. 273]. Указанные выше ПФ выполняют номинативную, персуазивную, парольную и людическую функции.

В типологическом отношении ПФ можно отнести к прецедентным текстам/прецедентным высказываниям.

Еще одно стихотворение с военным художественным первоисточником «Бери шинель» [5, с. 272] отсылающее к стихотворению Б.Ш. Окуджавы «Бери шинель, пошли домой». В названии стихотворения ПФ подвергнут изменению: усечению второй части оригинального текста. Далее в стихотворении Е. Летова данный ПФ повторяется четыре раза, и при последнем употреблении глагол «пошли» заменяется на просторечный «айда»: «Бери шинель, айда по домам» [5, с. 272]. Завершается стихотворение еще одним ПФ «Like a rolling stone» («Словно перекаати-поле»), первоисточник которого – песня Боба Дилана «Like a rolling stone». Рассмотренные ПФ выполняют также четыре функции, по Г.Г. Слышкину.

Стихотворения «Приказ №227» [5, с. 489] и «Отряд не заметил потери бойца» [5, с. 290] выделяются из ряда рассмотренных выше произведений. Причиной тому является необычный первоисточник – название и номер официального приказа правительства в первом случае, во втором – временной промежуток, к которому отсылают стихотворения. Вся рассмотренная выше тематика ПФ связана с Великой Отечественной войной, а ПФ «Отряд не заметил потери бойца» отсылает ко времени Гражданской войны. Первоисточником для ПФ в стихотворении «Приказ №227» является одноименный приказ Народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина от 28 июля 1942 года, более известный по призыву «Ни шагу назад!». В данном прецедентном тексте трансформация по сравнению с первоисточником отсутствует. Официальное название задает в начале стихотворения определенный тон повествованию, выполняя персуазивную и людическую функции. Номинативная и парольная функции также реализуются.

Название стихотворения «Отряд не заметил потери бойца» [5, с. 290] отсылает к стихотворению «Гренада» М.А. Светлова. В нем выявлен одноименный прецедентный феномен, являющийся прецедентным высказыванием, выполняющим номинативную, персуазивную, людическую и

парольную функции. Трансформация по сравнению с исходным текстом отсутствует.

Результаты исследования представлены в синоптической табл. 1, в которой приняты следующие сокращения: ПТ – прецедентные тексты, ПВ – прецедентные высказывания, ПС – прецедентные ситуации.

Таблица 1. Прецедентные феномены военной тематики в произведениях Е. Летова

Цитата	Первоисточник	Трансформация	Вид	Функции
«Ведь солдатами не рождаются, / Солдатами умирают» [Летов Е. Солдатами не рождаются, 1988]	Название романа К.М. Симонова «Солдатами не рождаются»	К исходному тексту добавляется в качестве уточнения фраза: «Солдатами умирают»	ПТ/ПВ	номинативная; парольная; персуазивная; людическая.
«Отряд не заметил потери бойца» [Летов Е. Отряд не заметил потери бойца, 1990]	Стихотворение М.А. Светлова «Гренада»	Отсутствует	ПВ	номинативная; парольная; персуазивная; людическая.
«Приказ №227» [Летов Е. Приказ	Приказ № 227 Народного комиссара обороны СССР и. В.	Отсутствует	ПТ	номинативная; парольная; персуазив-

Цитата	Первоисточник	Трансформация	Вид	Функции
№227, 2004]	Сталина от 28 июля 1942 года			ная; людическая.
«У войны не женское лицо» [Летов Е. У войны не женское лицо, 1994]	Название документальной книги С.А. Алексеевич «У войны не женское лицо»	Добавляется фраза «...но нежные женские руки»	ПТ/П В	номинативная; парольная; персуазивная; людическая.
«Бери шинель – пошли домой» [Летов Е. Бери шинель, 1989]	Название стихотворения Б.Ш. Окуджавы «Бери шинель, пошли домой»	Запятая из оригинала Окуджавы меняется на тире «Бери шинель – пошли домой»	ПТ/П В	номинативная; парольная; персуазивная; людическая.
«Like a rolling stone» [Летов Е. Бери шинель, 1989]	Название песни Боба Дилана «Like a rolling stone»	Отсутствует	ПВ	номинативная; парольная; персуазивная; людическая
«Иваново детство» [Летов Е. Иваново детство, 1989]	Название фильма А.А. Тарковского «Иваново детство»	Отсутствует	ПТ/П В	номинативная; парольная; персуазивная; людическая
«Шёл ве-	Название	Замена слова	ПТ/П	номинатив-

Цитата	Первоисточник	Трансформация	Вид	Функции
сельный год войны» [Летов Е. Иваново детство, 1989]	фильма Г.М. Николаенко «Шел четвертый год войны»	«четвертый» в оригинальном тексте на «веселый»	В	ная; парольная; персуазивная; людическая
«Палка перегнулась – я буду жить долго» [Летов Е. Иваново детство, 1989]	Фразеологическая единица «перегнуть палку»	Замена на возвратный глагол с постфиксом -ся	ПВ	номинативная; парольная.

Таким образом, прецедентные феномены – характерная черта творчества автора Е.Летова. В его произведениях присутствует ряд прецедентных феноменов разных типов, базирующихся на широком спектре первоисточников, большинство из которых связано с художественной литературой, посвященной событиям Великой Отечественной и Гражданской войны. Егор Летов использует прецедентные тексты для обозначения и образной ретрансляции авторской позиции. Функционирование прецедентных феноменов других тематических групп мы рассматриваем в качестве перспективы исследования творчества Е. Летова.

Литература

1. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 24–29.
2. Домнич А.Ю. Прецедентные феномены в современном мире. 2018 // [Электронный ресурс]. URL:

<https://rep.brsu.by/bitstream/handle/123456789/3951/Домнич2.pdf>
(дата обращения: 17.11.2022)

3. Красных В.В. Свой среди чужих: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. С. 218–219.

4. Кудрина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность: к вопросу о разграничении понятий // Вестник ТГУ. 2005. №4. С. 5–11.

5. Летов Е. Стихи. М.: Выргород, 2011. 548 с.

6. Моисеев А.А. «Милитарные образы» в поэзии Е. Летова (к проблеме интертекста) // Политическая лингвистика. 2005. №15. С. 194–201.

7. Паршина О.Д. Прецедентный феномен «прирастать провинцией»: к постановке вопроса // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3(38). С. 87–96.

8. Резников Д.Р. Прецедентные имена политических деятелей в поэтических текстах Т. Кибирова // Гуманитарные чтения в Политехническом университете: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 13–14 мая 2021 года. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, 2021. С. 173–178.

9. Резников Д.Р. Прецедентные феномены в раннем творчестве Т.Ю. Кибирова (на примере стихотворения «Шаганэ») // XXIV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета: Материалы конференции, Нижневартковск, 05–06 апреля 2022 года / Под общей редакцией Д.А. Погоньшева. Нижневартковск: Нижневартковский государственный университет, 2022. С. 470–475.

10. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. С. 84–87.

УДК 81'373.231

Е.В. Роголь (г. Самара, Россия)

Научный руководитель д.ф.н. проф. Е.П. Иванян

АКСИОЛОГИЯ ПРОВИНЦИИ В РОМАНЕ Э. ВЕРКИНА «СНАРК. СНАРК»

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

Статья посвящена изучению аксиологии провинции в современном романе Э. Веркина «Снарк. Снарк». Описано применение

различных языковых приемов, способствующих передаче эксплицитной или имплицитной оценки исследуемого феномена. Статья содержит сопоставление полученного в исследовании с результатами предшественников в лингвистической провинциологии.

Ключевые слова: аксиология, провинция, лингвистическая провинциология, имплицитная и эксплицитная оценка

The article is devoted to the problem of the axiology of the province in the modern literary text of E. Verkin's novel "Snark. Snark." The cases of the use of various linguistic techniques that contribute to the transmission of an explicit or implicit assessment of the phenomenon are described. The article contains a comparison of the results obtained in the study with those of predecessors in linguistic provincialism.

Key words: axiology, province, linguistic provincialism, implicit and explicit evaluation.

В настоящее время слово «провинция» в русском дискурсе богато многими вкладываемыми в него смыслами. В географическом понимании провинция – это местность, расположенная вдалеке от крупных центров в отличие от столицы, центра. В культурологии и социологии признаками, первичными для характеристики данного понятия, оказываются люди, их социальные отношения, и только затем – изменчивое географическое местоположение. При изучении провинции актуально рассматривать этот феномен как продукт цивилизации и культуры, в котором развиваются определенные национальные традиции, высока роль коллективного самосознания и отчужденность топоса.

В современной науке активно развивается междисциплинарное исследовательское направление – провинциология. В.И. Юдина определяет провинциологию как «предполагаемое знание о «провинции», систему или совокупность научных знаний о «провинции» и форму рефлексивного переживания «провинции»; повествование о «провинции» на языке ее осмысления» [6, с. 110–117]. Эта отрасль знания имеет свою предысторию: от центрографической методологии, дифференцирующей территорию по принципу «центр – периферия» и социологии расселения до теоретико-методологического анализа с позиций политологического и экономического подходов [5, с. 368–370].

Знания о провинции актуализируются целым рядом наук, таких, как философия, история, социология, культурология, фольклористика, лингвистика, см. об этом, напр.: [2, с. 44–55]. Все эти дисциплины способствуют появлению отдельных ветвей провинциологии. Так, в лингвистической провинциологии выделяется отдельное направление – ономастическая провинциология. Этот раздел изучает топонимические обозначения провинции, сложное взаимодействие проприальных единиц и апеллятивов в рамках системных отношений в лексике [2, с. 44–55].

Провинция в языковом дискурсе обладает рядом признаков и оценочных значений, отличающих ее от центра и географически, и на уровне социокультурного аспекта. Лингвист Н.Ф. Алефиренко в статье «Жизнесмыслы русской провинции в зеркале языка» выделяет следующие признаки провинции: 1) основа формирования провинциального топоса – средоточие народного искусства, промыслов, фольклора; 2) тишина и покой жизненного уклада, медленное течение времени, сжатость в рамках небольшой территории, 3) единство высокой провинциальной духовности и повседневности быта; 4) особое влияние православной культуры и этнокультурная самобытность [1, с. 124–130]. Исследование О.Д. Паршиной и Е.П. Иवानян аксиологии провинции в текстах современных российских СМИ показало увеличение числа положительных оценок в структуре ценностной семантики провинции и изменение семантики лексемы «провинция» по метонимической модели [3].

Наше исследование посвящено вопросу об аксиологии провинции в современном русском художественном тексте на примере постмодернистского романа-новинки писателя-современника Эдуарда Веркина «Снарк. Снарк». Сюжет романа построен на возвращении писателя Виктора в родной город Чагинск, представляющий собой типичный провинциальный город. Обычная жизнь города нарушена пропажей двух детей, и писатель начинает свое расследование. Специфически организованное повествование, черты постмодернизма и сюжетообразующие элементы делают аксиологию

моделируемой автором российской провинции сложной и многоплановой.

Осуществленный нами лингвистический анализ позволяет заключить, что в романе представлена как положительная, так и отрицательная аксиология изображаемой провинции. Положительная аксиология в исследуемом художественном тексте представлена описательными оборотами, эпитетами, глаголами чувств. Средства выражения отрицательной аксиологии представлены следующими видами: 1) однословными номинациями, выраженными а) субстантивами (сниженными синонимами лексемы *провинция* и диминутивами), б) адъективами; 2) предложениями, в терминологии Б.А. Ларина: описательными оборотами с метафорическим значением и глагольными словосочетаниями; 3) сквозными образами. Последовательно охарактеризуем каждый из выявленных нами видов.

Рассмотрим средства выражения положительной аксиологии.

Глаголы чувств. При характеристике провинциального города Чагинска в воспоминаниях главного героя («глазами ребенка») авторизованный рассказчик применяет описательные обороты, содержащие глаголы чувств, например: *город, который я любил; место, куда желал вернуться*. Глаголы *любить* и *желать* в своем прямом значении помогают передать эксплицитно положительную оценку провинции.

Сравнения. В сознании ребенка типичные явления провинциальной природы и происходящие в провинции изменения представлены с помощью красочных эпитетов и сравнений, отражающих восхищенное восприятие ребенка. Обыденные виды провинциального города сравниваются в детском восприятии с морем, кораблями. Например:

*И мы смотрели на лес, **похожий на море**;*

[Через три года] *появилась улица и дома, **похожие на корабли**: казалось, что эскадра уходит вдаль.*

Эпитеты. При восприятии провинции персонажем-ребенком используются эпитеты с положительной оценкой, которые показывают провинцию как место особенное, отличающейся естественной, живой красотой, например:

[Один из местных жителей, архитектор] Елкин *был поражен бешеной летящей красотой этого места и дал слово построить здесь новый город;*

*В красных стволах гасли **янтарные** капли.*

Между тем, как показал языковой анализ, из-за особенностей характера главного героя и специфики жанра постмодернистского романа совокупность языковых средств описания провинции с отрицательной аксиологией гораздо более разнообразна и характеризуется высокой частотностью (87% примеров нашего языкового материала), характеризуется более сложными лексическо-семантическими связями между компонентами. Последовательно охарактеризуем их.

Субстантивы. Начать стоит с субстантивов, которые в контексте романа являются синонимами к слову *провинция*. Условно выделяем две группы.

Первая группа включает в себя обозначение слова *провинция* при помощи традиционных лексем русского языка, обозначающих провинцию.

В речи главного героя неоднократно представлены слова и сочетания *гнилое место, конюшня, дыра, пропасть*. Например: *Вот городок-то! Не городок, а конюшня. Место такое, гнилое. Люди гниют.*

В некоторых случаях герой даже использует обценную лексику, что является чертой постмодернизма. Лексемы наделены резко отрицательной оценкой, представляют собой синтез разговорной и просторечной лексики. Субстантивы с отрицательной оценкой используются в восклицательных предложениях, усиливая эмоциональную окраску высказывания.

Второй тип лексем – это диминутивы, слова с уменьшительными суффиксами. Они тоже достаточно типичны для аксиологии номинации *провинция*. Это, например, уменьшительные формы слова *город*, которые наделены иронической окраской: *городишко, городок*, существительное *местечко* в значении ‘незначительный провинциальный город’. Например:

*Думаю, про Чагинск. Про то, какой это городок;
Дремучее местечко, дремучее.*

Безусловно, подобные описательные обороты передают отстраненное отношение главного героя, его иронию.

Диминутивы имплицитно передают отрицательную оценку описываемого предмета речи, представляя его менее важным и крупным в контексте описываемого. Город становится *городишком*, теряет в размере и значимости, ярко выражен оттенок пренебрежения.

В романе «Снарк. Снарк» представлены и описательные обороты с метафорическим значением. С помощью такого средства осуществляется описание скуки провинциальной жизни. Таковы окказиональные описательные обороты *тритоны со скуки дохнут, в овраге лошадь доедаем*. Усиленная метафоричность, нарочитая гротескность в создании оборотов показывают бытовую скуку жизни в провинции, усталость героев от места, в котором они оказываются.

Большое поле для анализа аксиологии провинции дают также субстантивы вида «наименования жителей города». Первой группой являются устоявшиеся в лексической картине слова *провинциалы, местные, провинциальные*. Употребленные в контексте, они основаны на втором и четвертом значениях слова *провинциал* в словарях.

Например: *Местные в этом пространстве постоянно живут, у них иммунитет; Знаешь, эти провинциальные могут*.

Новшеством автора является употребление слов с общим категориальным смыслом *малые народы, племена*. Это лексемы *команчи, аборигены, лилипуты, дикие* (или же вариативно *дикие люди*). Такие варианты усиливают резко отрицательную оценку провинции через дополнительный смысл *схожие с древними людьми*.

Адъективы. Анализ языкового материала показал, что при характеристике провинции в романе представлено два вида адъективов с отрицательным значением. Таковы прилагательные с эксплицитной отрицательной оценкой и имплицитной отрицательной оценкой.

Охарактеризуем первую группу. Это слова с ярко негативной окраской: *вишвый, нехитрый, захудалый, дремучий, мелкий, абсурдный, чертов, уродливый, ненавистный, мерз-*

кий, ублюдский, горький. Данные лексемы несут прямую отрицательную оценку, в сочетании с субстантивами формируют негативный образ города. Используются они в восклицательных предложениях, а также в риторических восклицаниях, добавляя словосочетаниям и предложениям больший уровень эмоциональности, несут дополнительный смысл. Например: *Чертов город. Ночью абсолютно другой, чем днем*.

Вторая группа адективов несет в себе имплицитно отрицательную оценку. Она отражается посредством того или иного стилистического приема и чаще всего передается с помощью иронии. Это слова типа *славный, малый, непуганый*. Так, в примере *славный* применяется прием антифразиса. Антифразис – это употребление слова в значении, противоположном прямому. В своем прямом значении слово *славный* несет положительную оценку, означает ‘хороший, приятный’. Соответственно, в романе у этого слова негативная окраска.

Следующий пример – прилагательное *малый*. Здесь применен такой прием, как игра на полисемии, то есть игра на многозначности. Устойчивое выражение «малая родина» – родной край, а в другом своем значении слово *малый* означает ‘нечто маленькое, незначительное’. Именно сочетание обоих значений, игра на их наличии (лингвисты в подобных случаях говорят об осцилляции значений) выражает имплицитно отрицательную оценку. Ср. также пример: *Говорю же, места непуганые*.

Важно отметить и применение слова *непуганый*. В примере представлена аллюзия на текст Ильи Ильфа «В краю непуганых идиотов», который, в свою очередь, является пародией на название произведения М. Пришвина («В краю непуганых птиц»). В примере из романа Э. Веркина провинция понимается тем самым «краем непуганых идиотов», то есть появляется некий текст в тексте, который может разгадать только посвященный читатель.

Сквозные образы. Особым средством организации аксиологии провинции в романе являются сквозные образы. Это часто повторяющееся в различном контексте и окруже-

нии слово, значение которого наделяется определенной символикой. Символика образа становится ясной из контекста и употребления слова-образа в окружении атрибутов. Сквозные образы также несут в себе резко отрицательную оценку, например, слова *деготь*, *пыль*, *шестеренка*, постоянно встречающиеся в той или иной сюжетной линии. Так, в русской языковой картине мира слово *деготь* вызывает отрицательные ассоциации: что-то черное, липкое, неприятное, затягивающее. Например:

*Чагинский **деготь** отличался эксплуатационными качествами;*

*Механошин рассказывал про корни, **деготь**, соль и роль.*

Другой повторяющийся образ – *шестеренка*. Обычно в переносном значении говорят о шестеренке как части механизма. Но в романе это рассматривается как мелочь жизни и эмоциональный раздрай, поскольку именно шестеренку подкладывает в номер помощника писателя неизвестный, доводя помощника до нервного срыва. Например:

***Шестеренка** и есть примитивный шкворень;*

*Ери, **деготь**, **шестеренка**. Триединство экономики, техники и культуры.*

Через весь текст сквозным образом проходит номинация *пыль*: пыльные улицы, пыль на губах героев, постоянно упоминаются пыльные бродячие собак (именно сочетание *пыльные собаки*, а не просто собаки). Ассоциации данного существительного и его дериватов преимущественно отрицательные; воссоздаваемая автором бытовая картина мира вызывает ассоциации запустения, отсутствия комфорта, грязи. Например:

*Тут всегда валялись **пыльные** собаки. Приходили со старого рынка и валялись здесь;*

*По аллеям, вдоль «Дружбы», гуляла **пыль**.*

Глаголы. Интересным образом построено и описание провинциального города. По отношению к нему, его расположению и состоянию применяются исключительно глаголы, относимые к одушевленным существительным. Например, *удивился*, *раскинулся*, *ждал*, *набирался сил*, *хотел сожрать*,

менял форму. Неоднократно сами персонажи отмечают, что город выглядит уже не так, как раньше, улицы меняются не во времени, а в пространстве, точно конструируя новые и новые варианты Чагинска. Примечательно, что все изменения, происходящие в городе за определенное время, тоже объясняются героями так, как если бы город являлся живым, разумным существом. Например, прирост населения в триста человек героями видится как набирание массы каким-то созданием, которое хочет плодиться и размножаться, становится больше и для этого «отъедается».

Провинциальный Чагинск с глаголов в переносном (метафорическом) употреблении предстает перед читателем враждебным, хищным существом, которое негативно относится к любому вторжению не-своих жителей в провинциальное пространство. Такое описание города как существа – это новое художественное решение по сравнению с произведениями русской классической литературы, что соответствует чертам постмодернизма.

Согласно исследованию Н.Ф. Алефиренко, жизненные мысли русской провинции в зеркале языка обнаруживают четыре признака провинции. В художественном пространстве моделируемой писателем провинции г. Чагинска из четырех признаков очевидно представлен только один. В романе описывается признак «тишина и покой жизненного уклада» провинциального города. Что касается признака «единство высокой провинциальной духовности и повседневности быта», то он представлен фрагментарно в языковом сознании персонажа-ребенка.

Обращаясь к предшествующим исследованиям феномена провинции в современных российских СМИ, отметим, что анализ нашего языкового материала романа показал, что в данном художественном произведении отсутствует закономерность увеличения числа положительных оценок провинции в средствах массовой информации, выявленное в работе О.Д. Паршиной и Е.П. Иванян.

Полагаем, что аксиологически роман Э. Веркина продолжает традицию сатирического описания провинциального города М.Е. Салтыковым-Щедриним в романе «История од-

ного города». Здесь так же проявляется сатира глухого места, жители равнодушны друг к другу, в городе почти ничего не происходит, актуализируются такие константы провинции, как косность, дикость, нелюдимость, равнодушие. Но стоит помнить, что Э. Веркин описывает город через призму восприятия действительности героем.

Подведем итоги. Провинция в романе Э. Веркина «Снарк. Снарк» получает преимущественно отрицательную оценку, предстает закрытым пространством, в котором имплицитно глазами главного героя отрицательно оценивается всё: местность, люди, город, детали жизненного уклада. Формы выражения такой оценки достаточно разнообразны. Её создают и субстантивы, и адъективы, и глаголы, и такие средства организации романного текста, как сквозные образы. Положительная оценка провинции может находиться в авторской оценке и заключаться в том, что в настоящее время провинция несет в себе не только разруху и пустоту, но и сохранение и культивирование старых ценностей.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Жизнесмыслы русской провинции в зеркале языка // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1, Ч. 1. С. 124–130.

2. Иванян Е.П. Характеристика традиций обозначения русской провинции проприальными единицами // Русистика без границ. 2022. Т.6. №2. С. 44–55.

3. Паршина О.Д., Иванян Е.П. Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века // Научный диалог. 2020. №8. С. 123–140.

4. Паршина О.Д. Лексикографический портрет слова «провинция» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. №4. С. 47–56.

5. Хамзина Г.Р., Исламшина Т.Г. Провинция как социологическая категория // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 368–370.

6. Юдина В.И. Краеведение и провинциология на современном этапе // Краеведение как феномен провинциальной культуры: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886-1971), Омск, 27–29 октября 2011 года / Омский

УДК 81`282.3

Д.А. Скурышина (г. Самара, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. Т.Е. Баженова
**КОНЦЕПТ 'ВОЛЯ' В РУССКИХ ПЕСНЯХ
САМАРСКОГО КРАЯ**

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»

В статье рассматривается вопрос вербализации одного из центральных концептов русской лингвокультуры 'воля'. Структура концепта определена на материале антологии свадебных песен, записанных самарскими фольклористами на территории Среднего Поволжья. В свадебных песнях прослеживается тесная связь семантической диады 'воля' и 'неволя', которая базируется на традиционных для русской лингвокультуры семейных ценностях. Анализируемая ментальная категория квалифицируется как одна из наиболее важных единиц, определяющих социальное поведение русского человека.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ, вербализация, концепт, фольклорный текст, свадебный обряд, свадебная песня.

The article discusses the issue of verbalization of one of the central concepts of Russian linguistic culture 'will'. The structure of the concept is determined on the material of the anthology of wedding songs recorded by Samara folklorists in the Middle Volga region. In wedding songs, there is a close connection between the semantic dyad 'will' and 'captivity', which is based on family values traditional for Russian linguoculture. The analyzed mental category qualifies as one of the most important units determining the social behavior of the Russian person.

Key words: linguistic and cultural analysis, verbalization, concept, folklore text, wedding ceremony, wedding song.

Изучение концептосферы русского языка связывают с описанием базовых концептов, их структуры и словесного воплощения. Исследователи концепта *воля* в русском языковом сознании [4, с. 47-55; 5, с. 280-287] указывают на

связь данного с понятием с представлением о неограниченном природном пространстве и физической свободе, противопоставляемой *неволе*, понимаемой как ‘заключение’ и ‘принуждение’. Концепт *воля* мыслится как духовная ценность, предполагающая одержимость собственным желанием, отсутствие всяких ограничений в своих действиях. Д.С. Лихачев указывает ещё на один сценарий репрезентации смысловых компонентов в структуре концепта *воля* в русском дискурсе: «Воля – это отсутствие забот о завтрашнем дне, это беспечность, блаженная погруженность в настоящее» [6, с. 7-8]. В фольклоре *воля* понимается как свобода выбора и поведения, которая часто регулируется чужой властью или силой, волей старшего или более сильного [1, с. 258]. В былинном и диалектном дискурсе концепт *воля* представлен ещё одним смысловым компонентом, понимаемым как проявление распущенности, нескромности, свободы в поведении [1, с. 272; 7, вып.5, с.88]. Деление окружающей среды (как природной, так и социальной) на *волю* и *неволю* является результатом осмысления индивидуумом своей социальной роли.

В нашем исследовании использованы фольклорные материалы из многонациональной антологии «Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки», четвертый том которой посвящен свадебному обряду в системе традиционной культуры русского населения Самарской области.

Самое большое количество контекстов, относящихся к концепту *воля*, обнаруживается в песнях, которые исполнялись во время свадьбы, и в сценариях свадебного обряда. Ведущая роль в русском свадебном обряде, зафиксированном на территории Среднего Поволжья, отводится женщине, невесте и молодой жене, поэтому рассматриваемая категория содержит прежде всего взгляд на её роль в жизни социума.

В русском свадебном обряде концепт *воля* занимает центральное место в культурном пространстве. В одном из таких сценариев, записанном А.А. Полезновой, присутствует упоминание о *воле* как об одном из важных элементов предсвадебного действия:

«После «запоя» наступали в жизни невесты грустные дни. Даже если она шла замуж по своей воле, всё равно радость нельзя было показывать, так как односельчане могли осудить за веселость» (Свадьба села Утёвка Нефтегорского р-на) [2, с. 646].

В составе концепта *воля* с точки зрения лингвокультурологического подхода можно выделить ценностный, понятийный и образный компоненты.

Образный компонент представлен различными вариантами предметного значения слова *воля*. Прежде всего *воля* – название обязательного атрибута свадьбы, символ девичества во всей широте его понимания. В свадебном обряде основным символом *воли* является девичья коса, эксплицированная вербальными единицами *красá, крбса, красотá, красóтушка, воля вольная* – ‘заплетенные в косу волосы’. Просватанная невеста не должна была показывать свою косу и оплакивала её в течение всего предсвадебного периода.
Ср.:

«На улице невеста не выходила или шла, укрывшись шалью.

Невеста думала о том, как будет жить в замужестве. Мрачные мысли изливала она в причитаниях. Считалось, чем громче «вопит» невеста, тем легче будет ее замужняя жизнь.

Время от «запоя» до свадьбы называлось «девичник». По правилу полагалось в это время оплакивать «девичью красу», волю вольную. Поэтому задолго до свадьбы девки ходили обучаться «причетам» к знающим старушкам» (Свадьба села Утёвка Нефтегорского р-на) [2, с. 647].

Для русского свадебного обряда характерно изготовление предмета, соотносимый с девичьей жизнью, *волей* девушки-невесты. Это могло быть украшенное цветами и лентами деревце, веник, ветка, куст. Например, в селе Утёвка Нефтегорского района в качестве образного компонента *воли* выступает *репей* – символ девичьей красоты, *воли вольной*. Обыкновенный сухой репейник был украшен цветными лентами, бумажными цветами, а наверху была устроена тряпичная кукла.

Вербализация данного предметного компонента концепта *воля* в образном выражении *золотые ключи* регулярно присутствует в песнях разных сёл. Вот один из примеров:

Во слезах-ти она слова молвила,

Речь говорила:

– Государь ты мой, милый батюшка,

Государыня, мила матушка,

Вы сымите с меня **волю девичью** –

Золотыя ключи.

Уж теперь я вам не клюшница, не помощница.

Я помощница чужому отцу с матерью,

Удалому, доброму молодцу

Ивану Ивановичу.

(«Как по сеничкам, по новым сеням», с. Ермаково Волжского р-на, исп. К.В. Савельева) [2].

Одно из производных значений ментального компонента *краса* – ‘лента, которую вплетали в конец косы’. Свадебная лента могла быть украшена на конце кусочком парчи, отсюда связь с представлением о *золотых ключах*, которые можно потерять безвозвратно. Лента является символом старого статуса невесты, её *девичьей воли*, которую она теряет (как теряют ключи) и передает девушке – как правило, незамужней подруге. Ср. диалектные значения слова *воля* – ‘девичий головной убор в виде широкой ленты’, ‘повойник, волосник, несколько меньше обыкновенного, надеваемый на новобрачную’, зафиксированные в севернорусских олонекских и пермских говорах [7, вып.5, с.88].

В соответствии с символическим содержанием концепта слово *воля* употребляется как обозначение беззаботной жизни девушки в родительском доме. В свадебном причитании репрезентантом концепта *воля* является слово *нега*, обозначающее душевное и физическое состояние довольства, блаженства и беззаботности, а также глаголы *гулять*, *прохаживаться*, *нежиться*, *понежиться*. Ср. в песне невесты, обращенной к родителям:

Свет ты, моя **волюшка**, свет ты, моя **девичья!**

Гуляла, прохаживалася я во красных девушках

С милыми подружками,

Отнежилась я, отжилася

У своего кормильца батюшки,

У своей кормильцы матушки.

(«Заунывные ударили колокола...», исполнялась в сёлах Бузулукского уезда) [2].

В песнях завершение этапа вольной девичьей жизни часто представляется как окончательно завершённый процесс, вербализованный финитивными глаголами *отвольничаться*, *отнежиться*, *отжиться*, *отходить*, которые нужно понимать как ‘окончить беззаботную жизнь’ в родительском доме, самостоятельно управляя своими чувствами и поведением:

Милые мои подруженьки,

Проводите вы меня во чужи люди.

Отходила я, **отвольничалась**

У своей сударыни матушки...

(с. Богдановка Борского р-на) [2].

В народном сознании *воля* ассоциируется с молодостью, игрой, песнями, весельем. В фольклорных песнях можно обнаружить конструкции параллелизма, в которых девушка сравнивает себя с птичкой, козочкой:

Перепёлочка – **вольная** пташечка,

Отходила я, **отвольничалась**.

(с. Богдановка Борского р-на) [2].

Согласно логике традиционного свадебного обряда, расставание с *волей* сигнализирует о прощании с девичеством и переходе девушки в статус замужней женщины. Свадьба мыслится как этап перехода в другой дом, чужую семью. Жить по *воле* в свадебном дискурсе означает жизнь в родном доме, с родителями, в соответствии со сложившимися привычками:

Дорогие мои родные,

Последний разок **по** своей **вольюшке**

Стою у родных ворот, ворот батюшкиных.

(с. Васильевка Шенталинского р-на, причитание невесты у ворот во время отъезда) [2].

Наряду с предметным кодом в фольклорных текстах слово *воля* содержит акциональный код, обозначающий же-

ление родителей и собственное желание невесты на брак. По данным толково-словообразовательного словаря русского языка Т.Ф. Ефремовой, *воля* как собственное желание наиболее соответствует общезыковому значению этого слова [3]. По свадебному сценарию, девушка упрекает родителей за то, что её лишили *воли*:

Батя, батя, родной отец,

Ой, да **поневоле** надел венец.

(с. Давыдовка Приволжского района Самарской области) [2].

Замужество сопряжено с жизнью в чужом доме, в новой семье, с лишением возможности гулять, веселиться, празднично проводить время, то есть *без воли*:

О... охо-хо ли да мне тошнѣхонько, да.

Охо-хо ли да мне грустнѣхонько, да

Жи... жить без **воли-воли-волюшки**, да.

Жить без **воли-воли-волюшки**, да

Жить без матушки, без батюшки, да

Бе... без любезных подруженьков.

(«Залетела птичка-ласточка», с. Большая Рязань Ставропольского р-на) [2].

Ценностный компонент концепта *воля* выводится путем сопоставления понятий *воля* и *неволя*, *воля* и *доля*.

Среди диалектных значений слова *воля* есть значение ‘свобода в поведении, распушенность’, которое, безусловно, имеет отрицательную коннотацию в русском менталитете. Так, в «Словаре русских народных говоров» значению ‘ослушиваться, не повиноваться кому-либо’ соответствует выражение «снимать, снять волю (с кого-либо)» и приведен иллюстрирующий контекст: «Ей что муж-то, коли она с отца, с матери волю снимает» [7, вып.5, с.88]. Замужество понимается не только как потеря возможности самостоятельно принимать решения, выбирать линию поведения, давать волю своим чувствам. Это полный отказ от своего Я, подчинение мужу и его родителям, старшим сестрам и братьям. В новой семье женская *воля* теперь приобретает другое значение, теперь это жизнь, наполненная трудом, заботами о се-

мье, детях. Замужество ассоциируется с потерей *воли* в выборе другой линии жизни и поведения:

Дадут **волюшку** да в поле на рабо...

В поле на рабо... на работушке.

(с. Кураповка Богатовского района) [2].

Приведенные контексты свидетельствуют о том, что в русском свадебном дискурсе концепт *воля* проявляется на разных уровнях: это категория предметная, социальная и нравственная.

В результате проделанного исследования семантики и структуры концепта *воля* на материале русских свадебных песен Самарского края мы пришли к следующим выводам.

Воля как ключевой концепт в свадебных песнях Самарского края обозначает девичью жизнь до замужества и реализуется в ряде устойчивых контекстов в двух основных значениях:

- предметный код: символ девичества, красоты (коса, лента, веник, деревце);
- акциональный код: поведение женщины до замужества и после замужества, согласно традиционным нравственным законам сельского общества («мира»).

В составе концепта *воля* с точки зрения лингвокультурологического подхода можно выделить ценностный, понятийный и образный компоненты.

Образный компонент в структуре концепта – предмет, персонифицирующий девичью жизнь, молодость и красоту невесты. Это могло быть украшенное цветами и лентами деревце, веник, ветка, куст, лента.

Понятийным компонентом концепта *воля* выступает жизнь в девичестве, безмятежная, веселая.

Ценностный компонент концепта *воля* выводится путем сопоставления понятий *воля* и *неволя*, *воля* и *доля*. Тексты свадебных песен репрезентируют данные категории как общее представление о жизни в замужестве, отличающейся от прежней добровольным принятием порядков новой семьи.

В дискурсе русских свадебных песен утверждаются такие важнейшие ценности, как дом, семья, уважение к

старшим, к родителям, сохранение которых возлагается прежде всего на женщину.

Литература

1. Агапкина Т.А. Воля в восточнославянском фольклоре // *Studia Litterarum*. 2021. Том 6. №3. С.258–281.
2. Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки : Антология. Т.IV. Русская свадьба Самарской губернии. Ч.1 / авт.-сост. И.А. Касьянова (отв. ред.) [и др.]. Самара, 2015. 684 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.
4. Катаева Н.М. Воля // Антология концептов. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
5. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Новая серия, 1997. С. 280–287.
6. Лихачев Д. С. Просторы и пространство. М.: Азбука-классика, 2008. 227 с.
7. Словарь русских народных говоров/ Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Вып. 5. Ленинград: Наука, 1970. 342 с.

УДК 811.161.1

М.Е. Тарабина (г. Самара, Россия)

Научный руководитель к.ф.н. доц. О.А. Усачёва

КОНЦЕПТ ‘ПУТЬ’ В ТЕКСТАХ ПЕСЕН ФOLK-ROK ГРУППЫ «КАНЦЛЕР ГИ»

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва»

В данной статье рассматриваются особенности функционирования концепта ‘путь’ в текстах песен фолк-рок группы «Канцлер Ги». Определены репрезентанты концепта ‘путь’; выявлены его когнитивные признаки, способы образного моделирования; охарактеризована ценностная составляющая концепта. Используются описательный метод, метод контекстуального и компонентного анализа. Установлено, что основное значение, реализуемое концептом ‘путь’ в анализируемых текстах, – ‘связь нашего и потустороннего миров’. Информация, содержащаяся в статье, будет полезна для дальнейшего изучения художественных концептов, для составления словаря концептов.

Ключевые слова: концепт, фолк-рок, индивидуально-авторская картина мира, когнитивный признак.

This article discusses the features of the functioning of the concept 'way' in the lyrics of the folk-rock group "Kanzler Gi". Representatives of the concept 'path' are defined; its cognitive features, ways of figurative modeling are revealed; the value component of the concept is characterized. The descriptive method, the method of contextual and component analysis are used. It has been established that the main meaning realized by the concept 'path' in the analyzed texts is 'connection of our and other worlds'. The information contained in the article will be useful for further study of artistic concepts, for compiling a dictionary of concepts.

Key words: concept, individual author's picture of the world, cognitive feature.

На протяжении долгого времени в науке остается актуальной проблема изучения идиостиля писателя. В современной лингвистике идиостиль всё чаще изучают с позиций когнитивной парадигмы. Как отмечает И.А. Тарасова, в таких работах поэтический идиостиль рассматривается как совокупность ментальных и языковых структур художественного мира писателя и центральной категорией исследования является индивидуально-авторский концепт [6, с. 163]. Л.В. Миллер определяет художественный концепт как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и... психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [2, с. 41–42].

Предметом нашего исследования являются особенности функционирования концепта 'путь' в творчестве фолк-рок группы «Канцлер Ги». Материал для исследования составили более 500 фрагментов текстов песен за период с 2003 по 2018 гг.

В ходе исследования была выявлена структура концепта 'путь' (понятийный, предметно-логический, ассоциативный, образный и ценностный слои) и проанализированы ее составляющие.

На понятийном уровне мы рассмотрели значение лексемы *путь* в толковых словарях и в словаре символов. В современном толковом словаре С.А. Кузнецова приводится 11 значений лексемы *путь*. Для нашего исследования актуальными оказываются следующие: 1. Полоса земли, служащая для передвижения (езды и ходьбы); дорога. 3. Пространство, по которому осуществляется транспортное сообщение. 4. Место для прохода, проезда куда-л. 5. Расстояние, которое проходит или проезжает кто-л. 7. Передвижение куда-л.; поездка, путешествие. 8. Направление движения, маршрут [1].

Словарь символов отсылает нас к смыслам «восхождение» [3] и «проход» [4]. В первом значении путь воспринимается как личностный рост, а второе концентрирует свое внимание на сложности этого процесса.

В рамках предметно-логического слоя мы выявили состав и частотность употребления лексем-репрезентантов концепта 'путь'. Помимо основных лексем *дорога* (50 случаев употребления) и *путь* (22 случая), обширно представлены глаголы движения, обозначения направления движения, наименования транспортных средств, а также группа отглагольных существительных со значением 'перемещение'.

Широко представлена группа глаголов движения, среди которых наиболее употребительными являются глаголы *идти* (39), *уйти* (28), *уходить* (21). Их частотность отражает повествовательную специфику текстов песен и свидетельствует о значимости для этих текстов мотива ухода героя.

В результате проведенного исследования мы выделили следующие когнитивные признаки концепта 'путь': «встреча / расставание», «поиск», «следование», «ночь», «смерть», «возвращение».

Наиболее продуктивным является признак «встреча / расставание». В данной группе представлены контексты, в которых чаще всего герой ненадолго встречается с возлюбленной. Причем возлюбленная – представительница иного мира. Путь здесь соединяет наш и потусторонний мир, чтобы герои увиделись друг с другом. Что характерно, герой довольно пассивен в своих действиях. Например: *Она. Пришла внезапно белая, словно призрак. / Она. Тебя накрыла белым*

своим плащом. / И ты готов был перед нею склониться низко, / Ведь ты устал безумно ежиться под дождем (Она). Мы видим, что герой, уставший быть один, наконец встретил девушку. Точнее, она сама явилась к нему. В ее внешности присутствует отличительная черта, из-за которой можно подумать о ее загробном происхождении, – белый цвет. Более того, в самом тексте она сравнивается с призраком.

Когнитивные признаки «поиск» и «следование» представлены при реализации типичного мифологического сюжета, где герой ищет свою возлюбленную. Героиня по тем или иным причинам уходит, а герой следует за ней. Подчёркивается сложность пути. В данных контекстах герой выступает уже активным действующим лицом: для того чтобы встретиться с героиней он готов преодолеть все препятствия: *Расцветает солнце бутонем светлым, / Видишь, в небеса улетает сокол. / Я приду к тебе по воде и пеплу, / Я приду к тебе по осколкам стёкол (Плач Гильгамеша об Энкиду); Я ушел от оков равнодушия дней, / От бессмысленной печали пустой, / Мне не хватит подков, мне не хватит коней, / Чтоб угнаться за твоей красотой. (Amore).* Возникает ассоциация с распространенным сюжетом сказок, где значимыми оказываются долгота и сложность пути. Так, например, в сказке «Финист – ясный сокол» героиня, следуя за возлюбленным, износила три пары железных башмаков, поломала три посоха, порвала три железных колпака. В текстах песен Майи Котовской лирический герой ищет героиню и в нашем, и в потустороннем мире. О переходе героини в другой мир свидетельствует, например, фраза *Страж ворот земных отвечать не хочет – Нечем мне помочь, мне твой путь неведом (Плач Гильгамеша об Энкиду).* Также обозначается, что герою за его собственную душу продали совет некие загробные существа: *Хоть за душу мою мне продали совет / Те, кто прячется в гробах на свету, / Но в просторах степей и в осколках планет / Я боялся, что тебя не найду (Amore).*

Высокая продуктивность отличает когнитивный признак «ночь». Согласно мифологическим представлениям, ночью размываются границы между мирами. В текстах песен

группы «Канцлер Ги» ночь является временем передвижения представителей потустороннего мира или пути лирического героя в иной мир.

Именно ночью к лирическому герою в виде призрака или духа может явиться его умершая возлюбленная. Эта желанная встреча будет недолгой, а девушка исчезнет с приходом рассвета, поскольку граница между мирами закроется. **Ночью, скорее всего, ты объявишься призраком. / Силы потратишь ты зря – я не помню твой вкус. / Впрочем, ты можешь остаться подольше, и мы с тобой / Будем всю ночь танцевать Танго Дохлых Медуз (Танго дохлых медуз).** Любимая приходит к герою ночью в виде призрака. Соединяются два мира: наш и потусторонний, живой и мертвый. Однако в данном контексте мы видим положительную оценку ситуации, поскольку герой хочет этой встречи.

Реже сам лирический герой может являться представителем иного мира: **Когда из яви сочатся сны, / Когда меняется фаза луны, / Я выхожу из тени стены, / Весёлый и злой. / Когда зелёным глаза горят, / А зеркала источают яд, / Я десять улиц составлю в ряд, / Идя за тобой. / Твоя душа в моих руках / Замрет, как мышь в кошачьих лапах. / Среди тумана не узнает меня. / И ты на годы и века / Забудешь вкус, и цвет, и запах (Тень на стене).** В полночь герой приходит из потустороннего мира с целью охоты за своей жертвой. Интересно наличие в примере указания на зеркало, которое обозначает двоемирие. И если для обычного человека зеркало является способом связаться с иным миром, то для нашего лирического героя – представителя как раз того мира – зеркала источают яд. Можно предположить, что они являются некоторым оружием или инструментом, чтобы жертва не могла спрятаться или убежать.

Особенным когнитивным признаком выступает «смерть». Лирические герои не просто встречаются со смертью как таковой, она является конечной целью их пути. Смерть обозначается такими лексемами, как *безглазая, ничто*. В последнем случае отражена дихотомия жизни и смерти, где жизнь – всё, смерть – ничего, абсолютная пустота. **В ожидании судьбы, / Считаю года; / Звон умершей листвы – /**

Да, все ерунда: / На свиданье с безглазой / Успеем всегда... (1313); Что за дела и откуда пришла / К нам на мученья нелепая мода? / Встреча с ничем, только зачем / Нам умирать, госпожа Эскармонда? (Esclarmonde).

Смерть сама может являться на встречу с героем в образе животного. Например: *Здравствуй, мелькнули белые уши, длинный пушистый хвост. / Верно испуган – по твою душу я долгожданный гость. / Не научился без дрожи в ручонках мой отмечать приход: / Я прихожу – ты реवेशь, как девочка, уже который год (Полярный лис).* В данном контексте получили отражение мотивы азиатской мифологии, где лисы символизируют демонов. Смерть периодически приходит на встречу с героем в образе полярного лиса. По всей видимости, их связывает какой-то договор, поскольку лирический герой боится этого прихода. Но, с другой стороны, этот приход настолько же ожидаем, насколько страшен.

Пройдя своеобразный обряд инициации в виде смерти, лирический герой, как правило, возвращается домой. Когнитивный признак «возвращение» реализуется при описании прихода героя обратно в наш мир изменившимся: *Он вернулся на Землю сквозь дни и года, / Хоть казалось на век в Средиземье ушедший. / Он жалеет об этом обычно тогда, / Когда вслед ему снова кричат: «Сумасшедший!» (Иван Петров).*

На уровне образного слоя мы выяснили, что способностью совершать путь наделяются различные явления действительности. К наиболее продуктивным относятся природные (ночь, луна, звезды, солнце) и антропоморфные (сердце, душа) явления, абстракции (сны, время, жизнь) и собственно дорога.

Представляется интересным тот факт, что дорога – лексема-репрезентант концепта ‘путь’ – наделяется способностью совершать путь. Кроме того, она является неким проводником. Так, в текстах мы встречаем случаи, когда дорога ведет к чему-то или уводит от порога: *Бежит, бежит дорога, / Блуждая средь полей; / Уводит от порога / Детей и королей, / Ведет на земли Юга, / За оком лесов, / Где госпожа Фортуна / Вращает колесо (Дорога).*

Как и в составе когнитивного слоя, в рамках образного слоя важное место занимает ночь и ее атрибуты – сны, луна, звезды. Традиционно она предстает в образе женщины, что обусловлено морфологической формой слова. Она одинаково безразлична к происходящему вокруг и деятельна, выполняя свою работу по распространению снов: **Ночь идет с кувшином да наклоняясь**, / *В том кувшине враз вино и вода.* / **Ночь усталым гостем** *глядит в окно,* / **Чьи-то** *гложет кости – ей все равно,* / **Невзначай** *прольет на порог вино,* / **Разольет из кувшина свежие сны** (*Соло на испорченной флейте*).

Образно осмысляются солнце и время, которые характеризуют движение жизни, быструю и неумолимую сменяемость времен года, жизненный путь, который надо пройти. Во многих культурах солнце является верховным божеством, поэтому часто изображается в виде короля. Такое изображение мы находим и в текстах песен: **На небе чертит свой извечный путь**, / **Бесстрастный бог**, *чье имя просто солнце.* / **И вам обоим** *некуда свернуть* / **И в царстве РА** *все ж свидится придется.* (*Рамзесу II*). Текст напрямую отсылает нас к древнеегипетскому богу солнца Ра. Процесс черчения извечного пути – это описание хода времени. То есть путь здесь актуализирует смысл времени. В следующем примере солнце также репрезентирует ход времени, а точнее, смену года: переход осени в зиму. **Солнце** *холодную ярость несет,* / **Свет** *заплетает, давясь ноябрем.* / **А он так спокойно курит и ждет,** / **Ведь он когда-то был королем** (*Каину Амберскому*).

На уровне ценностного слоя очень сложно выявить авторское отношение к дороге / пути из-за повествовательной специфики текста. Сложно встретить явную положительную или отрицательную оценку. Однако в песне «To friends» автор говорит, что дорога в рай длинна, а в ад легка. Мы можем сделать вывод, что лексема *длинна* будет характеризовать сложность этого пути. **Дорога вперед, дорога назад**, *куда повернешь: в рай или в ад?* / **Бьет ангел крылом**, *спасая тебя,* **черт** *лесть разливает, душу губя.* / **К чертям так легко бывает идти**, *в рай ноги сбивают камни пути.* / **И в сердце крови тревожная дрожь – ах, если бы знать, куда ты пойдешь.** / **Ах, если бы знать, куда ты пойдешь...** (*To friends*).

Обращает на себя внимание частотность мотива смены пути. Интересно, что во многих примерах герои попадают в ад, изначально следуя по райской тропе. В соответствии с традиционными представлениями автор дает понять, что дорога наверх (в рай) имеет положительную коннотацию, вниз (в ад) – отрицательную. *Небо зовет, наше время придет, / Краем земным нас обяжет расстаться. / Как же мне быть, буду просить – / Вы научите меня не бояться. / Как мне найти признак пути / И тонкую нить между черным и белым. / Тайну храня, просто меня / Вы научите быть смелым. ... / В небо пути манят пути, Но я уйду вместе с вами. (Esclarmonde).* Здесь герой и хотел бы, и мог бы подняться вверх по райской дороге, но он выбирает земной путь, меняя таким образом свою дорогу.

Мы дорогу измерили тысячей дней, / Отрезая себе пути назад; / Шли мы райской тропею, и по ней / Завернули в Ад! (Terra Sankta – II); А ты уходи и чем дальше – тем лучше, / Нет права тебе оглянуться назад. / И ты не следи, как цепляясь за тучи, / Дорогой небес, поднимается ад (Монсежурский романс). В данных примерах уже сама дорога меняет свою суть, приводя героев не в рай, а в ад.

Концепт ‘путь’ является одним из основополагающих в творчестве группы «Канцлер Ги». Тексты, автором которых является Майя Котовская, представляют большой интерес для изучения, поскольку реконструируют типичные сказочные, фольклорные сюжеты, описанные В.Я. Проппом [3], также в них отражены мифологические мотивы разных культур. Анализ показал, что доминирующим значением концепта ‘путь’ в текстах песен группы «Канцлер Ги» является смысл ‘связь нашего и потустороннего миров’.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

4. Словарь символов // [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-simvol-dict.slovaronline.com/147-Восхождение> (дата обращения: 21. 09. 2022).

5. Словарь символов // [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-simvol-dict.slovaronline.com/688-Проход> (дата обращения: 21. 09. 2022).

6. Тарасова И.А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Вестник Самарского государственного университета. 2004. №1(31). С. 163–169.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

УДК 81'276.5

*А.Д. Грищенко (г. Липецк, Россия)
Научный руководитель асс. Д.Ю. Лунева*

О ЗНАЧИМОСТИ ЛИЧНОСТИ УЧАЩЕГОСЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

*ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»*

В данной статье рассматриваются звенья педагогического процесса, важной задачей которого является ученик и становление его личности. Дается анализ понятий «ученик», «учитель», «образование». В обзоре научных источников рассматриваются мнения педагогов-ученых о значимости педагогического процесса в формировании личности обучающегося.

Ключевые слова: личность, педагог, ученик, педагогический процесс, образование.

This article discusses the links of the pedagogical process, an important task of which is the student and the formation of his personality. The analysis of the concepts of "student", "teacher", "education" is given. The review of scientific sources considers the opinions of teachers-scientists on the importance of the pedagogical process in the formation of the personality of the student.

Key words: personality, teacher, student, pedagogical process, education.

В современном мире образование имеет большое значение и касается всех сфер жизни человека. Образование – постоянно изменяющийся научно-познавательный процесс, в результате которого человечество приобретает новые знания. Образовательный процесс не стоит на месте, а активно развивается в педагогической, воспитательной и образовательной сферах жизни общества. Образование играет ключевую

роль в определении немаловажной сферы для человека – профессии.

В. А. Сластенин дает определение педагогическому процессу: педагогический процесс – «это специально организованное взаимодействие педагогов и воспитанников, направленное на решение развивающих и образовательных задач» [3].

Предметом педагогического процесса является ученик, в связи с чем его развитие становится одним из ключевых факторов. Динамика развития уровня знаний у ребенка определяет дальнейший ход образовательного течения.

Разработкой данной проблемы занимался Л.С. Выготский, который считал, что обучение должно опираться на потребности, мотивы и индивидуальные особенности ребенка [1]. Ян Амос Коменский в своем труде «Великая дидактика» писал о том, что педагог не должен диктовать ученику свои установки, а прививать способность самому понимать вещи. Ученый говорил: «правильно обучать юношество – это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь слов, фраз, изречений, мнений, а это значит раскрывать способность понимать вещи, чтобы именно из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки, подобно тому как из почек деревьев вырастают листья, плоды, а на следующий год из каждой почки вырастет целая новая ветка со своими листьями, цветами и плодами» [5].

Не менее важным звеном педагогического процесса является учитель. Педагог помогает ученику усвоить полученные знания и учебный материал, а также является связующим звеном между образованием и учащимся. Он должен стать примером для воспитанника, тем, на кого можно равняться. Общение с учителем помогает ребёнку устанавливать социальные контакты, формировать определенные позиции, становиться культурно-просвещенным человеком.

Между учителем и учеником существует третье звено, им является сам педагогический процесс. Он не может быть организован, если какая-то одна деталь будет отсутствовать. Педагог и обучающийся – два равнозначных компонента, от работы которых зависит вся педагогическая цепочка. В этой

цепи педагогический процесс – основное звено, которое ставит перед учителем определенные задачи, а перед учеником способы их выполнения.

Личность ученика в педагогическом процессе играет немаловажную роль. Ее формирование происходит в процессе обучения и воспитания, поэтому образование становится главным аспектом её развития. Так, например, В.А. Слостенин писал, что личность ученика нужно рассматривать как общечеловеческую ценность, что педагог должен знать интегративные личностные качества ребенка и что развивать их нужно только на гуманистическом уровне отношений. Именно педагог-гуманист способен развить в ученике личностные качества, сформировать индивидуального человека и направить обучающегося на путь саморазвития.

Б.Т. Лихачев отмечает, что основным критерием становления личности является успешность самопроявления человека [2]. Есть множество примеров того, когда люди становились выдающимися личностями в различных областях, не имея специального образования. Человек не может сформироваться как личность, если будет находиться в изоляции от общества. От различных форм общественных отношений будет зависеть разностороннее формирование личностных качеств. Б.Т. Лихачев отмечает, что материальные и духовные инструменты для формирования личности должны зависеть от потребностей самой этой личности. Необходимо привить ребенку интерес к общественной жизни, чтобы он мог добровольно участвовать в делах коллектива и общества [2].

Другое мнение о формировании личности имел И.П. Подласый. По его мнению, результат развития личности – это становление и биологического, и социального аспекта жизни, причем личность формируется в процессе социального развития: в семье, в педагогическом коллективе и в неформальных объединениях. В своем труде он писал: «Если человек достигает такого уровня развития, который позволяет считать его носителем сознания и самосознания, способным на самостоятельную преобразующую деятельность, то такого человека называют личностью» [6].

П.И. Пидкасистый отмечал, что важную роль в становлении личности ребенка играет учитель. Педагог способен предугадать результат семейного и социального воспитания и направить ребенка на личностный и общественно-ценностный результат. В процессе становления важно помочь ребенку сформироваться как личность так, чтобы он четко понимал свою позицию в обществе и мог самостоятельно строить свою жизнь, без помощи окружающих его людей [4].

Таким образом, личность ребенка формируется в различных сферах общественной жизни. Большую роль в ее формировании играет педагогический процесс. Благодаря педагогу, школьному коллективу и информации, которую получает ученик, у него формируются определенные установки, убеждения, принципы и взгляды на жизнь.

Литература

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
2. Лихачев Б.Т. Педагогика: курс лекций / под ред. В.А. Сластенина. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. 647 с.
3. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2013. 576 с.
4. Педагогика: учебник для студентов учреждений высш. проф. образования / П.И. Пидкасистый, В.А. Мижериков, Т.А. Юзефович; под ред. П.И. Пидкасистого. М.: Академия, 2014. 624 с.
5. Педагогическое наследие. Я.А.Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци. М.: Педагогика, 1989. 416 с.
6. Подласый И.П. Педагогика: учеб. пособие для студентов вузов. В 3-х кн. Кн. 3: Теория и технологии воспитания. М.: Гуманитар. издат. центр ВЛАДОС, 2007. 463 с.

Г.Р. Камилова (г. Ош, Кыргызстан)

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСКОГО ФОЛЬКЛОРА

*Кыргызско-Узбекский Международный
университет имени Б.Сыдыкова*

В статье рассматриваются вопросы обучения и нравственно-го воспитания детей с привлечением фольклора кыргызского народа. Определено направление в воспитании и обучении детей на примерах кыргызского фольклора (пословицы, поговорки, загадки, детские колыбельные игровые песни, сказки, эпические поэмы, айтыши), в которых отражены мечты народа о лучшей жизни о социальной справедливости. Особое внимание уделяется народной педагогике. Рассматривается воспитательное воздействие фольклора на сознание, чувства, поведение детей и молодежи.

Ключевые слова: обучение и нравственное воспитание, обычаи, традиции, обряды, жанр, духовная жизнь, фольклор, поэзия.

The article deals with the issues of upbringing and moral education of children with the involvement of the folklore of the Kyrgyz people. The direction in the upbringing and education of children on the examples of Kyrgyz folklore is determined (proverbs, sayings, riddles, children's lullabies, game songs, fairy tales, epic poems, aitysh), which reflect the people's dreams of better social justice. Particular attention is paid to folk pedagogy, the main source of education of children. The educational impact of folklore on the consciousness, feelings, behavior of children and youth is considered.

Key words: upbringing and moral education, customs, tradition, rites, genre, spiritual life, folklore, poetry.

Национальная педагогическая культура занимала большое место в повседневной жизни кыргызов в виде бытовых традиций, обычаев, обрядов. Каждому жанру богатого кыргызского фольклора (пословицы и поговорки, загадки, детские колыбельные, игровые песни, сказки, эпические поэмы, айтыши) отведена определённая воспитательная и познавательная функция, каждый жанр интересен своей композицией и историей возникновения.

Развитие в воспитании и обучении детей, как в любой другой области духовной жизни общества, в значительной мере обеспечивается каждым новым поколением.

Кыргызы, один из древних народов Средней Азии, на протяжении веков накопили свой опыт воспитания подрастающего поколения. Этот опыт, уходящий в далёкое прошлое, составлял основы норм поведения, охранял труд и жизнь людей от разрушения сложившегося порядка, передавался от поколения к поколению.

До Октябрьской социалистической революции кыргызский народ вел кочевой образ жизни, был почти сплошь неграмотным, не имел письменности на родном языке. Естественно, в этих условиях отсутствовала педагогическая литература. Поэтому основным источником воспитания детей была народная педагогика – сказки, пословицы, поговорки, загадки, легенды, назидательные стихи, эпические поэмы и другие жанры устного народного творчества, в которых нашли своё отражение не только мировоззрение, но и национальное своеобразие, самобытная культура кыргызского народа, определённые нормы и принципы поведения людей. На этом базировалось воспитание у детей трудолюбия, честности, правдивости, мужества и других нравственных качеств [2].

Идейно-художественное содержание устного народного творчества объясняется конкретными условиями многовекового развития народа, особенностями общественных отношений, национального характера, народного опыта, традиций.

Произведения традиционного народного творчества с раннего детства служили средством преднамеренного воспитательного воздействия на сознание, чувства, поведения детей. В ряду различных жанров устного народного творчества большой популярностью пользовались пословицы и поговорки. В них были сконцентрированы педагогические взгляды народа на воспитание нравственных качеств молодёжи, в частности трудолюбия, коллективизма, мужества, уважительного отношения к старшим.

Так, например, роль труда не только как материальной основы существования людей, но и как нравственной основы их взаимных отношений широко представлена в поговорках и пословицах, в которых народ осуждал тех, кто живёт за счет чужого труда. Эта мысль находит выражение в кыргызских пословицах: «Для тех, кому трудиться лень, бесконечно длится день», «То, что достаётся без труда, не приносит счастья никогда», «Чтобы взять траву, верблюд и тот вытянет шею» и др. [5]

Одна из характерных черт традиционной народной педагогики кыргызов – слабое влияние исламской религии на воспитание детей. В частности, это объясняется тем, что в прошлом кыргызы вели кочевой образ жизни. Интенсивному распространению религии в горном крае препятствовали отдалённость кыргызов от религиозных центров и трудность проникновения религии в высокогорный Тянь-Шань. Служители ислама здесь были малоизвестны, поэтому мусульманские религиозные обязанности исполнялись главным образом представителями господствующей верхушки. Что касается народных масс, то религиозные обряды исполнялись далеко не всеми. Отношение к мусульманской религии трудовой народ выражал в пословицах: «Законов множество на белом свете от бога, но тех, кто следует этим законом, немного», «Если надеешься ты только на бога, то от надежды твоей толку немного». И народ осуждал жадность и недостойное поведение служителей культа. Важно подчеркнуть, что в значительной части кыргызского народа воспитание детей не было подчинено исламу, нередко оно было свободно от религии.

В воспитании детей большую роль играли кыргызские сказки, в которых отражены мечты народа о лучшей жизни, о социальной справедливости. Благородные чувства дружбы, товарищества, любви, отражённые в кыргызских сказках, воспитывали достойных представителей кыргызского народа на протяжении веков и до сих пор служат делу воспитания молодёжи.

Кочевые хозяйства с сохранившимися пережитками феодально-родовых отношений, необходимость защиты ро-

дины от чужеземных захватчиков, походы и сражения требовали воспитания у молодёжи, особенно у юношей, силы, храбрости, выносливости, ловкости и других физических качеств. Этим целям служили народные игры, которые устраивались в дни традиционных праздников.

Из народных игр наибольшей популярностью пользовались «Куреш» (борьба двух молодых мужчин), «Улак тартыш» (скачки, козлодрание), «Джамбы атмай» (на скачках стрелой, пущенной из лука, требуется перебить ремешок, на котором высоко подшивался слиток серебра – джамбы), «Ат чабыш» (скачки на лошадях на дистанцию до 50 км), «Кыз куумай» (всадник-юноша должен догнать девушку, которая начинала скачку первой), «Эр сайыш» (поединок двух всадников, вооружённых деревянными пиками) и другие.

Многочисленные и разнообразные народные игры, в основном имевшие военно-прикладной характер, проходили в присутствии большого числа людей и были направлены на воспитание у детей и юношей физической закалки и мужества, необходимых для воина. Почти все народные игры, особенно конные, нашли отражение в произведениях устного народного творчества.

В условиях кочевого образа жизни домашний семейный очаг, являвшийся обычно и своего рода народной школой для детей, постоянно находился в движении. В данных условиях особенно значительной оказывалась роль основных носителей народной педагогики и талантливых продолжателей его традиций сказителей (*кошокчу*), исполнителей эпоса «Манас», певцов-импровизаторов (*акынов*), странствующих музыкантов (*комузчи, кыякчи*). Массовое творчество народа как бы переплеталось с импровизацией акынов, которые зачастую стали и великолепными исполнителями фольклорных произведений. И то и другое составляло основу народной педагогики.

Кыргызские семьи многодетны. Бедность в кыргызской семье явление редчайшее, а многодетность – обычное, присущее едва ли не каждой семье. Это характерно и для настоящего времени, особенно в условиях сельской местности.

Эпическая поэзия кыргызского народа развивалась с древнейших времен. Величайшее поэтическое творение кыргызского народа – героический эпос «Манас» [4]. Это одна из самых грандиозных по своим масштабам эпических поэм мира, поистине океан поэзии, подлинный кладёзь народной педагогики. Эпическая трилогия («Манас», «Семетей», «Сейтек») поражает энциклопедическим размахом. Каждый кыргыз именно через «Манас» знакомится с древними сведениями своих соплеменников о географии, медицине, зодчестве, астрономии, военном деле. Но основная мысль произведения – воспевание свободы и независимости. Следовательно, в основу монументального сказания положена идея патриотического воспитания.

Близки фольклору по художественной системе, по идейно-нравственной воспитательной направленности произведения кыргызских акынов – певцов-импровизаторов. Самое главное среди них имя Токтогула Сатылганова. Он народный мыслитель, высокоодарённый поэт, непобедимый участник айтышей, состязаний кочевых певцов, создатель донныне звучащих среди народа песен.

Его младший современник и ученик – акын-письменник Тоголок Молдо – поэтическое имя Байымбета Абдрахманова, который обучал детей грамоте. Он, сочиняя сказки, басни, песни, поэмы для детворы, изучал традиции и методы народной педагогики. Силой воспитательного воздействия отличались произведения популярных акынов Барпы Алыкулова, Калыка Акиева, Осмонкула Болоболаева и других.

Подчёркивая значение кыргызских акынов, музыкантов-комузчи и кыякчи в духовном развитии народа, профессор А.Э. Измайлов пишет, что «они заменяли молодёжи театр, которого она не знала, школу, куда её не допускали, книгу, которой она была лишена. Они заполняли часы народного досуга» [3].

Традиции фольклора и акынов-импровизаторов в воспитании детей и молодёжи были замечены и высоко оценены.

«Высшее искусство – красноречие», – так народ издревле оценивает искусство слова. Большая часть произведений, составляющих педагогическое наследие кыргызского народа, – это творения словесно-образные, художественные. Язык был главным носителем мудрости народа, его воззрений на обучение и воспитание детей и молодёжи: «Язык – хранилище мысли», «Высшее искусство – красное слово», «Богатырь кряк возглавляет, мудрец путь открывает» [1]. Кыргызы придавали исключительное значение чёткому художественному слову. Знаменитые послы и дипломаты в своей нелёгкой работе использовали силу слова, и она же служила важным средством состязания акынов. Это исконно народная традиция продолжается и поныне.

Проблемы, поставленные в древней притче о Матери Оленихе не утратили своего нравственного смысла и до наших дней. Через свои художественные творения народ воспитывал в молодом поколении любовь к родине, к её природе, дружбу и человечность, смелость и отвагу, почитание старших, правдивость и честность, уважение к труду и к людям труда, тягу к науке и знаниям, языку и искусству. Здесь перечислены лишь некоторые из тех идей, которые передавались подрастающей смене с помощью кыргызского образного слова.

И поэтому одним из ведущих направлений педагогической мысли Кыргызстана становится разработка путей освоения и развития народной педагогики, приобщения к лучшим традициям исторически сложившейся и современной национальной культуры во взаимосвязи с традициями культуры других народов, прежде русского. Здесь же складывается такое научно-методическое направление, как учебное этнокультуроведение, изыскивающее пути педагогического сопряжения двух национальных словесно-художественных культур – кыргызской и русской, контактирующих в учебно-воспитательном процессе.

Успешное развитие задач обучения, воспитания и формирования личности в значительной мере зависит и от того, в какой степени педагогическая наука сможет использовать прогрессивные идеи народной педагогики, жемчужины педа-

гогической мысли прошлых поколений, и передовой опыт обучения детей и молодёжи.

Литература

1. Антология киргизской поэзии / сост.: К.Рахматуллин, Т.Садыкбеков; предисл.: М.Богданова, А.Салиев. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 442 с.
2. Антология педагогической мысли Киргизской ССР: сборник научных трудов / Академия педагогических наук СССР. Научно-исследовательский институт художественного воспитания; отв. ред. М.Б. Базаркулов; сост.: А.И. Акулова, А.С. Садыков, М.Р. Балтабаев; редкол. М.И. Кондаков. М.: Педагогика, 1988. 366 с.
3. Измайлов А.Э. Просвещение в республиках советского Востока. М.: Педагогика, 1973. 368 с.
4. Манас: киргизский героический эпос. По варианту С. Орозбакова. Фрунзе: Кыргызстан, 1980.
5. Пословицы и поговорки кыргызского народа: Из собрания академика К.К. Юдахина / Сост. Д. Давлетбакова. Вступ. ст. Т.К.Ахматова, М.А. Рудова. Бишкек: Илим, 1997. 232 с.

УДК 372.881.161.1

В.К. Новикова (г. Самара, Россия)
А.Ф. Шалтаева (г. Самара, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. И.В. Гурова

РАЗВИТИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В статье представлен проект программы внеурочной деятельности, направленной на развитие вербальной креативности младших школьников. На основе анализа научной литературы выявляются лингвистические и психолого-педагогические основы организации кружковой работы. Определяются задачи и разделы программы. Приводятся примеры авторских заданий для обучающихся 3 класса, творческим продуктом которых становятся словообразовательные инновации, сказки, а также тексты-описания новых профессий, придуманных детьми.

Ключевые слова: креативность, внеурочная деятельность, младший школьник, вербальная креативность.

The article presents a draft program of extracurricular activities aimed at the development of verbal creativity of younger schoolchildren. Based on the analysis of scientific literature, the linguistic and psychological-pedagogical foundations of the organization of circle work are revealed. The tasks and sections of the program are defined. Examples of author's tasks for 3rd grade students are given, the creative product of which are word-formation innovations, fairy tales, as well as texts describing new professions invented by children.

Key words: creativity, extracurricular activities, junior high school student, verbal creativity.

Современное общество формирует запрос на воспитание творческих людей, способных предлагать нестандартные решения теоретических и практических задач. В образовательном процессе большим потенциалом для развития креативных способностей, творческого мышления школьников обладает внеурочная деятельность [10; 11].

В центре нашего внимания находятся вопросы развития вербальной креативности младших школьников. Психолого-педагогические, методические и лингвистические основы изучаемого творческого процесса представлены в трудах отечественных учёных: Л.Н. Азаровой [1], Г.С. Альтшулера, Р.Б. Шапиро [2], Н.В. Гонновой [3], Т.А. Гридиной [4], И.В. Гуровой [5; 6; 7], М.В. Клементьевой [8], С.С. Пичурина [9] и др. Исследования показывают, что в теории накоплены ценные идеи, концептуальные положения, определённые методологические подходы, способствующие осмыслению рассматриваемой проблемы.

Вербальная креативность определяется как одна из составляющих креативности языковой личности, выявляющая способность носителя языка к творческому использованию готовых языковых форм и значений и обновлению их репертуара в условиях осознанного отступления от канонических форм речи [4, с. 45]. К основным показателям вербальной креативности относят беглость, гибкость, оригинальность.

Беглость является количественным критерием, который характеризуется скоростью протекания мыслительных

процессов, то есть выдвижением и словесным формулированием большего или меньшего количества идей за определённый временной промежуток.

Гибкость определяется разнообразием идей; оригинальность предполагает их нестандартность. Оригинальность проявляется также в отказе от стандартных способов выражения мысли, в неожиданном сближении разнообразных семантических сфер, нахождении одновременно и экономной, и ёмкой формы слова.

Младший школьный возраст признаётся благоприятным периодом для развития вербальной креативности. Детям этого возраста присущи склонность к фантазированию; повышенная впечатлительность и развитая эмпатия; стремление познать всё новое; развитое образное мышление и поэтическое восприятие мира; любознательность и потребность в самовыражении [1, с. 80].

Нами проектируется программа развития вербальной креативности младших школьников в рамках кружка «Школа словесного творчества».

В рамках программы решаются следующие задачи:

- определить и развить творческий потенциал младших школьников;
- развивать интерес к исследовательской деятельности в области языка и речи;
- формировать основы логического мышления;
- развивать образное восприятие, воображение как основы творческой деятельности;
- формировать ценностное отношение к миру, жизни, обществу.

Программа предназначена для обучающихся 3 класса, рассчитана на 34 часа.

Она имеет 3 раздела: «Воображания», «Мальшарики» и «Язык до Киева доведёт».

Продуктом творческой деятельности детей при выполнении заданий раздела «Воображания» становится текст. Приведём примеры заданий:

1. «Ты начни, а я дополню». Суть данного задания заключается в том, что ученики по очереди по одному предло-

жению придумывают сюжет сказки. Затем сказка оформляется в виде иллюстрированной книги.

2. «Вперёд в будущее». Каждый обучающийся придумывает и изображает на бумаге какую-нибудь новую профессию, придумывает ей название, затем представляет одноклассникам. Далее проводится коллективная работа – младшие школьники создают из изображений этих профессий чудесный «Атлас новых профессий» и составляют их описание.

3. «Поменяй-ка». Обучающимся предлагается текст, который необходимо творчески дополнить (придумать продолжение (начало); ввести в текст новых героев и др.).

4. «Стихоплёт». Для этого задания берутся любые четыре слова. Ребенку предстоит составить и прочитать стихотворение с использованием четырех выбранных слов (имён существительных, имён прилагательных, глаголов). На сочинение каждого стихотворения затрачивается всего 5–7 минут. На одном занятии следует практиковать не более 2–3 стихотворений. Данное упражнение активизирует воображение и способствует развитию логичности и гибкости ума.

Задания раздела «Малышарики» направлены на развитие вербальной креативности младших школьников средствами словообразования:

1. Младшим школьникам предлагается нарисовать фантастическое животное, комбинируя части туловища двух реальных представителей фауны, и назвать его, соединяя части слов – названий этих животных. Например, *медведь+лис=медлис (лисведь)*.

2. Детям даётся задание представить, как могли бы выглядеть:

а) машина, которая сама сажает цветы;

б) рыба, которая может летать.

Обучающиеся рисуют то, что они представили, и придумывают названия для творческих продуктов.

Предполагаемые варианты названий: *сажецветка, цветосаж; рыболёт, леторыб*.

3. Перед ребенком находятся карточки с названиями овощей. Младший школьник должен пофантазировать: как могло бы называться дерево/куст с данным овощем. Напри-

мер: как могло бы называться дерево с огурцами? Нарисуйте его.

4. Ребёнок пробует себя в новой роли: теперь он может сам называть города и сёла в какой-нибудь новой стране. Составляется список необходимых названий, к нескольким выбранным названиям готовятся приветственные вывески.

Задания раздела «Язык до Киева доведёт» предполагают творческую работу с фразеологизмами,

1. Младшим школьникам предлагается дополнить текст фразеологизмами, в составе которых есть *нога* (предварительно третьеклассники знакомятся с такими фразеологизмами). После прочтения необходимо ответить на ряд вопросов.

Текст в качестве примера:

Когда-то я был с ним на Но однажды он (с ... встал, что ли?) полез ко мне драться. Я со ... домой! Еле ...! Зато теперь к нему моей больше у него ...!

Вопросы для анализа:

– Какие фразеологизмы вы вставили в текст? Поясните их значение.

Ответы:

– *На короткой ноге* – в близких, дружеских отношениях.

– *Встать с левой ноги* – быть в плохом настроении.

– *Со всех ног* – очень быстро, стремительно (бежать).

– *Уносить ноги* – спастись бегством, удирать от опасности.

– *Ни ногой* – совсем не ходит, не ездит куда-либо, не бывает у кого-либо.

– *Ноги не будет* – кто-либо никогда не приедет, перестанет посещать кого-либо, бывать где-либо. Обычно как угроза, запрещение.

Затем младшим школьникам предлагается составить свой текст с определённой группой фразеологизмов.

2. Младшие школьники по рисунку отгадывают фразеологизм. Дети смогут увидеть, что было бы, если бы люди понимали некоторые устойчивые выражения буквально. Далее рисуют собственные картинки к другим фразеологизмам.

К перспективам нашего исследования отнесём создание заданий, связанных с трансформацией фразеологизмов в проектируемых учителем речевых ситуациях.

Полагаем, что систематическое использование разработанных нами заданий будет способствовать развитию вербальной креативности младших школьников, их воображению, образному восприятию окружающего мира, воспитанию интереса к исследовательской деятельности в области языка и речи.

Литература

1. Азарова Л.Н. Как развивать творческую индивидуальность младших школьников // Начальная школа. 1998. №4. С. 80–81.
2. Альтшуллер Г.С., Шапиро Р.Б. О психологии изобретательского творчества // Вопросы психологии. 1956. №6. С. 37–49.
3. Гоннова Н.В. Лингвокреативный потенциал рекламных имён (на примере дериватов с оценочными компонентами) // Уральский филологический вестник. 2020. № 2. Вып. 29. С. 116–126.
4. Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива: коллективная монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 5–59.
5. Гурова И.В. Гейт-производные в медиадискурсе: лингвокреативный аспект // Уральский филологический вестник. 2018. №2. С.142–149.
6. Гурова И.В. Лингвистический креатив в Живом журнале (на примере блога Е. Касперского) // Уральский филологический вестник. 2020. № 2. Вып. 29. С. 127–134.
7. Гурова И.В., Шеина М.К. Развитие лингвокреативного мышления обучающихся (словообразовательный аспект) // Поволжский педагогический вестник. 2020. Т. 8. №4 (29). С. 19–24.
8. Клементьева М.В. Вербальная креативность // Культурно-историческая психология. 2014. №4. С. 12–15.
9. Пичурин С.С. К вопросу о развитии творческих способностей младших школьников // Начальная школа плюс До и После. 2014. № 3. С. 51–53.
10. Симановский А.Э. Развитие творческого мышления детей. Популярное пособие для родителей и педагогов. Ярославль: Академия развития, 2011. 120 с.
11. Утёмов В.В. Педагогика креативности: прикладной курс научного творчества: учебное пособие / В.В. Утёмов,

М.М. Зиновкина, П.М. Горев. Киров: Межрегиональный ЦИТО, 2013. 212 с.

УДК 37.062.3

*Е.А. Петрова (г. Екатеринбург, Россия)
С.Э. Сенникова (г. Екатеринбург, Россия)
Научный руководитель ст.преп. Е.А. Тукова*

СПОСОБЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ВЫПОЛНЕНИЮ УЧЕБНОГО ПЛАНА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

*ФГБОУ ВО «Уральский государственный
университет путей сообщения»*

В представленной работе исследуются способы стимулирования студентов к выполнению учебного плана в высших учебных заведениях через призму положительной и отрицательной мотивации, а также анализ поколений и выявление причин невыполнения требуемых заданий обучающимися.

Ключевые слова: стимулирование, мотивация, студенты, учебный план, поколение.

The present paper examines ways to encourage students to complete the curriculum in higher education institutions through the prism of positive and negative motivation, as well as generational analysis and identification of the reasons for students' failure to complete the required tasks.

Key words: stimulation, motivation, students, curriculum, generation.

Вопросы обучения можно отнести к вечным. В XXI веке студенты совсем не те, что были в советское время: последние охотно изучали предметы и хватались за любую возможность получить знания, тогда как нынешнее поколение даже не стремятся к качественному образованию, а зачастую занимаются тем, что им интересно. Это обуславливается не только большим потоком информации, которое вынуждены обрабатывать нынешние студенты, но и самой спецификой поколений. Если углубиться в теорию поколений, разработанную американскими социологами Нилом Хау и Уильямом Штраусом, то её суть заключается в сменяемости

представителей поколений каждые 20 лет. Естественно, всё индивидуально, однако понимание того, что движет людьми определенного возраста, открывает к ним подход. Поколение «X» – это люди, родившиеся в период с 1964 по 1980 год, «Y» – те, что появились на свет в период с 1981 по 1996, и поколение «Z» – с 1997 по 2012 соответственно.

Мы рассмотрим эти поколения только с точки зрения того, каковы они в учёбе или работе, и сделаем это для того, чтобы понять, так ли сильно отличается нынешнее поколение и отличается ли вообще. Начнём с поколения «X». Это поколение под влиянием внешних факторов настроено на упорную работу и не любят проявлять инициативу, хоть и работают они ради стабильности, а не ради удовольствия.

Образование для них также важно. Для поколения «Y» или «миллениалов» та стабильность, о которой мечтали представители предыдущего поколения это не что иное как рутина. Но они любят учиться. Они готовы учиться всю жизнь, так как воспринимают процесс обучения как новый опыт и поиск себя, однако если они поймут, что направление, на котором они учатся, им не подходит, они без сожалений пожертвуют стабильностью ради любимого дела.

И наконец, поколение «Z», или «зумеры». Это поколение кардинально отличается от предыдущих, и это объясняется отсутствием каких-либо глобальных социальных потрясений. Зумеры отличаются своей оптимистичностью, сверхтолерантностью, бережливостью и рациональностью. Для этого поколения комфорт – один из основополагающих факторов в принятии решения. Может быть, поэтому классическое образование их не сильно интересует и, как следствие, невыполнение учебного плана, к проблеме которого мы подходим издалека.

Поколение «Z» хоть и не всегда воспринимают традиционное обучение, но оно осознает ценность информации и тянутся к ней: им не нужно говорить, что будущее заключается в эрудированных индивидуумах и что из жизненный успех зависит от качества их знаний, поэтому путём различных онлайн-курсов или самообразования они достигают собственных намеченных целей.

Мы обратили внимание на причины возникновения такой проблемы, как стимулирование обучающихся к выполнению учебного плана и поиск подходов к решению данной проблемы. Был выбран такой подход, как стимулирование, поэтому мы более подробно рассмотрим способы мотивации студентов. Мотивация есть как позитивная, так и негативная, и не всем подойдёт тот или иной вид стимулирования. Не всем вообще нужна мотивация, однако её не избежать, если студент не выполняет план. Для начала выделим те способы стимулирования, которые относятся к положительной мотивации:

- Создание доверительных и уважительных отношений со студентами, немаловажным является обращение именно по имени;
- Использование оценочных обращений: согласие, одобрение, замечание или отрицание;
- Поддержка инициативности студентов;
- Обращение к приёму апперцепции: проводите параллель между рассматриваемыми ситуациями с личным опытом студентов;
- Акцентирование актуальности учебного материала и тех аспектов, которые непосредственно пригодятся студентам в их будущей профессиональной деятельности;
- Создание благоприятной атмосферы для благотворной работы. Поколение зумеров очень ранимо и болезненно относится к критике, поэтому очень важно создать такие условия, чтобы студент без стеснения мог отвечать на парах или переспрашивать ту или иную информацию.
- Использование разных форматов проведения занятий: поколению «Z» присуща слабая память из-за отсутствия концентрации внимания и, как следствие, потеря внимания на занятиях.

Что касается отрицательной мотивации, то зачастую выделяют такие методы, как запугивание отчислением, обесценивание личных проблем, постоянная критика или жёсткий контроль, который не всегда кстати. Такие методы работают только в тех случаях, когда у студента нет личного стимулирования обучаться, ведь если студент выполняет учебный

план, он это делает по собственному желанию и для реализации собственных целей. Если же использовать такие способы мотивации с теми учениками, которые тянутся к знаниям, то это может перерасти в выгорание, которое часто случается у нынешнего поколения.

Таким образом, мы выделили основные способы стимулирования студентов. Но все-таки нельзя мотивировать человека делать то, чего он не делать не желает. Поведение человека устроено таким образом, что любое принуждение к действию (если говорить об отрицательной мотивации) влечёт за собой отторжение. Поэтому для тех студентов, которые не выполняют учебный план, лучшей мотивацией будет диалог о его дальнейшем обучении. Нужно попытаться понять его не как обучающегося, а как человека, который, возможно, не выполняет задания в срок под влиянием внешних факторов, и объяснить ему, что учебный план создан не для кого-то, а именно для него.

Литература

1. Апостолова Ю.С. Способы и методы повышения мотивации студентов в процессе обучения // [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/32V2VK> (Дата обращения: 26 октября 2022 г.);
2. Повышение мотивации студентов к обучению // [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/32V2Pn> (Дата обращения: 26 октября 2022 г.);
3. Теория поколений «XYZ» // [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/uQqg4> (Дата обращения: 26 октября 2022 г.);
4. Тукова Е.А. Совершенствование образовательного процесса в период пандемии на примере УрГУПС // Проблемы управления качеством образования: сборник избранных статей Международной научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 29 июля 2020 года. Санкт-Петербург: НАЦРАЗВИТИЕ, 2020. С. 129–131.

*Д.И. Попова (г. Архангельск, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. доц. В.А.Марьянчик*

ЭКСКУРСИЯ-КВЕСТ В МУЗЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

*ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова»*

В данной статье рассматривается методический потенциал экскурсии как технологии обучения русскому языку как иностранному. Наблюдения автора основаны на практическом опыте проведения квеста в усадебном доме Е.К. Плотниковой в Архангельске. Статья содержит теоретическое обоснование экскурсии как способа формирования культурологического компонента коммуникативной компетенции, алгоритм технологии квеста-экскурсии и материалы, на основе которых проводилось занятие. Информация, содержащаяся в практической части статьи, будет полезна в подготовке и проведении внеучебных мероприятий для иностранных студентов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, культурологический компонент, коммуникативная компетенция, экскурсия, экскурсия-квест.

The article concerns the perspectives of the methodological potential of an excursion as a technology for teaching Russian as a foreign language. The author's observations are based on the practical experience of conducting a quest in E. K. Plotnikova's manor house in Arkhangelsk. The article contains the theoretical grounding of the excursion as a way to form the culturological component of communicative competence, the algorithm of the technology and the materials on the basis of which the excursion was conducted. The information contained in the practical part of the article will be useful in preparing and conducting extracurricular activities for international students.

Key words: Russian as a foreign language, cultural component, communicative competence, excursion, museum tour.

Ежегодно в северную столицу Поморья по федеральному проекту «Экспорт образования» прибывает более 800 представителей из 50 стран мира. За последние 5 лет количество иностранных студентов ФГБОУ ВО СГМУ (г. Архангельск) Минздрава России увеличилось в 5 раз (по данным на 2020 год) [8]. У иностранных студентов сохраня-

ется потребность в осуществлении полноценной коммуникации не только в учебно-профессиональной сфере, но и в социально-культурной сфере.

По мнению методистов, такие методы и формы, как игры, викторины, конкурсы, дебаты, экскурсии охватывают обе сферы и способствуют развитию интеллектуально-познавательной составляющей. Однако при реализации этих форм и методов в ряде случаев, к сожалению, обучающийся остается пассивным наблюдателем при кажущейся активности. Следует повышать степень активности студента, например, с помощью интерактивных технологий. В данной статье рассмотрим технологию экскурсии-квеста [1].

Толковый словарь С.И.Ожегова даёт следующее определение: «Экскурсия – коллективная поездка (прежде также индивидуальная) куда-нибудь, посещение чего-либо с образовательной, познавательной целью». [4] Специалист в сфере музейной педагогики И.А.Шпаченко определяет экскурсию как «наглядный процесс познания человеком окружающего мира ... с заранее избранными объектами, которые изучают на месте их расположения» [8]. На педагогический потенциал экскурсии обращали внимание классики педагоги: Я.А. Коменский, А.С. Макаренко, Ж.Ж. Руссо, В.А. Сухомлинский и др. [10].

Т.Д. Отвагина и О.А. Распопова говорят о следующих особенностях учебной экскурсии в РКИ:

1) органическая часть учебного процесса с развлекательными элементами;

2) включает в себя все виды речевой деятельности и все виды упражнений;

3) сфера отработки изученного лексического и грамматического материала;

4) эффективность образовательного процесса зависит от уровня активности обеих сторон – экскурсовода и экскурсантов;

5) подготовлена для инофонов – поэтому содержит информацию, формирующую лингвострановедческий компонент;

б) стиль, темп и лексико-грамматические особенности речи соответствуют уровню владения языком [6].

Л.Ю. Гордина, Е.Н. Медынский, А.И. Пискунова также выделяют ряд особенностей экскурсии как формы организации работы с обучающимися:

1) совместная форма внеучебной деятельности экскурсовода (педагога) и экскурсантов (обучающихся);

2) форма организации воспитательной работы с массовой аудиторией обучающихся;

3) автономная форма культурно-просветительной работы, межличностного общения;

4) форма распространения знаний и идейного воспитания [3].

Экскурсия становится основной формой при дистанционном формате обучения языку. Так, при проведении школ русского языка и культуры в САФУ имени М. В. Ломоносова проводятся виртуальные экскурсии по музею «Малые Корель», виртуальный тур на Соловки и др. [2; 7].

Таким образом, в данной работе рассмотрим учебную экскурсию. Стоит отметить, что этот вид внеурочной работы способствует установлению контакта культур, способствует осознанию себя в качестве языковой личности, помогает адаптироваться в новой среде, стимулирует интерес к изучению русского языка и русской культуры. Экскурсия как живая, непосредственная форма общения развивает эмоциональную отзывчивость, уважительное отношение к русской культуре и к носителям языка. Она способствует расширению не только лексического запаса, но и страноведческого кругозора, развивает эрудицию и творческие способности, учит проводить параллели различных явлений в родном языке и русском, что в свою очередь повышает мотивацию к изучению языка и культуры страны.

Рассмотрим экскурсионную технологию, апробированную в рамках педагогической практики бакалавров Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова педагогического направления подготовки «Русский как иностранный» и «Английский язык». В летний семестр 2022 года педагогическая практика проходила в Се-

верном государственном медицинском университете на кафедре иностранных языков и русского языка как иностранного. Практикантами проводятся учебные и внеучебные занятия у индийских студентов первого курса лечебного дела с начальным уровнем знания языка. Методы, способы и технологии при обучении определяются каждым практикантом самостоятельно.

Помимо формирования лингвистического компетенции, не менее важной задачей является развитие культурологического компонента коммуникативной компетенции. Рассмотрим решение данной задачи на примере экскурсии в музей Архангельска в рамках прохождения практики. Методическая цель – максимальная активизация студентов, развитие навыков речевой деятельности в оптимальной и эффективной реализации интерактивной технологии. Следовательно, неэффективным решением задачи является: заказ традиционной экскурсии. В таком случае методическая цель не может быть достигнута в связи со следующими факторами:

- 1) начальный уровень владения русским языком;
- 2) традиционный, академический, привычный, коммуникативно непривлекательный формат проведения экскурсии;
- 3) отсутствие мотивации для участия в культурных мероприятиях во вне учебное время, особенно в тех, которые не связаны с профессиональной сферой.

Кроме того, привлекательность экскурсионной формы снижалась, так как студенты привыкли, что после экскурсии обязательно есть домашнее задание.

Нашей задачей было минимизировать перечисленные негативные факторы, поэтому мы разработали технологию проведения экскурсии-квеста с учетом методического контекста (ситуации). Ключевыми этапами данной технологии являются: подготовка, проведение, рефлексия и фиксация результатов.

Основной целью данной экскурсии-квеста является расширение культурологических знаний, повышение мотивации к изучению русского языка, обогащение речевого опыта. Методологическим решением было разработать экскур-

сию, которая может не только дать культурологические знания, но и замотивировать и изменить отношение студентов к экскурсиям.

В ходе обсуждения с руководителем практики для посещения нами выбран один из семи крупных объектов музейного объединения художественной культуры Русского Севера г.Архангельск – усадебный дом Екатерины Кирилловны Плотниковой. (Выбор места и времени делается с учетом плотности посещения и представленных экспозиций).

Экскурсионная программа называется «Дом, где живет красота» («The house where beauty lives...») и имеет следующее содержание: знакомство с историей дома, который появился в Архангельске более двух веков тому назад; ознакомление с архитектурными особенностями и изменениями, которые происходили; поиск ответа на вопрос: «Почему усадьбу называли «дом на лавках?»»; рассказ о купеческой семье Шингаревых-Плотниковых последних владельцев; работа с архивными данными: родословной, старыми фотографиями, письмами, листами переписи населения начала XX века.

В результате проведения выборочного опроса среди преподавателей СГМУ нами выявлено, что идея проведения экскурсии-квеста в музее с иностранными студентами является новой-для практики преподавания РКИ в СГМУ, так как ранее такого опыта не было.

При подготовке материала экскурсии-квеста частично использована разработка сотрудников музея Паршиной Л.А. и Фадеевой Н.М. игрового путеводителя для детей младшего и среднего школьного возраста с одноименным названием «Дом, где живет красота...» (художник Е.А. Тенетов). [5] Сюжетная линия, интересные факты об экспонатах музея и жанрах живописи, новые слова, разнообразные задания на логику и наблюдательность – это то, что сделало экскурсию живой.

Для составления квеста предварительно была посещена экскурсия, на основе которой разрабатывалась программа, лексические карточки и квест-листы. Решение проводить экскурсию на английском языке обосновано начальным

уровнем знания русского языка иностранными студентами и тем, что основной акцент делается на формирование культурологического и страноведческого компонентов.

Время проведения экскурсии – апрель 2021 года, учебная группа – 12 человек начального уровня знания РКИ. Язык проведения – английский. Для индивидуальной работы каждому студенту выдавался рабочий квест-лист (с заданиями на английском языке). Этапы соответствуют залу в музее.

Перед посещением музея студентов необходимо ознакомить с правилами поведения.

Лексические карточки. Двусторонние карточки размером 15x10 см с новой лексикой. Одна сторона – слово на английском, другая – на русском. В ходе экскурсии выполняется работа с новыми словами (презентация, слушание, произношение).

Карточки: *manor house* (усадебный дом), *marketplace* (рынок), *stoves* (печи), *stove* (печь), *tiled stoves* (изразцовая печь), *tile* (изразец), *pattern* (узор), *halls* (зал), *rosette* (розетка), *merchantess* (купец\купчиха), *wood* (дрова), *spindle* (веретено), *distaff* (прялка)

Квест-лист. Лист формата А-4 альбомной ориентации, на котором расположены карта передвижения по залам и задания. Считаем, что такой лист отражает представляет собой событийный сценарий экскурсии: он включает слоты-фрагменты в определенном порядке, фиксирует начало и конце экскурсии (ср. с пониманием событийного сценария в [3, с. 55]). Экскурсанты выполняют задания в соответствии с указаниями экскурсовода. Задания представлены на английском языке. Ответы необходимо вписать в соответствующие поля ответов.

0 этап. Холл. 5 минут

Организационный момент (приветствие, выдача квест-листов, ручек) вступительное слово:

«We are in the manor house of Catherine Kirilovna Plotnikova. It is an architectural monument of the late 18th century. Today we will walk through the second floor of the house and see the halls. This is a guide to the museum, and you and I

will also do some tasks from there today! You have room map. Now we are going at the hall number 1. Let's go!»

Выдаем задание №1.

Task 1. *«Look around carefully! In which hall can you see such ornaments? During the tour, write down answers below».*

1 этап. Зал №1. 10 минут

Переходим в первый зал и даем историческую справку (4 минуты).

Показываем черно-белое фото усадьбы: *«This house is very old. It was built over 200 years ago! This is what it looked like in the 19th century».*

На фото показываем первый и второй этаж, показываем торговую площадь перед усадьбой: *«The ground floor of the house used to be occupied by shops, while the first floor was occupied by a merchant's family. The last owner of the house was Catherine Kirillovna, which is why today the museum is called the E.K. Plotnikova Manor House. There was a marketplace on the square in front of the house. The building was handed over to the museum in 1991. The house has been restored for a long time and today it is a museum, where you can see the interiors (floors, ceilings and cookers) and paintings by Russian artists: Shishkin, Bryullov, Aivazovsky and many other masters».*

В процессе рассказа обращаем внимание иностранных слушателей на слова и показываем соответствующие карточки: *manor house (усадьба́ный дом), marketplace (рынок), stoves (печи), stove (печь)*. По завершению исторической справки работаем с новыми словами по алгоритму (4 минуты):

1. Слушаем (произносит экскурсовод на русском и показывает вариант на английском).

2. Слушаем второй раз (экскурсовод показывает русский вариант, затем еще раз английский).

3. Экскурсовод показывает карточку на русском, инфоны произносят слово с экскурсоводом вместе.

4. Экскурсовод выборочно просит студента прочитать слово на карточке.

Выдаем задание №2. (2 минуты)

«Look at how many kings and emperors are in this hall. There's also the first Russian Tsar Ivan (Ioann) Vasilievich the

Terrible. Find him among the five portraits below and put the sign. Remember, our main helper is the label on the wall near the painting».

2 этап. Зал №2. 8 минут

Работа со студентами в форме беседы (5 минут). Проходим во второй зал и обращаем внимание студентов на печь, задаем вопрос: «*What's this?*» Получаем возможные ответы: «*wardrobe, bedside table, chest of drawers, sculpture... Russian stove or oven or cooker*». Хвалим ответы студентов, рассказываем про печи в доме: «*There are only 17 stoves in the house. Our stoves are called tiled stoves because they are covered with tiles. Each cooker has a different pattern, so they are all different, as are the floors. Please note that the pattern of the parquet is different. The floors are made of wood (oak and birch)*».

Работа с карточками по алгоритму (2 минуты): *stove* (печь), *tiled stoves* (изразцовая печь), *tile* (изразец), *pattern* (узор).

«You can ask me "Where's her stove's door? Where do you put the wood?" Surprisingly, the back of the cooker and the firewood firebox went into a separate room - a special firebox corridor (we'll see it at the end of our journey)». (1 минута)

3 этап. Зал №3. 5 минут

Проходной зал (2 минуты): «*Men's room. There was a fireplace here almost 100 years ago, but it couldn't be saved. We will now go through the front rooms. These are the rooms where the guests were held, and the celebrations took place. They're called "halls"*».

Работа с карточкой по алгоритму (1 минута): *hall* (зал)

Выдаем задание №3. (2 минуты)

«*Find the picture with the silhouette. Who is shown in the picture?*»

4 этап. Зал №4. 4 минуты

Беседа, рассуждаем со студентами почему зал называется бело-золотой (4 минуты): «*White and gold. The biggest and most important hall is the white and gold one. "Why do you think it's called that?"*» Возможные ответы: «*Because they kept gold objects here; maybe there was something very expensive and*

valuable here; here the walls were decorated with gold». Хвалим студентов: «*That's right, because it was decorated with gold*».

Работа с карточкой по алгоритму (1 минута): *rosette* (розетка)

5 этап. Зал №5. 5 минут

Середина экскурсии, рассматриваем полотна И.К. Айвазовского (2 минуты): «*If you look out the window – you will see the balcony. In this room, the cooker is repeated. On the walls you see Aivazovsky's paintings*».

Рассказываем о хозяйке дома (2 минуты): «*Catherine Kirillovna was a merchantess (a woman engaged in trade). As you have noticed – the house is big and has many rooms. She lived here with her son and his wife. They had three children. But they often went to St. Petersburg, so Catherine Kirillovna was left alone*».

Работа с карточкой по алгоритму (1 минута): *merchantess* (купец/купчиха)

6 этап. Зал №6. 10 минут

Столовая – большой зал на втором этаже с множеством картин (2 минуты). «*Canteen. The rooms were decorated in different colors: blue, pink, white, green ... What do you think this room was called? Note the color of the cooker. - That's right, it was probably the brown hall – the dining hall*».

Показываем и даем подержать в руках изразец, из которого состоят печи в усадьбе (3 минуты): «*Let's look at the tiles. This is what it looks like. The tiles were strung like beads on a special wire and stacked*»

Работа с карточкой по алгоритму (1 минута): *tile* (изразец)

Выдаем задание №4. (5 минут)

«*Put together a picture and a frame that matches it. Find a male portrait in this room whose frame repeats one of these. It is no coincidence that these portraits have identical frames and hang on the same wall. They are most likely husband and wife. Look carefully, they have the same background, similar colors, and the mirror-like position of their hands and bodies. The man and woman look at each other as if they're looking at each other. These portraits are called couples portraits*».

7 этап. Зал №7. 5 минут

Смотрим полотна, фотографируемся: *«Paintings by Shishkin and Aivazovsky. There is one hall and two ovens. Why do you think that is? - Yes, they used to be two different rooms, but after the restoration they were combined».*

8 этап. Зал №8. 5 минут

Проходим в женскую комнату, в которой студенты увидят фреску на потолке и подержать веретено (4 минуты): *«A woman's room. An elegant, beautiful cooker. The room is very harmonious indeed. The only place in the house where the ceiling is still intact. Look up!».*

Показываем на картине предметам для создания пряжи: *«This is a distaff. This is a spindle. Look at the picture, this is how the women made the yarn».*

Работа с карточкой по алгоритму (1 минута): *spindle (веретено), distaff (прялка)*

9 этап. Зал №9. 5 минут

Печной коридор, о котором мы говорили студентам ранее. Желающие могут даже заглянуть с фонариком внутрь печи (4 минуты): *«Now we will go to the corridor from which the cookers were heated. There was a special person in the house who handled all the cookers in the house. Guests would sit in the room with Catherine Kirillovna and the servant would put wood into the firebox».*

Работа с карточкой по алгоритму (1 минута): *wood (дрова)*

10 этап. Зал №10. 5 минут

Последний зал. Информация про дворовую территорию усадьбы: *«Looking into the courtyard. This is the only preserved manor house in Arkhangelsk. The manor is the land and all the buildings on it. (power station, stables, cinema and shops)»*

Напоминаем про задание №1, которое нужно было выполнить в процессе экскурсии.

11 этап. Холл. 5 минут

Завершаем квест. Проверяем квест-листы вместе. Проводим рефлексия в форме ответа на вопросы: *«What did you like the most today? Tell us the most interesting fact for you about the estate or the exhibit. Would you like another such excursion?»*

По итогам экскурсии был проведен опрос среди студентов. По отзывам студентов и запросу от других преподавателей СГМУ можно судить о том, что применение данной технологии уместно, так как достигается основная цель – мотивация к изучению русского языка и формированию культурологического компонента.

Литература

1. Дубовик В.В. Метод включенного наблюдения при обучении русскому языку как иностранному / В.В. Дубовик, В.А. Закревская, М. Саккини // Мир русского слова. 2019. №4. С. 72–78.

2. Марьянчик В.А., Попова Л.В. Знакомство с Арктикой и Русским Севером (опыт проведения дистанционных школ) // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 268-276.

3. Марьянчик В.А. Событие как элемент аксиологической структуры медиа-политического текста // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. №3. С. 54-58.

4. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. 907 с.

5. Паршина Л.А., Фадеева Н.М. «Дом, где живет красота»: игровой путеводитель по экспозиции «Русское классическое искусство XVIII – начала XX века» // [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/domplotnikovoj?w=wall-34927258_3182&z=photo-2147_1994_457255672%2Fwall-34927258_3182, свободный (дата обращения: 20.11.2022).

6. Рыжикова Ю.А. Технология организации образовательной экскурсии // Вестник ЮУрГГПУ. 2017. №2. С.82– 85.

7. Степырева Е. В. Лингвометодическая система подготовки к экскурсиям в рамках обучения РКИ // Русский язык как иностранный: из опыта Северного (арктического) федерального университета. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2019. С. 109-121.

8. ТАСС «Количество иностранных студентов в медвузе Архангельска увеличилось в пять раз» // [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/v-strane/9908589> (дата обращения: 20.11.2022).

9. Шпаченко И.А. Теоретическое обоснование и реализация комплексной модели образовательного процесса в музейно-экскурсионной среде: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Томск, 2003. 161 с.

10. Ягодовская И. В. История становления и развития экскурсионного метода в российском образовании: дисс. ... канд. пед.

наук: 13.00.01. М., 2007. 150 с.

УДК 371.333:811.111-053.5

А.В. Симакова, Е.В. Ефименко (г. Ишим, Россия)
Научный руководитель к.п.н. И.М. Кунгурова

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ТЕХНОЛОГИИ «SMART-ENGLISH»

*ФГАОУ ВО «Тюменский государственный
университет», Ишимский педагогический
институт им. П.П. Ершова (филиал)*

Авторы исследуют процесс формирования иноязычной коммуникативной компетенции младших школьников средствами технологии «Smart-English», описывают формы и методы, способы и приемы ее формирования на уроках английского языка в виде специального комплекса мероприятий.

Ключевые слова: компетентность, иноязычная коммуникативная компетентность, младший школьный возраст, английский язык.

The authors examine the process of formation of the junior students' foreign language communicative competence by means of Smart-English technology and describe some methods of the formation of this competence at English lessons that the special set of activities includes.

Key words: competence, foreign language communicative competence, primary school age, English language.

Язык по своей специфике и социальной значимости – феноменальное явление: средство общения и форма передачи информации, средство хранения и усвоения знаний. Он обеспечивает историческое развитие общества. После вхождения России в мировое сообщество авторитет иностранного языка как предмета исследования увеличился. Расширить мировое, межкультурное пространство, эффективно его освоить невозможно без средств общения, то есть без языка. Так, совершенствование процесса преподавания иностранного языка невозможно без регулярного обновления содержания обуче-

ния, которое касается иноязычной коммуникативной компетенции учащихся, развития их письменной и устной речи.

Актуальность вопроса заключается в том, что основное требование, предъявляемое современной жизнью к показателю владения иностранным языком, – умение общаться на иностранном языке, решать различные проблемы, используя его средства. Сегодня он рассматривается как способ саморазвития и познания окружающего мира. Современная система образования ставит перед собой цель – сформировать иноязычную коммуникативную компетенцию обучающихся.

По мнению Л.С. Выготского, изучение иностранного языка лучше начинать в младшем школьном возрасте как наиболее благоприятном периоде для его усвоения. По мнению К.П. Зайцевой, данный возрастной этап – оптимальный для формирования коммуникативной компетенции. Младших школьников отличает особая чуткость к языковым явлениям, заинтересованность в общении и т.д. Вопрос формирования иноязычной коммуникативной компетенции младших школьников является сегодня актуальным и решается на всех уровнях образования. Так, ФГОС ОО устанавливает задачи формирования у выпускника начальной школы умения слушать и слышать собеседника, аргументировать свою позицию и др.

И.Л. Бим, А.А. Бодалева, А.А. Бруднов, И.А. Зимняя, Л.С. Выготский, М.И. Лисина, Н.И. Шевандрин в своих исследованиях рассматривали проблему формирования иноязычной коммуникативной компетенции младших школьников при изучении иностранного языка. Главным противоречием при изучении данной проблемы выступили важность формирования иноязычной коммуникативной компетенции школьников и недостаточное использование возможностей коммуникативной практики на уроках иностранного языка. Для его решения нами было проведено исследование, которое состояло из теоретической и практической частей.

В ходе работы над теоретической частью нами была изучена научная литература по следующим темам: «Психолого-педагогическая характеристика младших школьников», «Коммуникативная компетентность: понятие, структура,

формы и методы ее формирования». Далее мы провели диагностику уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции у младших школьников. В исследовании приняли участие учащиеся 2 класса МАОУ СОШ №5 г. Ишима. Диагностический инструментарий включал следующие диагностические методики: анкета «Оценка уровня школьной мотивации» Н.Г. Лускановой, анкета «Мое отношение к предмету «Английский язык»», тест на оценку диалогической речи младших школьников. Все диагностические методики были адаптированы к младшему школьному возрасту, просты в применении, а также дали возможность оценить уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции младших школьников. Полученные результаты показали, что уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции у учащихся 2 класса средний.

На следующем этапе работы мы перешли к практической части исследования. В процессе анализа результатов проведенных диагностических мероприятий нами была выявлена очевидная необходимость реализации комплекса мероприятий, направленных на формирование иноязычной коммуникативной компетенции младших школьников. Данный комплекс мероприятий выступил технологией «Smart-English», поскольку отвечает всем требованиям, предъявляемым к технологии: системность, комплексность, результативность и т.д. Цель технологии: повысить уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции у учащихся 2 класса за счет использования в процессе обучения младших школьников английскому языку различных методов, форм, средств и приемов.

Задачи технологии «Smart-English»: применение различных методов, форм, средств и приемов работы в процессе организации учебной деятельности младших школьников на уроках английского языка; формирование у обучающихся навыка заранее подготовленной и спонтанной устной монологической и диалогической речи; развитие умения слушать, высказывать свое мнение, аргументировать и отстаивать свою позицию; развитие умения сотрудничать, взаимодействовать

и работать в различных группах. Не смотря на то, что задачи, обозначенные выше, не новы, однако, средство их решения представляет собой совершенно новое решение.

Нами были выдвинуты следующие целевые ориентиры: преодоление учащимися языкового барьера в процессе общения при изучении английского языка, проявление активного участия в коммуникационных процессах, а также проявление интереса к последующему изучению английского языка и его практическому применению.

Для повышения уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции младших школьников при изучении английского языка нами был разработан комплекс мероприятий, который и вошел в основу технологии «Smart-English»: курс видеоуроков «Smart-English», курс онлайн-игр «ABC», «True or false?», Сказка «The Turnip», Квест «Enjoy English», «Pictionary». «Smart-English» – это современная образовательная технология обучения иностранному языку, при помощи которой дети учатся взаимодействовать между собой, осуществлять самоконтроль выполненной работы. Реализация данной технологии рассчитана на 4 месяца. Условно технология делится на две части. Первая часть проводится в онлайн формате, а вторая – в очном режиме.

Эти две части делятся на шесть этапов: первый этап - знакомство и просмотр видеоуроков по определенным темам посредством ИКТ, в группе Вконтакте: ([https://vk.com/englishkids2.](https://vk.com/englishkids2)) Цель второго этапа: развитие основных психологических процессов: памяти, воображения, мышления, навыков выстраивания логических связей и т.д. На этом этапе дети принимали активное участие в ряде вербальных игр, ориентированных на закрепление полученных знаний путем использования различных ИКТ. Задания размещены на образовательной платформе learningapps.org: (<https://learningapps.org/display?v=psg92aaat21>. LearningApps) – это онлайн сервис, позволяющий создавать упражнения, игры для проверки знаний учащихся. Младший школьный возраст – это период, когда ведущим видом деятельности является учебная. Усвоение знаний выступает как основная цель и главный результат деятельности, но не стоит забывать

о необходимости мотивирования ребенка на учебную деятельность. Третий этап был основан на непосредственной организации процесса общения в ходе проведения мероприятия «True or false?». Задания, предлагаемые для выполнения, были направлены на организацию проверки уровня овладения лексическим и грамматическим материалом, само мероприятие проходило в форме беседы, что дало возможность младшим школьникам попрактиковаться в образовании вопросов, подискутировать по поводу некоторых из них и т.д. Четвертый этап заключался в раскрытии творческого потенциала обучающихся через их участие в театральной постановке «The Turnip», а также развитии способностей учащихся работать в коллективе. Всегда работа в коллективе подразумевает то, что группа людей-единомышленников трудится вместе для достижения единой цели. На данном этапе дети инсценировали сказку «Репка». Благодаря игровым технологиям им было намного интереснее изучать новую информацию, в данном случае новую лексику, с которой они столкнулись в ходе работы со сказкой (темы: «Члены семьи», «Животные», «Овощи», «Глаголы действия» и т.д.). Пятый этап – это организация Квеста «Enjoy English». Квест включал в себя четыре станции, каждая из них была по-своему сложна. Для повышения интереса школьников к предмету на каждой станции мы использовали большое количество раздаточного наглядного материала. Задачи последнего шестого этапа: активизация лексического запаса; развитие основных психических процессов; выстраивание диалоговой формы общения на учебном занятии. Мероприятие «Pictionary» проходило в творческой форме, ребята работали в группах. Класс делился на две команды, в процессе совместной работы дети изображали слова, предоставленные учителем, далее им необходимо было угадать изображенные слова на карточках, побеждала та команда, которая набирала наибольшее количество баллов.

В целом весь комплекс мероприятий был принят обучающимися, что выражалось в их повышенном интересе к выполняемой деятельности, активности и т.д. После апробации представленного выше комплекса мероприятий, итоги

вторичной диагностики показали то, что уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции значительно повысился.

Итак, в рамках данной статьи нам удалось показать, как можно формировать иноязычную коммуникативную компетенцию младших школьников на уроках английского языка. Мы выяснили, что в настоящее время отмечается интерес к раннему обучению английскому языку. Это связано с тем, что в младшем школьном возрасте способность к произвольному овладению иноязычной речью максимальна.

Литература

1. Батырева С.Г. К вопросу о коммуникативной компетенции младших школьников // Начальная школа. 2015. № 11. С. 32–35.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь // Психология развития человека. М.: ЭКСМО-Пресс, 2004. 1006 с.
3. Гришанова И.А. Теоретическое обоснование модели формирования коммуникативной успешности младших школьников // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 2. С. 30–36.
4. Зайцева К.П. Формирование коммуникативных способностей младших школьников в учебно-воспитательной деятельности // Начальная школа плюс до и после. 2011. № 2. С. 65–69.

УДК 81'276.5

В.М. Тодорец (г. Самара, Россия)

Научный руководитель к.и.н. доц. Е.А. Куцева

«РАЗГОВОРЫ О ВАЖНОМ» КАК ВОСПИТАНИЕ ПРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В статье рассматривается тематика уроков – классных часов «Разговоры о важном», которые были введены в школьную программу обучающихся с 1 по 11 классы. Целью данных открытых уроков является воспитание у обучающихся патриотического духа, нравственных качеств, приобщение к государственным символам, передача знаний о них. Автор предлагает интеграцию сценарного плана уроков с другими гуманитарными дисциплинами для воспи-

тания метапредметных результатов у подрастающего поколения. Статья может быть полезна учителям, классным руководителям, педагогам дополнительного образования, родителям.

Ключевые слова: педагогика, «Разговоры о важном», образование, духовно-нравственное воспитание, просвещение, метапредметность, культура, творчество, креативность.

This article discusses the topic of lessons – class hours "Conversations about important things", which were introduced into the school curriculum of students from grades 1 to 11. The purpose of these open lessons is to educate students of patriotic spirit, moral qualities, familiarization with state symbols, transfer of knowledge about them. The author suggests the integration of the scenario lesson plan with other humanities disciplines for the education of meta-subject results in the younger generation. The article can be useful for teachers, classroom teachers, teachers of additional education, parents.

Key words: pedagogy, "Conversations about important things", education, spiritual and moral education, enlightenment, meta-subject, culture, creativity, the skill of creativity.

С 1 сентября 2022 года запущен масштабный проект – цикл внеурочных занятий «Разговоры о важном». Целью данных открытых уроков является воспитание у обучающихся патриотизма, приобщение к знаниям государственной символики, развитие нравственных качеств обучающихся.

Прежде чем рассказать о том, чем данный проект полезен в педагогической деятельности, обратимся к категориям, на которые мы сегодня ориентируемся в педагогике. Авторы «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» предложили триединую задачу, стоящую перед общеобразовательными учреждениями России: гражданско-патриотическое воспитание, раскрытие способностей и талантов подрастающего поколения и подготовка к жизни в высокотехнологичном конкурентном мире [4, с. 7]. В концепции делается акцент на духовно-нравственном развитии и воспитании личности в переходный период смены ценностных задач общества, когда происходило искажение классических для страны духовных традиций и этических идеалов. Данная программа по воспитанию всесторонне развитой личности с активной гражданской позицией становится основной осью для развития обучающихся в

период высокоразвитых компьютерных технологий и избытка информационных ресурсов современного российского общества.

В педагогических исследованиях отмечается, что для воспитания духовно-здорового российского общества следует разработать полноценную программу и стратегию культурной политики [5, с. 78]. Определяющим аспектом политики станет обеспечение единства страны. Нужно прекратить процесс обесценивания духовно-нравственных ориентиров, создать систему моральных принципов, учитывая стремительное изменение окружающей действительности и сознания социума. На наш взгляд, данное направление в воспитании подрастающего поколения отличается актуальностью, а проект «Разговоры о важном» помогает его реализации.

На занятиях «Разговоры о важном» рассматриваются разные вопросы, что дает основу для установления метапредметных связей. Метапредметные результаты включают освоенные обучающимися межпредметные понятия и универсальные учебные действия (регулятивные, познавательные, коммуникативные). Овладение ими позволяет ученикам успешно применять знания в учебной, познавательной и социальной практике, самостоятельно планировать и осуществлять учебную деятельность и организацию взаимодействия с учителями и сверстниками, а также способствует развитию критического мышления и творческих способностей [7, с. 1].

Рассмотрев данные категории, мы можем представить ряд предложений по построению уроков «Разговоры о важном». Одно из них – включение примеров, взятых из искусства и литературы, для иллюстрации и оживления тем занятий. Они помогут детям лучше представить и закрепить тему занятия, наполнить ее образностью.

Планирование уроков «Разговоры о важном» было разработано при участии Министерства просвещения России. Для ежедневных занятий была разработана тематика бесед. Например, в один из понедельников ноября темой открытого урока стал «День отца». Безусловно, сначала нужно рассказать, когда был создан этот праздник. Учитель рассказывает, что по указу президента Российской Федерации В. В. Путина

в 2021 г. был создан государственный праздник в России – День отцовства или День отца, подчеркивая значимость семейных ценностей. При проведении этого урока мной был сделан акцент на художественных образах. Например, можно показать пример из повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель», когда бедный отец теряет самое дорогое – свою дочь, ушедшую из дома. Об отцовстве повествует и Библия, в частности, ветхозаветная притча о возвращении блудного сына, где исчерпавший всё состояние сын с покаянием вернулся в отчий дом, а отец простил его и рад его возвращению. Эта притча была раскрыта с использованием репродукции картины «Возвращение блудного сына» Харменса ван Рейна Рембрандта. Детей заинтересовал этот сюжет. Манера художественного письма «кьяроскуро», то есть обилие тёмных тонов в цветовой палитре картины, привлекает подрастающее поколение. Для дополнительных примеров можно обратиться к программе по изобразительному искусству, взять несколько картин с подобным сюжетом и провести опрос среди школьников. Таким образом, мы сможем обсудить намеченную тему «Разговоров о важном», синтезируя литературу и живопись. Искусство благотворно влияет на проявление творческих способностей и задатков ребёнка, а главное, помогает ребёнку построить ассоциативный ряд на актуальные темы с помощью шедевров классического искусства [6, с. 54]. Это напрямую соотносится с задачей воспитания личности, любящей свою Родину, а также человека, способного сопереживать, что прописано в качестве одного из важнейших аспектов современной концепции воспитания гражданина России. Помимо искусства, разнообразят кругозор учеников и примеры из истории и литературы. Все это подчеркивает интегративные возможности воздействия этих гуманитарных предметов.

Одной из тем разговоров стала музыка, а именно «День музыки». Музыка интеллектуально, творчески, эмоционально и духовно содействует развитию человека в течение всего его жизненного пути, ведь именно музыка может поддерживать наше настроение и раскрывать глубинные переживания. Министерство просвещения России предлагает нам рассказать о

личности Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, что, безусловно, необходимо. Мы попробовали связать творчество Д.Д. Шостаковича и Людвиг ван Бетховена. Д.Д. Шостакович учился на музыкальных произведениях Бетховена. На уроке прозвучал рассказ о творчестве этих двух великих музыкантов, прослушаны их произведения, в том числе «Лунная соната» Бетховена.

Следующей темой становится «День матери», на котором продолжен разговор о семейных ценностях. Здесь также, как и во время праздников «День отца» или «День пожилого человека», затрагивались вопросы места в воспитании человека такого социального института, как семья. На уроке предлагается рассказать о дагестанском поэте Расуле Гамзатове. Поэт много писал об отношении детей к родителям, говорил о ценности семейного общения. Его волновало то, что в современном обществе в силу разных причин разрываются связи между родителями и детьми, взрослые дети все реже встречаются со своими пожилыми родителями [2, с. 82]. На сегодняшний день данный вопрос обострился как никогда. Расул Гамзатов всегда отмечал, что молодые люди стали забывать характерное для семьи уважение к старшим. Это один из священных обычаев кавказских народов, которому веками следовали. Нет тяжелее проступка, чем забвение матери. В таком проступке Р. Гамзатов видел преступление, нарушающее все нравственные человеческие законы. Как гимн матерям звучит поэма Р. Гамзатова «Берегите матерей»: «Слово это сроду не обманет, В нем сокрыто жизни существо, В нем исток всего. Ему конца нет. Встаньте!.. Я произношу его: «Мама» [2, с. 82].

Важной составляющей курса «Разговоры о важном» является развитие эмпатии, эстетической восприимчивости учащихся, их способности критически анализировать факты и поступки, соотносить со своими собственными, уметь приводить примеры из жизни и прошлого, получать знания о мировом художественном достоянии России и мира [1, с. 562].

Вспомним, что в соответствии с программой «Основы религиозных культур и светской этики» в результате освоения данного курса учащиеся 4–5 классов должны развить

следующие метапредметные способности: аналитические умения, диалогичность, толерантность, учебная компетентность, — что просматривается и на других общеобразовательных предметах. Одновременно с проектом «Разговоры о важном» в школьной программе появилась новая дисциплина «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Это говорит о потребности воспитания морально-нравственных ценностей с опорой на культуру и традиции народов России. Сеем предположить, что в скором будущем особый акцент будет сделан на историю православной культуры, так в центрах дополнительного образования педагогических работников активно набираются группы по методике преподавания основ православной культуры.

Безусловно, одного стартового урока для раскрытия тематики недели мало, поэтому мне удалось благодаря предоставленным возможностям в школе, организовать школьное радио на базе кружка по журналистике. Сегодня в рамках школьного образования существует потребность в текстах публицистического стиля. Есть возможность связать прежние темы «Разговора о важном» с новыми в эфире школьного радио. По радио на переменах дополнительно общалась та или иная информация, касающаяся предыдущей темы «Разговоров о важном». Например, 16 января 2023 года темой стала знаменательная дата – 80-летие с момента прорыва блокады Ленинграда. Несмотря на то, что Министерством просвещения был предложен прекрасный сценарий урока для обсуждения данной темы, наша школа этим не ограничилась. Период с 23 по 27 января 2023 г. в нашей школе стал неделей памяти жертв Великой Отечественной войны. Мы связали данную тему «Разговоров о важном» и с днём 27 января, который объявлен Международным днём памяти жертв холокоста, а также в этот день в 1944 году была полностью снята блокада Ленинграда.

Патриотическая акция воспитания обучающихся нашей школы была поведена в следующих направлениях: 1. Проводились «Уроки мужества» с 1 по 11 классы; 2. Была организована выставка рисунков обучающихся 1-4 классов; 3. Организован просмотр видеофильмов о Великой Отечественной

войне, в рамках которого удалось поделиться с ребятами личным репортажем-интервью с очевидцами блокады Ленинграда, некоторых из них, к сожалению, уже не было в живых. В рамках патриотической акции мне удалось поделиться опытом журналистской работы и передать навыки видеосъемки, что особенно полезно и для тех обучающихся, которые занимаются в кружке по журналистике. «Разговоры о важном» можно и нужно синтезировать со школьными патриотическими акциями и конкурсными мероприятиями.

Одними из важных и актуальных тем «Разговоров о важном» для современного мира стали медиаграмотность и цифровая гигиена. Сегодня одной из основных особенностей постиндустриального общества является его информированность, а также умение распространять, сортировать, получать, производить, передавать информацию. Мировое сообщество продолжает находиться в поиске эффективных принципов защиты прав и свобод человека, гражданина в сфере персональных данных, а также в таких областях как СМИ, медицина, образование. С развитием технологий данные вопросы становятся всё более актуальными. Весьма злободневной является проблема защиты детей от вредоносного контента, развивающего деструктивное восприятие действительности, приводящее к деформации правосознания. Данная тема обсуждалась обучающимися на школьном радио, что помогло закрепить новые термины, а также натолкнуло на мысли о формировании цифровой гигиены у подростков. Информационная безопасность и цифровая гигиена – необходимые навыки в современном обществе.

В 2023 году отмечается 160-летие со дня рождения великого драматурга, новатора театрального искусства и актерского мастерства, педагога К.С. Станиславского. В данном случае текст подкаста для школьного радио готовился в виде сценки, а в рамках урока «Разговоры о важном» было предложено разыграть миниатюру по системе Станиславского. На одном из уроков ребята выступили с докладами по биографии драматурга, то есть классный час приобрел формат конференции, посвященной К.С. Станиславскому.

Одним из направлений рождественской темы «Разговоров о важном» стало добровольчество. По сценарию Министерства просвещения России предложено снять экскурсионный видеоролик для детей, которые из-за серьезной болезни не могут покидать стены больницы или дома. Считаем, что подобные задания по волонтерству следует популяризировать среди подростков, чтобы развить у них не только чувство сопереживания, поддержки сверстников, а также навыки киноискусства, что также интегрируется с журналистикой.

Благодаря созданию школьного радио у детей формировались не только прикладные журналистские навыки работы, но и расширялись знания в области литературы, мировой культуры, истории, обществознания, политологии и т.д. Текст радиозэфира дублировался в группе школы в качестве подкастов, которые сегодня снова стали актуальными, что дает дополнительные практические навыки обучающимся, закрепляет полученный образовательный материал. Помимо этого, в процессе работы на радио по темам «Разговоров о важном» у школьников развиваются организаторские качества и творческие возможности.

На наш взгляд, следует интегрировать открытые уроки «Разговоров о важном» не только с общеобразовательными дисциплинами, но и с дисциплинами дополнительного образования, например, с журналистикой и религиозной этикой, которые могут быть адаптированы к проекту «Разговоров о важном». Это поможет закреплению тем открытых уроков и обогатит метапредметные результаты школьной и внешкольной программ. Развитие школьного радио позволяет школьникам на протяжении всей недели знакомиться с содержанием «Разговоров о важном». Создание подкастов на сайте школы дает возможность ученикам получать знания за её пределами в свободное время, тем самым закреплять знания, полученные на уроках «Разговоров о важном».

Литература

1. Агаркова Ю.С., Кривохижа Ю.А., Павлова Е.С., Пузынина Е.Г. Проблемы духовно-нравственного воспитания школьников в системе современного образования // Молодой ученый. 2017. №2(136). С. 561-563.

2. Гамзатов Р. Назовем орла орлом // Литературная газета. 1985. № 52.
3. Данилюк А.Я. Основы религиозных культур и светской этики. Программы общеобразовательных учреждений, 4–5 классы. М.: Просвещение, 2010. 24 с.
4. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности и гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.Ф. Тишков. М.: Просвещение, 2011. 23 с.
5. Караев И.И. О духовно-нравственном воспитании в семье // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 9. С. 76-82.
6. Коростелева А.А. Духовно-нравственное образование в контексте интеграционного образовательного процесса: перспективы развития // Проблемы современного образования. 2013. №3. С.48-58.
7. Программа развития универсальных учебных действий при получении общего среднего образования, включающая формирование общих компетенций обучающихся в области учебно-исследовательской и проектной деятельности – Содержательный раздел ООП-СОО.pdf 2022 г. // [Электронный ресурс]. URL: <https://sch063.ru/wp-content/uploads/2018/08/Содержательный-раздел-ООП-СОО.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).

УДК 372.881.161.1

В.С. Царикова (г. Москва, Россия)
Научный руководитель д.п.н. проф. Е.В. Неборский

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ EDUTAINMENT- ТЕХНОЛОГИЙ В НЕМЕЦКИХ ШКОЛАХ

*ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»*

В данной статье рассматривается применение инновационной игровой технологии Edutainment в немецкой образовательной среде, а именно в младшей и старшей школе. Наблюдения автора основаны на опыте стажировки в немецкой гимназии Neromuseum («Непомука») в г. Косфельде и анализе зарубежных источников. Статья будет полезна для педагогов и методистов, так как демонстрирует зарубежный опыт обучения через развлечение.

Ключевые слова: эдьютейнмент, обучение через развлечение, технологии обучения, школа в Германии, немецкое образование.

The article concerns the application of modern game technology Edutainment on the German educational environment, in junior and high school. The author's observations are based on the praxis at the German school, gymnasium «Nepomucenum» in Coesfeld and analysis of foreign sources. The article will be useful for Teachers and Methodists because it shows the foreign experience of the education with entertainment.

Key words: Edutainment, education with entertainment, technologies of education, school in Germany, German education.

Концепция Edutainment — это совмещение обучения и развлечения. Сейчас применение данной технологии становится очень востребованным, причем не только в образовательных учреждениях, но и в крупных организациях, потому что этот инновационный метод помогает поднять мотивацию и взрослых людей. Концепция Edutainment предполагает особый «треугольник отношений» между педагогом, изучаемым предметом и обучающимся. В основе этих отношений лежит активная передача материала посредством игры. Острая потребность в развлекательном подходе возникает из-за смены восприятия информации современных школьников. Детские фантазии, не знающие границ, могут отсылать их далеко от учебного процесса. Кроме того, сильно затрудняет обучение «клиповое мышление», которое захватило многих подростков. Теперь ученику трудно высидеть урок 45 минут, воспринять и запомнить информацию. Edutainment-технология помогает учащимся не отдаляться от образовательной цели, но при этом обучаться благодаря игровым форматам [1]. Нельзя отрицать тот факт, что поле, в котором возникла школа, постоянно меняется, и сейчас учебные заведения становятся неразрывно связаны с медиа и социализацией. Кроме того, в школьную программу не всегда удастся включить изучение всех необходимых навыков и тем. По мнению Бахмайра, привычное институциональное обучение рискует превратиться в форму слепого усвоения заданных знаний, без получения навыков, которые будут полезны в повседневности [5, с.102]. Так, вопросы потребления, финансовой грамотности, приобретение Soft-skills остаются важными целями для образовательных программ. Так как в школьных учебных планах

не всегда хватает места для освоения и этих навыков, Edutainment становится помощником на пути к достижению этих целей. Нельзя не сказать и о диджитализации мира — учащимся в школах с ранних лет необходимо изучать компьютерные технологии. Поэтому применение игровых диджитал-форматов также становится полезным дополнением к учебному процессу. В целом, эдьютейнмент-образование подразумевает как живая, энергичная активность, которая интегрируется не только в учебный процесс, но и жизнь подрастающего школьника.

Технология Edutainment может рассматриваться как дидактическая задача при подготовке учебного плана. Безусловно, консервативный подход к школьному образованию привычнее, если мы говорим о показателях присвоения знаний. Ведь привычные оценки и промежуточный контроль — это то, что можно измерить. Тем не менее медиа и средства массовой информации продолжают оставаться важным звеном в освоении мира. Школьное напряжение, связанное с давлением оценок, — это устаревшая форма, созданная, чтобы пассивно тянуть за собой детей. Сейчас нужно искать новые решения и форматы, чтобы заинтересовать детей, а также научить их думать самостоятельно в век постоянного потока информации. В школе следует ожидать резкого изменения: «дидактический треугольник» ученика, учителя и материала значительно усложняется, поскольку факты и события все меньше и меньше служат основой для учебного материала. Факты и изученный материал должны стать пищей для мышления учащихся, и во многом это становится возможным благодаря игре и/или развлекательным форматам. В этом направлении культурного развития учителя сталкиваются с новой стратегией планирования уроков, а именно с использованием дидактических культурных продуктов и их реализацией в школе как пространством для опыта, обучения и размышлений.

Несмотря на сохранения применения консервативных подходов в образовании, Германия активно использует технологии Edutainment и в образовательных учреждениях, и повсеместно. Так, в 1996 году появляется канал Welt der

Wunder (“Мир чудес”), девиз которого звучит как “Nicht glauben, sondern wissen” (“Не верим, а знаем”). Это был один из первых научных каналов, делающих акцент именно на развлекательных форматах. Канал в виде коротких роликов рассказывает зрителю о вопросах устойчивости и потребления, предлагая посмотреть короткие развлекательные видео. Другой пример применения Edutainment – немецкий сериал-мыльная опера “Lindenstraße” (“Липовая улица”), выходящий в Германии с 1985 года. Созданный в развлекательном и доходчивом формате, сериал с более 1000 серий рассказывает о важных глобальных проблемах современности. Привлекая людей к акции по защите окружающей среды, сценаристы добавили информацию о проводимой акции в одну из серий сериала. И, подходя к применению технологий в детском информационном поле, нельзя не упомянуть детский телевизионный канал Kika (Kinder-Kanal – ‘детский канал’) – совместная телепрограмма немецких земель, реализуемая благодаря Центральному-Германскому радио. Канал появился еще в 1997 году: сначала показывались программы с ARD и ZDF, но со временем начали появляться собственные образовательные форматы. Например, в 2017 было вещание передачи «Мальвина, Диаа и любовь», повествующая о трудностях в отношениях немецкой девушки и парня сирийского происхождения [8]. Целью было показать, что компромисс найти возможно, а пол, раса и происхождения не играют при этом никакой роли. Есть мнение, что такая тесная связь детей и обучающих телевизионных программ может привести к тому, что школы впоследствии станут устаревшими учреждениями [5, с.110]. Становится понятно, что концепция обучения посредством развлечения довольно популярна в Германии, особенно на немецком телевидении. Это происходит потому, что развлечение выступает основой для представления и восприятия медиа, но в мире есть запрос на получение качественной информации, то есть образовательного контента, – что органично совмещается в технологии Edutainment.

Примером школы, использующей подход Edutainment, является школа Софии Шолль (die Sophie-Scholl-Schule). С 2019 года здесь активно продвигается программа мирового

гражданского образования (“Global Citizenship Education”), целью которой является изучение глобальных процессов и проблем мирового масштаба [4]. В школе Софии Шолль учатся дети с заболеваниями: учреждение небольшое по размеру, здесь всего около 150 учеников и 11 учителей, однако в 2010 школа получила премию как лучшее заведение в Германии. В ходе реализации программы в учебный процесс были добавлены некоторые игровые форматы. Причем форматы были органично вписаны в учебный план – так, школа Софии Шолль назвала их SENAT (Schulentwicklungsnachmittag – ‘школьное развитие во вторую половину дня’) und AIT (Arbeit im Team – ‘работа в команде’). Вместе эти два формата, посредством интегрирования в общий учебный план, позволили добиться поставленных образовательных целей. Так, рассуждая о мировых проблемах, дети каждую неделю по пятницам должны были составлять свой выпуск новостей, ориентируясь на происходящее в мире. Задача учителя при таком подходе – помочь повысить самооффективность учащихся, укрепить их интерес к событиям не только на локальном, но и на мировом уровне. Также учащимся было предложено подумать о глобальных проблемах современности: для этого создавались тематически подготовленные помещения. Так, рассуждая об условиях жизни людей в Африке, дети заходили в «тропический лес», где им на выбор были предложены местные продукты. После игрового погружения следовали рассуждения о проблемах потребления, предыстории, а также установление причинно-следственных связей. Такая программа помогает учащимся самостоятельно размышлять, принимать решения, решать конфликтные ситуации и учиться выходить из кризисов творческим путем.

В Саксонии, в городе Вайсвассерр, также есть пример свободной альтернативной школы (FAS), в которой дети учатся без напряжения и оценок. Директор школы, Фридерике Ботчер, говорит: «Оценки могут абсолютно не отражать качество, они ничего не значат для меня» (“Noten können die Qualität von etwas nicht widerspiegeln, sie sagen für mich überhaupt nichts aus”) [2]. Вместо этого в учебном заведении есть творческое пространство, кухня, игровая комната – детям

разрешено свободно перемещаться по школе, и с ними обращаются как со взрослыми. Дети вдохновлены тем, что большая часть учебного процесса проходит в виде игры. Также каждый день в FAS начинается с утреннего голосования: дети собираются и вместе планируют, как будет выглядеть их учебный день. Все решается демократичным путем: так, например, было выбрано, что девочкам и мальчикам иногда нужно разделиться в разные игровые пространства. Дети учатся работать в команде, приобретают необходимые навыки коммуникации и решения конфликтных ситуаций. Такая игровая симуляция «взрослого голосования» – еще один пример того, как концепция «эдьютейнмент» может интегрироваться в учебное пространство.

Исследование, проводимое во время пандемии, показало: 83% подростков 12-19 лет в Германии во время карантина предпочитали пользоваться ютубом в качестве средства для усвоения информации. Причем ютуб использовался ребятами именно в виде учебного материала, так как контакт с друзьями осуществлялся в основном через мессенджеры (90% респондентов сказали, что пользовались приложениями, такими как WhatsApp для связи) [7]. В связи с этим можно сделать вывод, что уже во время пандемии социальные медиа и игровые варианты стали подходящими, а возможно, и самыми выигрышными форматами для обучения. Комментарии под обучающими роликами немецкоязычного ютуба также показывают, что подростки, готовясь к контрольным работам, часто выбирают просмотр видео, а не заучивание учебников. Так, под видео известного блогера-учителя Lehrgeschmidt (‘учитель Шмидт’) всегда можно найти много комментариев о том, как полезны его математические видео перед предстоящим днем в школе [6]. Кроме того, согласно опросу «Совета по культурному образованию» от 2019 года, 56% респондентов уверены, что ролики в ютубе и другие веб-видео будут со временем приобретать все большее значение для школы.

В июне 2020 года в тик-токе появилась инициатива #LernenMitTikTok. До мая 2021 этот хештег посетило 5,8 миллиардов пользователей [3]. Сейчас многие учителя Гер-

мании активно используют эту платформу для занятий или для собственного продвижения. Так, известная блогерка Ronja Jelene Filiz – немецкая преподавательница, освещающая в своем аккаунте в тик-токе социальные проблемы, с которыми могут столкнуться учителя [9]. Например, предвзятое отношение из-за татуировок или разноцветных волос.

Другой пример эдьютейнмента – один из самых популярных немецких ютуб-каналов «Kurzgesagt – In a Nutshell» («Короче говоря»). У этого канала на данный момент 19,9 миллионов подписчиков. Здесь представлены короткие обучающие ролики в легком формате на многие научные темы: про футуризм и будущее, про медицину и биологию, про черную дыру и даже про психологические проблемы, такие как одиночество и социофобия. У баварской образовательной программе высокие показатели, эти ролики часто показываются на уроках в школе, что демонстрирует эффективность формата.

В 2022 году на учебной премии Deutscher Bildungs-Award среди выигравших приложений были как раз все платформы, разработанные в концепции Edutainment. Приложение Anton – учебная программа, встроенная во все планшеты в школах, в которой у учащегося разрабатывается учебный план по всем предметам, и он может готовиться по разным темам в своем темпе и в игровой форме. За решение заданий учащиеся получают баллы, соревнуются и даже могут выиграть кубок. Приложение Anton поддерживается Европейским союзом. Другое известное приложение, активно используемое на уроках в средней и старшей школе – Simpleclub. Это еще одна учебная платформа с комплектом видеороликов по изучаемым в школах темам. Многие видео также размещаются на ютубе на разных каналах. И еще одно приложение, попавшее в тройку лидеров на премии, это StudySmarter – бесплатная платформа, которая позволяет структурировать информацию, делать Mind-Maps, решать тесты и создавать карточки. Все эти платформы интегрируются в учебный процесс – часто уроки в немецких школах идут по парам и последние 10-15 минут выделяются на работу в приложениях, либо учителя дают там домашнее задание.

Лучшим учебным порталом в 2022 году также стала эдьютейнмент-разработка «Mathegym» (“Математический спортзал”) – сайт, на котором можно заниматься математикой точно так же, как люди занимаются своими мышцами. Здесь можно решать примеры онлайн, соревноваться с другими ребятами, фиксировать свои успехи.

Еще в 1999 году, в меморандуме «Zukunft gewinnen / Bildung erneuern» («Выигрываем будущее, обновляем образование») говорилось о важности освоения новых медиа [10]. Один из тезисов доклада заключался в идее о том, что каждая школа обязана быть технологически обустроена, а также должна предоставить возможность учителям быть осведомленными и сведущими во всех технологических новинках образования. Чтобы достичь этих целей, были поставлены следующие задачи: обеспечить все школы интернетом; обеспечить необходимое финансирование; организовать обучение медиакомпетенциям (дающее возможность каждому школьнику и преподавателю разбираться в новых медиа и их особенностях); обеспечить доступность материалов (несмотря на перегруженность информацией, у детей и подростков должна оставаться свобода выбора источников их знания); сделать новые медиа инструментом знаний; повышать эффективность посредством информационных и коммуникационных технологий. Становится понятно, что новые медиа и диджитализация – это важные аспекты немецкого образования, которые давно появились в разработках и планах.

Приведенные выше примеры доказывают, что сейчас в немецкой школьной системе наблюдается очевидная тенденция к использованию новых форматов и к отказу от привычных консервативных методов преподавания. Нельзя с уверенностью утверждать, что Edutainment-технологии повышают эффективность в образовательной среде, но этот процесс – то, что мы имеем в учебной среде прямо сейчас.

Литература

1. Гольшев Г. Обучение через развлечение / Г.Гольшев, К.Поплавская, Ю.Ерошина, Е.Михеева, И.Мытгарев, Т.Котова, Д.Сахарова, Т.Ромодина. Обучение через развлечение. Edutainment

лагерь как технология современного образования. М.: Альпина; Дети, 2021. 490 с.

2. Arndt M., MDR SACHSEN. Spielend lernen in der Freien Alternativschule in Weißwasser. URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/sachsen/bautzen/goerlitz-weisswasser-zittau/freie-alternativ-schule-elterninitiative-100.html> (Дата обращения: 27.12.2022).

3. Gebauer M. Social Edutainment // [Электронный ресурс]. URL: <https://mediennetzwerk-bayern.de/netzwerkwissen-social-edutainment/#top> (Дата обращения: 01.12.2022)

4. Global Citizenship Education // [Электронный ресурс]. URL: <https://deutsches-schulportal.de/schule-im-umfeld/schule-bewegt-die-welt-und-umgekehrt/> (Дата обращения: 17.01.2023).

5. Kleber H., Spannungsfeld Medien und Erziehung Medienpädagogische Perspektiven. München, KoPäd Verlag, 2000.

6. Lehrerschmidt. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/@lehrerschmidt> (Дата обращения: 15.15.2022)

7. Lernen und Freizeit in der Corona-Krise. JIMplus 2020. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.mpfs.de/fileadmin/files/Studien/JIM/JIMplus_2020/JIMplus_2020_Corona.pdf (Дата обращения: 10.01.2023).

8. Lubjuhn S., Reinermann J.-L. Entertainment-Education in Deutschland Beispiele aus der Praxis und Weiterentwicklungsmöglichkeiten. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.mediagezondheid.nl/beheer/data/cmng.desh26.nl/uploads/Publicaties_en_downloads/Lubjuhn_Reinermann_2010pdf.pdf (Дата обращения: 01.12.2022)

9. Ronja Jelene Filiz // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tiktok.com/@ronjajelenafiliz> (Дата обращения: 10.01.2023)

10. Zukunft gewinnen ± Bildung erneuern: Memorandum / Initiativekreis Bildung der Bertelsmann Stiftung unter der Schirmherrschaft des Bundespräsidenten. ± Gütersloh:Verl. Bertelsmann Stiftung, 1999

*Е.Л. Щеголева (г. Чебоксары, Россия)
Научный руководитель к.п.н. доц. Е.С. Семенова*

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЕЙС-СТАДИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ

*ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет имени И.Я. Яковлева»*

В настоящей статье рассматривается использование современной технологии кейс-стади на уроках английского языка как для формирования навыков критического мышления, что делает использование этого метода еще более ценным и актуальным. Авторами описывается методическая разработка на тему «Образование» («Education») для преподавателей, осуществляющим подготовку учеников к ОГЭ и ЕГЭ с целью обмена опытом в направлении активизации познавательной деятельности, критического осмысления ситуации и формирования общих и профессиональных компетенций учащихся на уроках иностранного языка.

Ключевые слова: кейс-стади, английский язык, решение задач.

This article discusses the use of modern case study technology in English lessons as a way to form critical thinking skills, which makes the use of this method even more valuable and relevant. The authors describe a methodological development on the topic "Education" for teachers who prepare students for the OGE and USE in order to exchange experience in the direction of enhancing cognitive activity, critical understanding of the situation and the formation of general and professional competencies of students in foreign language lessons.

Key words: Case Study, English, problem solving.

Современный подход к обучению иностранному языку направлен не только на коммуникативную ориентацию, но и на развитие критического мышления, творческого подхода к деятельности обучаемых в образовательном процессе, сюда относится и решение задач профессиональной подготовленности учащихся. Одним из современных методов обучения иностранному языку является кейс-метод, который имеет коммуникативно-ориентированный подход к языку. Основ-

ная мысль заключается в групповом анализе ситуации-case, которое дает возможность преподавателю и учащимся найти истину, не ориентируясь на готовое решение.

Теоретический анализ показал, что среди предметных результатов применения кейса можно выделить: умение читать текст на иностранном языке, используя различные техники, с целью извлечения конкретной информации умение воспринимать аутентичные аудиозаписи, аргументированно высказывать свою точку зрения по проблеме, умение вести дискуссию на иностранном языке. Метапредметными результатами кейсов могут являться: формирование у учащихся умения мыслить критически и стратегически, вырабатывать алгоритм действий, работать в группе, эффективно коммуницировать, представить результаты своей работы [1, с. 1].

Применение кейс-стади в образовательном процессе рассматривали такие исследователи как А.Л. Джордж, С.М. Гасс, Э. Беннетт, М.В. Куимова, Л. Селинкер, В.В. Филонова и другие учёные, благодаря которым были достигнуты большие успехи в данной области. Критическое мышление в своих работах рассматривали Е.А. Мухина, И.А. Мороченкова, Д. Халперн и другие.

По определению И.А. Моренченковой, критическое мышление-это умение рефлексировать и подвергать сомнению множество сложившихся точек зрения на явление, умение выдвигать тезис и аргументировать его, умения целеположения, проектирования и коррекции своей деятельности, умение оценивать собственные результаты [2, с.182]. У учащихся есть возможность записывать ключевые моменты ситуации на протяжении всего урока, чтобы сформировать умение проработать и обобщить большой объем информации, а также осмыслить их последовательность в конце урока.

Первым делом учащимся необходимо ознакомиться с фактами и основными деталями кейса, затем понять, какую задачу ставит кейс перед учениками (что требуется в конечном итоге – выдвинуть аргументацию, пути решения проблемы, возможно, провести переговоры, чтобы разрешить ситуацию, написать пресс-релиз в адрес другой стороны, ес-

ли не пришли к положительному аспекту). Проблемная ситуация в данном случае вызывает потребность говорить.

Основной задачей преподавателя является вовлечение учащихся в анализ, обсуждение и решение проблем. Успешность участия всей команды зависит от адаптированности материала к определенному классу (уровню языка), интересного материала (личный интерес или с профессиональной точки зрения), возможности применения данной ситуации в реальной жизни. В итоге обучающиеся погружаются в кейс, овладевают фактами и деталями ситуации, вносят вклад в свое образование и получают комплекс знаний и навыков «своей» команды.

Для этого предварительно нужно снять грамматические и лексические трудности на дополнительном занятии перед кейсом. Например, по теме «Образование и успешность личности» («Education») учащимся предлагается обсудить вопрос о том, что делает человека образованным: личные достижения, увлечённость учебной, дисциплинированность, целеустремлённость, решительность, везение, родственные связи. На этом этапе нужно подготовить рассказ об образованных, успешных людях либо о выдающихся ученых, исследователях и т.п. Для анализа используются два текста. Первый из них посвящен образованию Ю.А. Гагарина. На текстовом этапе учащиеся узнают биографию космонавта и подтверждают свои знания. На послетекстовом этапе нужно определить, правильные (true), ложные (false) или отсутствующие в тексте (not stated) высказывания. Эти материалы раздела приближены к заданиям ОГЭ и ЕГЭ. На данном этапе можно дать задание в мини-группах, найти большую информацию о международной космической станции, нарисовать плакат и представить его всему классу. Учащиеся переводят и читают тексты и в вопросно-ответной беседе анализируют ситуацию современной системы образования.

После освоения учащимися лексики ведения переговоров им предлагается участвовать в ролевой игре.

Образовательное учреждение открыло новое направление подготовки IT-специальностей с использованием робототехники. 25 учеников 8б класса решаются всем классом пой-

ти на эти занятия. Навыка программирования у них нет. Производитель (школа) и заказчики (ученики 8б класса) встречаются, чтобы обсудить возможность проведения уроков данного курса. В игре два участника. Один из учащихся выступает в роли производителя (школы), другой – заказчика. В течение пятнадцати минут они должны прийти к соглашению по следующим пунктам: время проведения занятий, условия проведения (с помощью компьютеров), стоимость занятий, сроки оплаты, возможная скидка, если идут всем классом. При этом обязательно необходимо использовать функциональную лексику.

Последний раздел урока называется «Исследование проблемы» (Case Study).

Проблемная ситуация для обсуждения должна быть актуальной и взятой из реальной жизни:

Katerina graduated from the 9th grade of the school she attended at her place of residence. In the certificate, the girl has a lot of "triples" and she was not distinguished by exemplary behavior. Katerina was refused admission to the 10th grade of her native school, as such studies and behavior damage the prestige of the institution. The girl was advised to look for another school or go to college. But Katerina's parents did not agree with this decision. What should they do?"

Questions:

- 1) What right has been violated? Who violated it?*
- 2) What regulatory documents can be invoked to protect your right?*
- 3) What needs to be done to restore it? Who is obliged to do this?*

Нормативные документы: «Всеобщая декларация прав человека», «Конвенция о правах ребенка», Конституция Российской Федерации, закон «Об образовании».

Перед учащимися ставится задача разбиться на две команды. Одна из них представляет образовательное учреждение, вторая – представители ученика. Они должны провести переговоры с целью решения проблемы. На обсуждение выносятся ряд вопросов:

1. Возможные дополнительные курсы и стоимость их посещения
2. Сроки посещения их в летнее время
3. Условия предоставления образовательных услуг
4. Осуществление контроля за деятельностью ученика
5. Поведение ученика в целом
6. Выбор облегченного варианта школьной программы (если есть предметы с углубленным изучением)
7. Коммерческие перспективы дальнейшего обучения
8. Льготы при поступлении после 11 класса.

На решение данной проблемы отводится ограниченное количество времени – 30 мин. Учащиеся будут использовать функциональную лексику и завершить переговоры с каким-либо решением. Если вдруг переговоры зайдут в тупик или не достигнут положительного результата, то для этого должны быть веские причины, отраженные в ходе дискуссии.

Последним заданием является написание пресс-релиза об успешно проведенных переговорах и достигнутом решении. Если во время переговоров стороны не пришли к взаимному решению, то участники игры пишут письмо противоположной стороне, в котором высказывается сожаление по поводу несостоявшейся сделки и выражают надежду на то, что в скором будущем взаимоприемлемое решение будет найдено. Если нет однозначного ответа на решение какого-либо вопроса, сложнее вести дискуссию, не говоря уже конечном итоге – выступлении, так как учитывается не только мнение преподавателя, но и интеллектуальная работа учеников.

Использование кейс-метода создает условия для эффективного развития личностных качеств обучающихся, формирования заданных компетенций.

Как показывает практика, использование проблемных ситуаций еще недостаточно разработано в методике преподавания иностранного языка. Учащимся среднего и старшего возраста при обсуждении проблемной ситуации необходимо выразить собственное мнение, стать носителем какой-то роли в ситуации, или на личном опыте сравнить действительность, согласиться или опровергнуть мнение собеседника, дать оценку суждению и в последующем построить систему дока-

зательств. Так возникает реальное общение на уроке. Здесь присутствует и познавательная функция наряду с коммуникативной. Существенным отличием от остальных типичных уроков будет неподготовленная речь. Предполагается, что основные языковые опоры уже существуют у учащегося и извлекаются стимулом, идущим от ситуации.

Таким образом, показателем всестороннего усвоения учениками материала является их способность предоставить обобщенную логическую схему тематического модуля в устной форме и показать понимание лексических единиц в развернутом продуцировании как монологической, так и диалогической речи на выбранную тему. На каждом этапе освоения материала ученик будет ощущать свой успех в обучении. Такой активный метод обучения, представленный в описанном комплексе, позволит учащимся более глубоко и творчески переосмыслить получаемые ими знания и практические навыки посредством изучения английского языка в коммуникативной среде.

Литература

1. Круглянова Н. Н. Использование проблемного метода при обучении иностранному языку на примере работы над иноязычным текстом. СПб.: Златоуст, 2014. 472 с.
2. Мороченкова И.А. Формирование критического мышления студентов в образовательном процессе вуза: дисс. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2004. 182 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

УДК 811.161.1'373.2

*М.А. Афанасьева (г. Ярославль, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. Р.В. Разумов*

АРТИЭРГОНИМЫ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ТЕАТРОВ)

*ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского»*

Статья посвящена анализу одному из разновидностей эргонимов – артиэргонимам. В работе рассматриваются названия современных театров Казани и Уфы. Автор определяет и описывает признаки, лежащие в основе номинации, исследует артиэргонимы в структурно-семантическом аспекте.

Ключевые слова: ономастика, артиэргоним, номинация, культура

The article is devoted to the analysis of one of the varieties of ergonyms – artiergonyms. The paper deals with the names of modern theaters in Kazan and Ufa. The author defines and describes the features underlying the nomination, explores the artiergonyms in the structural and semantic aspect.

Key words: onomastics, artiergonym, nomination, culture

Изменения, происходящие с конца прошлого века в России в политической и общественной сферах, безусловно, повлияли и на язык. Речь становится более выразительной и свободной. Данный процесс наблюдается и при номинации учреждений культуры и искусства: по всей стране начиная с 1990-х гг. появилось много новых театров, названия которых в полной мере отражают изменения, происходящие в речи [2, с. 33]. Для обозначения подобных имен собственных в ономастике предложен термин – артиэргоним – «собственное имя организации, осуществляющей деятельность в области искусства (живописи, графики, музыки, кино

и так далее), в том числе название музея, галереи, выставочного зала, театра, кинотеатра и других» [9, с. 49].

Интерес к данному типу эргонимов появился еще в 1960–1970-е гг. (работы С.А. Копорского и М.Н. Морозовой). Исследования продолжились лишь в начале XXI века и были связаны с изучением названий кинотеатров (Р.В. Разумов) и учреждений культуры в целом (Р.М. Амирова). К рассмотрению названий театров обращались Л.В. Бармина (московские театры), Т.И. Евменова (театры Санкт-Петербурга), Н.Д. Федяева (театры городов Сибири).

В данной статье рассматриваются названия театров Казани и Уфы. Выбор городов обусловлен тем, что они являются столицами национальных республик, городами-миллионниками, привлекающими с каждым годом всё больше туристов. Это полиэтнические города, в которых два государственных языка. Таким образом, интересным для исследования является наличие или отсутствие национального компонента в названиях театров. Всего было проанализировано 20 артиэргонимов. Источником информации послужили интернет-ресурсы «Культура. РФ» [5] и «Афиша» [1], а также официальные сайты самих театров.

Целью статьи является определение признаков, лежащих в основе номинации театров полиэтнических городов.

Прежде всего, отметим, что большинство названий театров появились в советскую эпоху. Для номинации объектов того времени характерна модель комплексного названия, включающая указание на статус театра (*государственный, учебный*) и его звание (*академический*). В собственно номинативной части эргонимов казанских и уфимских театров может содержаться указание на то, памяти кого посвящено данное учреждение, место расположения и жанровую специфику.

Упоминание в названии известного человека вводится словом *имени*: *Татарский академический государственный театр оперы и балета им. М. Джалиля, Казанский государственный академический русский драматический театр им. В.И. Качалова, Татарский государственный академический театр им. Галиаскара Камала, Казанский татарский госу-*

дарственный театр юного зрителя имени Габдуллы Кариева, Татарский государственный театр драмы и комедии им. К. Тинчурина, Национальный молодежный театр Республики Башкортостан имени Мустая Карима, Башкирский ордена Трудового Красного Знамени академический театр драмы им. Мажита Гафури, Учебный театр имени Габдуллы Гилязева. Данные меморативы, то есть названия, «данные в память о человеке, событии, месте» [7] указывают на людей, имеющих отношение к республикам: Муса Джалиль – известный татарский поэт, участник Великой Отечественной войны, Василий Иванович Качалов – русский и советский актёр (работал в Казани), Галиаскар Камал – татарский писатель, Габдулла Кариев – татарский актёр и режиссёр, Карим Тинчурин – татарский актёр, один из основоположников профессионального татарского драматического театра, Мустай Карим – башкирский поэт и писатель, Мажит Гафури – башкирский поэт и писатель, Габдулла Гилязев – башкирский актёр и режиссёр [4].

Указание на расположение вводится с помощью включения в онимическую часть названия субъекта Российской Федерации, в котором расположен театр (*Государственный академический русский драматический театр Республики Башкортостан*), прилагательного, образованного от этнонима (*Татарский академический государственный театр оперы и балета им. М. Джалиля, Башкирский ордена Трудового Красного Знамени академический театр драмы им. Мажита Гафури*) или ойконима (*Казанский государственный академический русский драматический театр им. В.И. Качалова*).

Указание на жанровую принадлежность и репертуар представлено родовыми существительными и прилагательными: *Башкирский государственный театр оперы и балета, Татарский академический государственный театр оперы и балета, Казанский государственный академический русский драматический театр, Татарский государственный театр драмы и комедии, Башкирский ордена Трудового Красного Знамени академический театр драмы, Башкирский государственный театр кукол, Татарский государственный театр*

кукол «Экият» (*экият* – ‘сказка’ [12]; репертуар театра состоит из спектаклей, поставленных по сказкам разных народов мира).

Среди традиционных вариантов номинации театров также можно отметить указание на аудиторию — *Казанский татарский государственный театр юного зрителя имени Габдуллы Кариева, Уфимский театр юного зрителя*. Такой тип появляется незадолго до окончательного распада СССР. Казанский ТЮЗ получает статус 4 ноября 1991 года, а уфимский ТЮЗ начинает свою работу уже в постсоветское время, в 2007 году.

При номинации театров могут быть использованы и оригинальные эргонимы, не вписывающиеся в привычный стандарт. Название Уфимского государственного татарского театра «Нур» (нур – ‘луч’ [11]) восходит к эргониму театра, который был создан ещё до революции, в 1912 году. Организатором татарской труппы стала юная девушка Сахипжамал Гизатуллина-Волжская, разрушившая вековые каноны реакционного ислама при феодально-буржуазном строе. В годы гражданской войны труппа распалась. Спустя 70 лет театр получает второе рождение и получает официальный статус «Уфимского государственного татарского театра «Нур» [13].

В 2010-х гг. с появлением частных театров возникают и новые модели их наименования: молодёжный «*Театр на Булаке*»; камерные театры «*SDVIG*», «*Театр. Акт*»; театр-мультитаскер «*Пакет*» (Казань); плейбэк-театр «*Эм Патио*», театр-студия «*Alter Ego*» (Уфа).

В названии молодежного «*Театр на Булаке*» есть указание на расположение театра, которое вводится с помощью включения в онимическую часть гидронима (*Булак* — название канала). Само учреждение возникло в 2010 году на месте бывшего ночного клуба благодаря преподавателям и студентам Казанского театрального училища.

Действие в камерном театре «Театр. Акт» происходит прямо среди зрителей, до актеров можно дотянуться рукой. Шептаться во время представления не стоит: актеры сразу услышат и втянут шепчущего зрителя в действие, начнут что-то громко переспрашивать [11]. Название другого камер-

ного театра — «SDVIG» — главный режиссер Михаил Галицкий объясняет так: «Мы «сдвигаем» своего зрителя к человечности. – Мы учим людей смеяться и плакать. Не за себя радоваться и горевать – за других. Мы разучились воспринимать окружающий нас мир как свой собственный. И если хотя бы один человек засмеется или заплачет, сопереживая миру, значит сдвиг состоялся» [10].

Для обозначения типа театра начинают использоваться новые варианты эргонимических терминов. К основному понятию *театр* добавляются иноязычные слова. Например, *мультиаскер* произошло от сочетания английских слов *multi* ('много, несколько') и *task* ('задача'), суффикс *-ер-* указывает на лицо, совершающее действие, т.е. «мультиаскер – человек, выполняющий несколько задач. В нашей труппе каждый может выполнять несколько функций: быть драматургом, артистом, грузчиком... Основа нашей концепции – всестороннее развитие...Почему именно «Пакет»? Пакет – это то, что ты видишь каждый день, это то, что тебе необходимо каждый день», — объясняет руководитель Регина Саттарова [6]. Уфимский *плейбэк-театр* (от английского *playback* 'воспроизведение') представляет собой форму театра импровизации, где актёры воплощают на сцене зрительские истории. В самом названии «*Эм Патио*» используется элемент графической игры; неверное написание слова не отталкивает, а наоборот, привлекает внимание. Среди графических средств, используемых при номинации, отметим и использование латиницы. Так, латинское выражение «*Alter Ego*» указывает на то, что в таком театре вы не увидите классических постановок.

Кроме слова *театр*, в широком смысле имеющего значение 'зрелищное предприятие, помещение, где представляются на сцене драматические произведения' [7] в названиях встречаются и другие родовые понятия: лаборатория (*Творческая лаборатория «Угол»*), площадка (*Театральная площадка «МОÑ»*). Прямое значение слова *лаборатория* – «учреждение (отдел), ведущее экспериментальную научно-исследовательскую работу, а также помещение, оборудованное для проведения научных, технических и других опытов»

[7]. В данном случае оно употреблено в метафорическом смысле. Концепция этого учреждения – формирование среды для создания театральных и иных проектов для молодежи Казани [14]. Само название указывает на возможность для самореализации. Слово *площадка* также имеет несколько значений, одно из которых «сцена для театральных постановок» [3]. Данное заведение предназначено для экспериментальных постановок, в котором меняется традиционная роль зрителей: они выступают в качестве авторов и непосредственных участников спектаклей. Название «МОÑ» в переводе с татарского означает «грусть, тоска, лиризм, напев» [12].

Проанализировав особенности названий театров Казани и Уфы, мы пришли к выводу, что среди них преобладают классические советские модели, в которых есть указание на статус, аудиторию и жанр учреждения. На смену традиционному термину *театр* постепенно приходят новые понятия *лаборатория* и *площадка*. Целью таких учреждений становится некий эксперимент, в котором будут задействованы не только профессиональные актёры, но и обычные люди.

Литература

1. Афиша // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.afisha.ru/> (Дата обращения: 20.01.2023)
2. Бармина Л.В. Название театра: номинативный и стилистический аспект // Вестник МГЛУ. 2012. №22. С. 33–45.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2006. 1536 с. (БТС)
4. Кино-театр.РУ // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/> (Дата обращения: 22.01.2023).
5. Культура.РФ // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/> (Дата обращения: 20.01.2023)
6. Ностальгия Угла. Пакет-театр // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ugolkazan.ru/nostalgia4> (Дата обращения: 08.02.2023)
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2008. 1357 с.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 200 с.

9. Разумов Р.В. К вопросу об упорядочении терминологии в области эргонимии // Ономастика Поволжья: материалы XIII международного науч. конф. (Ярославль, 13–14 сентября 2012 г.). Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 46–51.

10. Сцена – Дом Волконадского и Галицких // Казанский репортер // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kazanreporter.ru/post/1927_scena__dom_volkonadskogo_i_galickih (Дата обращения: 30.01.2023)

11. Tatpressa.ru // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tatpressa.ru/> (Дата обращения: 30.01.2023)

12. Татарско-русский полный учебный словарь: около 15 000 слов / сост. и ред. Р.А. Сабинов. М., 2008.

13. Театр «Нур» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://teatrnur.ru/> (Дата обращения: 29.01.2023)

14. Творческая лаборатория «Угол» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ugolkazan.ru/> (Дата обращения: 20.01.2023)

УДК 398 (471.5)

И.А. Бухарина (г. Челябинск, Россия)

Научный руководитель д.ф.н. проф. И.А. Голованов

ОБРАЗ «БЕЛОЙ ЖЕНЩИНЫ» В ЛЕГЕНДАХ И БЫЛИЧКАХ ЮЖНОГО УРАЛА

*ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»*

В данной статье рассматривается образ «белой женщины», анализируется содержание легенд и демонологических рассказов. На примере текстов, записанных на Южном Урале в последние десятилетия, рассматриваются функции и различные проявления образа. Особое внимание уделяется анализу сюжетных мотивов.

Ключевые слова: белая женщина, легенды, демонологические рассказы, функции образа.

This article examines the image of a "white woman", analyzes the content of legends and demonological stories. It considers the functions and various manifestations of the image, using the example of texts recorded in the Southern Urals in recent decades. Special attention is paid to the analysis of plot motives.

Key words: white woman, legends, demonological stories, image functions.

Актуальность темы заключается в том, что образ «белой женщины» является одним из сложных, интересных и загадочных в фольклоре. Рассказы о «белой женщине» – довольно частое явление в современности, поэтому их анализ позволит изучить явление «белой женщины», рассмотреть ее функции, а также изучить сюжетные мотивы, связанные с данным образом.

Согласно «Энциклопедии русских суеверий» М. Власовой, *белая (баба, девка, женщина)* – явление смерти в образе женщины, девушки; покойница; предвестница несчастья; водяной дух; видение, призрак, угрожающий жизни человека [1, с. 31].

Этот образ традиционен. Интерес к нему возростал на протяжении веков, поэтому его можно встретить в различных легендах о *Белой Даме*, *Weißer Frau*, в романтических произведениях как русских, так и зарубежных писателей [4, с. 90]. В данной работе будут рассмотрены легенды, былички и бывальщины (демонологические рассказы) Южного Урала.

Белая женщина является людям в образах *полуночицы*, *русалки*, *покойницы*, *Богоматери* и др. Каждая из них выполняет определенную функцию. Образ имеет ряд типичных внешних признаков, по которым его можно отличить от других. Также могут присутствовать дополнительные внешние черты.

Остановимся подробнее на образах. *Полуночица* – это дух полуночи не вполне определенного облика, «растворенный» в полночном времени, персонификация болезни, бессонницы [1, с. 345]. Так, в тексте, записанном в Полтавском сельском поселении от Надежды Владимировны Тарановой 02.07.2022, говорится об образе женщины в белом: «Видела. Не домового, не лешего, а *белую женщину* с косой – *полуночицу*». Образ традиционен, так как указывается время видения («часов 12 ночи было»), переходное пространство – крыльцо и состояние полусна. Однако наблюдаются и противоречия. Вероятно, рассказчица оговаривается, называя белую женщину полуночицей, потому что при описании придается такая атрибутика, которая ей не свойственна (уточнение «с косой»). Это традиционная черта образа смерти. Рас-

сказчица акцентирует внимание на том, что слышен звук, «шуршат кусты», а это является верификацией, что ситуация случилась на самом деле. Рассказчица искренне верит в реальность увиденного явления, и ей важно поделиться этой историей, так как она произвела на нее огромное впечатление: «Очень страшно, меня так колотило». В данном случае образ «белой женщины» выполняет функцию предсказания: «...после этого одна соседка умирает, а у другой – сестра. Вот, два покойника». Рассказчица, очевидно, знает о традициях и функциях образа, так как уточняет, что это именно полуночица. Но мы понимаем, что этот образ достаточно сложный, контаминационный, и скорее всего у жительницы Карталинского района смешалось представление о православном и народном, языческом. В этом тексте образ *полуночицы* скорее всего является *русалкой*, так как она зачастую отражает признаки других духов, а *полуночица* – персонификация болезни и бессонницы.

Русалка тоже является традиционным образом, который нашел отражение и в наших текстах. Мы это понимаем вслед за С.А. Питиной: «Русалка – самая известная мифологема для обозначения водных духов, встречающихся во всех традициях» [6, с. 119]. *Русалка* – дух в облике женщины, который может появляться у воды, в лесу, в ржаном поле, в коноплях и т. д.; водяника, шутовка, лобаста [1, с. 370]. Так, в архивных записях ЮУрГГПУ нам встретилось два проявления *женщины в белом*, которые были записаны в 1996 году в г. Злотоусте от Щербаковой Нины Ивановны (1925 г.р.). В обоих рассказах внешний вид был одинаков: *женщина во всём белом*, длинные волосы. Однако в первом случае появились ещё и «хвосты рыбы» и устоявшаяся атрибутика образа – гребень. Об этом повествуется в традиционных поверьях достаточно редко, и такие русалки именуются *фараонками* [1, с. 372]. Рассказы о *русалках* достаточно простые и односложные, а чаще всего встречи с ними описываются в лесу, в поле, у воды. Так и в нашем случае, *русалок* встречали в лесу, именно в ночное время. Они не пугали, не вызывали страха, а, наоборот, приводили к появлению интереса. В одной быличке *русалки* являлись проявлением того, о чём думали ге-

рой, чем себя пугали («стали мы друг друга пугать русалками да водяными»). Свидетелей данного проявления образа несколько, уточняется, что это случилось наяву («вдруг видим, будто паром плывет»), а потом все увиденное через некоторое время исчезло. Это доказывает природу демонологических рассказов [3, с. 183]. В другой бывальщине *русалка* не называется русалкой, но это можно понять по ее внешнему виду. Она выполняет роль помощницы, помогает найти коров другой женщине: «Да вона твои коровы!..» Рассказчица именует ее *лешачихой*, но потом сама отвергает это, так как, вероятно, она знакома с этим образом и хорошо знает ее функции: «...чушь это: видела бы она *лешачиху*, так уж, наверное, померла». *Лешачиха* – вполне самостоятельный образ, который имеет свои внешние признаки, действия, играет определенную роль и выполняет иные функции.

Есть и другое проявление *русалки*, которое не совсем традиционно. Возможно, это контаминация, собирательный образ. Она нагая женщина, появляющаяся внезапно из-за кустов, обладающая речью, которую способны услышать обычные люди. Также с ней связан красный цвет. Так, в архивном тексте ЮУрГГПУ нагая женщина просит привезти именно красную «мануфактуру», иначе «обратно...будет не уехать». Такая *русалка* выполняет функцию предсказания, но в нашем тексте дальнейшие обстоятельства не описаны. Она лишь повествует о том, что может произойти в скором времени. Чувства рассказчика (шофёра) не описаны, он чётко следует ее приказу, а взамен получает предвидение, прогноз.

Следующим проявлением «белой женщины» выступает существование неупокоенных душ. *Покойники, покойные* – умершие, но продолжающие «жить» люди [1, с. 324]. Являются они ночью, часто при этом пугая человека. В одном из архивных текстов, записанным в 2000 году, женщина является вся «белая, прозрачная». При жизни она очень сильно боялась коров, так как в детстве «бык ее напугал сильно». После смерти она долгое время появлялась в сараях, чтобы подоить корову, только молока не было. Она будто бы приходила, чтобы побороть свой страх.

Другое явление усопшей вполне традиционно. Для христианина, для религиозного человека смерть – не завершение жизни, а лишь иная форма человеческого существования. Три дня, девять дней и сорок дней – важные даты для души усопшего. Считается, что душа в течение сорока дней может обитать в земном мире, «ходить и показываться». Так и происходит в тексте, записанном в деревне Александровке в 1997 году от Абрамхиной Людмилы Александровны (1947 г.р.). К ней в окне является сестра девять дней подряд. Согласно славянской мифологии, окно – нерегламентированный вход и выход. Рассказчица была сильно напугана, так как образ родного человека был для нее страшен: «Глаза выпучит и не моргает». Это традиционное явление усопшей, которое можно объяснить религиозными толкованиями.

Кроме того, могут являться и маленькие девочки. Они связаны с «блуждающими огоньками». *Блуждающие огоньки*, по М. Власовой, – не находящие упокоения души умершего, души праведника. Так, в тексте, записанном в 2000 году в селе Березки Уйского района от Румянцевой Надежды Герасимовны (1925 г.р.), мы видим явление двух усопших девочек, которые появляются каждую ночь. Они сильно пугают рассказчицу, потому что «загорается свет», в то время как дома никого нет, кроме нее. Полагается, что *огоньки* – души покойников, требующих от родных молитв, поминовения [1, с. 43]. Также *огонек-свечка* – символ невинной души, что и находит отражение в нашем тексте: «Они играли и смеялись». Прекратились эти видения только после того, как поп освятил дом. Вскоре выяснилось, что под ним находилось кладбище, где и были похоронены две маленькие девочки.

В последнем тексте, записанном в 2000 году от Дорохиной Валентины Ивановны (1926 г.р.), усопшая встает из могилы: «голова женщины поднимается, а потом рука». Она вся прозрачна, что характерно образу «белой женщины», машет рукой, как будто подзывая к себе. Здесь покойница лишь пугает группу людей. Страшных последствий не описано, кроме того, что место то стали обходить. Эта ситуация породила слухи и толки, которое ходили по деревне долгое время.

Есть и принципиально другие образы, выполняющие иные функции. Так, в тексте, записанном в г. Карталы 3 июля 2022 года от Семена Никифоровича (1954 г.р.), белая женщина предстает в другом образе. Данный рассказчик в своем религиозном сознании интерпретирует увиденный им образ как Божью Мать: «Только подбегаю, и вот Божья Мать летит». Она видится ему во сне, а сон – это граница между мирами. Во сне лопается стена церкви, все обваливается, а он видит дверь в подвал, то есть подземное пространство. И вот летит *Богоматерь* в хитоне, не говорит губами, а он слышит: «Иди за мной». Так она вывела его за собой и спасла. Сон является вещим, так как на следующий день случается авария, («машина в узел»), но все остаются живы. Так, *Богоматерь*, являясь святой, выполняет функцию защиты от бед, она предсказывает человеку будущее и является небесной заступницей.

В другом тексте, записанном 5 июля 2022 года от Суботиной Надежды Николаевны в поселке Санаторный, *Богоматерь* тоже является во сне и подсказывает цифры лотереи. В этой бывальщине Наташе (женщина, о которой рассказывается) лишь важно узнать цифры, чтобы получить награду. Будучи нерелигиозным человеком, она идет в церковь к батюшке, который ей показывает икону. Узнается, что ей снилась *Богоматерь*. Акцентируется внимание и на цифре три, которая обладает сакральным смыслом. Она воспринимается как знак удачи, исключительности, избранности этого человека. Данная ситуация может трактоваться как символ приведения к вере, что и подчёркивает рассказчица: «Ну это ее к вере так приводит».

В остальных случаях *Божья Матерь* являлась не во сне, а наяву. В первом она просто хороший знак, она подходит к иконе, некоторое время смотрит на него и в дверь выходит. Она красивая, «в белом одеянии». Этой иконой когда-то благословляли мать рассказчицы. В другом случае, записанном от Зинаиды Ивановны в селе Анненском, *Богоматерь* предупреждает об опасности. Она является ее бабушке («Вот за мной Богородица на колеснице едет»), а видят ее только они вдвоем, что подчёркивает их избранность. Видение со-

провождается звуком: «гремит гром», что отражает потустороннюю природу мифологического образа и выдаёт его природу. В третьем же случае *Богоматерь* – предвестница судьбы, предсказательница. Она заходит в палату к беременной женщине с ребенком, у которого «черное пятнышко» на ручках. Через 20 лет сын рассказчицы остается инвалидом, без рук (обстоятельства произошедшего опускаются повествователем).

Богоматерь во всех рассказах является положительным образом, однако выполняет различные функции: предсказательную во снах, и предупредительную наяву. Также везде присутствует белый цвет, который в православии близок по семантике к золотому [5, с. 273]. Он символ чистоты, причастности к Божьему миру.

Таким образом, в памяти каждого из рассказчиков хранится определенный образ и эпизод, что свидетельствует о его значимости в понимании и осознании судьбы данным человеком. Всегда моменту повествования предшествует отбор информации, что выражается эмоциями и чувствами людей. Они плавно переходят от них к конкретным фактам, произошедшим с ними или же с кем-то другим. Главной целью, преследуемой рассказчиками, остается убеждение слушателей в истинности, правдивости сообщаемого.

Исходя из анализа собранных рассказов, можно выделить несколько функций образа *белой женщины*: 1) этиологическая (люди сами пытаются объяснить происхождение образа), 2) предзнаменующая и предупредительная (повествуется или предупреждается о том, что может произойти или произойдет с данным человеком), *прогностическая* (рассказывается о том, что может произойти в скором времени в конкретной местности, а не именно с человеком, который встречается с демонологическим существом), *психологическая* (оказывает определенное эмоциональное воздействие на человека), *защитная* (оберегает от внешних факторов и бед), *сюжетообразующая* (все случаи проявления «белой женщины» легли в основу легенд и демонологических рассказов) и *эстетическая* (определенный набор художественных признаков).

Белая женщина, являясь в своих различных образах (полуночницы, русалки, покойницы, Богоматери и пр.), воздействует на современного человека определенным образом. Помимо традиционной семантики выделяются и другие сюжетные мотивы. Также зачастую в сознании людей смешиваются различные ценности (языческие и православные), порождая при этом контаминацию образов, что достаточно интересно для изучения. Каждый стремится объяснить увиденное им явление по-своему, а этапу рассказа всегда предшествует отбор информации в сознании. Воспоминания так или иначе связаны с жизненно важными вопросами, которые никогда не забудутся современным человеком [2, с. 92]. Так, имея различные проявления образов «белой женщины», можно судить, что перед нами фольклорные тексты, бытующие на Южном Урале.

Литература

1. Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий. М.: Азбука-классика, 2008. 518 с.
2. Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 74. С. 89-92.
3. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор : учебник. М.: Флинта, Наука, 2001. 399 с.
4. Ильченко Н.М. Образ белой дамы в интерпретации русских романтиков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. Вып. 30. С. 89-98.
5. Лицарева А.Ф. Образ «женщины в белом» быличках о начале войны // Социокультурное многообразие в современном мире: по материалам конф. молодых ученых. Москва, 11-13 дек. 2018 г. / отв. ред. О.Л. Милова; сост. и предисл. Е. Б. Баринаова. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 167-178.
6. Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2002. 191 с.

В.Е. Зимина (г. Челябинск, Россия)

Научный руководитель д.ф.н. проф. И.А. Голованов

**ОБРАЗ ВЕДЬМЫ В ФОЛЬКЛОРЕ ЮЖНОГО
УРАЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСЕЙ
ЭКСПЕДИЦИИ ЮУРГГПУ)**

*ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»*

В данной статье анализируются функции образа ведьмы в фольклорных рассказах. В центре внимания автора находятся традиционные фольклорные мотивы и образы, рассматриваются их основные характеристики. В статье утверждается, что традиционные образы трансформируются в соответствии с меняющейся действительностью и представлениями людей.

Ключевые слова: фольклор, устный рассказ, фольклорный текст, ведьма, малый фольклорный жанр.

This article analyzes the functions of the image of a witch in folklore stories. The author focuses on traditional folklore motifs and images, their main characteristics are considered. The article argues that traditional images are transformed in accordance with the changing reality and people's perceptions.

Key words: folklore, oral narrative, folklore text, witch, small folklore genre.

Фольклор и в наши дни выступает живой, динамично изменяющейся системой жанров, сюжетов, образов и мотивов. Его динамику определяет меняющаяся действительность, которая, конечно, требует осмысления, при этом в фольклорном сознании лишь такие новации, которые не противоречат традиции, допускаются ею [2, с.15]. Тема отношения человека с миром постоянно находится в центре фольклорных произведений. Решение этой проблемы позволяет человеку наполнить свой мир смыслом, выйти за рамки индивидуального существования.

Современный человек по-прежнему верит, что его судьбой часто управляют невидимые силы из потустороннего мира. Этот невидимый мир сложен, неоднозначен и даже опасен, и значимую роль в общении с ним играют разнообразные посредники, например ведьмы. Сейчас существует

множество теле- и радиопередач, некоторые телевизионные каналы практически полностью составляют сетку вещания из программ, где ведьмы, колдуньи и экстрасенсы снимают порчи, делают привороты, предсказывают будущее. Очевидно, что людей постоянно интересует то, чего они не понимают, не могут истолковать, потому что события нашей жизни зачастую не поддаются рациональному объяснению. Какие же социально-психологические и/или эстетические «механизмы» лежат в основе веры в колдовство?

В нашей работе мы опираемся на материал, собранный в экспедициях в Карталинском районе Челябинской области, который хранится в фольклорном архиве кафедры литературы ЮУрГГПУ (Коллекция Каргалы-2022), а также на тексты, опубликованные в сборниках фольклора других регионов.

Мы используем в работе термин *быличка*. Быличка относится к одному из продуктивных жанров традиционного фольклора в современную эпоху. Это жанр фольклорной не-сказочной прозы, народный демонологический рассказ, суеверное повествование, связанное с персонажами из разряда низшей мифологии. «Содержание былички определяется идущими от языческой мифологии представлениями о существовании «хозяев» различных стихий и «домашних» духов – лешего, водяного, домового, банника и т.д. Сам человек в быличке вступает в те или иные отношения с этими персонажами «низшей» мифологии, принимает от них помощь или встречает с их стороны противодействие» [3]. Чаще всего быличка рассказывается от первого лица и носит характер свидетельского показания: рассказчик или сообщает о пережитом им самим случае, или ссылается на авторитет лица, от которого он об этом слышал.

Чем же отличаются понятия *ведьма*, *колдунья* и *экстрасенс*?

Г.С. Белякова в книге «Славянская мифология» трактует термин *ведьма* так: «это колдуньи, вступившие в союз с дьяволом или другой нечистой силой ради обретения сверхъестественных способностей» [1, с.44]. В разных славянских странах ведьмам и знахаркам придавалось разное обличье. На Руси ведьмы представлялись в виде старух с растрепан-

ными седыми космами, костлявыми руками, огромными синими носами. Они летали по воздуху на кочергах, помелах, в ступах и т. п.; отправлялись на темные дела из своих жилищ непременно через печные трубы и, как все чародеи, могли обращаться в разных животных, чаще всего в сорок, свиней, собак, кошек. Страх перед колдунами покоился в народе, так как люди считали, что все они состоят в близких отношениях с нечистой силой, а черти исполняют все их поручения. Колдуны вредят человеку, скоту, переносят свою ненависть даже на растения [там же]. Но они были нужны в житейских ситуациях: к кому-то нужно сходить, к примеру, с целью снятия головной или зубной боли, с кем-то нужно гадать на сушеного, к кому-то сбегать за приворотом, но одновременно женщины-ведьмы занимаются и смежными практиками, ремеслами и хозяйством. То есть это было время, когда люди живо интересовались сверхъестественным, это было частью их жизни и быта. А.Я. Гуревич считает, что поверья, связанные с ведьмами (*striga*, *Holda*, *Diana*), упорно сохранялись в народе. Люди верили в то, что ведьмы способны принимать облик животных и других существ, летать по ночам и собираться в определенных местах на свои колдовские сборища. Знахарство, связанное с магическим использованием сил и явлений природы, было существенной и неотъемлемой стороной жизни аграрного общества. Между доброй знахаркой, способной лечить травами и другими снадобьями, заклинаниями и заговорами, и злой колдуньей, которая могла накликасть несчастье и «навести порчу», не было четкой разграничительной линии, и первая легко могла быть превращена в сознании окружающих во вторую [4, с. 308–375].

Можно ли поставить знак равенства между ведьмой и современным экстрасенсом? Экстрасенсы – это люди, обладающие способностью общения с потусторонним миром. Происходит слияние традиционного образа ведьмы с современным представлениями о таинственном и непознанном. Экстрасенсы не смогут сделать приворот, навести порчу, так как они не относятся к специалистам, практикующим магию, в отличие от ведьм. Однако экстрасенсы лучше всех других магических специалистов смогут решить какую-либо психо-

логическую проблему, без единой вашей подсказки и дать вам ценнейший совет в стрессовой ситуации.

Чтобы проследить функционирование образа ведьмы в наши дни, обратимся к фольклорным рассказам, записанным в Карталинском районе.

Н.А.Криничная утверждает: «Формирование мотивов и сюжетов народной мифологической прозы происходит в контексте общего фольклорного процесса, отчасти определяемого одними и теми же истоками, отчасти последующим межжанровым взаимодействием...» [5, с. 9]. В записях рассказов очевидцев постоянно прослеживается мотив встречи с ведьмой. Ср.:

« – А можете ещё подробнее рассказать о колдунье? Вот вы упоминали, что видели её.

– Ну, это самое, лет 13 мне было, я жила на Новом мире. Слышали, может, Матрёна Бородиновская? Она святая? Я с ней жила в одном посёлке. Мы с ребятами ходили, это самое, со школы к ней. Она была слепая с 13 лет. До 13 лет дождала, и была слепая. И она всех, вот прям заходишь, всех видела, имя и всё говорила. И мы всегда были, помогали ей, и всё, это самое, в нашем посёлке. И когда она умерла, нас, учеников, взяли хоронить. И вот представьте, её похоронили в Бородиновке – вот почему её так называют, у неё там родственники. И когда мы прошли мост – когда там заезжаешь, мост – сняли ей с машины, внести её туда, и представьте – 10 журавлей вверх. Откуда появились? Вот так вот конусом встали, нас вели до этого (кладбища). Хочешь, не хочешь – поверишь. И вот это всё я видела». (Записано 05.07.2022 года группой в составе Малетиной Дарьи, Морозовой Василисы, Ситниковой Ирины и Самойловой Софии от Петра Павловича Панькова в его доме в селе Анненском, приблизительно 70 лет).

В данном фольклорном тексте воспроизводится еще один фольклорный мотив, связанный с культом местной святой – Матреной Бородиновской. Точно неизвестно, с какого времени стали проявляться в Матрёне чудесные духовные дарования, но люди стали почитать её особо, когда она уже подвизалась в посёлке с символичным названием

«Новый мир». Люди шли к ней, кто с чем и с разной степенью веры, но после общения с подвижницей понимали и чувствовали, что перед ними необычный, святой, Божий человек. Упоминается село Бородиновка Варненского района Челябинской области, которое названо в честь сражения в 1812 году под Москвой, у деревни Бородино. Информант акцентирует внимание на числе 13: *«Ну, это самое, лет 13 мне было, я жила на Новом мире», «она была слепая с 13 лет», «до 13 лет дождала, и была слепая»*. Мы прослеживаем одну из фольклорных констант, своеобразный хронотоп – 13 лет как рубеж. Ведьмы живут до определённого времени, и им открываются способности. Петру Павловичу Панькову в 13 лет открылось знание про Матрёну Бородиновскую.

В быличке перед нами предстаёт определенный топос – мост: *«И когда мы прошли мост – когда там заезжаешь, мост – сняли ей с машины...»*. Присутствует символика журавлей: *«И когда мы прошли мост – когда там заезжаешь, мост – сняли ей с машины, внести её туда, и представьте – 10 журавлей вверху»*. Журавли – медиумы и символ вечной жизни. Информант, вероятно, подразумевает, что Матрёна Бородиновская своими делами и помощью людям достойна вечности и останется в памяти.

Ведьма может реализовывать и традиционную функцию целительства. Например, в одном тексте Егорова Надежда Алексеевна рассказывает, что на краю деревни жила у них ведьма, которая лечила детей: *«Детей, правда, лечила. Пошепчет, пошепчет, что и не бывало болезни»*. (Записано Базаевой Людмилой в 2000 г. в деревне Дудинка Курганской области от Егоровой Надежды Алексеевны, 1940 г.р.). Ведьма использует заговоры, реализуя целительную функцию. И таких текстов много в записях экспедиций разных лет.

В материалах фольклорной практики 2022 года появились варианты, где в какой-то мере произошла трансформация образа ведьмы, так как она имеет экстрасенсорные способности. Наш информант Елена Ефимовна Майорова утверждает, что у них в селе есть женщина-экстрасенс: *«Она настолько была сильный экстрасенс. Её родители частично закрыли её способности. Она, например, видела, что делает»*

ся в доме, когда по улице шла, сквозь стены. И человека она видела, его органы. Сейчас она лечит, говорит все болезни твои». С помощью экстрасенсорных способностей ведьма излечивает людей, но целительство небезопасно. «Она, как сказать, "пожиратель жизней", она очень много зарабатывает на этом денег, жизнь забирает именно у тех людей, которые очень долго мучаются. Ездит, точнее сказать, летает, её специально вызывают». (Записано 02.07.2022 г. всеми участниками экспедиции от Елены Ефимовны Майоровой, социального педагога, психолога, гадалки в г. Карталы). Ведьма борется с болезнью, избавляет людей от мучений.

Близкий к этому же мотив можно выявить и в другой записи: «Мы не знаем кто этим занимается, но тоже я вот слышала – не слышала, а общалась с одной женщиной, она лечит людей. Она когда проезжала мимо Великопетровки, она сказала: «Такой храм намоленный, очень намоленный, имеет большую силу, но вокруг очень много негатива и плохих людей». (Записано 06.07.2022 участниками группы Печниной Марией, Воеводиным Романом и Зиминной Викторией от директора Дома культуры Мозенс Елены Валерьяновны в селе Великопетровка, 46 лет).

В другой записи информант говорит, что ведьма показывает свой облик и реализует пророческую функцию: «Ну, облик свой показывает и говорит, предсказывает. Пожар был вот три года назад. Взорвалась башня, потом её снова построили». Интересен тот факт, что ведьма водится на башне, которая взорвалась. Связано ли это как-то непосредственно с ведьмой? Люди не могут этого объяснить. Но ведьма выполняет покровительственную функцию над природной стихией огня, она предсказала пожар. (Записано 05.07.22 Иноземцевой Ириной, Косаревой Екатериной, Планковой Анастасией в г.Троицк от Максима и его друзей, лет 10-12, жителей района пятилетка).

В некоторых устных рассказах святая и ведьма сблизаются по своим функциям. Почему так происходит? Былички и бывальщины живут в динамике, постоянно изменяются, с течением времени меняют свои основные тенденции

и свою функцию, поэтому мы вынуждены постоянно учитывать их перманентную трансформацию [7, с. 6-7]. Трансформируются и образы. Можно предположить, что святая, как и ведьма, знает больше, чем простые люди. Но есть принципиальные отличия. Святая, например, следует правилам, которые уже были установлены миром света, а ведьма живёт по законам мира тьмы. Святая считает, что должна страдать за себя и за людей, а ведьма думает, что «радоваться полезней». Святая не вредит людям, не использует магию.

Каковы же варианты сюжетов о ведьме и ее отдельных функций?

Ведьмы могли превращаться в любое животное, чаще в свинью или колесо: *«была у нас ведьма и умела она образы принимать разные: то свиньей обернется, то колесом»*, *«колесо катится что есть силы, без хозяина, наезжает на людей и давит»*. Догадывались, кто это делал, но не были уверены. Ведьмы приносили вред человеку: *«умирали коровы от неизвестной болезни. Люди старые говорили, что дело это нечистое, с ведьмами связано»* [6, с. 62-91]. В наших текстах нет превращений, но есть наведение порчи и использование черной магии, покровительство над природными стихиями, а также ведьмы могли и помогать людям: предсказывали будущее, излечивали болезни.

Проанализировав многочисленные фольклорные записи, мы сделали вывод, что образ ведьмы в фольклорном сознании соединяет в себе несколько функций: целительства, покровительства и разрушительную. Произошла и трансформация образа: «современные» ведьмы могут предсказать будущее, погадать на суженого, сделать заговор или приворот, к тому же у них появляются экстрасенсорные способности, которые не относятся к традиционной семантике. В быличке транслируется чувство мистического единения человека с миром, актуализируется одновременно любопытство и страх перед непонятым, необъяснимым, а потому потенциально опасным миром. В быличках о ведьмах доминирует информативная и объяснительная функция, а эстетическая – вторична.

Литература

1. Белякова Г.С. Славянская мифология. М.: Просвещение, 1995. 239 с.
2. Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.): монография. М.: Флинта, 2020. 296 с.
3. Голованов И.А. Мифологические мотивы и образы в фольклорной прозе Урала (XX век): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Челябинск, 1998. 24 с.
4. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
5. Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. В 3 т. Т. 1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб.: Наука, 2001. 584 с.
6. Николукин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М.: Интелвак, 2001.
7. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 191 с.

УДК 398 (471.5)

Д.Ю. Малетина (г. Челябинск, Россия)

Научный руководитель д.ф.н. проф. И.А. Голованов

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСТНЫХ РАССКАЗАХ ОБ ОКОЛОЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЗАПИСЕЙ ЮУРГПУ)

*ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»*

В статье используются фольклорные материалы, собранные в Карталинском районе, а именно в селе Полтавка и Анненское, а также в самом городе Карталы. В статье выявляются и анализируются образы, мотивы и сюжеты, раскрывающие фольклорное сознание, общехристианское представление и воззрения современного человека на православную веру, которые реализованы в фольклорных образах, а также выявляется, почему рассказчики считают важным то, чем делятся со слушателем, и почему именно предлагаемые правила имеют значение в современном мире.

Ключевые слова: фольклор, фольклорное сознание, околочерковная жизнь, христианские догматы, народные ценности, устные рассказы, мотив наставления

In the article for analysis we use folklore materials collected in the Kartalinsky district, namely in the village of Poltavka and Annenskoye, as well as in the city of Kartaly itself. The article identifies and analyzes the images, motifs and plots that reveal folklore consciousness, the general Christian idea and views of modern man on the Orthodox faith, which are implemented in folklore images, and reveals why the storytellers consider it important that what is shared with the listener, and why exactly the proposed rules matter in the modern world.

Key words: folklore, folklore consciousness, near-church life, Christian dogmas, folk values, oral stories, motive of instruction

Исследование современного воззрения на христианскую жизнь позволяет оценить обстановку в духовной жизни верующих уральцев и глубже проникнуть в их менталитет [4].

По С.Н. Булгакову, Церковь объединяет правила православной веры, сохраняет полноту правого учения, благодаря ней оно сохраняет преемственность. Каждый верующий по отдельности – «носитель живого предания» [6]. Для христианской веры характерна соборность – только в Церкви человек может приблизиться к Богу. Итак, правила христианской жизни содержатся в церковных преданиях, которые зафиксированы в Библии. Православие действительно тем, что своей сутью оно «пленяет и притягивает» и «воспитывает прежде всего сердце» [6]. Основа вероучения – вера в Христа, который пришёл «в мир для спасения человека» [6]. Человек создан по подобию Божьему, однако лишился «прямого богообщения» [6], в результате он стал зависим от своих страстей. И всё же есть способ «благодатного восхождения» [6] – спасение, его суть – в духовном перерождении, в принятии этого божественного дара, «самоотречение ради Христа» [6], чувство ответственности перед Богом, духовная работа человека над собой.

Нами будет рассмотрен библейский фольклор, основанный на устных рассказах, в котором как раз и отразились основные догматы, в которых, по мнению О.В. Беловой, мы также можем увидеть определенные «концепты добра и зла,

греха и чуда» [5]. Грех же в фольклорном сознании состоит в нарушении не только основных заповедей, данных в Ветхом завете, но и обычаев, обрядов, табу.

Попробуем проанализировать устные рассказы Карталинского района и выявить, как в них отражаются христианские догматы и ценности. Рассмотрим наставления, которые, в свою очередь, можно разделить на следующие группы: связь с прошлым, совершение обрядов для спасения, человек и Бог, человек и дьявол.

Итак, по мнению отца Ефимия, батюшки храма Казанской иконы Божьей Матери в селе Полтавка, для православных характерен консерватизм, за что на них сыплются упреки со всех сторон. Однако священник находит положительной эту черту: «Казалось бы, как можно жить старым? Ради того, чтобы было у нас будущее» (записано 02.07.2022 Лесовским Всеволодом, Петренко Александрой, Воеводиным Романом, Ситниковой Ириной, Зиминой Викторией в поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери). А историю составляют наши предки, поэтому нужно чтить отца и мать, то есть наших предков.

Важную часть правил в христианстве составляют обряды, ведь главное в вере – это образ жизни. Информанты убеждали нас в необходимости креститься, исповедоваться, ходить в храм, иначе Господь не поселится в сердце человека, и он не будет спасен. Женщина из церковной лавки храма Космы и Дамиана дала такой совет: «Нужно просто спокойно относиться, читать молитвы надо. А больше никак не спастись» (записано 05.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Самойловой С., Ситниковой И. в селе Анненском Карталинского района Челябинской области от Зинаиды Ивановны, работницы церкви имени Космы и Дамиана, пенсионерки лет 60-70).

Рассказчики не могли обойти стороной и важнейшую сферу – общение с Богом, ведь именно от Него зависят многие стороны нашей жизни. Господь решает, где человек родится (недаром говорят: где родился, там и пригодился) и сколько он проживет на земле, прощает нас за грехи, вразумляет нас при помощи наказаний. Итак, Бог с нами везде, по-

этому человеку следует быть чутким и наблюдательным, ведь Он «протягивает руку ежедневно, ежесекундно» (записано 02.07.2022 Лесовским В., Петренко А., Воеводиным Р., Ситниковой И., Зиминной В. в поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери от священника Ефимия). Существует также мнение о том, как понять, принял Всевышний умершего человека или отверг: «Вот когда человек умирает, если душа чистая, такое светлое лицо, значит, господь принял его» (записано 05.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Самойловой С., Ситниковой И. в селе Анненском Карталинского района Челябинской области от Зинаиды Ивановны, работницы церкви имени Космы и Дамиана с. Анненское, пенсионерки лет 60-70). Информант из села Анненское утверждает: «Вот молишься, просишь, и ты получаешь ответ. Нужно разговаривать с Богом» (записано 05.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Самойловой С., Ситниковой И. в селе Анненском Карталинского района Челябинской области от Майоровой Елены Ефимовны, уроженки Брединского района, писателя, преподавателя русского языка и литературы на пенсии, 65 лет).

Краевед Карталинского района Александр Борисович Ярошецкий затронул даже такую тему, как борьба с дьяволом. Церковь, а значит и человек, ведёт ожесточённую борьбу с дьяволом, а средства её «молитва, правильный христианский образ жизни, молитва, пост» (записано 05.07.2022 Бухариной И., Петренко А., Лесовским В., Коньгиной Д. во время запланированного похода с краеведом Александром Борисовичем на кладбище в Полтавке).

Никакие правила не обходятся без запретов, которые у фольклорноносителей связаны с язычеством, которое переплетается с православием в сознании русского человека, а также с гостями из иного мира. Так, нельзя обращаться за помощью к знахаркам, потому что «у этих бабушек главная цель – посеять вражду» (записано 02.07.2022 Лесовским В., Петренко А., Коньгиной Д., Бухариной И. в г. Карталы в Храме Архангела Михаила от женщины из церковной лавки, которая пожелала остаться неизвестной). Не стоит верить и в приметы, в суеверия, хоть это стало и неотъемлемой частью нашей

жизни: «по православным понятиям – это полная чушь» (записано 05.07.2022 Бухариной И., Петренко А., Лесовским В., Коньгиной Д. во время запланированного похода с краеведом Александром Борисовичем на кладбище в Полтавке).

В рассказах жителей Карталинского района мы находим случаи о том, как их посещали души из потустороннего мира, и это общение не всегда было положительным: кого-то они пытались забрать с собой на тот свет. Поэтому нам посоветовали не входить с ними в контакт: «мы же не знаем, какая душа пришла, хорошая или плохая» (записано 05.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Самойловой С., Ситниковой И. в селе Анненском Карталинского района Челябинской области от Майоровой Елены Ефимовны, уроженки Брединского района, писателя, преподавателя русского языка и литературы на пенсии, 65 лет).

Императрица Александра Фёдоровна, причисленная к лику святых, говорила: «Пусть на примере вашей жизни ближние увидят, что вера – это нечто большее, чем учение или соблюдение обрядов» [2]. Перейдём от рассмотрения внешней стороны веры к внутренней, без чего вера немислима – к духовным вопросам.

Начнем с объяснения того, почему христианскую веру считают самой правильной: «Потому что здесь Господь ходит среди народа, он 30 лет ходил» (записано 05.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Самойловой С., Ситниковой И. в с. Анненском Карталинского района Челябинской области от Зинаиды Ивановны, работницы церкви имени Космы и Дамиана, пенсионерки лет 60-70). То есть Бог приблизился к людям. А что же рассказчики думают о самом человеке?

Информант отец Ефимий утверждал, что в жизни нашей встречается мало людей, готовых нести на своих плечах что-то великое, и много тех, кто пытается очернить их подвиги. И такое явление было всегда, что доказывают даже Евангелием: «И даже пример сам Христос. У него было 12 учеников. Из них был один Иуда, который продал Христа, просто продал. Один пошёл с ним до конца, до креста. Десять убежало» (записано 03.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. в поселке Полтавка в церкви Казанской

иконы Божьей Матери). И к сожалению, жизнь не предсказуема и каждый из нас может сам оказаться предателем. Но человек должен стараться стремиться к лучшему.

Именно человек, по мнению священнослужителя, выбирает между добром и злом, он решает, во что ему верить и как: «Бог даёт каждому право выбора, потому что мы образ и подобие божие» (записано 03.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. в поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери). Однако нам лучше следовать примеру Всевышнего: «Бог прощает, и мы должны прощать» (записано 03.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. в поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери), чтобы не допускать войн и распрей, которые происходят по вине человека.

Кто есть человек духовный и верующий? Отец Ефимий приводит в пример Цоя и Высоцкого, ведь в их песнях есть вещи, которые заставляют нас задуматься о многих важных вещах, о мире, о происходящем – то есть в них есть смысл, «там уже есть Бог» (записано 03.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. в поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери). Человек может даже не подозревать, что он верующий. Таким людям рассказчик противопоставляет тех, кто лишь делает вид, что верует: «С ним поговоришь, и ты сморщишься и скажешь: “Какое-то исчадие ада”...» (записано 03.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. в поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери).

Информанты не оставляют без внимания и тему смерти, с которой мы все столкнемся рано или поздно [1].

Батюшка советует принимать во внимание тот факт, что жизнь может оборваться в любой момент, но нужно относиться к этому со спокойствием: «Могу умереть, ну могу и могу. Есть день – есть ночь. Есть жизнь – есть смерть. То есть это вполне реальные вещи» (записано 03.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. в поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери). А причины могут быть самые разнообразные.

Как известно, после смерти человек уходит в мир иной, в вечность. Царица Александра Федоровна писала мужу, Николаю II: «Наконец мы соединены, скованы для совместной жизни, и когда земной жизни придет конец, мы встретимся опять на другом свете, чтобы быть вечно вместе» [3].

Что же ждет человека «там»? «Там не будет ни имени, ни расстояния, ничего» считает отец Ефимий (03.07.2022 записано Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. в поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери). У нас будет чудесная возможность встретиться с теми, кого мы видели, знали, и даже пообщаться с ними, узнать, как прошла их жизнь. Более того мы столкнёмся даже с теми, кого не могли видеть при жизни из-за того, что ушли раньше: с нашими родственниками. Из этого следует: наши души и «души наших предков бессмертны» (записано 02.07.2022 Лесовским В., Петренко А., Воеводиным Р., Ситниковой И., Зиминой В. в поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери).

Важное место в системе рассказов жителей Карталинского района занимают и истории о чудесах, ведь именно они подтверждают необходимость соблюдения правил и заставляют атеиста поверить.

Например, жительница Карталов рассказывала, как её загипнотизировала цыганка, и от опасных последствий её спасла иконка в кармане, которую увидела колдунья: «Она достала серьги мои из-под своих юбок там, и вернула мне, и сказала идти» (записано 03.07.2022 Петренко А., Коньгиной Д., Бухариной И., Лесовским В. от местной жительницы г.Карталы).

Краевед Карталинского района Александр Борисович Ярошецкий рассказывал об обновлении иконы, которое произошло у женщины, которая в советские годы отстояла веру, не убрала иконы, когда ей приказали милиционеры, не испугалась последствий, «а в ответ Божьей матерью всегда покрывалась, защищалась» (записано 03.07.2022 Петренко А., Коньгиной Д., Бухариной И., Лесовским В. на территории храма Казанской Божьей Матери в посёлке Полтавка).

Немало чудес случилось и во время Великой Отечественной войны. Так, по рассказам краеведа, лётчику Михаилу Девятаеву пришёл на помощь Архангел Михаил, благодаря которому он смог понять инструкции, написанные на немецком. А когда брали Кёнигсберг, явилась Божья Матерь, которую видели и советские, и немецкие солдаты. Рассказчик утверждает: «А ведь Бога надо благодарить, что эта победа состоялась» (записано 03.07.2022 Петренко А., Коньгиной Д., Бухариной И., Лесовским В. на территории храма Казанской Божьей Матери в посёлке Полтавка).

Майорова Елена Ефимовна делилась с нами, что, когда её дочери не могли выйти замуж, она обратилась за помощью к Богу, и девочки обрели счастье: «Муж у меня Сергей Борисович. Одна вышла замуж за Сергея, другая – за Бориса. Разве это не знак?» (записано 05.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Самойловой С., Ситниковой И. в селе Анненском Карталинского района Челябинской области от Майоровой Елены Ефимовны, уроженки Брединского района, писателя, преподавателя русского языка и литературы на пенсии, 65 лет).

Об исцелении от страшной болезни рассказывал Пётр Павлович Паньков, участвовавший в восстановлении церкви в Анненском. Батюшка уговаривал его креститься немедленно, но тот отказался, решив, что будет креститься первым в новой церкви. В итоге заболел раком, перенес неудачную операцию: «Крещусь в своей церкви, самый первый и еду на обследование в Свердловск. Они меня обследуют и говорят: “Слушай, ты чем лечился?” – “Молитвой и водкой.” – “Да не может быть такого! У тебя даже рубца нет, будто у тебя даже ничего не было”» (записано 05.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Самойловой С., Ситниковой И. от Петра Павловича Панькова в его доме в селе Анненском, на вид ему 70 лет).

Мы можем сделать вывод, что христианские ценности стали общечеловеческими для многих поколений людей, но молодым людям нужно вновь и вновь их осваивать, осмысливать, что они могут сделать посредством общения со старшими, с прихожанами, которые транслируют эти ценности.

Можно выделить особенности бытования религиозных представлений, характерные для современности:

1. Религия долгое время была под запретом;
2. В настоящее время она разрешена, однако не является обязательной;
3. Человек в центре всего, отрицание ценностей религии среди молодого поколения.

Рассмотрим, как данные факторы отражаются в материалах фольклорной экспедиции в Карталинский район.

О запрете религии во времена Советского Союза свидетельствует анекдот, рассказанный отцом Ефимием: «Марьянна, учительница, вывела учеников своих и говорит: “Дети, кричите и показывайте кулаки в небо, Бога нет”, а Вовочка отвечает: “А если Бога нет, чё кричать-то?”» (записано 03.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. в поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери). В приведенном рассказе информант показывает абсурдность отрицания Бога, ведь несмотря на это, многие люди сохраняли веру, хоть и делали это тайно. Это доказывает случай самообновления иконы, ведь женщина не отреклась от Христа именно в тот период – в 60-е годы. Еще одна важная черта: «А бабушка эта, что интересно, она в храм не ходила», она стала присуща многим верующим. Более того, и в наше время некоторые люди предпочитают исповедовать православие тайно, не разглашая об этом» (записано 03.07.2022 Бухариной И., Лесовским В., Петренко А., Коньгина Д. от краеведа Александра Борисовича на территории храма Казанской Божьей Матери в Полтавке).

О нынешнем состоянии духовной жизни рассуждал отец Ефимий. 90-е годы он сравнивает с весной, когда всё оживает – произошло возрождение христианства в России. Однако батюшка дает неутешительный прогноз: «Мы сейчас терпим очень большое поражение, потому что души человеческие гибнут. Что совершается у нас в стране, мы не смогли, не успели уберечь душу» (записано 03.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. в поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери).

Количество верующих в наши дни возрастает, что мы можем проследить в устных рассказах. Например, многие фольклороносители признаются, что пришли к вере в сознательном возрасте, в подростковом, или во взрослом. Например, Елена Ефимовна Майорова рассказывает: «Я тоже к вере пришла не сразу. Хотя мои родители были верующие. Раньше же пионеры, комсомольцы, гонения были за веру. Но у меня, видимо, в крови была эта вера» (записано 05.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Ситниковой И., Самойловой С. в селе Анненском Карталинского района Челябинской области от Майоровой Елены Ефимовны, уроженки Брединского района, писателя, преподавателя русского языка и литературы на пенсии, 65 лет).

И всё же молодое поколение яро отрицает религию, лишь меньшая её часть становится верующей: «Но всё равно народу мало ходит [в церковь], особенно молодых. Начнёшь говорить – “Да пошли вы со своим Богом”» (записано 05.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Ситниковой И., Самойловой С. в селе Анненском Карталинского района Челябинской области от Зинаиды Ивановны, работницы церкви имени Космы и Дамиана с. Анненское, пенсионерки лет 60-70). Это напрямую связано с современными нравами, отрицающими любые религиозные догмы и в особенности ограничения.

Итак, как же поменялось отношение к вере?

Вера стала выбором человека, теперь атеиста не обязывают уверовать, креститься: «К Богу мы никого не заставляем идти. Хочешь – ходишь, не хочешь – не ходишь,» – сообщает нам отец Ефимий (записано 03.07.2022 года Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. поселке Полтавка в церкви Казанской иконы Божьей Матери). Соблюдение обрядности в вере уходит на второй план. Теперь важнее то, что ты веришь в душе, мысленно. Большинство соотечественников, по мнению информанта, поменяли отношение к Богу: «То есть многие сделали из нашего Бога – Бога комфорта» (записано 03.07.2022 года Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. в г. Карталы от отца Ефимия, настоятеля храма иконы Божьей Матери. По словам прихожанки церкви, ему 27

лет). Теперь люди чувствуют необходимость в Нём лишь для того, чтобы Он исполнял желания, делал так, чтобы человек не чувствовал себя плохо, не переживал, не страдал.

Еще одни наблюдения. В речи священника преобладают рассуждения на этические и нравственные темы. Чудеса для него – это часть жизни, обыденность: «Я во всём этом живу и мне это всё простое» (записано 03.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В. и Ситниковой И. в поселке Полтавка в храме Казанской Иконы Божьей Матери). То есть они в нашей жизни допустимы, нужно только открыть глаза. Более того, чудеса как проявление чего-то необычного, сверхъестественного нужны для того, чтобы уверовать, в чем нет необходимости у батюшки как глубоко воцерковлённого человека. Отец Ефимий также в своих рассуждениях ненавязчив, он не стремился убедить нас в чём-либо, поскольку понимает психологию человека.

Краевед Александр Борисович, окончивший духовную семинарию, много рассказывает о чудесах, немного затрагивает тему запретов, а именно языческие верования.

Рассказы прихожан церкви изобилуют наставлениями и запретами. Конечно, нарушения правил нужны, иначе жизнь бы не двигалась, однако делать это не всегда правильно и приемлемо и по большей части человек должен жить по правилам. Также их рассказы отражают, что если человек считает себя верующим, то он должен соблюдать и соответствующий образ жизни: ходить в церковь, исповедоваться, причащаться.

Приведенные примеры показывают нам, что правила, связанные с околицерковной жизнью, на Южном Урале многогранны: они как сохраняют традиционные черты, содержат в себе основные христианские догматы, так и несут на себе отпечатки времени, однако последнее является естественным свойством христианства. В целом, духовная жизнь продолжает своё развитие и, как и прежде, вселяет радость в людей, наполняет их путь смыслом.

Литература

1. Архив кафедры литературы и МОЛ ЮУрГГПУ. Коллекция Каргалы 2022.

2. Боханов А.Н. Император Николай II. Москва: Вече, 2022. 608 с.

3. Владимир (Иким), митрополит Омский и Таврический Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга третья: июль. М: Сибирская Благовонница, 2019. 591 с.

4. Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX-XXI вв.). Москва: Флинта, 2015. 296 с.

5. Белова О.В. «Народная Библия»: восточнославянские этимологические легенды. М.: Индрик, 2004. 576 с.

6. Прот. Сергей Булгаков. Православие: Очерки учения Православ. Церкви. Paris : YMCA-press, 1989. 403 с.

УДК 811.111

А.А. Романенко (г. Курск, Россия)
Научный руководитель ст.преп. П.Ф. Яценко

ЧЕНЬЮЙ И ИДИОМЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Статья посвящена проблеме отражения менталитета народа во фразеологии. Особое внимание уделяется семантике одного из структурных типов китайских устойчивых оборотов, равнозначных идиоматическим выражениям в русской фразеологии. Проводится анализ сходства и различия семантики основных видов фразеологических оборотов сравниваемых языков: китайских ченьюй и русских идиом.

Ключевые слова: фразеология, китайский язык, русский язык, семантика и структура устойчивого оборота, менталитет.

The article is devoted to the problem of reflection of the mentality of the people in phraseology. The article deals with the semantics of one of the structural types of Chinese stable phraseological turns, equivalent to idiomatic expressions in Russian phraseology. An analysis of the similarities and differences in the semantics of the main types of phraseological turns of the compared languages: Chinese chenyu and Russian idioms is carried out.

Key words: phraseology, Chinese language, Russian language, semantics and structure of stable phraseological turns, mentality.

Фразеологизмы китайского языка имеют национальное своеобразие, и их незнание становится причиной языковых барьеров между говорящими или затрудняет процесс коммуникации [3, с.130]. Для того чтобы понять значение фразеологических оборотов, нужно обратиться к источникам классической и народной китайской литературы – философским трактатам и притчам, историческим хроникам, художественной литературе, легендам и мифам, крылатым словам и выражениям, заимствованиям из других языков.

Ченьюй – это устойчивые обороты в китайском языке, состоящие из четырех иероглифов. Они построены в соответствии с нормами древнекитайского языка-вэньяня. Чтобы понимать китайский ченьюнь, необходим не только его грамотный перевод на современный китайский язык, но и дополнительные языковой комментарий. [1]

В Китае издаются специальные словари ченьюев, в которых приводится их значение и их источники: например, «Большой словарь ченьюй китайского языка» (汉语成语大辞典 – Hànyǔ chéngyǔ dà cídiǎn) содержит более 24 000 словарных статей. В соответствии со статистикой, которую представили китайские СМИ после ряда опросов, наиболее употребительными являются 3000 ченьюев, а всего насчитывается более 50 000 ченьюев. [5]

Специфика ченьюй обусловлена логической маркированностью, а своеобразие ченьюй объясняется социальными и этнокультурологическими особенностями, так как они отражают национальный колорит, с менталитет и традиции древнего Китая. [5]

К основным признакам ченьюй можно отнести:

1) архаичность лексики – ченьюй строятся согласно грамматическим и лексическим нормам вэньяня;

2) семантическое единство – ченьюй как средство выразительности имеет переносное значение, благодаря чему отдельные его компоненты теряют свои обычные значения и выступают как семантически и грамматически цельная единица. В предложении ченьюй функционирует как отдельный член предложения;

3) наличие добавочного экспрессивного значения – ченьюй выполняют еще и эстетическую функцию;

4) структурно-грамматические особенности – ченьюй может состоять из разного количества знаков (от трех до четырнадцати), но подавляющая часть представляет собой четыре односложных слова. Подобное преобладание четырехсложных ченьюй обусловлено принципом языковой экономии.

По внутренней структуре ченьюй подразделяются на две большие группы.

1. Ченьюй непараллельной конструкции, которые состоят из четырех или пяти иероглифов. Они могут употребляться со служебными словами (в их составе встречаются предлоги, союзы, частицы).

Пример:

• 无巧不成书 – Wúqiǎobùchéngshū – без удачных совпадений не получится книги (удачное стечение обстоятельств) [4]

2. Ченьюй параллельной конструкции – четырехморфемные образования, состоящие из четырех слогов или морфем, каждый из которых бывают словом.

Наличие параллельной конструкции у ченьюев помогает переводчику выделять их в тексте, определять прямое и переносное значение в данном контексте, а также грамотно переводить их на другой язык.

Пример:

• 坐井观天 – zuòjǐngguāntiān – указывает на узость взглядов, ограниченность кругозора, дословно: ‘глядеть в небо, сидя в колодце’. [6]

Идиомы – это семантически неделимые фразеологические обороты, значение которых не соотносительно с значением слов, входящими в их структуру. Значение данных оборотов речи является немотивированным и условным. Основным признаком данной фразеологической единицы является его лексическая неделимость, абсолютная спаянность. Например: *шутка (не шутку) сказать; с бухты-барухты; сыр-бор разгорелся; ничтоже сумняшеся*. С точки зрения

синтаксиса вся идиома выступает в роли единого члена предложения.

Идиомы широко используются в произведениях устного народного творчества, классической и современной литературы, а также в СМИ, обыденной разговорной речи.

Ченьюй равнозначен идиоме. Следовательно, мы можем утверждать, что идиомы изучаемых нами языков обогащают национальную устную и письменную речь и в то же время тесно связаны с собственными национальными культурами.

Для сравнительного анализа идиом русского и китайского языков мы взяли 7 наиболее распространенных ченьюй и соответствующих им русских идиом. Сравнение проводилось с точки зрения лексического и грамматического состава и способов семантического переноса в них.

Русская идиома	Китайский эквивалент
Семь пятниц на неделе [9]	朝三暮四 zhāo sān mù sì дословно: утром – три, а вечером – четыре
Метать бисер перед свиньями [9]	对牛弹琴 duì niú tán qín дословно: играть на цитре перед быком
Пройти огонь, воду и медные трубы [9]	饱经风霜 bǎo jīng fēng shuāng дословно: вдоволь находиться под ветром и инеем
Клин клином вышибать [9]	以毒攻毒 yǐ dú gōng dú дословно: изгонять яд с помощью яда
Язык без костей [9]	油嘴滑舌 yóu zuǐ huá shé дословно: масляные уста и скользкий язык
Два сапога пара [9]	半斤八两 bàn jīn bā liǎng дословно: половина цзиня что восемь лян

В чужой монастырь со своим уставом не ходят [9]	入乡随俗 rù xiāng suí sú дословно: делай как римляне
Взялся за гуж, не говори, что не дюж [9]	骑虎难下 qí hǔ nán xià дословно: кто сидит на тигре, тому сложно с него слезть

Рассмотрим данные примеры с точки зрения грамматики. В большинстве фразеологических единиц сравниваемых языков используются предлоги *на, с, без*, 经 – jīng ‘через’, 以 – yǐ ‘к’. В русских идиомах популярным союзом является *и*, в китайских ченьюях союзы мы не встретили. В данных фразеологизмах в основном используются глаголы несовершенного вида.

И в китайских, и в русских фразеологизмах часто используются числительные и существительные, обозначающие меры веса, чтобы указать на равенство или неравенство каких-то явлений, предметов, также они служат указателем на изменчивость поведения человека. И для исследуемых единиц характерно употребление контекстных антонимических пар: огонь – вода, ветер – мороз.

Особую роль в идиомах и ченьюях играют животные, к примеру, в России лошадь – это друг, помощник человека, к ней относятся с уважением. В Китае эта роль отводится тигру – это символ мощи, бесстрашия, жизненной силы. И в русской, и в китайской фразеологии присутствуют сходные подходы описания попыток избавиться от чего-то негативного: так, в идиомах мы встречаем *клин* – ‘специальный предмет для колки дров’. Если он застревает в дереве, то вытащить его можно только выбив другим таким же клином. В ченьюе этому соответствует свойство яда, который может быть использован против другого яда, так как в этом случае с точки зрения медицины он употребляется в качестве противоядия.

Что касается нарушения каких-то правил и традиций другого государства, то мы можем увидеть, что в фразеологизмах обоих языков часто употребляются события из исторического прошлого. Так в России принято говорить «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», так как на Ру-

си было много монастырей, и каждый из них имел свой свод правил, который назывался уставом, которому подчинялись все члены обители, все приходящие в этот монастырь делали то же самое. В китайской фразеологии утвердился опора на исторический опыт римлян, которые, завоевав другие народы, никогда не навязывали свою культуру и традиции. Параллелизм мотивировок еще раз становится подтверждением сходства мировидения обоих великих народов, заключающееся в том, что нужно подчиняться установленным правилам, обычаям в обществе, а не навязывать свои.

В русском языке для идиом характерна метафора и гиперболы, в китайских устойчивых оборотах используется гиперболы и синекдоха. Что касается способов выражения того или иного значения, то и в русском, и китайском языке в большинстве случаев при выражении умозаключения и русские, и китайцы нередко используется сравнение с поведением животных. Например, в русских идиомах в качестве отрицательного персонажа часто выступает свинья, а в роли положительного – лошадь, в ченьюе воплощением отрицательных качеств служит бык, а положительных – тигр. Оба языка для характеристики человека используются органы человека, но в русском, в основном, описывают с помощью внешних органов человеческого тела, в китайском же языке нередко прибегают к употреблению внутренних органов и состояния всего тела, его внутренним ощущениям.

Идиомы и ченьюй как основные устойчивые языковые единицы отражают основные характеристики языковых культур, в которых они возникли и живут. Это мы можем наблюдать, когда носитель языка, описывая какое-то событие или явление, используют разные языковые выражения, при использовании которых в головном мозге происходит формирование различных образов, отражающих различные концептосферы.

В аналогичных исследованиях сходных идиом русского и китайского языков содержится вывод о том, что большинство идиом в китайском языке обнаруживает присутствие значительного количества семантических полей с переносом значения по типу синекдохи, а семантика соответ-

ствующим им идиом русского языка формируется путем метафорического переноса [2, с. 199-200].

Утверждение о том, что и китайские и русские идиомы являются артефактами исторического развития данных народов, можно считать обоснованным, в данном случае они выступают важным языковым материалом для понимания и изучения менталитета китайского и русского народа.

Литература

1. Донченко А. В. Приемы перевода фразеологических единиц китайского языка // Молодой ученый. 2015. №9(89). С. 1354-1357.

2. Ма Лун. Типы фразеологических единиц в русском и китайском языках // Ученые записки Витебского государственного университета. 2011. С. 198–204.

3. Разина А.С. Происхождение чэньюй: взаимодействие культур в межъязыковой коммуникации // Молодой ученый. 2018. № 36 (222). С. 130-132.

4. История происхождения китайской идиомы // [Электронный ресурс]. URL:<http://chinavsem.ucoz.ru/forum/11-355-1>(дата обращения: 27.03.2022).

5. Энциклопедия Китая: Чэньюй // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/625/643/20593/> (дата обращения: 21.03.2022).

6. Китайско-русский и русско-китайский словарь онлайн с примерами использования, произношением, а также рукописным вводом китайских иероглифов // [Электронный ресурс]. URL:<https://www.zhonga.ru/> (дата обращения:29.03.2022)

УДК 398: 882 (471.5)

С.А. Самойлова (г. Челябинск, Россия)

Научный руководитель д.ф.н. проф. И.А. Голованов

ОБРАЗ ДОМОВОГО В БЫЛИЧКАХ ЮЖНОГО УРАЛА (НА МАТЕРИАЛЕ, СОБРАННОМ В ЭКСПЕДИЦИИ ЮУрГГПУ В 2022 г.)

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»

В данной статье анализируются функции образа домового в быличках. В центре внимания автора находятся традиционные

фольклорные мотивы и образы, представленные в текстах. В статье устанавливается идея о том, что традиционные образы домового трансформируются в соответствии с современными представлениями людей.

Ключевые слова: фольклор, устный рассказ, фольклорный текст, образ.

This article analyzes the functions of the image of the brownie in the tales. The author focuses on traditional folklore motifs and images presented in the texts. The article establishes the idea that traditional images of the brownie are transformed in accordance with modern ideas of people.

Key words: folklore, oral narrative, folklore text, image.

Тема взаимодействия людей с мифологическими персонажами актуальна в наше время. Несмотря на достигнутый прогресс, современный человек верит в существование потусторонних сил, и это манит людей. Людей пугают странные вещи, поэтому они с помощью мистики объясняют себе устройство мира.

В работе мы опираемся на материалы фольклорной экспедиции в Карталинском районе, архива кафедры литературы ЮУрГГПУ, опубликованные сборники.

В данной работе мы оперируем термином *быличка*. Быличка – это повествование о встрече человека с чем-то необычным, мифическим. Она играет роль связки между людским миром и миром природы. Её основу составляет рассказ о том или ином демонологическом существе.

А.Н. Афанасьев в своей работе «Поэтические воззрения славян на природу» описывает образ домового так: старик, ростом не выше пятилетнего ребёнка и всегда носит красную рубашку. Лицо его сморщенное, борода белая, волосы желто-седые, а глаза словно огонь горят [1]. В.И. Даль утверждает, что домовый может принимать разные виды, но обыкновенно это не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубахе, но всегда босиком и без шапки, потому что не боится холода. У него седая борода, волосы острижены в скобку, но косматые и частично

застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони. [3]

Чтобы представить образ домового, его внешние характеристики, обратимся к фольклорным текстам, записанным в экспедиции в Карталинском районе.

В данных текстах домовый описывается мохнатым: «Что-то такое лохматое» (записано 04.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Ситниковой И. от Татьяны Давыдовны Сайтгалиной, в Локомотивном городском округе, 51 год); «И вот он подходит ко мне, вот так вот руку опускает на меня – чёрная, в шерсти» (записано 05.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Самойловой С., Ситниковой И. от Зинаиды Ивановны, работницы церкви Космы и Дамиана, пенсионерки лет 60-70, в селе Анненском Карталинского района Челябинской области).

Александр Гейштор писал, что чаще всего домового представляют в виде седого старика, который напоминает умершего деда или отца, одетого как подобает крестьянину. [2, с. 250]. В подтверждение этому служат следующие тексты из фольклорного архива ЮУрГГПУ: «Я присмотрелся. Это старик, седой, как лунь, в желтой рубашке, на голове лохматая шапка. Я догадался, что старик никто иной, как дедушка домовый.» (записано в 1998 г. Серебренниковой С. от Чванова Михаила Егорьевича, 41 года, в городе Симе); «А выглядит он примерно так: маленький, мохнатый» (записано в 1999 г. от Кузнецова А.В. в г. Челябинск); «И смотрит: старичок сидит» (записано в 1996 от Жмаевых Р.П. и В.Г. в г. Сатка).

Анализируя все устные рассказы, можно сделать вывод, что традиционный домовый выглядит следующим образом: это существо маленького роста, покрытое шерстью с ног до головы, похож на старика. Такое описание дало большинство информантов.

Обратимся к следующим собранным текстам, чтобы проследить функции образа домового.

В одном из текстов присутствует мотив встречи: «На койку села, оглядываюсь, а он там стоит на самом пороге, такой, знаешь, высокий, в чёрном костюме. Вот говорили же

– ты его видишь, а говорить не можешь. И вот он подходит ко мне, вот так вот руку опускает на меня – чёрная, в шерсти – и я губами-то читаю молитву, её и не слышно, просто про себя. Он сдавил мне грудь, руку отпустил. А через несколько времени у меня сын отравился. Он приходил предсказать» (записано 04.07.2022 Малетиной Д., Морозовой В., Самойловой С., Ситниковой И. от Зинаиды Ивановны, работницы церкви Космы и Дамиана, пенсионерки лет 60-70, в селе Анненском Карталинского района Челябинской области).

В данном тексте присутствует определённый топос – домовый находится на пороге: «а он там стоит на самом пороге». Из традиционного в данном рассказе это мотив встречи и функция домового, он является информанту, чтобы предсказать несчастье.

В славянской энциклопедии мы видим, что домовый предстает как некое лохматое существо, однако в данном тексте он описывается иначе, на более современный лад: «высокий, в чёрном костюме». Как влияет сегодняшнее время на облик домового? Черный – привычный цвет для изображения низших существ. Почему он предстает именно в черном костюме? Можно предположить, что костюм на сегодняшнее время вызывает ассоциации у людей с полицейскими или пожарными. Костюм в данном тексте выступает как форма чего-то неожиданного, приход несчастья.

Почему произошло это несчастье, информант объясняет сама – нарушены правила общения с нечистыми духами: «я губами-то читаю молитву, её и не слышно, просто про себя». Рассказчице не удалось побороть его, потому что она читала молитву про себя, а по нормам нужно было вслух. Она знает правило, но не может его воплотить, потому что её не слышно. Мотив встречи может сопровождаться различными функциями: защитной, домовый может предстать перед человеком, чтобы предупредить его об опасности, или карательной, чтобы наказать человека, например, за грязь в доме.

В следующих рассказах домовый является, чтобы убедить хозяина от беды: «У нас газ включенным остался, а мы с женой спали. Через некоторое время я чувствую, как будто кто-то меня дёрнул. Как будто с подушки меня приподнима-

ют, потом бросают» (записано 06.07.2022 Самойловой С., Печининой М., Зиминной В. и Воеводиным Р. от Якубова Айзулу Рахматуловича, 48 лет, в г. Карталы).

Чтобы известить человека о чем-то, домовый дергает его, издаёт шум или «воет». Иногда домовый может выполнять функцию помощника между миром людей и миром духов, помогать, подавать знаки: «Утонул у одной сын. Одна старушка умела относ относить. Белую тряпочку положит на ворота и кусочек хлеба, ей домовый покалякает так-то и так-то, она и узнает. На 28 день нашли утопленника» (записано в 1999 от Сублаговой П.С., 48 лет, в п. Биянка).

Александр Гейштор в «Мифологии славян» писал, что домового видят всегда ночью или в сумерках [2, с. 250]. Это подтверждают некоторые рассказы информантов: «Ходит по ночам, шебуршит, а на утро то его и нет» (записано в 1996 от Жмаевых Р.П. и В. Г. в г. Сатка).

Домовой появляется в локальном пространстве, чаще всего это дом, порог, изба, печь. Он может находиться и везде, где есть печь: в банях, и в овинах, поэтому его ещё называют банником или подовинником [1, с. 26]. Его можно встретить и в сарае, и в подполе, что подтверждается следующим текстом: «Да в подполе, откуда кошка выходит. На кошку-то вот и похож» (записано в 1996 от Жмаевых Р.П. и В. Г. в г. Сатка).

Какова же общерусская традиция?

Домовой может принимать различные животненные формы (превращаться в кошку, например) [1, с. 161]. Обратимся к следующим записям из фольклорной экспедиции: «Ты увидишь кошку, домовый тебе не покажется» (записано 02.07.2022 Самойловой С., Зиминной В., Печининой М., Воеводиным Р. от Елены (фамилия неизвестна), 48 лет). Информант заявляет, что домовый превращается в кошку, однако сам он никогда не покажется человеку. В данном отрывке тоже прослеживается влияние современности на образ домового. Если традиционно он связывался с людьми, часто приходил к ним, а в старину считался даже полноценным членом семьи, то для современного человека домовый является чем-то пугающим, непонятным, неизвестным, поэтому он пред-

стаёт в образе кошки, чтобы не травмировать человеческое сознание.

В другом тексте домовой не превращается в животное, а контактирует с людьми через него: «Если кошка ни с того ни с сего срывается с места и начинает прыгать, играть в общем, ночью чаще, когда обычно все спят, — это она с домовым играет» (записано в 1999 от Кузнецова А.В. в г. Челябинск). О связи домового с кошками нам довелось услышать не единожды. По рассказам очевидцев, кошки тоже видят сущности, они являются пограничными животными между миром людей и мифологическим миром. Ту же функцию выполняет и домовой. Этот факт объясняет обычай вносить кошку при переезде в новый дом.

Домовой исполняет защитную функцию и помогает в хозяйстве. Он может охранять покой семьи, убаюкивать перед сном или наоборот – мешать спать: «Я в спальню к дочери входила, она говорит, что он её спать укладывал. Если она себя плохо вела, он у неё по кровати прыгал» (записано 02.07.2022 Самойловой С., Зиминой В., Печининой М., Воеводиным Р. от Елены (фамилия неизвестна), 48 лет, в г. Карталы).

«Построил в травяной пади один наш мужик зимовье. А перед тем попросился у домового: «Хозяин, хозяин! Пусти меня к себе и скотину мою пожалуй». На ночь сосед наварил полный горшок, сам не тронул, а на место к домовому поставил. Ну вот. Загнал во двор скотину, стал жить, пасти. И как-то раз дождь был. Он промок весь, к вечеру загнал во дворы, пошел, согрелся и уснул. Спит, вдруг кто-то его за плечо потрянул: «Хозяин, хозяин! А быки-то твои становик разбили, вверх ушли по пади!» соскочил он, выбежал: правда, дворы пусты. Он на кони и вверх по пади. И уже в вершине догнал, заворотил» (записано в 1998 от Федоровой Т.Т. в г. Златоуст). В этом тексте домовой выполняет функцию помощника человека, защитника, он предупреждает о беде. В данной быличке также представлено традиционное отношение людей к домовому духу. Перед тем, как обустроить новый сарай, человек сначала попросил у домового разрешения и помощи. Таким образом подчеркивается значимость домового как

персонажа в традиционном мифологическом сознании славян.

В сознании современного человека домовый больше представляет объяснительную функцию.

Порой существованием домового очевидцы объясняют те вещи, которые не могут объяснить логически: «У нас был кот, младшая дочь привезла кота, белого. Вот говорят домовый гоняет. Он не мог найти себе места. Он у нас бегал по шкафам, открывал мордой двери в комнату, то на микроволновку заскочит, то на окно. Как это объяснить? Я думаю, его гонял домовый» (записано 05.07.2022 г Самойловой С., Зиминой В., Печениной М., Воеводиным Р. от Майоровой Елены Ефимовны, 51 год, в г. Каргалы). В данном тексте также отражена традиционная связь с кошками.

Иногда люди отрицают существование мистического и пытаются найти логическое объяснение встречи с домовым. В следующем примере опрашиваемая пытается объяснить пришествие домового логическим путём. Она отрицает присутствие потусторонних сил и утверждает, что это всё лишь игры её воображения: «Начинаю поднимать глаза, они не поднимаются. Открываю – не открываются. Как будто кто-то давит на меня, душит. Что-то такое лохматое. Потом раз какой-то выдох, всё прошло, всё пропало. Я понимаю, что всё это не домовые, не высшие силы, это мой мозг что-то, как-то срабатывает. Я не верю в это» (записано 04.07.2022 Самойловой С., Зиминой В., Печениной М., Воеводиным Р. от Татьяны Давыдовны Сайтгалиной, в г. Каргалы).

Объясняют люди не только что-то пугающее и странное, но и простые, обыденные вещи. Например, как в следующем архивном тексте: «Не зря ведь вещи с одного места пропадают на другое. Кто их еще ночью может переставлять» (записано в 1999 от Кузнецова А.В. в г. Челябинск).

В данных архивных текстах мы можем наблюдать, как домовый проказничает или бесится: «Ночью просыпаюсь, кажется, что меня кто-то хватает, как заорала. Мама проснулась давай успокаивать. А посмотрели, у меня за ухом кошечка заплетена, да такая запутанная, мы потом распустить не сумели, так и отрезали. Это домовый меня трогал. Раз ко-

сичку заплетал, значит нравлюсь я ему» (записано в 1998 от Федоровой Т.Т. в г. Златоуст).

Домовой ещё любит проказничать не только с волосами, но и с гривой: «Лошаденка тогда у нас была, повадился к нам в стайку кто-то ходить да косички заплетать. Вот как-то однажды дед пошел в сарай. Видит: лошади опять заплетены косички. Он про себя говорит: «Наверное, домовой». И смотрит: старичок сидит. Он и говорит: «Сидишь?» А то ждался, малехонький такой стал, да так тихонечко покряхтел. А сам косу-то плетет» (записано в 1996 г. от Пашниной А.Д. в г.Копейск).

Ещё одна функция домового – охранять дом и благополучие его хозяев. По рассказам жителей г. Карталы, домовый любит маленьких детей, помогает их укладывать, сохраняет дом в чистоте. А.Н. Афанасьев даёт объяснение, почему домовый, представитель очага, принимался за основателя рода и именовался дедом. Сказание о начале человеческого рода и миф о происхождение огня во многом схожи. Боггромовержец Агни устроил первый очаг, отправив на землю молнию и разжигая огонь. После этого он послал на землю первую человеческую душу в том же молниеносном пламени. Он установил семейный союз, домохозяйство и жертвенный обряд. Таким образом, огонь был признан семейным родовым божеством, которое охраняло счастье дома и живущих в нём людей. В большинстве быличек это положительный персонаж, который оберегает свой очаг и свою семью. Поэтому так много примет и поверий посвящены этому существу. [1]

Домовые, без сомнения, у славян означали пенатов, покровителей дома и домашних пожитков. Хотя теперь обыкновенно их признают за злых, но в старину они были добрыми гениями и старое понятие прорывается в нынешних верованиях. Так в заговоре мать отводит от сына чужого домового; свой же домовый не опасен. [4, с. 31]

А.Н. Афанасьев считает, что приметы и поверья, связанные с домовым, упорно сохранились в народе. Например, в своей работе он описывает обряд переноса домового следующим образом: «когда хозяйка топит печь в старом доме,

как только прогорят дрова, она выгребает все угли в чистый горшок и со словами: «милости просим, бабушка, на новое жильё!», переносит горячие уголья в новую избу, где и высыпает их в печурку». [1] В этом обряде домового переносят в дом вместе с углями, это подтверждает то, что домовый произошел от огня. Домовой значим для человека, поэтому его берут с собой в новое жильё.

В подтверждение тому, что приметы, связанные с домовым, находят отражение и в современном сознании, служат следующие архивные тексты: «После окончания строительства нового дома надо ублажать домового, совершить крестный ход» (записано от Любови Ивановны, г. Бокал); «Считается, что домового можно увидеть во время утренней зари в дальнем углу хлеба, но не все такие, есть добрые, которые людям не только зла не делают, но и счастье в дом приносят. При приезде на новое место, домового брали с собой, брали пустую сумку, и говорили: «Домовой, пойдем с нами на новое место жить» или «добрый наш соседуська, пойдем с нами» (записано от Любови Ивановны, г. Бокал). Однако если у Афанасьева обряд переноса домового связан с углями и печкой, то современный человек упростил задачу: теперь достаточно лишь позвать домового в сумку.

Существует обычай оставлять еду для домового: «Мама у нас, когда в русской печке пекла, обязательно кусочек отдавала под подпол и говорила: «Это хозяину» (записано 02.07.2022 Самойловой С., Печининой М., Зиминой В., Воеводиным Р. от Любови Михайловны (фамилия неизвестна) в г. Карталы). Интересно, что этот обычай сохраняется в христианской вере, тогда как в мусульманской религии оставлять еду запрещено: «Нельзя оставлять ему еду. Потому что шайтана можно вызвать. Если надо домовому, он в любом месте скушает» (записано 06.07.2022 Самойловой С., Печининой М., Зиминой В., Воеводиным Р. от Якубова Айзулу Рахматуловича, в г. Карталы).

Традиционный домовый питает неприязнь к чужакам, старается повредить их хозяйству и нарушить их гармонию. Поэтому его боятся и произносят против него заклинания: в

заговорах испрашивается защита светлых богов «от черта страшного, от чужого домового». [4, с. 31]

В своем исследовании «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» В.И. Даль писал о домовом: «Домовой по ночам иногда щиплетя, отчего остаются синяки, которые не болят. Это поверье весьма естественно объясняется тем, что люди иногда, в работе или хозяйстве, незаметно зашибаются, забывают потом об этом и, увидев через день или более синяк, удивляются ему и приписывают его домовому». [3] В данном тексте домовый выполняет функцию разъяснительно-пояснительную функцию, с помощью которой люди пытаются объяснить странное.

Традиционный домовый – это существо небольшого роста, мохнатое и лохматое, умеет превращаться в животных, чаще всего в кошек. Он выполняет, во-первых, функцию хранителя домашнего очага, помогает сохранять дом в чистоте; во-вторых, пророческую функцию, предупреждает хозяина о горе, в-третьих, функцию защиты и, в-четвертых, разъяснительно-пояснительную.

Сегодня образ домового значительно трансформировался, и для современного человека преобладает разъяснительно-пояснительная функция. Домовой современного человека всё реже показывается людям, чаще предстает в виде кошки.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Том 2 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slavmir.tv> (Дата обращения 28.10.2022).
2. Гейштор А. Мифология славян; пер. с пол. М.: Весь Мир, 2014. 384 с.
3. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. М.: Аргументы недели. 2017. 208 с
4. Костомаров Н. И. Славянская мифология: ист. монография и исслед. М.: Фирма "Чарли", 1995. 683 с.

М.А. Фазлиева (г. Оренбург, Россия)
Научный руководитель ст.преп. Е.А. Миронова

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ДИАЛЕКТИЗМОВ В ТЕКСТЕ ПОЭМЫ
СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА «ПУГАЧЕВ»**

*ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет»*

В статье рассматриваются особенности речи жителей Оренбургского края, зафиксированные в тексте поэмы Сергея Есенина «Пугачев». Особое внимание в ходе исследования было уделено употреблению диалектизмов, получивших распространение в речи яицких казаков XVIII века. Для выявленных методом сплошной выборки диалектных слов были определены основные функции, реализующие конкретные цели в художественном тексте (моделирующая, характерологическая, эмотивная, эстетическая).

Ключевые слова: С.А. Есенин, поэма «Пугачев», диалектизмы, функции диалектизмов

The study investigates the features of speech of residents of the Orenburg Region, recorded in the text of Sergei Yesenin's poem "Pugachev". The author pays special attention in the course of the study to the use of dialectisms that became widespread in the speech of the Yaitsky Cossacks of the XVIII century. For the dialect words identified by the continuous sampling method, the main functions that realize specific purposes in a literary text (modeling, characterological, emotive, aesthetic) were determined.

Key words: S.A. Yesenin, the poem «Pugachev», dialectisms, dialectisms functions

Когда говорят об известных писателях и поэтах, посетивших Оренбург, обычно вспоминают имена А. С. Пушкина и В. И. Даля. Вклад этих людей в изучение культуры русского народа, в том числе речи населения Оренбургского края, безусловно, неоспорим. Однако интерес к историческим событиям, произошедшим на территории современной Оренбургской области в XVIII веке, не угас, и уже в XX веке здесь побывал еще один культурный деятель.

Не так известен тот факт, что Оренбуржье посещал и Сергей Есенин, – об этом поэт писал в своей автобиографии

от 20.06.1924 г. Многие исследователи пытались установить, когда именно Есенин совершил это путешествие, – некоторые даже специально приезжали в Оренбург и общались с местными жителями, однако прийти к единому мнению им не удалось, поэтому точной информации о том, когда именно поэт посетил наш край, нет. Известно, что он был здесь проездом во время путешествия в Туркестан (конкретнее – в Ташкент), поэтому видеть быт оренбуржцев он мог во время остановки поезда на пути из Самары в Ташкент. Результатом этой поездки стала поэма «Пугачев», точнее три ее главы (в некоторых источниках – две [5]), написанные поэтом прямо в поезде. Как и А. С. Пушкин, Есенин интересовался восстанием Пугачева, поэтому и создал посвященное этому событию произведение.

Творчеству С.А. Есенина в целом свойственно наличие диалектизмов рязанского говора, в частности села Константиново, малой родины поэта. Эту черту в лирике Есенина отмечали многие исследователи (Н.Ю. Грякалова, С.М. Прохоров, Е.А. Самоделова и др.). Наше внимание привлекли диалектизмы, которые соответствуют общим чертам оренбургских говоров, получившие фиксацию в поэме «Пугачев». Использование диалектизмов в тексте художественного произведения помогает автору в создании образов, сохранению рифмы и ритма, служит для большего эмоционального воздействия на читателя. Методом сплошной выборки из текста поэмы «Пугачев» нам удалось выделить 18 диалектизмов, для каждого из них удалось установить функцию в тексте произведения.

В художественной речи диалектизмы могут выполнять одну из семи функций: моделирующую, которая заключается в передаче подлинной народной речи, и, как следствие, обеспечивает метод реализма в тексте художественного произведения; характерологическую, которая связана с использованием диалектизмов в речи определенного персонажа, она играет одну из ключевых ролей в характеристике героя; номинативную (назывную), которая осуществляется обычно через этнографизмы – слова, обозначающие специфические для культуры региона предметы и явления, не переводимые на

литературный язык; эмотивную – передачу через диалектизмы субъективного отношения к сообщаемому как героя, так и автора произведения; кульминативную или функцию привлечения внимания читателя к слову; эстетическую функцию, которая связана с вниманием к диалектизму как к слову, обладающему особыми свойствами по сравнению с литературной лексикой; фатическую функцию диалектизмов, которая связана с особым образом автора – человека из народа, близкого своим героям и читателю, не чужающегося диалектного слова [7, с. 61-64].

В рамках рассмотрения диалектных слов в тексте поэмы «Пугачев» были изучены материалы «Оренбургского областного словаря» Б. А. Моисеева, «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля и «Толкового словаря» С. И. Ожегова.

Диалектизмы, зафиксированные в главе «Появление Пугачева в Яицком городке», присутствуют, в основном, в речи сторожа, с которым разговаривает Пугачев: *хмарь* («Голос их ветер *хмарью* съел» [3, с. 5]), *солончаковый* («В *солончаковое* ваше место // Я пришел из далеких стран...» [3, с. 6]), *на корячках* («Оттого что стоит трава на *корячках*, // Под себя коренья подобрал» [3, с. 7]), *нашесть* («Уж на *нашесть* громко заиграл // В куриную гармонику петух» [3, с. 9]). Безусловно, данный прием помогает автору создать образ «человека из народа», таким образом данные лексемы отражают, в первую очередь, моделирующую функцию.

Рассмотрим данные слова более подробно. Диалектизм *хмарь* восходит к глаголу *хмарить* – ‘замолаживать, заволакивать, становиться пасмурным, идти к ненастью, к дождю’ [2, с. 7240], отсюда следует, что *хмарь* – ‘мгла, пелена туч, тумана’. Лексема *солончаковый* получает фиксацию в словаре Б. А. Моисеева, слова *солончак* и *солончаковый* имеют варианты *солонец* и *солонечный*, а также *солонцеватый* [1, с. 159]. Употребление данных слов отмечается в с. Благословенка Оренбургского района и в с. Красногорское Саракташского района. В словаре В. И. Даля данное слово имеет однокоренные лексемы: *солоный*, *солончак*, *солонеть* [2, с. 6451]. Современное толкование этого диалектизма при-

ведено в статье **солонцы** толкового словаря С. И. Ожегова: ‘это почвы степных, пустынных и полупустынных зон с содержанием легкорастворимых солей натрия’ [6]. Диалектизм **на корячках** или **на карачках** образовано от слова *карачиться* – ‘пятиться’ [2, с. 2225]. **Наишет**, или *насет*, – ‘перекладина, жердочка в курятнике, на которую куры садятся на ночь’ [6]. В целом данные примеры иллюстрируют быт народа, являясь лексическими диалектизмами.

В главе «Бегство калмыков» были зафиксированы следующие диалектизмы: *гуж* («*И гужом с солончаковых плесов // Потянулись в золото степей...*» [3, с. 12]) в значении ‘веревка’; может употребляться в качестве наречия *гужом* (в поэме Есенина могли быть употреблены оба варианта) – ‘привезенный, сухопутный, извозный, на колесах или на полозу, а не водою доставленный’ [2, с. 1131]. Слово *ветла* («*Пусть носится над страной, // Что казак не ветла на прогоне*» [3, с. 14] – ‘большое дерево в степи, лугах’, употребляется в с. Саратовка Соль-Илецкого района [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Слово *башка* («*И в луны мешок травяной // Он башку незадаром сронит*» [5, с. 14]) употребляется в г. Соль-Илецк в устойчивом сочетании *нестишь (бежать) сломя башки* – ‘бежать сломя голову’, а прилагательное *башкатый* фиксируется как ‘человек с большой головой, головастый’ [1, с. 20]. Что касается лексемы **башка**, то она получает широкое распространение в современных жаргонах, тем самым данное диалектное слово выходит за пределы лексики, ограниченной территориально.

С точки зрения диалектной лексики в главе «Осенней ночью» привлекает внимание слово *туретчина* («*К черту султана с туретчиной, // Только на радость врагу...*» [3, с. 19]), однако до конца не ясно, является это понятие диалектизмом, обозначающим турок, или авторским неологизмом.

При анализе главы «Происшествие на Таловом Умете» было выделено диалектное слово *жолклый* («*Там на улице жолклая сырость // Гонит туман, как стада барашковые*» [3, с. 20]). Оно употреблено в речи Емельяна Пугачева. Точного значения диалектизма *жолклый* найти не удалось.

В «Словаре уездного череповецкого говора» 1910 г. упоминается слово *жоль-желтъть* с пометой ‘много желтого цвета’ [4]. Вероятно, слово *жолкльый* является синонимом слова *желтый*, которое намеренно употребляется в тексте художественного произведения, подчеркивая крестьянское происхождение лжецаря Емельки Пугачева.

Среди диалектизмов, зафиксированных в главе «Уральский каторжник» выделим *умгът* («Я три дня и три ночи искал ваш *умгът*, // Тучи с севера сыпались каменной грудой» [3, с. 25]), *солонец* («Я три дня и три ночи блуждал по тропам, // В *солонце* рыл глазами удачу...» [3, с. 25]), *вспурга* («Злое ль, доброе ль светится из пасти *вспурга*?» [3, с. 26]), *бродяжить* («Понимаешь ли ты, десять лет? – // То осторожничал я, то *бродяжил*» [3, с. 26]), *прогорклый* («Каплет гноем смола *прогоркляя* // Из разодранных ребер изб» [3, с. 28]).

Диалектные слова, которые употребил Есенин при написании главы «В стане Зарубина», отмечаются в речи Зарубина: *забубенный*, *трын-трава* («Эй ты, люд, честной да веселый, // *Забубенная трын-трава!*» [3, с. 30]), диалектизм *забубенный* произошел от слова *забубенить* – ‘разглашать или распускать вести, трезвонить по городу’ [2, с. 1560], под лексемой *трын-трава* подразумевается все ничтожное, вздорное, пустое, не стоящее уважения, внимания [3, с. 6918] и *татарва* («Подружилась с твоими селами // Скуломордая *татарва*» [3, с. 30]). В репликах других героев произведения встречаются слова *ватага* («Словно слепец, от *ватаги* своей отстав, // С гнусавой и хриплой дрожью...» [3, с. 31]) в значении ‘некая община’, соотносимое с наречием *ватагой* – ‘вместе, сообща, скопом’ [1, с. 28] и *оголтельый* («Каких дорог // *Оголтельые* всадники ищут?» [3, с. 33]), соотносимое со словом *оголтух* – ‘озорник, непослушник, шалун’. Употребляется в с. Зеркло Шарлыкского района [1, с. 113].

Классификация диалектизмов с точки зрения их функционирования в поэме «Пугачев» позволяет выявить основные функции, которые выполняют диалектные слова в художественном тексте. В первую очередь, диалектизмы в поэме реализуют моделирующую функцию. В данной функции

нами было зафиксировано 6 диалектизмов, что составило 33 % от общего числа (*солончаковый, на корячках, нашесть, умьт, вспуга, прогорклый*). Характерологическую функцию выполняют 5 диалектных слов (28 %): они употреблены в поэме для придания особого характера образам яицких казаков: это люди из народа, отстаивавшие собственные интересы в ходе крестьянской войны (*башка, забубенный, трынтрава, татарва, оголтелый*). Диалектизмы (в том числе фонетические) употреблены поэтом вместо слов литературного языка, так как они обладают особыми свойствами и воздействуют на читателя сильнее за счёт своей необычности и непривычности и выполняют эстетическую функцию, в данной функции нами отмечено 5 диалектизмов (28 %) (*хмарь, гуж, ветла, жолклый, ватага*). Через диалектизмы, выполняющие эмотивную функцию, Есенин передаёт отношение своих героев к положению в стране, к восстанию и к самому Емельяну Пугачеву, нами выявлено 2 диалектизма (11 %) в данной функции (*бродяжить, прогорклый*).

Есенин вводит в текст произведения диалектную лексику для подчеркивания реалистического характера повествования. Автор словно проникает внутрь культуры бунтовщиков, что помогает ему лучше передать суть народных волнений, происходивших в обществе в XVII веке. Поэма «Пугачев» является поистине уникальным произведением, актуальным с точки зрения современных событий в стране. Сергею Есенину – носителю рязанского говора – мастерски удалось передать особенности речи оренбуржцев.

Литература

1. Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2010. 192 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Директ-Медиа, 2014. 7602 с.
3. Есенин С. А. Пугачев. М.: Директ-Медиа, 2014. 45 с.
4. Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1910. 118 с.
5. Прокофьева А. Г. С. А. Есенин и Оренбургский край // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. №11. С. 4–6.

6. Ожегов С. И. Толковый русский языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азъ, 1994. 907,[1] с.

7. Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2022. 500 с.

УДК 81'373.213

*Э.Ф. Хайретдинова (г. Самара, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. Т.Е. Баженова*

НАИМЕНОВАНИЯ НЕБОЛЬШИХ ОВРАГОВ И ХОЛМОВ В ГОВОРАХ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В статье рассматривается вопрос о существовании лексических параллелей в самарских и оренбургских говорах в группах ландшафтной лексики, объединенных семой 'небольшой'. Используются словарная выборка из материалов диалектологического архива и данные самарского и оренбургского словарей.

Ключевые слова: диалектология, говоры Среднего Поволжья, диалектологическая практика, овраги, холмы.

The article considers the question of the existence of lexical parallels in Samara and Orenburg dialects in groups of landscape vocabulary united with the «small» seme. The article uses a dictionary selection from the materials of the dialectological archive and data from the Samara and Orenburg dictionaries.

Key words: dialectology, dialects of the Middle Volga region, dialectological practice, ravines, hills.

Специфика геоморфологической структуры территории Самарской и Оренбургской областей, которая представляет собой холмы, изрезанные оврагами, нашла отражение в лексике, записанной в левобережных сёлах Среднего Поволжья в 1940–1950-х гг. для X тома «Диалектологического атласа русского языка». Оставшиеся невостребованными, эти записи хранятся в диалектологическом архиве педагогического университета в Самаре. Словарные материалы по самарским говорам обобщены и разнопланово представлены в тематическом словаре [1] и в лексическом атласе [5], а вот

сведения по лексике оренбургских говоров по теме «Ландшафт» до сих пор обобщающему описанию не подвергались.

В нашем исследовании мы используем выборку слов из материалов по селам Оренбургской области. Выборка была составлена студентами третьего курса филологического факультета Хайретдиновой Эльмирой Фагимовной и Буслаевым Артемием Максимовичем. Данная работа была проделана во время учебной диалектологической (лабораторной) практики в СГСПУ, руководителем которой является Баженова Татьяна Евгеньевна. Для лабораторных исследований использовались фонды диалектологического архива СГСПУ при кафедре русского языка, культуры речи и методики их преподавания. Студентам были предложены слова, за которыми закреплялось задание: отыскать их в архивных материалах диалектологических экспедиций в Оренбургской области и составить выборку и алфавитный список лексем по каждому слову. В выборку входили такие данные, как: варианты диалектных слов, номер пункта в архиве, село и район в Оренбургской области. В работе был использован Оренбургский областной словарь [7].

Диалектная ландшафтная лексика вызывает значительный интерес в актуальных лингвогеографических исследованиях лексики русских народных говоров. В ней находят отражение региональные особенности словаря и особенности восприятия, оценки и наименования различных географических объектов носителями диалектов. Имеющиеся материалы позволили выделить группу слов, называющих небольшие овраги и холмы.

В нашу задачу входил сопоставительный анализ языкового материала с точки зрения оттенков значения представленных на данной территории лексических единиц и выявление лексических параллелей между самарскими и оренбургскими говорами в группах ландшафтной лексики, объединенных семой 'небольшой'.

Наименования неглубоких впадин на поверхности земли

Для обозначения впадины на земной поверхности в материалах по самарским говорам зафиксировано 14 лексиче-

ских единиц (*балка, барак, враг, дол, ендова, ерик, лог, логовина, лывина, лывля, обал, под, росошь, суходол*), по оренбургским говорам – 14 слов (*балка, буерак, враг, вымоина, дол, ерик, лог, лощина, овражинка, промоина, ростошка, ростошь, рывина, яма*).

Слова *балка, буерак, враг, дол, ерик, лог, лощина, овражинка, промоина, ростошка, ростошь, рывина* зафиксированы в СРНГ и считаются диалектными словами, остальные же (*вымоина, яма*) следует признать общенародными.

Лексемы *балка* (в значении ‘лощина, ложбина, овраг, иногда большой протяженности’), *буерак* (‘небольшой овраг, а также провал между сугробами’), *лог* (‘широкий и длинный овраг’), *вымоина* (‘рытвина, яма, размытая водой’), *лощина* (‘долина с пологими склонами’), *промоина* (‘впадина, размытая дождем, потоком воды’) зафиксированы в толковом словаре русского языка [10].

Напротив, семантической близостью отличаются лексемы, в семантике которых отмечены оттенки значения ‘небольшой’, ‘пологий’, ‘размытый’. Ср.: *ЛЫВИНА*, ж. 1. Круглая яма с пологими краями, заполненная водой [1, с. 39], *ЛЫВИНА*, ы, ж. Канава, небольшой овраг, промытый весенней водой [7, с. 89].

По наблюдениям Н.В. Бурко, в общенародном языке значение ‘небольшой овраг’ передаётся суффиксальными производными, например, *овра́жек, ложо́к, ложби́нка*, о чем свидетельствуют данные словарей кодифицированной лексики (БАС; МАС) [3, с. 121–132]. Аналогичный способ номинации отмечен в наших говорах.

Рассмотрим подробнее передачу значения ‘небольшой’ суффиксальным способом. Оренбургское слово *овра́жинка* ‘небольшой овраг, овражек’ [7, с. 112], в составе которого присутствует суффикс **-инк-**, который говорит о возможности передачи семы ‘небольшой’ аффиксальным способом. См. также слова: *ростошка* от производящего *ростошь* ‘овраг, заросший лесом и кустарником’ [7, с. 150], образованное с помощью суффикса **-к-**, который передает уменьшительно-ласкательное значение; *ерик* ‘речной проток, не-

большой овраг' [7, с. 43], образованное с помощью суффикса **-ик-**, который передает при добавлении к основе существительного *ер* образует уменьшительно-ласкательное существительное мужского рода. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что все эти слова обозначают отрицательную линейную форму рельефа и имеют сему 'небольшой'.

В остальных случаях указание на небольшой размер оврага в диалектных словах формального выражения не находит. В таких случаях мы опирались на толкование лексемы в диалектных и этимологических словарях и на комментарии собирателей.

В материалах по оренбургским говорам были найдены уточнения собирателей по поводу семантики слов с ландшафтным значением. Так, слово *лощина* означает 'мелкий овраг', а *овраг* – 'глубокий' (Гнездовка, Екатерининского р-на); *лощина* 'овраг с пологим краем', а *овраг* – 'овраг с крутым краем' (Емельяновка Матвеевского р-на); *лощина* 'небольшой дол' (Мирошкино, Тепловского р-на; Немятовка, Павловского р-на); *овраг* – «глубже», *буерак* – «мельче» (Ниже-Озерное, Краснохолмского р-на).

В самарских говорах с помощью областного словаря были обнаружены следующие оттенки значений слов. *Логовина* – 'небольшой овраг, поросший мелким кустарником' (кинельские говоры) [1, с. 39]; *ерик* – 'узкая недлинная промывина с крутыми склонами и ручьем' (зафиксировано в Преполовенке Безенчукского р-на, Муранке Шигонского р-на); а также *ерик* – 'дол, овраг, вода с сырта скатывается и промывает его' (Мосты Пестравского р-на) [1, с. 36].

Лог – производное слово, которое связано со словом «лежать». Ср. «лит. *atlagai* «поле, долго лежавшее под паром» [12, с. 509], «серб. *лѡк*, р. *лѡга* лежание». В орловских говорах у апеллятива *лог* есть значение 'покрытый растительностью участок земли, который используется под пастбище или для сенокоса, луг'. Слово *луговина*, помимо общепринятых значений, имеет в орловских говорах значения 'дно оврага' и 'небольшой неглубокий овраг с пологими склонами' [3, с. 127]. Надо отметить, что в СРНГ у лексемы *луг* отмечено значение 'лог' в тверских и томских говорах.

Таким образом, с одной стороны, есть вероятность сближения лексем с корнями *лог-*, *луг-* ещё в общеславянскую эпоху. С другой стороны, возможно, что, поскольку фонемы [о], [у] близки по лабиализации, в современных говорах апеллятивы *лог*, *луг* фонетически повлияли друг на друга и произошел перенос названия *луг* на небольшой овраг.

Лощина – производное от слова *лог*. В СРНГ оно имеет значение: ‘яма, углубление, впадина (иногда заполненная водой)’ [9, вып. 17, с. 170].

Слово *рытвина* восходит к тому же корню, что и *ров*, и.-е. корню **reu-*; **reu-*: гй- ‘рыть’, ‘вскапывать’ [13, т. 2, с. 131]. В БАС лексема *рытвина* отмечена со значением ‘яма, канава, промытая водой или выбитая на дороге колесами; промоина, колдобина’ [11, т. 12, с. 1634]; в МАС — со значением ‘углубление на дороге, выбитое колесами или вымытое дождями’ [10, т. 3, с.753]. Отсюда можно сделать вывод о том, что в литературном языке в семантике слова *рытвина* присутствует указание 1) на местонахождение реалии (*углубление на дороге*) и 2) характер образования реалии (*промытое водой или выбитое колёсами*).

Например, в оренбургских говорах мы встречаемся с семантическим диалектизмом, так как лексема *рытвина* употребляется для номинации иной реалии – небольшого оврага. В Словаре Б.А. Моисеева оно не отмечено. Рытвиной, очевидно, может называться не только выбитое колесами место, но и промытый водой небольшой овраг, промывина. Семантические различия слова в оренбургских говорах и литературном языке могут быть основаны на том, что «в значении слова, представляющего несколько сем, одна проявляется ярче, становится ведущей за счет других, оттесняемых на периферию» [4, с. 166]. Аналогично происходит со словом *суходол*. В МАС мы видим следующее значение ‘безводная долина, склон, луг, получающие влагу только от дождевых и снеговых вод’. А в «Тематическом словаре самарских говоров» оно зафиксировано со значением ‘безводный овраг’, следовательно, в данном случае можно предполагать перенос наименования по смежности реалий, общим признаком которых является то, что они получают влагу только от

дождевых и снеговых вод. В литературном языке в семантике данного слова присутствует, указание на долину, склон, луг, но не на овраг. В говорах Самарской области семантика слова *суходол* намного шире, в неё входит вообще любой вид отрицательной формы рельефа без воды.

Рассмотрим семантические отличия диалектных слов. В самарских говорах мы находим следующее определение слова *лывина* – ‘круглая яма с пологими краями, заполненная водой’ [1, с. 39]. В оренбургских говорах *лывина* – ‘канавка, небольшой овраг, промытый весенней водой’ [7, с. 89]. Отсюда мы видим, что в семантику слова *лывина* в самарских говорах входит, во-первых, форма ямы (круглая), во-вторых, характерная черта краев ямы (пологие) и, в-третьих, наполненность самой ямы (водой). Семантика оренбургских говоров указывает, во-первых, на размер оврага (небольшой), во-вторых, на наполненность (водой), в-третьих, на уточнение какой именно водой (весенней). Как видим, в данном случае семантические различия в значении данной лексемы в говорах смежных территорий либо отсутствуют, либо минимальны.

В самарских говорах наиболее частотным наименованием неглубокого оврага выступает лексема *враг* (отмечено в говорах Шигонского, Кинель-Черкасского, Похвистневского, Ставропольского, Сергиевского, Кинельского, Челно-Вершинского, Кошкинского, Шенталинского районов). В оренбургских говорах в качестве доминанты выступает диалектная лексема *лощина* (Переволоцкий, Ташлинский, Пономарёвский, Сорочинский, Грачёвский и др. районы – всего 21 фиксация). Слова *балка*, *дол*, *ерик*, *лог* присутствуют и в самарских, и в оренбургских говорах. Можно предположить на территории этих смежных регионов наличие у этих слов изоглосс, хотя описание их пока не представляется возможным.

В СРНГ слова *балка*, *враг*, *дол*, *ерик*, *лог*, *лощина* зафиксированы в диалектах и имеют довольно широкую географию. Например, слово *балка* ‘долина, ложбина, длинный и широкий овраг в степи’ зафиксировано в Крыму, Курской области, в Поволжье [9, вып. 2, с. 82]. Слово *враг* ‘овраг’ от-

мечено ещё шире, оно зафиксировано в Тульской, Московской, Тверской, Смоленской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Ульяновской, Самарской областях [9, вып. 5, с. 182]; *дол* ‘овраг’ отмечено в Пензенской и Самарской областях [9, вып. 8, с. 103]; *ерик* ‘овраг’ – в Самарской, Ростовской областях [9, вып. 9, с. 26-27]; *лог* ‘овраг’ – в Курской, Тамбовской, Брянской, Смоленской, Калужской, Тульской, Московской, Новгородской, Ленинградской, Архангельской, Кировской, Пермской, Свердловской, Оренбургской областях [9, вып. 17, с. 103-104].

Наименования небольших возвышенностей на поверхности земли

Для обозначения небольшой возвышенности – холма – в самарских говорах используется 5 диалектных единиц (*гора, гривка, мар, шихан, шишка*), в оренбургских говорах – 12 (*бугор, бугорок, гора, кочка, мар, марок, сопка, холм, чагыл, шихан, шишка, шушканы*).

Слова *бугорок, гривка, кочка, мар, марок, сопка, холм, чагыл, шихан, шишка, шушканы* зафиксированы в СРНГ и самарских и оренбургских словарях [1, с. 22-25; 7, с. 92-185; 6, т. 4, с. 408-410]. Лексемы *бугор, гора, кочка, сопка, холм* зафиксированы в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и являются общенародными.

Все перечисленные слова обозначают небольшие возвышенности. Обратимся к диалектологическим словарям, чтобы выяснить лексические значения некоторых слов. По данным СРНГ, *гривка* – ‘продолговатая небольшая возвышенность’ (Новосибирская, Томская, Челябинская, Оренбургская, Воронежская области) [9, вып. 7, с. 144]; *сопка* – ‘небольшая возвышенность, холмик’ (Тюменская, Оренбургская, Пермская области) [9, вып. 39, с. 332]; *кочка* – ‘небольшой холмик’ (Володарский, Оренбургский р-ны) [9, вып. 15, с. 133]. В данных словах указание на небольшой размер предаётся при помощи суффикса *-к*.

Лексема *гора* в диалектном значении в словарях не фиксируется, однако его лексико-семантические варианты со значениями ‘любое возвышенное место’ и ‘высокий берег

реки' следует считать диалектными. См. в словаре самарских говоров: **Гора**, ж. 1. Возвышенное место (о.н.). Приволж., Исакл., Б.Черн., К.-Черк., Шигон. У нас на горе кólки растут, видели? (К.-Черк.) Тут этой стороной гора была высокая, щас подняли эту дамбу, а то тут дамбы не было, тут гора вобще была высокая, на горе больница стояла (Б.Черн.). 2. Высокий берег реки. Серг., Краснояр. [7, с. 92].

Слова *чагыл*, *шихан* и *шушканы* нуждаются в дополнительном комментарии. Рассмотрим их подробнее. В оренбургском областном словаре находим следующее значение данных слов. **Чагыл** – ‘холм’ [7, с. 177]. **Шихан** – ‘холм, высокое место, с которого просматривается степь на большом расстоянии’. Д. Н. Мамин-Сибиряк в рассказе «На шихане» приводит такое объяснение: «Шиханами на Урале называют каменные утёсы на вершинах гор» (Госиздат, 1960. С. 29). В топонимике: Шихан — село в Бугурусланском районе; п. Синий Шихан в Кваркенском районе [7, с. 185]. **Шушканы** – холмы, курганы. «Курганы там любопытные. Здесь их называют мары или шушканы. У казахов «уба» [7, с. 187]. Очевидно, данные слова являются тюркскими заимствованиями, на это указывают следующие признаки: 1) сингармонизм гласных (прослеживается уподобление гласных звуков в рамках одного слова по такому фонетическому признаку, как ряд: *а-ы, ы-а*); 2) сингармонизм согласных (по способу образования: *ш-х*; по месту образования: *ч-л*); 3) содержание двух и более гласных в корнях.

В самарских говорах в качестве доминанты среди наименований небольшой возвышенности выступает общеупотребительная лексема **гора** – ‘возвышенное место’ (фиксации в Приволжском, Иса克林ском, Большечерниговском, Кинель-Черкасском, Шигонском р-нах). Это слово в самарских говорах является более частотным по сравнению с другими единицами синонимического ряда. В оренбургских говорах в данной лексической группе доминирует общеупотребительная лексема **бугор** (Алексеевка, Мустаевского р-на; Буденовка, Тоцкого р-на; Верхняя Платовка, Покровского р-на; Вознесенка, Павловского р-на и др., всего 10 фиксаций).

Сравнив два синонимичных ряда разных говоров, можно прийти к выводу о том, что слова *мар*, *шихан*, *шишка* присутствуют и в самарских, и в оренбургских говорах.

В словаре самарских говоров слова имеют следующие значения: *мар* — ‘возвышенное место с круглой вершиной, холм’, *шихан* — ‘одионочная возвышенность на берегу реки, холм с хорошо выраженной вершиной’, *шишка* — ‘холм, горка’.

Ср. значение данных слов в оренбургских областных словарях Б.А.Моисеева и Н.М.Малечи:

МАР, а, м., *мары́*, мн. 1. Холм, воздвигнутый на месте древнего погребения. *Мары у нас кругом, в них хоронили народ. На том мару копали клад.* Илек. 1. «Наша завожская степь очень богата остатками древности: одних степных маров — старых могил у нас в степи рассеяно несколько тысяч... до самой границы уральских казаков». Труды Саратовской учёной архивной комиссии. 1910. Вып. 26. С. 9. В оренбургской топонимике: Синий мар, Двухглавый мар, Блюдо-мар и мн. др. 2. Холм, курган. Вон до того мара надо доехать. Соль. 2. «Курган носит ещё название мар в некоторых частях Оренбургской губернии». Арх. ком. 1911. Вып. 26. С. 5 [7, с. 92].

ШИХА́Н, а, м. Холм, высокое место, с которого просматривается степь на большом расстоянии. В прошлом на шиханах располагались казачьи сторожевые посты. *На самом шихане живём.* Орен. 1. Д. Н. Мамин-Сибиряк в рассказе «На шихане» приводит такое объяснение: «*Шиханами на Урале называют каменные утёсы на вершинах гор*» (Госиздат, 1960. С. 29). В топонимике: Шихан — село в Бугурусланском районе; п. Синий Шихан в Кваркенском районе; Шиханкина гора — около села Чесноковка Илекского района [7, с. 185].

ШИХАН 1. Холм, бугор, возвышенное место в степи, кочка. — *От старой мазанки остался один шихан. Буд. Шихан никогда не стоплятся водой. Ну и земля — одне шиханы. Кот. Вон там за шиханом жил один брат Бакалкин. И.-Ал. Где кость лежит, там шихан стоит* (фольк.). Оз. *За кочками песчаные шиханы пойдут, по ним нет езды* [6, т. 4, с. 489].

ШИШКА, и, ж. 2. *Одинокий холм, гора, обычно на ровном месте.* Данное слово распространено в Оренбургской области почти повсеместно (в топонимике): Шишка — гора около п. Александровка Александровского района; Шишки — два холма около с. Ягодное Новосергиевского района; Острая шишка — гора недалеко от с. Япрынцево Переволоцкого района; Гордеева шишка — гора вблизи с. Матвеевка Сорочинского р-на; Суслиная шишка — гора около с. Алексеевка Сорочинского р-на; Татарская шишка — холм недалеко от Покровки Сорочинского р-на и мн. др. [7, с. 185].

ШИШКА 1. Гора, бугор, холм. — *Под шишкой они хлеб сеяли.* Таги. *Вода все дуга стопляет, ни одного ни кустика, ни прутика не остаётся, только городищи да шишки.* Ил. [6, т. 4, с. 490].

Стоит отметить особенности в словарной семантизации отдельных лексем. В оренбургском областном словаре Б.А. Моисеева слово *шихан* имеет значение ‘холм, с которого просматривается степь на большом расстоянии’, а словаре уральских казаков Н.М. Малечи имеет значение ‘холм, расположенный в степи’. Таким образом, в обоих словарях *шихан* — холм, с которого видна степь, то есть одиночный холм, но указание на размер в обоих случаях отсутствует, что вполне понятно: среди ровной степи даже небольшой холм будет давать прекрасный обзор. Поэтому в говорах уральских казаков оно служит названием как большого, так и небольшого холма в степи, что отражено в словарном толковании. Слово *шишка* в оренбургском словаре имеет значение ‘одинокий холм, гора, обычно на ровном месте’, а в словаре уральских казаков ‘гора, бугор, холм’. Таким образом, в первом случае слово *шишка* имеет ограничивающую сему ‘одинокий’ (холм), а во втором — таких семантических ограничений не наблюдается, поэтому, возможно, лексема *шишка* равнозначна лексеме *шихан* и может обозначать холм в степи без учета его размеров. Следовательно, в заволжских самарских и оренбургских говорах наблюдается тенденция к нейтрализации семемы ‘размер’ применительно к наименованиям возвышенностей.

Подводя итог рассмотрению ландшафтной лексики в самарских и оренбургских говорах, можно констатировать наличие лексических параллелей в обозначении небольших возвышенностей и предполагать наличие изоглосс лексем *мар, шишка, шихан* встречаются на этих смежных территориях Заволжья. Среди ландшафтных слов в русских говорах здесь представлены тюркизмы: *чагыл, шихан и шушканы*. Наши выводы имеют предварительный характер, поэтому исследование ландшафтной лексики на местном материале может быть продолжено.

Литература

1. Баженова Т.Е. Тематический словарь самарских говоров. Самара: СГСПУ, 2020. 192 с.
2. Бурко Н.В. Гиперонимические наименования глубокой впадины на земной поверхности (на материале орловских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2018. С. 77–87.
3. Бурко Н.В. Наименования небольших оврагов в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2020. С. 121–132.
4. Жмурко О.И. Семантические диалектизмы в говорах Ивановской области (о работе над картотекой лексики природы) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. Санкт-Петербург, 1998. С. 165–169.
5. Лексический атлас самарских говоров: карты и комментарии / под ред. Т.Е. Баженовой. Самара: Полиграфия, 2021. 80 с., ил.
6. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 томах. Оренбург: Оренбургское книж. изд-во, 2002.
7. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. 5 698 слов и словосочетаний. Оренбург: ОГПУ, 2010. 192 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.
9. Словарь русских народных говоров (СРНГ) / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой, С.А. Мызникова. Вып. 1–52. М.–Л., СПб: Наука, 1965–2020.
10. Словарь русского языка (МАС): в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1960.

11. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В. В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1950–1965. (БАС)

12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах. М.: Прогресс, 1986.

13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 1993.

УДК 81'373.213

С.И. Хорошева (г. Самара, Россия)

Научный руководитель к.ф.н. доц. Т.Е. Баженова

ГЛАГОЛЫ-ЗООФОНЫ В САМАРСКИХ И ОРЕНБУРГСКИХ ГОВОРАХ

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В статье рассматривается один из аспектов территориально-варьировани диалектной лексики в левобережной части Поволжья. Автор приводит новые данные по говорам Оренбургской области. Отмечается большое количество разнообразных вариантов глаголов-зоофонов на обеих территориях и влияние тюркских языков. В статье сравниваются все зафиксированные в самарских говорах глаголы-зоофоны и система соответствующих глаголов оренбургских говоров. Интерпретируемые карты самарского атласа и данные самарского и оренбургских словарей содержат данные, дающие возможность утверждать наличие изоглосс диалектных слов на обеих территориях.

Ключевые слова: диалект, глаголы-зоофоны, зоофоны домашних животных, оренбургские говоры, самарские говоры.

The article deals with one of the aspects of the territorial variation of dialectal vocabulary in the left-bank part of the Volga region. The author provides new data on the dialects of the Orenburg region. There are a large number of different variants of zoophone verbs in both territories and the influence of Turkic languages. The article compares all the verbs-zoophons recorded in the Samara dialects and the system of corresponding verbs of the Orenburg dialects. The interpreted maps of the Samara Atlas and the data of the Samara and Orenburg dictionaries contain data that make it possible to assert the presence of isoglosses of dialectal words in both territories.

Key words: dialect, verbs-zoophones, zoophones of domestic animals, Orenburg dialects, Samara dialects.

Глаголы-зоофоны – это глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными и птицами. Структура корневых морфем глаголов-зоофонов, как и других слов со звукоподражательной основой, определяется акустическими характеристиками звучания-денотата. В современном русском языке насчитывается большое количество глаголов, обладающих признаками звукоподражательных слов. Их многочисленность объясняется тем, что некоторые действия сопровождаются звучанием, которое может восприниматься неоднозначно [6, с. 110].

Среди зоофонов домашних животных широко распространена семантическая деривация. Такие слова, как *кричит*, *зевает*, *орёт* (так называемые невидоспецифичные глаголы) могут обозначать крики многих животных, ср.: *овца кричит*, *корова кричит*, *лошадь кричит*. Иногда сказывается сходство звуков разных животных, например, курица *квахтает* и лягушка *квахтает*.

Исследования, посвященные глаголам-зоофонам, строятся в основном на материале литературного языка. Диалектные зоофоны изучены недостаточно.

Глаголы, характеризующие звуки, издаваемые птицами и животными, могут служить важным элементом ареального описания говоров отдельных территорий.

Интерес к данной теме возник при прохождении диалектологической практики на втором курсе. Перед нами оказался большой для изучения материал, в состав которого входило множество диалектных зоофонов. Работая с материалами Оренбургской области, мы заинтересовались вопросом о существовании продолжения у изоглосс диалектных глаголов-зоофонов, отмеченных в самарском атласе на левобережной территории Поволжья. На данный момент карт по зоофонам на территории Оренбургской области пока нет, поэтому мы пытаемся диагностировать наличие изоглосс.

Основными источниками данных послужили карты «Лексического атласа самарских говоров», а также материалы 1940-1950-х гг., собранные в диалектологическом архиве

педагогического вуза Самары. Обобщение сведений по интересующим нас вопросам производилось студентами нашего вуза Эльмирой Хайретдиновой, Марией Кушнир, Анной Шевченко, и автором, Хорошевой Светланой, способом фронтальной выборки из комплектов ответов на вопросы №198 «Собака лает», 200 «Курица кудахчет», 201 «Гусь гогочет» из лексической части «Программы собирания сведений для диалектологического атласа русского языка».

Целью нашего исследования является сопоставительное описание особенности семантики, морфемной структуры и территориального распределения глаголов-зоофонов в самарских и оренбургских говорах. Сравнивая лингвогеографические сведения по самарским говорам и данные из источников по оренбургским говорам, мы выявили следующие лексико-семантические группы зоофонов, актуальных для говоров обеих территорий:

- глаголы со значением ‘издавать звуки, характерные для коровы’: *муча'ть, мичать, крича'ть, реветь, орать*.
- глаголы со значением ‘издавать звуки, характерные для кошки’: *мяукать, мяучить, мяуцить, маукать, майкать*.
- глаголы со значением ‘издавать звуки, характерные для собаки’: *брехать, гавкать, лаять*.
- глаголы со значением ‘издавать звуки, характерные для овцы’: *бебекать, блекотать, бякать, мекать, микать, реветь, зевать, кричать* [1, с. 46].

Студентами Самарского социально-педагогического университета был обработан большой материал, но основное внимание мы решили уделить зоофонам собаки, гуся и курицы, так как в данном случае имелись все данные для сопоставительного анализа. Кроме того, именно в этих лексических группах проявляется особая значимость животных в жизни сельского человека. Собака – верный друг человека, охранник его дома и помощник в охоте. Гусь и курица – домашние птицы, которые приносят большую пользу (мясо, яйца, пух, перья).

В самарских говорах преобладают два варианта, характеризующие крики собаки: *лает* и *брешет*. Глагол *брехать* встречается в центральной и южной части области, где ос-

новную массу составляют южнорусские и среднерусские акающие говоры. На оставшейся территории безвариантно употребляется общеупотребительный глагол *лаять*. Изоглоссы данного глагола-зоофона располагаются в южных и центральных районах самарского Заволжья, образуя системный ареал, захватывающий и левобережную часть Саратовской области, где количественно преобладают южнорусские говоры. Глагол *брехать* приводится среди типопределяющих (основных) признаков говоров южнорусского наречия, о чем свидетельствуют данные структурно-типологической классификации русских народных говоров Н.Н. Пшеничной [5, с. 44].

В составе зоофонов собаки в оренбургских говорах кроме основных лаёт и брешет присутствует еще один часто используемый вариант *гавкает*. На основании имеющихся данных, в оренбургских говорах слово *гавкает* отмечается наряду с полным оканьем, тогда как в южнорусских говорах наряду с формами на -т' (собаки *брешуть*) и без -т (собаки *брешиа*) всегда присутствует глагол *брехать*.

Сравнивая собранный материал, мы пришли к выводу о том, что зоофон собаки *брехать* образует на левобережной территории Волги ареал, имеющий приуроченность к южнорусскому типу говоров.

Для обозначения характерных криков гуся в самарских говорах используются глаголы-зоофоны *гоготать*, *гогóкать* (*гусь гогóчет*), *гагáчить*, *гагáкать* (*гагáчет*, *гагáкает*, *гагáчиет*), *кагáкать* (*кагáчить*, *кагáкает*), *гáгать* (*гáгает*, *гáкчет*), *кáркать* (*кáркает*), *кричáть* (*кричúт*), а также единичные лексемы *хагáкать* (*хагáкает*), *гагáвить* (*гагáвит*), *казáкать* (*казáчит*), *зевáть* (*зевáет*).

Всего по вопросу 201 «Гусь гогочет» в оренбургских говорах зафиксированы глаголы *гагакает*, *гогакает*, *гогочет*, *зывает*, *карашит*, *квохчет*, *кричит*, *трыкает*. Чаще всего употребляются лексемы *гогоча*, *гогочет*, *кричит*. Наиболее употребительным словом в обеих областях является слово *гоготать/гогочет*. Диалектная ономотопическая лексика, которая характеризуется варьированием корневых морфем и формообразующих аффиксов (*гага/гого*, *гаг/гак/хаг*), отмеча-

ется в говорах обеих территорий. Зоофон (гусь) *гогоча*, *гогочет* отмечен в 240 селах Оренбургской области, причем почти в половине населенных пунктов этот глагол зафиксирован как единственный употребительный вариант. Лексема *кричит* употребляется в 30 населенных пунктах, *гагакает* – в 8, *зевает* – в трех.

Можно сделать вывод, что по территориям обеих областей будут отмечаться изоглоссы лексем (*гусь*) *гогочет*, *кричит*, *гагакает*, *зевает*.

Единичными фиксациями отмечены зоофоны гуси *трыкают* (Царевский Ташлинского р-на), *квохчет* (Саратовка Соль-Илецкого р-на), *карашит* (Фёдоровка, Саракташский район), *загогочет* (Мансурово Тепловского р-на), *гогакая* (Верхняя Платоновка Покровского р-на). Эти редкие слова встречаются только в названных населенных пунктах и не являются там единственными. Можно предположить с учетом разноязыковой основы говоров Оренбургской области, что данные слова в середине прошлого века употреблялись только отдельными жителями сельских поселений.

Диалектные зоофоны гуся *кагáчет*, *кагáчит*, *гагáкает* отмечаются в южнорусских и среднерусских акающих говорах обеих территорий, однако ареалы, образуемые ими, имеют разреженный характер, что обычно является свидетельством их малой устойчивости в говорах территорий позднего заселения.

Для обозначения криков курицы в обоих говорах чаще всего используются глаголы *куда́хтать* (курица *куда́хчет*, *куда́хтает*) и *куда́кать* (*куда́чет*, *куда́кает*, *куда́кчет*, *кудкуда́хчет*). Меньшим количеством фиксаций отмечены другие зоофоны. В самарских говорах основными вариантами являются зоофоны *коко́кать*, *кудкуда́хтать/кудкуда́ктать*, *тата́кать*, *тара́кать*, *са́кать*, *сакота́ть*, *скоро́жить*, *кочета́ть*, *курлы́кать* [4, с.60].

В оренбургских говорах используются глаголы: *курица* *ростится*, *квохчет*, *тараторит*, *кокочет*, *клохчет*, *тарарекает*, *крычит*.

Лексическим фоном на территориях обеих областей служат лексемы *кудахчет* и *кудачет*. Наиболее репрезента-

тивными вариантами куриных зоофонов на обеих территориях выступают глаголы *куда́чет/куда́кает*. Вариант (курица) *куда́чет* образует дисперсный ареал в самарских говорах, наибольшая плотность которого наблюдается в центральной части, а также на западе и севере Самарской области.

На территории Оренбургской области лексема *кудачет* получила широкое распространение по северо-западной границе области, сходясь в центре. Реже слово *кудачет* можно услышать из уст жителей южной части Оренбургской области. Можно предполагать, что на юге и юго-западе Заволжья изоглоссы диалектных зоофонов курицы не наблюдаются или имеют разреженный характер.

Предполагаем, что лексемы, используемые для обозначения криков, характерных для курицы, в говорах Самарской и Оренбургской областей частично совпадают. В оренбургских говорах есть лексемы, не зафиксированные в говорах Самарской области. Это лексемы (курица) *ростится, тараторит, тарарекает, гогочет*. Однако и на территории Оренбургской области они не получили широкого распространения.

Зоофоны курицы интересны с точки зрения семантики. Ср. пояснения информантов: *Курица кудахчет – после того как снесётся; вкохчет – когда садится, ходит с цыплятами; клохчет – когда есть цыплята; кудахтает – громко; кокочет – негромко (ко-ко-ко); Курица кокочет – хочет нестись.*

Куриные зоофоны иногда являются семантическими дериватами от глаголов речи. Некоторые из зоофонов курицы самарских и оренбургских говоров в словаре В.И. Даля зафиксированы среди диалектных глаголов речи, например, *са́кать* – ‘переговорить, посоветоваться’ [2, т.4. с. 135] и *та-ра’кать* – ‘болтать, беседовать’.

Зоофоны, отличающиеся от литературных структурными признаками, зафиксированы спорадически [3, с. 181].

Таким образом, мы отметили, что на территориях Самарской и Оренбургской области зафиксировано множество вариантов диалектных глаголов-зоофонов. Но также увидели сходство в использовании общеупотребительных слов (*курица кудахчет/кудахча, корова мычит/ревет, кошка мя-*

учит/мяукает, собака лает/брешет, лошадь ржет, гусь гогочет). Их картографирование позволит дополнить характеристику лексико-семантических особенностей самарских и оренбургских говоров. Описанные группы диалектных слов занимают значительное место в областных диалектных словарях, помогает нам значительно расширить представление о лексическом богатстве говоров Заволжья.

Глаголы-зоофоны, входящие в лексическую группу глаголов со значением 'издавать звуки, характерные для домашних животных', играют важную роль в осмыслении исторических особенностей бытования диалектной лексики на территории Заволжья. Это связано с тем, что в недалеком прошлом в степных районах животноводство было одним из главных условий жизни человека, а человек с большим вниманием и интересом отмечал лексическими средствами поведение тех, кого относит к «братьям нашим меньшим».

Литература

1. Баженова Т.Е. Глаголы-зоофоны в самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С.44-64.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. 4. М., 1998.
3. Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат / под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. М.: Наука, 1996. 375 с.
4. Лексический атлас самарских говоров: карты и комментарии / под. ред. Т.Е. Баженовой. Самара: Полиграфия, 2021. 80 с.
5. Пшеничнова Н. Н. Типология русских говоров. М.: Наука, 1996. 208 с.
6. Третьякова В.С. Звукоподражательные глаголы в русском языке: автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1985. С. 110-115.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

УДК 81'255.2

*А.А. Бабкова (г. Горловка, ДНР)
Научный руководитель к.ф.н. доц. В.А. Филатова*

ПЕРЕВОД БЫТОВЫХ РЕАЛИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В КНИГЕ Н. НОСОВА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЗНАЙКИ» (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ПРЕДМЕТОВ ОДЕЖДЫ)

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье рассматриваются особенности перевода бытовых реалий на английский язык в книге Н. Носова «Приключения Незнайки». Автор приходит к выводу, что при переводе бытовых реалий, относящихся к предметам одежды, были использованы такие приёмы, как генерализация, конкретизация, добавление, опущение, подбор «аналога», калькирование.

Ключевые слова: перевод, бытовые реалии, особенности перевода, английский язык.

The article discusses the features of translating domestic realities into English in N. Nosov's book "The Adventures of Dunno". The author comes to the conclusion that when translating domestic realities related to clothing items, such techniques as generalization, concretization, addition, omission, selection of an "analogue", calculus were used.

Key words: translation, domestic realities, transmission features, English.

Одним из важнейших пунктов в современном переводе является интерпретация реалий, поскольку данные языковые единицы отражают внеязыковую действительность, обладая дополнительной фоновой информацией в каждой лингвокультуре. Согласно известному определению Сергея Влахова и Сидера Флорина, реалии – «это слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, которые являются носите-

лями национального и исторического колорита, и не имеют, как правило, точных соответствий (эквивалентов) в других языках» [1, с. 47]. Начиная со второй половины XX века, вопросами изучения реалий и безэквивалентной лексики занимались А.Е. Супрун, Г.В. Чернов, Г.В. Шатков. Позже в разные временные промежутки эту тему исследовали такие известные учёные, как А.М. Финкель, В.И. Репин; Л.С. Бархударов, С. Влахов, В.Н. Комиссаров, В.Г. Гак, Л.К. Латышев, А.В. Федоров, Д.Ю. Цыбина, С.В. Власенко, М.Л. Алексеева, В.В. Кабакчи, Э.А. Левин, Н.П. Чепель и другие.

Реалии встречаются практически во всех сферах жизни народа, поэтому многие учёные систематизировали их по областям применения. Общая схема классификации реалий С. Влахова и С. Флорина представлена в книге «Непереводимое в переводе». Согласно их предметному делению, предметы одежды (включая головные уборы и обувь) относятся к бытовым реалиям [1, с. 63]. Понятие «перевод реалий» болгарские учёные называют дважды условным, т.к. с одной стороны, реалия неперевода, с другой стороны, в контексте она передается не путем перевода. Поэтому вопрос сводится «не к тому, можно или нельзя перевести реалию, а к тому, как ее перевести» [1, с. 80].

Цель статьи – рассмотреть основные способы интерпретации бытовых реалий на примере перевода видов одежды с русского языка на английский в книге Николая Носова «Приключения Незнайки и его друзей».

Переводом книги в 60-е годы прошлого века занималась Маргарет Веттлин, переводчица, которая с 30-ых годов жила и занималась преподавательской деятельностью в Советском Союзе. После войны она начала свою переводческую карьеру, специализировалась на произведениях М. Горького, переводила «Анну Каренину» и рассказы Льва Толстого, пьесы Н. Островского, сочинение А. Герцена «Кто виноват?» и многих других. Из детской литературы М. Веттлин перевела произведения Н. Носова, в частности «Приключения Незнайки». Её перевод остаётся пока единственным. Благодаря глу-

бокому знанию языка и пониманию двух культур переводчица использует разные способы передачи бытовых реалий.

1. Одним из таких способов является генерализация. В приведённых ниже примерах заменены слова с узким значением исходного языка (тужурка, очки-консервы, пенсне, сарафанчик, капор) единицей языка перевода с более широким (jacket, goggles, spectacles, dress, hood).

«Он надел свою бархатную **тужурку**, нацепил на шею розовый бантик, который носил вместо галстука, и ушёл в гости» [2, с. 16]. – “... he put on his velvet **jacket** and the pink bow he wore instead of a necktie, and went to see a friend” [3, с. 13].

«Шапки у них были тоже кожаные, с **очками-консервами**» [2, с. 28]. – “Their caps were also made of leather and they had **goggles** on them” [3, с. 25].

«Они ему так понравились, что он даже нацепил на нос **пенсне** и стал рассматривать портреты очень внимательно» [2, с. 21]. – “He liked them so much that he put on his **spectacles** to get a better look at them” [3, с. 18].

«Пушинка сбегала домой и принесла зелёнький **сарафанчик** в полосочку» [2, с. 144]. – “Fluff ran home and brought him a white **dress** with green stripes on it” [3, с. 134].

«- Пойдемте, я вам покажу, – вызвалась малышка в красном **капоре** и синем пальто с пушистым воротником из черно-бурой гусеницы» [2, с. 108]. – «Here, I'll show you”, said a girl in a red **hood** and a blue coat with a collar of fluffy silver caterpillar” [3, с. 99].

2. Следующий способ перевода, прямо противоположный предыдущему, – конкретизация. Это приём замены слова исходного языка с широким значением единицей языка перевода с более узким.

«Хотите, я сошью вам на дорогу **сумку**? – спросила она» [2, с. 184]. – “Would you like me to make you a **knapsack**?” she asked” [3, с. 169].

В данном случае слово «сумка», обозначающее любое изделие из любого вида ткани, которое служит для ношения чего-либо, было заменено на слово «knapsack» (рюкзак). В переводе уточняется не внешний вид и способ ношения

предмета, а его предназначение – под рюкзаком подразумевался, прежде всего, мешок с провизией, который брали с собой в дорогу солдаты или путешественники.

3. Перевод при помощи добавления. Данный способ перевода позволяет добавить дополнительные лексические единицы для передачи подразумеваемых, но невыраженных частей смысла оригинала при переводе.

«Мальши всегда ходили либо в длинных брюках навыпуск, либо в **коротеньких штанишках на помочах**, а малышки любили носить платьица из пёстренькой, яркой материи» [2, с. 8]. – “The boy-Mites wore long trousers or **short breeches held up by braces**, and the girl-Mites wore dresses made out of all sorts of bright stuffs” [3, с. 6].

«Он всегда ходил в белом халате, а на голове носил **белый колпак с кисточкой**» [2, с. 10]. – “He always wore a white coat and a **white cap with a tassel on it**” [3, с. 7].

4. В противовес предыдущему способу, был также использован приём опущения – отказ от передачи лексических единиц, которые являются избыточными в языке перевода. В данном случае переводчица сделала из сложноподчинённого предложения простое, добавив к аналогу “knickers” определение “volley-ball”.

«Она раздобыла где-то пилу, надела вместо платья **шаровары**, которые надевала для игры в волейбол, и тоже полезла на дерево» [2, с. 135]. – “She had pulled a pair of **volley-ball knickers** over her skirt, and she climbed nimbly up the tree to join the boy-Mites” [3, с. 126].

5. Также часто встречается перевод при помощи «аналога» или такого слова в языке перевода, которое обладает сходной функцией: «Вот вы бы смогли вышить такую красную белочку, как у меня на **переднике**? – спросила Белочка» [3, с. 145]. – “Could you embroider a red squirrel like the one on my **pinafore**?” asked Chippy” [4, с. 135].

6. Перевод при помощи калькирования. Применяя этот способ можно передать составные части слова или словосочетания, а затем объединить их в единое целое.

«Торопыжка надел свой **костюм-“молнию”**» [2, с. 42]. – “Swiftly put on his **“lightning” suit**” [3, с. 38].

«На пороге появилась нянечка в белом халате и косыночке» [2, с. 95]. – “The door was opened by a nurse in a **white smock** and cap” [3, с. 88]. В этом примере переводчица также полностью изменила лексическую единицу, заменив слово «косыночка» на “cap”.

Подводя итог, отметим, что благодаря множеству исследований и систематизаций, современное языкознание предлагает обширный выбор переводческих приёмов для перевода бытовых реалий. В ходе исследования мы обнаружили, что наиболее подходящими способами перевода реалий, связанных с предметами одежды, являются: генерализация, конкретизация, добавление, опущение, подбор «аналога», калькирование. При переводе книги Николая Носова «Приключения Незнайки и его друзей» чаще всего был использован гипо-гиперонимический приём (генерализация). Реже – калькирование и добавление. Из этого можно сделать вывод о том, что перед Маргарет Веттлин, в первую очередь, стояла задача передать реалии таким образом, чтобы сделать перевод понятным англоязычному читателю, не обладающему необходимыми фоновыми знаниями.

Литература

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
2. Носов Н.Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Детская литература, 1969. 496 с.
3. Носов Н. Приключение Незнайки и его друзей. На английском языке. М.: Прогресс, 1963. 176 с.

М.В. Безрукова (г. Самара, Россия)

Научный руководитель к.ф.н. доц. М.В. Черкунова

**АСПЕКТЫ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
МАЛОФОРМАТНЫХ ТЕКСТОВ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва»

Статья посвящена выявлению особенностей организации синтаксического плана текстов, относящихся к сверхмалым жанровым формам англоязычной сетевой литературы. На материале 100 мини-рассказов, объем которых варьируется от 6 до 62 слов, прослеживаются характерные тенденции синтаксического оформления текста, а также специфика использования синтаксических стилистических приемов и выразительных средств. В заключение делаются выводы о значительной роли средств экспрессивного синтаксиса в реализации прагматической задачи сверхмалых сетевых нарративов.

Ключевые слова: сетевая литература, сверхмалый жанр, экспрессивный синтаксис, стилистический прием, прагматический эффект.

The article is devoted to identifying the features of syntactic organization of the texts belonging to mini-genres of English web literature. On the basis of 100 short narratives, which include from 6 to 62 words, the characteristic trends of syntactic organization of the text are traced, as well as the specifics of using syntactic expressive means and stylistic devices. Conclusions about the significant role of expressive syntax in achieving the pragmatic aim of the web literature mini-genres are drawn at the end.

Key words: web literature, mini-genre, expressive syntax, stylistic device, pragmatic effect.

Современный мир находится в состоянии постоянных трансформаций, которые затрагивают все без исключения сферы жизни. Одним из ключевых факторов, обусловивших такие масштабные изменения в социуме, является тотальная цифровизация, вызванная появлением Интернета и электронной коммуникативной среды. Значимым следствием широкого распространения цифровых технологий стала необходи-

мость адаптации традиционных коммуникативных форматов к условиям функционирования в виртуальном пространстве, в результате чего возникло, в частности, такое явление, как сетевая литература.

Несмотря на то, что в настоящее время существование феномена сетевой литературы уже не подлежит сомнению, сам термин «сетература» вошел в научный обиход сравнительно недавно. В силу своей новизны это понятие еще не получило устойчивого терминологического толкования; более того, на данный момент не существует общепринятого представления о жанровой дифференциации сетературы. Так, в работах отечественных исследователей выделяются такие жанровые разновидности сетевых произведений, как *этиюд*, *лирическая миниатюра*, *прозаическая миниатюра*, *короткий рассказ*, *мини-новелла* и т.д. [3, с. 149], в то время как англоязычные ученые выделяют следующие жанры: *six-word story*, *one-sentence story*, *280-character story*, или *twitterature*, *nano-fiction*, *drabble (100 слов)*, *dribble (50 слов)*, *55story*, *69er*, *flash fiction (1000 слов)*, *sudden fiction (750 слов)* [2, с. 325; 6, р. 133]. При этом, несмотря на вариативность в плане жанровых номинаций сетевых нарративов, большинство ученых сходятся во мнении, что художественные тексты, циркулирующие в цифровой среде, создаются рядовыми пользователями Интернета в расчете на таких же пользователей, обычных людей, благодаря чему в них отражается фактический срез современного общества, его интересы, ценности и векторы общественных настроений [4]. Это обстоятельство предопределяет *актуальность* изучения феномена сетевой литературы с различных, в том числе лингвистических, позиций.

В настоящей работе мы, вслед за Ириной Зубченко, под сетевой литературой понимаем художественные тексты, создаваемые для публикации в сети и впервые там опубликованные, способные полноценно существовать только в цифровом пространстве и не имеющие бумажного варианта [1, с. 13]. Характерной чертой произведений, созданных в формате сетературы, является предельная краткость, в связи с чем их можно причислить к разряду малоформатных текстов.

Для полноценной передачи художественных смыслов в пределах малого текста большое значение приобретает не только отбор лексических элементов, но и способы структурной организации этих единиц в единое текстовое пространство [5]. В связи с этим в настоящей работе была поставлена *цель* изучить особенности структурной организации текстов сверхма- лых жанров англоязычной сетевой литературы.

Эмпирическую базу исследования составили тексты ста литературных произведений, отобранных в сети Интернет по запросам *six-word story*, *one-sentence story*, *twitterature*. Объем рассмотренных текстов варьируется от 6 до 62 слов.

Анализ материала показал, что характерной особенностью структурной организации текстов сетературы является оформление произведений при помощи односоставных номинативных предложений, например:

- Old friends. Alzheimer's disease. New friends!
- New start. New you. Not you.
- Wasted day. Wasted life. Dessert, please.
- Attack, Enemy, War, Peace. Why fight?
- War. Just cause? Or just 'cause?
- Red. Black. Red. Red. Black. Millionaire.

Подобные конструкции, обладая предельной краткостью, концентрируют внимание читателя исключительно на смысловых доминантах описываемой ситуации, не акцентируя внимание на деталях. При этом семантическая неопределенность открывает возможности для индивидуальной интерпретации текста, которая зависит от уникального жизненного и лингвистического опыта читателя. Кроме того, использование назывных предложений обуславливает динамизм и экспрессивность текстов.

Также следует отметить, что высокочастотными в рассмотренных текстовых образцах являются эллиптические конструкции, которые обеспечивают возможность синтаксической компрессии и делают текст максимально лаконичным при сохранении значимых смысловых компонентов, например:

- Failed class. Attempted suicide. Failed again.

• Wondering if I am real. Am I just a character in a story?
My past seems vague, my future limited. Please, if you made me,
let me know.

• "I'll do it tomorrow," she thought.

She liked to think this wasn't procrastination, but optimism.

A gesture of faith in her future abilities.

"I can do anything I put my mind to, later."

Помимо эллипсиса, функция текстовой компрессии реализуется за счет использования бессоюзной связи:

• I pushed him. He didn't fall.

• The cuts healed; her heart didn't.

• Surgeon saves patient. Patient thanks God.

• Her grandma's recipe said "made with love."

She tried. It never tasted right.

It didn't even seem to matter which loved one she diced in.

• I transferred into your body so I could see your point of view. My body did look old and worn out. I pushed it off the ledge and kept yours.

• In the morning he noticed the front door.

Not locked.

He hadn't locked up before bed? That was unsettling.

Wait, no. He definitely had.

That was worse.

В ходе анализа практического материала было также отмечено, что авторы сетевых произведений очень часто прибегают к синтаксическому параллелизму при организации текстов:

• Each word I write drops a little more of me onto the page.
In time, I will be the book, the book will be me, and the story will be told.

• Surgeon saves patient. Patient thanks God.

• Old friends. Alzheimer's disease. New friends!

• New start. New you. Not you.

• Wasted day. Wasted life. Dessert, please.

• The cuts healed; her heart didn't.

• Failed class. Attempted suicide. Failed again.

На наш взгляд, частотность подобного способа структурной организации сетевых мини-рассказов обусловлена тем обстоятельством, что использование параллельных конструкций создает условия для возникновения своего рода «семантического резонанса», при котором смысловые компоненты лексических единиц, включенных в равновесные синтаксические структуры, как бы усиливают друг друга, создавая в итоге более выразительный семантический конструкт. Благодаря этой особенности тексты реализуют свой когнитивно-эстетический потенциал не только лаконично описывая некую ситуацию, но и передавая читателю концептуальные смыслы, заставляя его задуматься о морально-ценностных аспектах события, изображаемого в тексте.

При этом следует отметить, что во многих случаях параллелизм становится основой для создания других стилистических приемов. Так, авторы часто используют прием нарастания, то есть организуют текст по степени увеличения логической и/или эмоциональной составляющей элементов высказывания, как, например, в следующих образцах:

- You asked for flowers and I brought flowers. You asked for dancing and I danced. I asked for your love and you gave back the flowers.

- Attack, Enemy, War, Peace. Why fight?

- New start. New you. Not you.

- Failed class. Attempted suicide. Failed again.

- He left the village of his birth, crossed the mountains, crossed the seas, saw great cities, learned a few words in a dozen tongues, met the high and the low, and returned after years of wandering to the village of his birth where for the rest of his life he suffered nostalgia for his village as it had been when he left.

- Wasted day. Wasted life. Dessert, please.

Обратим внимание на то, что во многих случаях нарастающее эмоциональное и/или логическое напряжение нейтрализуется последним элементом высказывания (например, в последнем из приведенных выше примеров: *Wasted day. Wasted life. Dessert, please*). Благодаря подобному лексико-синтаксическому приему, который называется *anticlimax* [7, p. 85], мини-рассказы приобретают дополнительные смыс-

ловые приращения – так, в частности, в упомянутом примере воспроизводится идея обыденности и бесполезности рассуждений о бесцельно прожитой жизни.

Кроме того, параллелизм часто усиливается за счет введения контекстуальных антонимов – таким образом создается прием антитезы, – а также разного рода повторов, в частности, анафоры, подхвата, рамочного повтора и т.д.:

- Old friends. Alzheimer's disease. New friends!
- The cuts healed; her heart didn't.
- Surgeon saves patient. Patient thanks God.
- Each word I write drops a little more of me onto the page.

In time, I will be the book, the book will be me, and the story will be told.

• You asked for flowers and I brought flowers. You asked for dancing and I danced. I asked for your love and you gave back the flowers.

• The wizard had been locked up in his tower for months. The townspeople wondered.

What magic was he working?

What wonders did he prepare?

It stressed the wizard out. He didn't have anything going on.

Sometimes he thought about ordering pizza, but felt too tired.

Использование антитезы и повторов способствует повышению экспрессивности текста, а также позволяет расставить необходимые смысловые акценты.

Отметим также еще одно характерное средство организации текстовой структуры – употребление вопросительных конструкций, например:

• Wondering if I am real. Am I just a character in a story? My past seems vague, my future limited. Please, if you made me, let me know.

• In the morning he noticed the front door.

Not locked.

He hadn't locked up before bed? That was unsettling.

Wait, no. He definitely had.

That was worse.

• The wizard had been locked up in his tower for months. The townspeople wondered.

What magic was he working?

What wonders did he prepare?

It stressed the wizard out. He didn't have anything going on.

Sometimes he thought about ordering pizza, but felt too tired.

• Attack, Enemy, War, Peace. Why fight?

• War. Just cause? Or just 'cause?

• Will you still love me tomorrow?

Вопросительные конструкции в рассмотренных текстах реализуются в виде риторических вопросов, обращенных к читателю, а также в виде внутренней речи персонажа. Они позволяют вовлечь читателя в обсуждение проблемы, заставляют его задуматься о смысле произведения, а также дают возможность глубже погрузиться во внутренний мир протагониста.

Кроме того, в текстах сетературы отмечены единичные случаи использования таких приемов синтаксической организации, как инверсия, лексический хиазм и ретардация. Эти приемы используются для создания логического и эмоционального напряжения и акцентирования главных смыслов:

• Through anything, I'll stay with you.

• I transferred into your body so I could see your point of view. My body did look old and worn out. I pushed it off the ledge and kept yours.

• I threw away an opportunity because I was scared, now I'm scared I will never have an opportunity.

• "I'll do it tomorrow," she thought.

She liked to think this wasn't procrastination, but optimism.

A gesture of faith in her future abilities.

"I can do anything I put my mind to, later."

Таким образом, можно заключить, что синтаксические стилистические приемы, используемые в качестве инструментов структурной организации кратких сетевых нарративов, играют ключевую роль при реализации их прагматической задачи, а именно – позволяют авторам выстраивать объ-

емные смысловые конструкты в пределах максимально лаконичного пространства художественного текста.

Литература

1. Зубченко И. Литература и сетература в Рулинете // Полярный вестник. 2007. №10 (Январь). С. 5-13.

2. Лебедева М.Н. К вопросу о жанровой специфике short short story // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. №1. С. 324–327.

3. Хорева Л.Г. Жанровая специфика новейшей испанской малой прозы: между анекдотом и паремией // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. №4 (32). С. 149-154.

4. Черкунова М.В., Пономаренко Е.В. Малоформатные произведения сетевой литературы в контексте современной англоязычной цифровой коммуникации: системно-динамический подход // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т.27. №4. С. 168-175.

5. Черкунова М.В., Тренина А.А. Коммуникативно-прагматические параметры малоформатных рекламных текстов туристической тематики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. №1. С. 68-74.

6. Chemodurova Z.M. The phenomenon of microfiction: an intertextual perspective // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). 2020. №29. P. 133-141.

7. Galperin I.R. English Stylistics. Moscow: URSS, 2012. 336 pp.

УДК 81'33

Т.В. Белогурова (г. Курск, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. проф. О.С. Зубкова
**ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕТАФОР
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

В данной статье рассматриваются особенности перевода английских метафор на русский язык. Особое внимание уделяется отличительным чертам перевода имен собственных. Автор статьи

анализирует адекватность перевода имен собственных на примере художественного романа С. Кинга «Чужак».

Ключевые слова: метафора, художественный текст, перевод, перевод имени собственного, особенности перевода

The article introduces translation features of English metaphors into Russian. The particular attention is paid to the distinctive features of translation proper names. The author of the article analyzes the adequacy and efficiency of translating proper names using the example of S. King's novel "The Outsider."

Key words: metaphor, literary text, translation, translation of a proper name, translation features

Трудность работы переводчика при переводе метафор в художественных текстах объясняется их высоким уровнем контекстуальности и индивидуальности. Художественная метафора очень изменчива, она часто имеет узкие рамки своего существования, как в пространстве, так и во времени, потому не существует универсального приема (или даже ряда приемов) для перевода всех метафор без исключения [4, с. 591].

Впрочем рекомендации переводчикам по работе с метафорами все-таки существуют. При столкновении с метафорами, по мнению П. Ньюмарка, следует придерживаться двух важных правил:

- проанализировать вид смысловой составляющей на основе которой автор делает перенос (негативную или позитивную окраску этот перенос под собой скрывает);

- определить к коннотативным или денотативным метафорам относится та, что приведена в тексте [9, с. 16].

К сожалению, это не всегда дает желаемый эффект, потому что, например, рассматривая метафору «hehasallthecards», которую на русский язык можно было бы перевести аналогом «у него на руках имелись все козыри», мы не получим полного образа соответствия, поскольку при глубоком анализе выясняется, что в русском языке восприятие слова «козырь» гораздо более сильное, чем слова «cards».

Иными словами, русские говорят «у него все козыри на руках», когда победа практически неминуема, в то время как англичане употребляют аналогичное выражение о том, кто

просто имеет большое преимущество.

Если метафора не имеет аналога, как например в случае с выражением «to upset the apple cart», которое в дословном переводе означает «опрокинуть тележку с яблоками», а в переносном – нарушить планы, то в русском языке, в зависимости от контекста могут быть применимы выражения «испортить коту масленицу», «расстроить планы», «испортить праздник» и т.д.

Е.В.Стенина советует использовать прием адаптации: «Переводчику необходимо «подогнать» метафору в языке перевода к форме и содержанию авторской. Если это невозможно – происходит поиск аналога со схожим содержанием, а форма метафоры уходит на второй план» [5, с. 29]. Например: «I told you earlier all the talk of America's economic decline is political hot air» была переведена как: «Ранее я отмечал, что все разговоры об упадке экономики США — пустая болтовня». При переводе оригинальных метафор П. Ньюмарк призывает пользоваться дословным переводом, чтобы сохранить авторский стиль. Если метафора содержит культурную составляющую, которая будет непонятна носителям языка перевода, метафору следует адаптировать по образу, а в некоторых случаях даже снять эту образность [5, с. 5]. Например, предложение «However attractive a working method maybe, it must be judged by its bite in real life» трудно передать на русский язык с сохранением равноценной образности, так как в русском языке нет равноценной метафоры с «judged by its bite», поэтому переводчику приходится снимать образность. Следовательно, перевод будет звучать следующим образом: «Каким бы заманчивым ни казался этот метод, эффективность его можно проверить только на практике» [5, с. 28].

Чешский лингвист П. Дворжак [8] провел обзор подходов других ученых-лингвистов к переводу метафоры в политическом дискурсе и сделал следующие выводы: ученые Найда и Даут в 1964 и 1967 году соответственно писали, что адекватный перевод метафор в принципе невозможен, поскольку из-за разности языков и восприятий найти метафору, полностью соответствующую смыслу сказанного невозможно. Более того, ее не может найти даже тот, кто метафору

произносил. Это заключение даёт нам понять, что метафорические высказывания несут в себе такое большое количество информации, что их идеальный перевод на другой язык представляется невозможным. Часть информации может быть потеряна или видоизменена и уже не будет нести изначальный смысл.

Противоположного мнения придерживались ученые Клофер и Мэйсон, которые в 1981 и 1982 году писали, что метафоры полностью переводимы, но не следует применять к метафорам какой-то особый научный подход, достаточно просто использовать каноническую теорию перевода.

Особо следует отметить проблему, которая встает в процессе перевода имен собственных, которые часто также используются авторами в метафорическом смысле. Часто имена героев локации, названия торговых марок и многое другое несет в себе скрытый метафорический смысл, «основанный на вербальной проекции социально-культурного опыта» [2, с.135], что может создать для переводчика художественной литературы целый комплекс проблем.

Рассмотрим это на примере романа Стивена Кинга «Чужак».

Метафорический перевод имен собственных в художественном произведении может представлять собой большую сложность по нескольким причинам. Одной из них является многочисленное использование окказиональных имен собственных, или имен собственных, придуманных самим автором для повышения выразительного эффекта [6, с.104].

Такие имена собственные представляют собой безэквивалентную лексику, поскольку не имеют соответствий в языке перевода, но при этом часто несут глубокий метафорический смысл [1, с.220]. Они отличаются особой выразительностью и эмоциональностью, также в них содержатся исторические и культурные отсылки, которые при переводе сложно распознать и корректно интерпретировать.

Второй причиной является то, что имя собственное, как лингвистический знак, обладает определенной особенностью, а именно двуплановостью содержания и внешней формы. «Расторгая прежнее тождество предметности и понятийно-

сти, метафора образует предпосылки нового, более свободно-го их единства» [3, с. 55]. Содержательная структура в некоторых случаях несет в себе огромное значение, которое переводчик не может себе позволить опустить, в то время как внешняя форма (звуковая или письменная) позволяет выделить объект среди других объектов действительности и обрамляет содержание метафоры.

Сохранить как содержательную, так и внешнюю форму имени собственного при переводе в подавляющем большинстве случаев представляется невозможным. По этой причине переводчик вынужден выбирать, какой из аспектов передать при переводе.

Случаи, в которых нужно передавать содержание, более сложны. Как правило, к ним относятся говорящие имена собственные. Например, в романе «Чужак» С. Кинга название детективного агентства «Найдем и сохраним» – переведено, поскольку это является очевидной религиозной отсылкой к известному в России выражению «Спаси и сохрани», а весь роман «Чужак» переполнен библейскими аллюзиями.

С. Флорин пишет, что метафорические имена собственные в художественных текстах могут быть переведены при помощи транскрипции в тех случаях, когда план выражения выигрывает у плана содержания [1, с. 89].

В романе «Чужак» в переводе Т. Покидаевой все фамилии основных персонажей переведены при помощи транслитерации. Проведем анализ целесообразности такого подхода:

Р. Андерсон (Andersen) – детектив-расследователь, имеет фамилию производную от имени, скандинавского происхождения. Символизирует самого обычного человека, потому и фамилия его одна из самых распространенных не только в США, но и вообще во всем западном мире, в данном случае метафорическая часть потеряна. Чтобы ее передать на русский язык, детектива должны были бы звать Иваном Ивановичем Ивановым или Джоном Смитом, но вольности такого уровня в художественном переводе неприемлемы;

Т. Мэйтлэнд (Maitland) – главный подозреваемый. Если воспринимать звучание фамилии только на слух, то оно может быть созвучным со словосочетанием «земля прияте-

лей» – *mateland*. В таком словосочетании это обозначает аллегорию для этого персонажа, у которого есть «доппельганер» («двойник») из другого мира, из земли приятелей, который на самом деле и является главным преступником. Для поэтики Стивена Кинга характерно называть зловещих персонажей «друзьями», «приятелями», «тетушками», «братишками» и т.д., потому в данном случае метафорическое значение фамилии также утрачено при переводе

Х. Гибни (Gibney) – частный детектив из агентства «Найдем и сохраним». Помогает в расследовании детективу Андерсону. Это персонаж, фамилия которого происходит от корня *gib* (англ.) – насмешка. Проходит через несколько книг автора и во всех случаях является мистическим или/и трагическим персонажем, который не является ни источником шуток, ни источником комических ситуаций, так что в данном случае метафорическое значение фамилии отсутствует и переведено верно.

Неслучайным в контексте данного сюжета является имя этого героя *Holly*, которое в английском языке близко к слову «*holy*» – святой. Таким образом, автор дополняет религиозный подтекст данного персонажа. Однако сложно вообразить себе столь же характерное имя в русском языке. В какой-то степени правильным намеком могло бы стать имя *Мария* как символизирующее библейское начало и наиболее известное в этом ключе имя русского языка. Но в нашей языковой традиции это слово имеет слишком много иных, дополнительных значений и отсылок.

Х. Голд (H. Gold) – детектив, который с самого начала уверен, что Терри Мэйтленд не виновен в преступлениях, в которых его обвиняют. Его фамилия переводится как «золотой», однако в современном русском языке это слово уже особенно не нуждается в переводе, и потому Т. Покидаева приняла решение сохранить такое значение имени, независимо от того, имел ли в виду автор какой-либо второй смысл и содержание, когда давал герою эту фамилию.

Действие романа происходит в городе *Flint-City*, что можно перевести как город-кремь. В литературной традиции Стивена Кинга наименования населенных пунктов име-

ют большое значение, и с большой долей вероятности можно говорить о том, что такое название выбрано для того, чтобы подчеркнуть косность и неспособность местных жителей принимать что-то новое и необычное, в данном случае это метафорическое значение при переводе также потеряно. Ранее С. Кинг неоднократно использовал говорящие названия населенных пунктов в других своих романах. Речь идет о «*Desperation*» (название населенного пункта, где творятся ужасные вещи) или отель «*Overlook*» в романе «Сияние», название которого можно перевести как «*игнорирование*».

Можно сделать вывод, что перевод метафорических имен собственных с иностранных языков представляет собой сложный и комплексный процесс, в котором переводчику необходимо не только глубоко погружаться в литературу, но и обращать внимание на культурные и исторические особенности, влияющие на художественный текст. Роль определенного имени собственного в художественном тексте следует подвергать тщательному анализу, так как от её оценки зависит оптимальный способ перевода имени собственного.

Литература

1. Влахов С.И., Флорин С.П. Непере译имое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. 408 с.
2. Зубкова О.С. Медицинская метафора как результат культурной фиксации в медицинской терминологии // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. Серия Филология. №5(19). 2008. С. 127–135.
3. Зубкова О. С. Метафора в философской парадигме // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. №1 (13). 2010. С. 47-56.
4. Казакова И. В. Проблемы перевода метафоры (на материале современной английской поэзии). // Молодой ученый. 2015. №14. С. 591–593.
5. Стенина Е.В. Воспроизведение метафоры при переводе на русский язык англоязычных публицистических текстов (на материале американской политической речи) / [Электронный ресурс]. URL: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/16833/2017_533_steninaev.pdf?sequence=1&isAllowed=y, доступ свободный. Загл. с экрана. (Дата обращения 10.11.2022)
6. Суханова А.С. Передача имен собственных с точки зрения теории перевода. Актуальные проблемы филологии: материалы

междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 105–107.

7. Шикалов С.В. Способы перевода метафор в концепции Питера Ньюмарка // Вестник МГЛУ. Серия «Языкознание». 2010. Вып. 9. С. 156–162.

8. Dvořák P. Translating Metaphors within the political discourse: the case of EU / [Электронный ресурс]. URL: https://is.muni.cz/th/y2t7h/DT_DVORAK_FINAL.pdf, доступ свободный. Загл. с экрана. (Дата обращения: 13.11.2022).

9. Newmark P. A textbook of translation / [Электронный ресурс]. URL: [http://ilts.ir/Content/ilts.ir/Page/142/ContentImage/A%20Textbook%20of%20Translation%20by%20Peter%20Newmark%20\(1\).pdf](http://ilts.ir/Content/ilts.ir/Page/142/ContentImage/A%20Textbook%20of%20Translation%20by%20Peter%20Newmark%20(1).pdf), доступ свободный. Загл. с экрана. (Дата обращения: 05.11.2022).

УДК 821.161.1

Каролина Боттески (г. Верона, Италия)
Научный руководитель д.ф.н. проф. Н.Е. Никонова

ИТАЛЬЯНСКАЯ НОВЕЛЛА РУБЕЖА XIX–XX ВВ. И ЕЁ ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ В РОССИИ

*ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»*

Данная статья содержит результаты количественного анализа, касающегося переводческого восприятия итальянской литературы и, в частности, итальянской новеллы в России. Исследование проводилось путём систематизации, анализа и сравнения данных, содержащихся в трёх русских справочных корпусах и относящихся к итальянскому литературно-культурному миру. По сути, вырисовывается сложная картина, в рамках которой выделяется не только то, что в период между концом XIX и началом XX в. итальянские писатели активно переводились в России, но и то, что именно рассмотрение итальянской новеллы рубежа XIX–XX вв. как литературного жанра, выступающего в качестве спектроскопа социального контекста и условий существования разных поколений, позволяет изучать общественно-политическое положение Италии во второй половине XIX в. и «новую» литературу, одним из самых популярных и значительных представителей которой была именно новелла.

Ключевые слова: переводческое восприятие итальянской литературы в России, итальянская новелла рубежа XIX–XX вв., национальное объединение Италии, вопрос о языке, «новая» литература.

This paper contains the results of a quantitative analysis concerning the translation reception of Italian literature and, more specifically, of the Italian novella in Russia. The study was carried out by systematising, analysing and comparing data contained in three Russian reference corpora related to the Italian literary and cultural world. In fact, a complex picture emerges, in which what stands out is not only that between the late 19th and the early 20th centuries, Italian authors were actively translated in Russia, but also that the very study of the Italian novella at the turn of the 19th–20th centuries as a literary genre, serving as a spectroscopy of both the social context and the conditions of life of different generations, enables one to study the socio-political situation in Italy in the second half of the 19th century, and the “new” literature, one of the most popular and significant representations of which was precisely the novella.

Key words: translation reception of Italian literature in Russia, the Italian novella at the turn of the 19th–20th centuries, Italian national unification, the language question, the “new” literature.

Хотя для современных российских гуманитарных наук характерно возрастающее внимание к локальным процессам, а тема культурных отношений между Италией и Россией является одной из наиболее изученных в сравнительной гуманитаристике и многие аспекты истории итало-русских литературных связей уже тщательно исследованы, лишь недавно многогранный феномен «провинции» вышел на первый план, став увеличительным стеклом, через которое можно интерпретировать изменения в общественном сознании и поиск региональной идентичности в процессе межкультурной коммуникации. Именно в этот контекст вписывается данная статья, основная цель которой состоит в том, чтобы представить результаты впервые предпринятого нами количественного анализа, проведённого путём исследования трёх справочных корпусов, рассматривая итальянскую новеллу как литературный жанр на рубеже XIX–XX вв. и её переводческую рецепцию в России. Актуальность настоящей статьи обусловлена не только упомянутым выше интересом современного литературоведения к региональной литературе и диалогу культур,

но и необходимостью системного рассмотрения переводческого восприятия итальянской литературы в России.

Исследуя итальянскую новеллу рубежа XIX–XX вв., речь идёт об определённом историческом, социальном и культурном контексте: о формировании совершенно нового типа итальянской художественной прозы, нацеленной на отражение в литературе явлений современной науки, истории, политики, морали и так далее. Во второй половине XIX в. помимо идейно-культурных новаций позитивизма, мы наблюдаем ряд характерных социально-политических процессов: завоевание буржуазией политического, экономического и идеологического главенства отдельных государств с последующим навязыванием либеральной системы почти повсеместно в Европе, продвижение пролетариата, кризис интеллигенции в связи с установлением нового общественного порядка после революций. Все эти процессы наряду с позитивизмом сошлись в литературе в реализме, характеризуемом исключительным интересом к реальности общественной жизни, объективно представленной в её конкретных аспектах. Такие движения, как натурализм во Франции, веризм в Италии и русский реализм, имели именно этот общий знаменатель. Малая проза и роман утвердились в системе литературных жанров и стали спектроскопом действительности, пропущенной через исследовательский, объективный, научный взгляд писателя. Даже при относительных различиях авторов этого периода объединила поэтика «безличности», то есть персонажи жили и говорили как будто собственными голосами, без проецирования на них своих собственных идей автором; который был склонен больше описывать, чем повествовать.

После объединения Италии движение скапильятуры (итал. *Scapigliatura*) процветало в стране и, в частности, в Милане и Турине, где промышленное развитие было более интенсивным и присутствие буржуазии более весомым. Название, взятое из романа Клетто Арриги (Carlo Righetti – псевдоним: Cletto Arrighi –, 1830–1906) «Скапильятура и 6 февраля» (оригинальное итальянское название: *La Scapigliatura e il 6 febbraio*), опубликованного в 1862 г., но

датированного несколькими годами ранее, было эквивалентом французского термина «*bohème*»: оба обозначали беспорядочный и нонконформистский образ жизни некоторых молодых художников того времени [7, с. 26]. В социальном ключе это литературное движение со своей собственной органичной поэтикой было опытом протеста и бунта против традиционной культуры (к примеру, Алессандро Мандзони (Alessandro Manzoni, 1785–1873) [1, с. 18]) – и буржуазного здравого смысла. Такие писатели, как Иджинио Уго Таркетти (Iginio Ugo Tarchetti, 1841–1869), Камилло Бойто (Camillo Boito, 1836–1914) и Карло Досси (Carlo Alberto Pisani Dossi – псевдоним: Carlo Dossi –, 1849–1910) пытались ввести новые темы и способы повествования, сочетая опыт «чёрного» и фантастического романа Э.Т. Гофмана (E.T. Hoffmann, 1776–1822) и Э.А. По (E.A. Poe, 1809–1849) с опытом французского натурализма и декадентства [7, с. 26]. Своего расцвета скапильятура достигла в 1860-х гг., уже в начале 1870-х гг. она переживала кризис, но некоторые темы – развращённость современной жизни, контраст между городской и сельской жизнью – были вскоре ассимилированы веризмом (итал. *Verismo*). Рецензия Луиджи Капуана (Luigi Capuana, 1839–1915) на роман «Западня» Эмиля Золя (Émile Zola, 1840–1902), опубликованная в *Corriere della Sera* в 1877 г., побудила группу писателей, работавших в Милане, среди которых был и Джованни Верга (Giovanni Verga, 1840–1922), присоединиться к новой прозаической форме, которая приняла бы, в итальянском ключе, литературную модель натуралистов. Возникшее в результате движение и получило название «веризм». Писатели-веристы никогда не собирали свои теории в программный манифест и не основывали школу, но работали над созданием плодородной писательской почвы, на которой можно было бы заложить основы нового и «современного» образа прозы. Наиболее значимыми его представителями и стали Луиджи Капуана, Джованни Верга и Федерико Де Роберто (Federico De Roberto, 1861–1927). Первая веристская новелла Верга «Россо Мальпело» (оригинальное итальянское название: *Rosso Malpelo*) вышла в свет в 1878 г.; первый веристский роман «Джачинта» (оригинальное итальянское

название: *Giacinta*) был опубликован Капуана в 1879 г., а роман «Семья Малаволья» (оригинальное итальянское название: *I Malavoglia*) Верга увидел свет в 1881 г.

Импульс для утверждения веризма исходил также от критика Франческо Де Санктиса (Francesco De Sanctis, 1817–1883), который, несмотря на своё романтико-идеалистическое настроение в раннем творчестве, оценил влияние Дарвина на литературу в последующем. Дарвинизм в искусстве, по Де Санктису, должен был выполнять позитивную функцию устранения бесплодной сентиментальности, развития антириторической установки писателя, требования конкретности и живого ощущения реальности, проявления социальной тематики. Веристы, присвоив себе потребность в «истине», которая вдохновляла одно из двух великих внутренних направлений романтизма, приветствовали позитивистскую культуру и поддерживали принцип объективности писателя, который должен был полагаться на представление фактов, чтобы сделать «правдивое» более достоверным, а не «субъективным». Целью веристов являлась «совершенная безличность» повествования и стиля, который должен адаптироваться к среде и содержанию повествования. Веристы нашли источник вдохновения в крестьянской повседневности Южной Италии, закрытой от внешних влияний, неподвижной в своей многовековой отсталости. В отличие от писателей-натуралистов, размышлявших о городском и европейском контексте, писатели-веристы представлялись землевладельцами Юга, также связанными с более реакционными политическими концепциями. Таким образом, дискурс веристской литературы перемещается в сельскую местность, а на идейные взгляды, безусловно, влиял «южный вопрос». Джованни Верга вывел из эволюционизма Дарвина концепцию жизни как индивидуальной борьбы за выживание. Описывая притеснения, которым подвергались крестьяне, писатель приходил к пессимистическому выводу о том, что любая попытка изменить свой социальный статус обречена на провал. Детерминизм как бы подтверждал невозможность для индивида и подчинённых классов, в целом, восстать против жесткого причинно-следственного механизма действитель-

ности. Ни одна сила, по его мнению, не могла вывести «южный плебс» из состояния нищеты: ни государство, бывшее лишь орудием угнетения в руках «джентльменов», ни сам «плебс», готовый вспыхнуть, а затем вернуться к своему примитивному состоянию подчинения и фатализма, ни молодая социалистическая партия, зародившаяся в процветающей сельской местности и промышленных городах севера и чувствовавшая себя чужой на Юге [7, с. 26].

1894 г. стал датой публикации *I Viceré*, шедевра Федерико Де Роберто. В ней автор с холодностью и радикальным пессимизмом анализирует наследственные пороки и жажду господства знатной сицилийской семьи на фоне исторических событий в период между 1850 и 1882 годами. Но можно сказать, что сезон веризма уже пошёл на убыль: в 1889 г. публикация «Наслаждение» (оригинальное итальянское название: *Il piacere*) Габриэле Д'Аннунцио (Gabriele D'Annunzio, 1863–1938) знаменует собой начало итальянского декадентства [7, с. 26].

Италия достигла территориального объединения – хотя и частичного – в 1861 г., за ним последовало присоединение Венето в 1866 г., Лацио и Рима в 1870 г., Рим стал столицей в 1871 г. Однако Австрийская империя по-прежнему сохраняла контроль над Трентино и Венецией-Джулией. Объединение было завершено только после Первой мировой войны. Сложная социально-политическая ситуация нашла широкий резонанс в литературе Южной Италии конца XIX в. (романы и новеллы Верга и Де Роберто), и некоторые учёные стали говорить о «разочарованном Рисорджименто» и о «закабалении революции». Политическое руководство сменилось, но все же на Юге власть по-прежнему оставалась в руках старых правящих каст.

Во время национального объединения большая часть итальянского населения, включая буржуазию и литераторов, использовала местный диалект для повседневного общения. Поэтому было необходимо, чтобы за политическим и экономическим союзом последовало языковое объединение. Предложенное Мандзони решение, предусматривавшее принятие языка, на котором говорили образованные флорентийцы,

встретило одобрение правящего политического класса. Однако инициатива по внедрению флорентийской модели в начальные школы с помощью словаря и учителей, специально обученных использованию флорентийских слов и идиом, оказалась основанной на абстрактном критерии; живой национальный язык мог возникнуть только в результате циркуляции идей, культурного обмена. Таким образом, языковая унификация была медленным и постепенным процессом, чему способствовали различные факторы: обязательное начальное образование, которое за несколько десятилетий снизило неграмотность до 48%, военная и чиновничья служба, торговля, распространение газет. Здесь следует помнить, что с чисто литературной точки зрения в произведениях Верга и Д'Аннунцио можно найти два точных подхода: если для первого стиль не существует вне идеи и чем ближе соответствие формы идее, тем лучше стиль, то для второго предложения и слова имеют значение трансформации, идеализации идеи, ценны почти сами по себе [4, с. 14]. Тем не менее, постепенное распространение национального языка в повседневном употреблении отразилось и на литературном языке, сблизив его с разговорным. Язык журналистики повлиял на прозу, которая стала более гибкой, с более простым синтаксисом, в основном базирующимся на согласовании. Веризм с его приверженностью к повседневной реальности стремился воспроизвести разговорную речь, перенося синтаксические структуры и выражения устного языка в литературный итальянский.

Кроме этого, разрыв между литературой и жизнью, между культурой и историей [5, с. 687] нашёл во второй половине XIX в. достойного противника: массовую литературу. Решающую роль в этом отношении сыграли газеты и журналы, в которых издавалась так называемая «фельетонная литература». Это были лёгкие для чтения романы, новеллы, повести и рассказы, часто не представляющие особой литературной ценности, созданные по традиционным схемам повествования; они издавались отдельными выпусками «в приложениях» в соответствии с модой, появившейся в первой половине XIX в. во Франции [7, с. 22]. Зародившийся жанр был

ориентирован на вкус публики среднего класса. В Италии издатель Sonzogno первым опубликовал романы-фельетоны, из которых возникли удобные в пользовании произведения, возбуждавшие воображение и интерес массовой публики, ранее исключённой из круга чтения художественной литературы.

По мере того как исторический роман выходил из употребления, его место занимали новелла, набросок и современный роман характеров и обычаев. Эти литературные виды первоначально черпали свою жизненную силу из того реализма, учение и примеры которого были импортированы из Франции, и который, с одной стороны, являлся реакцией против романтиков, а с другой стороны, были возвращением к романтизму Алессандро Мандзони, сочетавшемуся с растущим поиском объективности, значительным интересом к научным теориям, тщательным вниманием к бытописанию и заметным вниманием к изображению среды, понимаемой как пейзажный элемент и как социальный контекст [9, с. 308]. Особенно успешным в этом отношении стала *novella d'ambiente* (дословно: новелла окружения), которой благоприятствовали средства коммуникации того времени. Начиная со второй половины 1870-х гг. в газетах и журналах наряду с романами-фельетонами появились короткие рассказы, безусловно, гораздо более приспособленные к гибкой компоновке печатных изданий и ориентированные на текущие события, по вкусу современному читателю [7, с. 30]. «Россо Мальпело» Джованни Верга, опубликованное в еженедельнике *Fanfulla della domenica* в августе 1878 г. является одним из самых ранних примеров в этом отношении. Именно в данный период для определения короткого жанра в повествовательной прозе определение «новелла» возобладало над «рассказом»; эта тенденция наблюдалась до 1930-х гг. [6, с. 13]. Верга и Д'Аннунцио, например, часто использовал слово «новелла» в названиях своих произведений.

Италия, сложившаяся в национальное государство позднее других европейских стран, столкнулась с различными политическими, экономическими, социальными и, прежде всего, культурными проблемами. Именно литература, осо-

бенно веристская, отражала призматическую природу постобъединённой Италии. Существенной в этом отношении оказалась роль писателей и интеллектуалов, благодаря усилиям которых удалось «сделать итальянцев», постепенно создать национальную языковую унификацию и приблизить литературу к массам.

В конце XIX – начале XX в. итальянские авторы активно переводились и в России. Фактически, было опубликовано множество переводов произведений Джованни Верга, Матильды Серао (Matilde Serao, 1856–1927), Луиджи Капуана, Энрико Кастельнуово (Enrico Castelnuovo, 1839–1915), Грации Деледды (Grazia Deledda, 1871–1936), Антонио Фогаццаро (Antonio Fogazzaro, 1842–1911), Габриэле Д’Аннунцио и многих других на страницах региональных периодических изданий. Переводческие и издательские стратегии авторов, составителей контента региональной периодики Российской империи, позволяют провести имагологическое исследование дореволюционного литературного мира, выявить историко-социальные и культурные взаимосвязи, существовавшие между Италией и Россией на рубеже XIX–XX вв.

Базу данных для количественного анализа составил корпус ранее не известных материалов, полученных в результате научно-исследовательских разысканий кафедры романо-германской и классической филологии Филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. «Научная библиография “Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи”» (в дальнейшем для ссылки на этот источник будет использоваться «Научная библиография, 2020») [3] Н.Е. Никоновой, Ю.С. Серягиной, Е.В. Масяйкиной и И.В. Морозовой, была выпущена в 2020 году и собрала данные из 18 региональных периодических изданий рубежа XIX–XX вв., на страницах которых появлялись публикации, касающиеся иноязычной литературы, театра и критики. На страницах периодики печатаются переводы французских, немецких, английских и американских, польских и итальянских произведений, но нет недостатка и в произведениях, переведённых с грузинского, греческого, датского и так далее.

Второй корпус составляют переводные публикации из газеты «Кавказ» (1846–1918; для удобства чтения этого корпуса будет просто «Кавказ»). Здесь также отмечается наличие переводов из некоторых мировых литератур – французской, немецкой, английской, польской, итальянской, грузинской, а также арабской, татарской, ногайской. Третий корпус представлен в советском издании «Итальянские новеллы. 1860–1914» [1] – антологический сборник, вышедший в издательстве «Гослитиздат» в 1960 г., представляет подборку итальянских авторов, в том числе в жанре новеллы. Для полноты картины было решено рассмотреть и продолжение этого сборника, а именно «Итальянская новелла XX века» [2], опубликованное в 1969 г. издательством «Художественная литература».

Методология, принятая на этом этапе, была основана на систематизации, анализе и сравнении компонентов, относящихся к итальянскому литературно-культурному миру, обнаруженных в упомянутых корпусах данных. В целях обеспечения сопоставимости корпусов и, следовательно, соблюдения критерия однородности, после предварительного статистического обследования корпуса «Научная библиография, 2020», в рамках которого были изучены и разделы «Театр и музыка» и «Критика», было признано целесообразным сконцентрировать последующие этапы исследования только на переводах итальянских литературных произведений.

Одним из первых итогов количественного исследования является, несомненно, наблюдение о преобладании малой прозы по сравнению с поэзией, о тяготении переводчиков и составителей газетных рубрик к литературному жанру новеллы. С содержательной точки зрения эти же региональные авторы отличаются стремлением к изображению реального, правдивого и бытового. Проведён количественный анализ первых двух корпусов («Научная библиография, 2020» и «Кавказ»), после которого были выявлены наиболее переводимые итальянские авторы, то есть Матильда Серао, Габриэле Д’Аннунцио, Ада Негри (Ada Negri, 1870–1944), Энрико Кастельнуово и Джованни Верга. Единственным исключением в отношении выбора между прозой и поэзией стала Ада

Негри, чьи стихотворения получили популярность. В отношении её следует также сказать, что, хотя она не встречается в «Кавказе», тем не менее, было решено включить её в эту группу в силу её популярности в «Научной библиографии, 2020» и по той причине, что она является уникальной представительницей итальянской поэзии на рубеже XIX–XX вв. Эти пять авторов станут предметом целенаправленного качественного рассмотрения, которое составит одно из ядер исследовательской части кандидатской диссертации. Второй этап статистического разбора заключался в сравнении данных, собранных на первом этапе, с содержанием антологии «Итальянские новеллы. 1860–1914» (1960). Для сопоставления за основу было взято оглавление сборника. Интересно отметить, что, хотя многие из писателей, включённых в «Итальянские новеллы. 1860–1914» (1960), присутствовали во всех трёх корпусах (Джованни Верга, Луиджи Капуана, Эдмондо Де Амичис (Edmondo De Amicis, 1846–1908), Матильда Серао, Сальваторе Ди Джакомо (Salvatore Di Giacomo, 1860–1934), Доменико Чамполи (Domenico Ciampoli, 1852–1929), Габриэле Д’Аннунцио, Антонио Фогаццаро, Джероламо Роветта (Gerolamo Rovetta, 1851–1910), Грация Деледда, Луиджи Пиранделло (Luigi Pirandello, 1867–1936)), на самом деле показалось большое разнообразие работ. Чтобы добиться большей полноты исследования, был выполнен третий этап, на котором результаты, полученные на двух предыдущих стадиях, сравнивались с именами писателей и произведениями, указанными в оглавлении сборника «Итальянская новелла XX века» (1969). На первый взгляд, не обнаруживается ни одного автора, общего для этих корпусов переводов. Однако стоит сделать следующее замечание: в «Научной библиографии, 2020» рассказ «Последнее посещение» приписывается некоему Джованни Панини. В действительности, это имя не встречается – по крайней мере, при первом онлайн-поиске – в итальянской литературе, поэтому, если предположить ошибку в транслитерации имени, можно утвердить, что переводное произведение «Последнее посещение» относится к итальянскому оригиналу *L'ultima visita del gentiluomo malato* («Последний визит больного джентль-

мена»), содержащемуся в сборнике рассказов *Il tragico quotidiano: favole e colloqui* (примерно: Трагическая ежедневность; Firenze: Lumachi, 1906) [8] Джованни Папини (Giovanni Papini, 1881–1956). Учитывая эту тривиальную ошибку и, следовательно, принимая эту «косвенную атрибуцию» за истину, можно сказать, что единственным итальянским автором, общим для рассматриваемых корпусов, является Джованни Папини. Названия переведённых работ, тем не менее, не совпадают.

Как уже подчёркивалось, большинство итальянских писателей, представленных в этих источниках, предпочитали прозу, а преобладающим литературным жанром была новелла. Историческая и культурная контекстуализация корпуса произведений этого жанра и его восприятие в России является перспективным для дальнейшего исследования.

Литература

1. Итальянские новеллы. 1860–1914: [пер. с итал.] / [Вступ. статья Б.Г. Реизова, С. III–XXVIII]; [Статьи об авторах И.П. Володиной, С. 697–724]. Москва; Ленинград: Гослитиздат. [Ленингр. отд.-ние], 1960. XXVIII, 727 с.

2. Итальянская новелла XX века: [пер. с итал.] / [Вступ. статья Цецилии Кин]; [Сост. и справки об авторах Г. Богемского]. Москва: Художественная литература, 1969. 631 с.

3. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621571. Научная библиография «Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи»: заявка № 2020621410 от 18.08.2020: дата государственной регистрации в Реестре баз данных 28.08.2020 / Н.Е. Никонова, Ю.С. Серягина, Е.В. Масяйкина, И.В. Морозова; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

4. Capuana L. Gli “Ismi” contemporanei: Verismo, Simbolismo, Idealismo, Cosmopolitismo ed altri saggi di critica letteraria ed artistica. Catania: Cav. Niccolò Giannotta Editore, 1898. 334 p.

5. De Sanctis F. Storia della letteratura italiana; completata da numerose note bio-bibliografiche e corredata da due capitoli conclusivi di Giuseppe Villaroel. Volume I: Storia. Roma: Armando Curcio Editore, 1961. 734 p.

6. Luperini R. Il trauma e il caso: appunti sulla tipologia della novella moderna in Italia // *Moderna: semestrale di teoria e critica della letteratura*. 2003. Vol. 5(1). P. 13-22.

7. Panebianco B., Pisoni C., Reggiani L., Malpensa M. Testi e scenari: Letteratura, cultura, arti. Volume V: L'età del Naturalismo e del Decadentismo. Bologna: Zanichelli, 2013. XIV, 604 p.

8. Papini G. Il tragico quotidiano: favole e colloqui. Firenze: Lumachi, 1906. XIX, 151 p.

9. Rossi V. Storia della letteratura italiana per uso dei licei. Volume III: L'Età Moderna. Milano: Casa Editrice Dottor Francesco Vallardi, 1902. VII, 324 p.

УДК 801'613

Ю.А. Вострухина (г. Тверь, Россия)

Научный руководитель д.ф.н. доц. Н.Ф. Крюкова

СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ РИТМА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье рассматривается смыслообразующая функция ритма поэтического текста при переводе с английского языка на русский. Анализируются традиции русского и английского стихосложения с точки зрения ритмического построения. Выделяются аспекты предпереводческого анализа текста, позволяющие воспроизвести механизм смыслообразования в тексте перевода.

Ключевые слова: ритм поэтического текста, метрическая организация, предпереводческий анализ текста

The article deals with the meaning-forming function of rhythm of a poetic text in translation from the English into the Russian language. The traditions of Russian and English versification are determined in terms of rhythmic structure. The article touches upon some aspects of pre-translational analysis of the meaning-forming in translation.

Key words: poetic text rhythm, metrical organisation, pre-translation analysis

Теоретики искусства долгое время задавались вопросом о содержательности ритма, при этом вопрос, на который пытались ответить многие, заключался в том, как именно ритмическое построение поэтического текста служит смыс-

лообразованию. Ответ на данный вопрос был дан в рамках семиотики. Прежде всего, основной характеристикой художественного произведения является единство формы и содержания. При этом план содержания художественного произведения формируют смыслы, вызываемые художественным познанием человеком субъектно-объектных отношений окружающего мира, а план выражения произведения как целого формируется творческим отношением автора к объективации этих смыслов [2, с. 89–90]. При этом именно лексика является средством формирования семантики стихотворения, а метрика формирует общую семантическую традицию, на фоне которой воспринимается произведение [3, с. 378].

Некоторые исследователи считают стихотворный размер лишь формальной характеристикой, которая не обладает значимостью, а свою аффективную окраску обретает лишь исключительно благодаря словесному наполнению [10, с. 372].

Подобного мнения придерживается Ю.М. Лотман, который выделяет две стороны вопроса в отношении ритмической организации поэзии: во-первых, ритм как принцип построения текста в связи с определённой словесно-семантической тканью (в таком случае ритм является не знаком, а средством построения знака: Он «режет» текст и участвует в образовании семантических оппозиций – образует ту специфическую смысловую структуру, которая составляет сущность стиха). Другая сторона вопроса заключается во внетекстовых связях ритма. Стоит отметить, что на ранних этапах развития поэзии функция метра и ритма заключалась в отличии поэтических текстов от непоэтических, а выбор определённого размера автором был произвольным, условным. Тем не менее, установленное таким образом соответствие метра и жанра закрепляется благодаря авторитету поэта в сознании читателя, становится традицией. Определённый размер становится семантическим архетипом, являющимся архисемой текстов, обладающих данной ритмической организацией. Читатель воспринимает семантику каждого нового прочитанного стихотворения в отношении к семанти-

ке данного архетипа. Таким образом, ритм становится знаком определённой традиции [7, с. 147–150].

С.Ф. Гончаренко отмечает, что благодаря формальной структуре поэтического текста изменяется механизм смыслообразования, трансформации подвергается как парадигматическая, так и синтагматическая стороны речи, а также ее коммуникативная ориентация и функция. Поэтическое произведение становится продуктом сочетания ритмической, фонической и метафорической системы, в которой каждый элемент находится в сложных отношениях с остальными элементами и приобретает дополнительное значение. Стоит отметить, что в поэтическом контексте словарная полисемантичность каждой вокабулы усиливается, так как слово приобретает дополнительные смысловые обертоны. Специфическое построение стиха модифицирует условия семантического согласования фразы, характерные для прозаической речи. Таким образом, слова в поэтическом тексте вбирают в себя значения близлежащих слов [4, с. 109].

Подобно любому формальному элементу, ритм играет важную роль в создании содержания. Справедливо говорить о содержательности ритма в целом, во взаимосвязи всех его видов внутри поэтического текста. Ритм сопоставляет явления близкие и далекие, сходные и противоположные. Различные сопоставления, создаваемые благодаря ритму, реализуют сжатость, компактность текста, которая является принципом текстопостроения поэтического произведения (максимально широкое содержание выражается благодаря минимальному пространству). Соотношения, выявленные благодаря фигурам ритма, становятся заменой привычным для прозы логическим формам связи элементов текста: причинно-следственные связи, выражаемые синтаксическими формами подчинения или сочинения, последовательность или simultанность, выражаемые деепричастными конструкциями и т.д. Таким образом, ритм обуславливает черты поэтической грамматики (в основном, синтаксиса), в которой логические средства связи и противопоставления отвергаются полностью либо восполняются за счёт ритмического параллелизма [12, с. 104–121]. Усложнённая художественная структура, созда-

ваемая из материала языка, позволяет передавать такой объём информации, который недоступен для передачи элементарными средствами языка [7, с. 86].

Сравнивая природный и стихотворный ритм, Ю.М. Лотман определяет смыслообразительную роль ритма последнего. По мнению исследователя, ритм стихотворного произведения строится на основании принципа сопоставления и становится цикличным повторением отличающихся друг от друга элементов в равных позициях с целью уравнивания неравного и раскрытия сходства в различном или, наоборот, установить отличное в сходном» [7, с. 92]. Ритм стиха выполняет роль динамических весов, актуализирует семантику каждого слова в стихе и, таким образом, определяет смысловую плотность поэтического высказывания. Ритмическая интонация является основой сцепления и сопоставления словесных значений, в результате которого выражается неповторимый глубинный поэтический смысл. Поэтому поэтический ритм обуславливает особенность поэтического произведения как целостного семантического единства, что и вызывает необходимость воссоздания ритмического своеобразия оригинального произведения в переводе.

По справедливому замечанию Р.О. Якобсона, соотношение размера и значения (*meter-and-meaning process*) является органическим поэтическим актом, в котором проявляются все основные свойства поэзии [13, с. 178]. Таким образом, можно сделать вывод, что ритм является средством смыслообразования в поэтическом тексте, несмотря на то, что основным смыслообразующим началом в стихотворении остаётся лексическое наполнение.

Понимание специфики механизма поэтического смыслообразования при анализе смыслового пространства оригинала переводчиком обуславливает необходимость рассмотрения поэтического текста как «воплощённой идеи» [7, с. 51]. В качестве одного из основных принципов переводческой рефлексии при освоении и конструировании системы соотношений оригинала можно рассматривать именно сопоставление, так как благодаря ритмическому принципу построения текста элементы сложной структуры стихотворения сопо-

ставляются и противопоставляются, обретая определённую лишь при соотнесении с остальными элементами структуры. При этом рефлексия переводчика должна быть направлена как на освоение комплексной системы связей оригинала для определения механизма формирования его поэтической идеи, так и на воссоздание этой системы отношений в тексте перевода для объективации смыслового пространства оригинала [2, с. 91].

Создание поэтического произведения, как и любое проявление творчества, является последовательностью выборов, целью которой становится достижение некоего идеального результата. Происхождение данного процесса можно связать с личностью автора, его индивидуальными особенностями. Результатом творческой деятельности становится проявление личностного начала автора. Однако, процесс создания художественного произведения осуществляется в той или иной степени согласно принципам, представляющим собой результат эволюции уже существовавших ранее нормативных принципов [1].

В отношении принципов стихопостроения в классической русской поэтической традиции слогаударность (силлаботоника) считается нормой, соответствие которой обеспечивается большей приспособленностью силлабо-тонического стихосложения к фонетическому, акцентному и силлабическому строю, присущему русскому языку.

Следовательно, при переводе стихотворного текста русский язык нужно принимать во внимание интонационные и смысловые ритмические сдвиги, учитывая частотность и канонизированность таких ритмических приёмов при сравнении двух поэтических традиций. При этом неравномерность, полиметрия английской прозодеи представляет большую сложность для переводчика. По словам Бориса Пастернака, гораздо легче получается переводить плавные, правильные размеры, которые лишены полиритмии и иных ритмических сбивок. «Ломаные» размеры – «чужой художественный беспорядок», как их метко описывает поэт, переводить гораздо труднее. По его мнению, использование вольных размеров с сохранением полиритмии производит впе-

чатление небрежности [8, с. 284]. Соблюдение такой метрической нерегулярности является причиной её неприятия либо негативного восприятия, так как реципиенты языка оригинала и языка перевода имеют различные жанровые экспектации, вызванные неравномерным соотношением систем языка, просодии и систем стихосложения (о которых говорилось ранее). Таким образом, в русской поэтической традиции наиболее распространённым явлением становится относительная устойчивость, регулярность ритма, а полиметрия, синкопы и иные нарушения метрического рисунка обычно принимаются как семантически мотивированные. Зачастую снятию асимметрии при переводе текста с полиритмией, неравномерным ритмическим рисунком, способствует перевод дольником – тоническим размером, который не так распространён в русской системе стихосложения, как, к примеру, силлабо-тонические размеры. Его особенность заключается в достаточно произвольной схеме комбинации силлабо-тонических стоп (к примеру, двусложных и трёхсложных). При использовании данного размера строки соизмеряются по числу сильных позиций (ударных слогов), при этом количество слабых позиций (слогов) варьируется от 2 до 0 [5, с. 28]. Тем не менее, данный размер вполне органично вошёл в систему русского стихосложения [3, с. 308]. Таким образом, использование дольника при переводе становится оптимальным решением: переводчик адаптирует текст ИЯ к нормам поэтического канона ПЯ в соответствии с жанровыми ожиданиями реципиента – носителя данного языка. К примеру, Г. Кружков использует именно данный размер в переводе поэмы Шеймаса Хини «North», сглаживая неравномерность ритмической структуры оригинала [6]:

«North», Seamus Heaney

«Север», Г. Кружков

*I returned to a long strand,
the hammered curve of a bay,
and found only the secular
powers of the Atlantic thundering.*

*Я вернулся туда,
где в подкову залива,
бьет Атлантики вал —
мерно и терпеливо.*

В дальнейшем при предпереводческом анализе также важно обратить внимание на приёмы, относящиеся к поэтической фонике (например, внутренние рифмы, аллитерация, ассонансы и консонанс, использование паронимов, полифонию т.д.), которые выполняют несколько задач в поэтическом тексте: прежде всего, повторы в композиционно важных элементах стиха осуществляют образование ритма. Несомненно, они также играют роль смыслообразовательных средств. Безусловно, повторяемая фонема не несёт в себе смысл, но при концентрации маркированных звуков, объединенных по одному принципу, читатель способен усмотреть смысл благодаря возникающим ассоциациям – так, за счёт субъективных психологических переживаний при чтении стихотворного текста одно маркированное звуковым повтором слово «притягивает» к себе другие члены звукоассоциативного ряда и создаёт ассоциативно-смысловое поле, благодаря которому выстраивается система читательских экспектаций [9, с. 158].

Отдельное внимание необходимо уделить анализу строфики произведения. Взаимодействие стиховых элементов (метрики, ритмики, интонации и рифмы) придаёт каждой модели строфы неповторимую ритмико-мелодическую окраску, которая соотносится с тем или иным жанрово-тематическим единством [9, с.14]. Таким образом, построение строф также сопряжено с авторским механизмом смыслообразования и должно быть учтено при переводе. Особенно важно учитывать данный аспект при переводе «свободных» стихов (*vers libre*), так как зачастую синтаксическая особенность – строфика – отличает поэтическое произведение от рифмованной прозы.

М.В. Умерова подчёркивает значение смыслообразующих единиц текста и адекватное и эквивалентное распределение определённых смыслов в процессе перевода средствами ПЯ, что позволяет установить степень его адекватности и эквивалентности текста оригинала на основе смыслового соответствия между текстами оригинала и перевода. Задача переводчика состоит в сохранении коммуникативно-значимого смыслового ядра текста [11, с. 96–103].

При осуществлении предпереводческого анализа текста оригинала, так и при непосредственном осуществлении перевода необходимо учитывать специфику механизма поэтического смыслообразования. Для этого особое внимание уделить семантическому потенциалу метра, размера произведения, определить поэтические синтаксические приёмы (параллелизмы, инверсии, перенос и т.д.). Отдельное внимание требует звуковая организация оригинала: необходимо проанализировать фонический ритм (ассонансы и аллитерации), звуковые повторы, тональность и благозвучие произведения, семантическую и ассоциативную близость слов, отмеченных звуковыми повторами. Учитывается также характер рифм и строфическая организация произведения. Во всей совокупности элементов ритм становится способом фиксации эстетически значимого развития поэтической мысли на разных отрезках текста. Таким образом, объектом поэтического перевода становится не сама форма, а избранный автором оригинального текста тип целостности формы (композиции) и содержания (архитектоники) произведения.

Литература

1. Алексеев В.В. Поэтика выбора // [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/a/alekseew_wadim_wiktorowich/poetica.shtml (дата обращения 10.01.2023)
2. Алексеева Л.М., Шутемова Н.В. Существует ли поэтический перевод? // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3. 2011. С. 87–93.
3. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. М.: Фортуна Эл, 2012. 416 с.
4. Гончаренко С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 108–111.
5. Казарцев Е.В. Введение в сравнительное стиховедение: методы и основы анализа. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2015. 104 с.
6. Кружков Г.М. Поэты-лауреаты Нобелевской премии / Сост. Жданко О. М.: Панорама, 1997. 609 с.
7. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. Избранные статьи и выступления 1992–1993 гг. М.: Гнозис, 1994. 560 с.
8. Пастернак Б.Л. Об искусстве. М.: Искусство, 1990. 399 с.

9. Степанов А.Г. Семантика стихотворной формы: Фигурная графика, строфика, enjambement: дис. ... канд. филол. наук: Твер. гос. ун-т. Тверь, 2004. 186 с.

10. Тарановский К.О. О поэзии и поэтике / Сост. М.Л. Гаспаров. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.

11. Умерова М.В. Моделирование смысловой структуры текста при переводе // Тверской меридиан: Теоретический сборник. Вып. 2. Тверь: ТвГУ, 1999. С. 96–103.

12. Эткинд Е.Г. Ритм поэтического произведения как фактор содержания // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974. С.104–121.

13. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика// Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С.193–230.

14. Heaney S. The North // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems/detail/48393>. (Дата обращения: 10.01.2023).

УДК 811.111

И.А. Жарикова (г. Смоленск, Россия)

Научный руководитель д.ф.н. доц. Ю.Л. Сапожникова

**ОТРАЖЕНИЕ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ
КАРТИНЫ МИРА В ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЯХ
С СОЮЗАМИ AS И LIKE (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА «ПЕСНЬ СОЛОМОНА»
ТОНИ МОРРИСОН)**

ФГБОУ ВПО «Смоленский государственный университет»

В статье рассматриваются образные сравнения с союзами *as* и *like* как один из способов отображения афроамериканской картины мира. Особое внимание уделяется таким характеристикам картины мира, как коллективизм, отсутствие нацеленности на обогащение, выстраивание гармоничных отношений с природой. Осмыслению подвергаются негативное влияние, оказанное периодом рабства на процесс обретения идентичности афроамериканцами, и последствия отрицания своей этнической самобытности. Все сравнения и примеры взяты из романа Тони Моррисон «Песнь Соломона» (1977 г).

Ключевые слова: афроамериканская картина мира, образные сравнения, идентичность, «Песнь Соломона» Тони Моррисон.

The article considers similes with conjunctions as and like as one of the ways to display the African American worldview. Special attention is paid to such characteristics of the African American worldview as collectivism, lack of focus on enrichment, harmony with nature. The negative impact of the period of slavery on the process of acquiring identity by African Americans is considered and the consequences of denial of their ethnic identity are described as well. All comparisons and examples are taken from the novel "Song of Solomon" by Toni Morrison written in 1977.

Key words: African-American worldview, similes, identity, «Song of Solomon» by Toni Morrison.

Сравнение – это сложный многоаспектный феномен. Выделяют гносеологический, логический и лингвистические подходы к изучению сравнения [6]. Если подходить к нему как к объекту лингвистического рассмотрения, то данный троп позволяет проанализировать аспекты языковой картины мира, национальной картины мира, а также отражает особенности индивидуально-авторской картины мира [3].

Термин «картина мира» широко используется учеными разных областей научного знания. В качестве базовой трактовки данного понятия мы берем определение, предложенное Б.А. Серебренниковым: «Картина мира — исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [цит. по: 6, с. 29].

Существует множество подходов к определению картины мира. Г.А. Брутян выделил языковую и концептуальную картины мира [2]. Автор трактует последнюю как «итог чувственного познания», в котором участвует как индивидуальное, так и коллективное сознание [3, с. 108]. Данная картина мира выходит за пределы языковой картины мира, так как она включает в себя и невербальные средства отображения реальности.

Языковая картина мира (ЯКМ) – это отображение языковыми средствами представлений о мире, полученных индивидуумом. О.А. Корнилов отмечает национально-культурную специфику ЯКМ. Ученый определяет ее как

«вербализованную систему матриц» и уточняет, что анализ данных матриц способствует более глубокому пониманию культурных особенностей того или иного этноса [4, с. 80].

Предметом нашего рассмотрения является национальная специфика афроамериканской картины мира. В своей работе мы опираемся на исследования целого ряда ученых, которые занимались ее изучением, например, Л.А. Агрбы, И.В. Вакориной, Дж.М. Джонса, К. Коукли, Дж. Мэйерс, Ю.Л. Сапожниковой, М.В. Тлостановой и др.

Кэвин Коукли пишет о существовании евроцентричной (Eurocentric) и афроцентричной (Afrocentric) КМ [10]. Дж. Мэйерс определяет афроцентричную картину мира как «оптимальную» и отмечает следующие характеристики данной КМ: отсутствие ориентированности на материальные ценности, отказ от расизма и борьбы за ресурсы. Ценностями в рамках данной КМ являются коллективизм, гармония с природой, ритм, выделение духовной составляющей мира, важность устного общения [14].

Дж.М. Джонс считает, что характеристики афроамериканской КМ обусловлены реакцией этноса на угнетение, с которым африканцы столкнулись в Новом Свете. По мнению ученого, следствием обретенного опыта стали появление у афроамериканцев сильного стремления к самозащите (“self-protective motivations”) и желания не потерять себя, найти смысл собственной жизни, а также акцент на значимости жизни отдельного человека (“self-enhancing motivations”) [12, p. 220]. Ключевыми аспектами КМ афроамериканцев Дж. М. Джонс считает время, ритм, импровизацию (умение реагировать на жизненные испытания и принятие меняющейся реальности, адаптация к новым условиям), традиция устной передачи знаний и важность духовного мира (Time, Rhythm, Improvisation, Orality, Spirituality) [12].

Национальную специфику афроамериканской картины мира мы рассмотрим на примере образных сравнений в романе «Песнь Соломона» Тони Моррисон (“Song of Solomon”).

Ключевой темой романа «Песнь Соломона» является поиск главным героем собственной идентичности, собствен-

ного «Я». Э. Эриксон определяет идентичность как «процесс организации жизненного опыта в индивидуальное “Я”» [цит. по 5, с. 86]. П.С. Адлер дает следующее определение данному понятию: «образ самого себя, слитый с культурой, в целостном восприятии действительности индивидом» [цит. по 7, с. 33]. Обретение идентичности подразумевает определение индивидуумом своей социальной группы, выделение ценностных ориентиров.

Исследовательница афроамериканских историй рабов Ю.Л. Сапожникова пишет о том, что поиск и осознание идентичности являются ключевыми темами в литературе национальных меньшинств США. Особенно ярко данная тема проявилась в афроамериканской литературе. Это связано с тем, что, попав на территорию нового Света, представители названной этнической группы были вынуждены заново выстраивать свою идентичность, сохранять свою культуру на территории чужого государства. Кроме того, это было обусловлено и «культурной травмой», которая была нанесена афроамериканцам рабством. Они были вынуждены заново искать себя, заново формировать как индивидуальную, так и коллективную идентичность. Афроамериканцы боролись с враждебной реальностью, выстраивали идентичность «в противовес той, которую насаждали рабовладельцы» [7, с. 7–9].

С помощью лексического метода, связанного с отбором анализируемой лексики на основе сплошной выборки, сопоставительного метода и контекстуального анализа мы изучили 297 единиц сравнений романа и на их основе рассмотрели отдельные особенности афроамериканской картины мира.

Главный герой книги Молочник Помер (Milkman Dead) с самого детства лишен имени. Его называют «Молочник», а он не придает этому особого значения. Но в конце книги он делает вывод о ключевом значении имени, о необходимости сохранения как своего имени, так и имени своих предков.

Герой смог узнать историю своей семьи благодаря песенке, которую постоянно напевали дети на Юге.

Solomon and Ryna Belali Shalut

Yaruba Medina Muhammet too.

Nestor Kalina Saraka cake.

Twenty-one children, the last one Jake! [13, p. 303]

В этой песне сохранилась история нескольких поколений семьи, автор показывает важность устного общения, которое является одной из ключевых характеристик афроамериканской картины мира.

И параллельно Т. Моррисон дает и другой пример, когда в процессе общения с людьми с Юга герой узнает, что многие из них получили имена от своих белых хозяев, хотя подобная практика вызывала отторжение у темнокожего населения. Но они были вынуждены безропотно принимать эти имена.

– *Where'd you get a name like yours? White people name Negroes like race horses.*

– *I suppose so. Daddy told me how they got their name.*

– *What'd he tell you?*

Milkman told her the story about the drunken Yankee [13, p. 243].

And he took it. Like a fuckin sheep [13, p. 89].

Имена, которые белые давали афроамериканцам, лишали их культурной уникальности, отнимали индивидуальность. Также они создавали у представителей этноса восприятие себя как раба, у которого нет ничего своего, даже выбор имени был привилегией хозяина. Только узнав свое настоящее имя, герой смог почувствовать себя свободным.

Обретение героем идентичности также было связано с принятием своей этнической самобытности. Процесс поиска себя Молочник начинает с ухода из дома, он покидает привычную социальную среду, где он чувствует себя ненужным и несамостоятельным.

He felt like a garbage pail for the actions and hatreds of other people. He himself did nothing. Except for the one time he had hit his father, he had never acted independently [13, p. 120].

Даже будучи тридцатилетним мужчиной, он видит, что его воспринимают как ребенка, неспособного мыслить критически, действовать самостоятельно, принимать решения. Такое восприятие окружающими людьми тоже является разрушительным для процесса обретения героем идентичности.

В романе мы находим массу сравнений, иллюстрирующих данный аспект.

You treat me like I was a baby [13, p. 50].

Like a baby, that's what. Like a twelve-year-old baby! [13, p. 50]

A lecture is when somebody talks to a thirty-one-year-old man like he's a ten-year-old kid [13, p. 103].

Just don't talk to me in that funny tone. Like you a teacher and I'm some snot-nosed kid [13, p. 103].

He was like a teen-age girl wondering about the virginity of her friend [13, p. 176].

than receiving an allowance like a child [13, p. 190].

Come, come," she said to Milkman. "In here." She took his hand in both of hers, and he followed her – his arm outstretched, his hand in hers – like a small boy being dragged reluctantly to bed [13, p. 240].

Shame at having stolen a skeleton, like a kid on a Halloween trick-or-treat prank rather than a grown man making a hit [13, p. 209].

Так же характеризуется и сестра Молочника, Коринфьянам. В сорок лет она влюбляется в простого, работающего человека, но долгое время не может принять эти отношения, так как ей были навязаны чуждые ценности о важности материального достатка при выборе будущего мужа. Она опасается негативной реакции семьи и ведет себя как подросток.

And the result was a pair of middle-aged lovers who behaved like teen-agers – afraid to be caught by their parents in a love relationship they were too young for [13, p. 194].

Если Молочнику в обретении собственного «Я» помогла история его семьи, то Коринфьянам обрела себя в этих отношениях. Когда ее сравнили с куклой, она словно очнулась, она поняла, что подразумевало это сравнение. Оно символизировало пустоту жизни тех афроамериканцев, которые пытались ассимилироваться с белыми, полностью принять их ценности, отрекаясь от своей культуры. Сравнение с куклами для данной категории людей является типичным для автора.

He nodded and said, "I don't want a doll baby. I want a woman. A grown-up woman that's not scared of her daddy. I

guess you don't want to be a grown-up woman, Corrie."Every woman she knew was a doll baby. Did he mean like the women who rode on the bus? The other maids, who were not hiding what they were?" [13, p. 196].

Ярким примером героя, потерявшего собственное «я» из-за отказа от своей этнической уникальности, является отец Молочника – Мэйкон Помер. Он с молодости стремился к накопительству, считал, что без денег он просто исчезнет. Так, размышляя о своем богатстве и связях, он думает, что без всего этого он бы просто растаял как воск под пристальным взглядом сильного, властного белого человека.

Or he would have melted like new wax under the heat of that pale eye [13, p. 21].

Жадность этого героя описана автором посредством сравнения его с собакой, которая, не видя ничего вокруг, бежит за добычей.

As suddenly as an old dog drops a shoe when he smells raw meat Macon Dead dropped his pleading look and flared his nostrils with some new interest [13, p. 163].

Один из героев романа, который полностью принимает свою этническую самобытность, не может понять этого преклонения перед чужими идеалами, ему непонятно, как темнокожий человек может жить словно он белый, подчиняясь чужому культурному коду. Будучи физически свободным человеком, ментально он остается рабом, преклоняясь перед ценностями белых американцев, предавая память своих предков ради обретения высокого социального положения и материального богатства.

But I don't have to tell you that your father is a very strange Negro. He'll reap the benefits of what we sow, and there's nothing we can do about it. He behaves like a white man, thinks like a white man.....May be you can tell me how, after losing everything his own father worked for to some crackers, after seeing his father shot down by them, how can he keep his knees bent? [13, p. 223–224].

Главный герой всегда чувствовал отторжение по отношению к идеалам отца, в поисках себя он совершает путешествие на Юг страны, где знакомится с людьми, которые не

отрицают свою африканскую природу, они живут в гармонии с ней. Герой начинает пробуждаться.

Он видит людей, которые были искалечены опытом и последствиями рабства и понимает, что его отец тоже перенес тяжелые травмы, они были не физическими, но психологическими.

This was what Guitar had missed about the South – the woods, hunters, killing. But something had maimed him, scarred him like Reverend Cooper’s knot, like Saul’s missing teeth, and like his own father [13, p. 278].

Постепенно герой начинает чувствовать стыд за свои поступки в прошлом, за потребительское отношение к людям, за эгоизм, за жадность. Он вспоминает женщину, которую он просто выбросил из своей жизни. Коллективизм, взаимопомощь и уважительное отношение к окружающим людям – неотъемлемые характеристики афроамериканской картины мира. Молочник начинает понимать их ценность.

...who knew him and whom he’d thrown away like a wad of chewing gum after the flavor was gone [13, p. 277].

As Milkman watched the children, he began to feel uncomfortable. Hating his parents, his sisters, seemed silly now. And the skim of shame that he had rinsed away in the bathwater after having stolen from Pilate returned. But now it was as thick and as tight as a caul [13, p. 300].

Л.А. Агрба интерпретирует этот эпизод книги как момент инициации героя, процесс его перерождения, обретения новой, свободной от расовых предрассудков и чуждой культуры жизни [1].

Дж. Брукс Бузон (J. Brooks Bouson) описывает Молочника как героя, который из-за стыда перед ложными ценностями своей семьи (“shame-ridden individual”), из-за навязываемых ему расовых предрассудков, отправляется на поиски ответов и обретает себя при помощи общины людей на Юге (“...he must learn ... pride sources of black masculinity through his contact with the black underclass in His Michigan hometown and in the rural South where he learns his true name and thus solves the riddle of his African-American identity”) [9, p. 57].

Для обретения идентичности герой также должен был избавиться от тяги к богатству. Долгое время он ищет золото, которое якобы где-то спрятала его родная тетя. Во время поиска сокровищ он видит павлина. Через описание этой птицы Т. Моррисон показывает, что материальные блага прибывают человека к земле, заставляют забыть о по-настоящему ценном и не дают воспарить к духовным высотам, как не дает взлететь павлину его роскошный хвост.

All that jewelry weighs it down. Like vanity. Can't nobody fly with all that shit. Wanna fly, you got to give up the shit that weighs you down [13, p. 179].

Life, safety, and luxury fanned out before him like the tail-spread of a peacock [13, p. 170].

Освободившись от стыда за свои прошлые поступки, обретя гордость за свою этническую идентичность, вернувшись к своим культурным корням, главный герой обретает способность летать.

Without wiping away the tears, taking a deep breath, or even bending his knees – he leaped. As fleet and bright as a lode-star he wheeled toward Guitar and it did not matter which one of them would give up his ghost in the killing arms of his brother. For now he knew what Shalimar knew: If you surrendered to the air, you could ride it [13, p. 337].

Данный полет является аллюзией к африканскому мифу “Flying Africans”, который основан на народной сказке племени Йоруба, которую принесли в Америку завезенные туда рабы. История рассказывает о волшебнике-знахаре, который наделил поработенных людей способностью летать, и они смогли вернуться в Африку [15]. Первоначально эта история называлась “All God’s Chillun had wings”, она была опубликована в сборнике “Drums and Shadows: Survival Studies among the Georgia Coastal Negroes”, целью данной книги было документирование историй, которые передавали друг другу из уст в уста афроамериканцы. В данной книге многие люди упоминают миф о летающих африканцах, которые смогли вернуться на родину: “My gran use tuh tell me bout folks flyin back tuh Africa” [11, p. 25].

В книге мы находим несколько сравнений, связанных с изображением полета.

A boy in the middle, his arms outstretched, turned around like an airplane [13, p. 264].

It was a warm dreamy sleep all about flying, about sailing high over the earth. But not with arms stretched out like airplane wings, nor shot forward like Superman in a horizontal dive [13, p. 298].

В эпизодах, где присутствуют данные сравнения, герой чувствует свободу и легкость. Именно эту легкость герой ощутил, когда обрел свою идентичность. Полет в конце книги – это итог пути, пройденного Молочником, он обрел имя, обрел себя и свою культурную идентичность. Л.А. Агрба пишет, что данный полет стал «выходом за пределы внешнего мира и переходом в вечность» [1, с. 34].

Проанализировав 297 сравнений в романе «Песнь Соломона», мы пришли к выводу о том, что коллективизм, отсутствие потребности к накоплению материальных благ и другие характеристики афроамериканской картины мира были отображены через образные сравнения в данном произведении.

Литература

1. Агрба Л.А. Мифосемиотическое пространство романов Тони Моррисон: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Нальчик, 2004. 177 с.
2. Брутян Г.А. Язык и картина мира // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1973. № 1. С. 108–111.
3. Горобец А.Ф. Сравнение как средство оценочной репрезентации персонажа в художественной прозе У.С. Моэма и И.С. Тургенева: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2018. 208 с.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национального менталитета. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
5. Ондар А.А. О проблеме исследования идентичности в зарубежной психологии // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2009. №1. С. 86–90.
6. Разуваева Л.В. Сравнение как средство репрезентации художественной картины мира (на материале русской прозы конца

XX – начала XXI веков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2009. 210 с.

7. Сапожникова Ю.Л. Категория идентичности как художественная доминанта в афроамериканских классических и новых историях рабов (XIX–XXI вв.): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. Иваново, 2015. 457 с.

8. Belgrave F.Z., Allison K.W. African American psychology: From Africa to America. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2006. 441 p.

9. Bloom H. Toni Morrison's Song of Solomon. NY: Infobase Publishing, 2009. 216 p.

10. Conyers Jr., James L. Afrocentricity and the Academy: Essays on Theory and Practice. NC: McFarland, 2003. 320 p.

11. Granger M. Drums and shadows / [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalgreybooks.com/drums-and-shadows-ebook.html> (дата обращения: 26.11.2022).

12. Jones J.M. TRIOS: A psychological theory of the African legacy in American culture // Journal of Social Issues. 2003. Vol. 59. No1. P. 217–242.

13. Morrison T. Song of Solomon. NY: Plume, 1987. 337 p.

14. Myers L.J. Understanding an Afrocentric world-view: Introduction to an optimal psychology. 2nd ed. Dubuque, IA: Kendall and Hunt Publishing Company, 1988. 118 p.

15. Washington D.A. CliffsNotes on Song of Solomon / [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cliffsnotes.com/literature/s/song-of-solomon/book-summary> (дата обращения: 30.11.2022).

УДК 821.161.1

Чжан Ян (Китай)

Научный руководитель д.ф.н. проф. Н.Е. Никонова

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КИТАЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

*ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»*

Статья посвящена исследованию истории переводческой и эдиционной рецепции русской классической литературы в Китае. На основе сравнительного анализа восприятия самых популярных в иноязычной культуре произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского устанавливает-

ся факт максимальной представленности в переводах на китайский язык творчества Л.Н. Толстого и, в частности, его романа «Воскресение», выявляются варианты переводов, которые могут быть наиболее показательными в плане изучения динамики его восприятия в Китае.

Ключевые слова: количественный анализ, переводческая рецепция, русско-китайские литературные связи, Л.Н. Толстой, «Воскресение»

The article focuses on the study of the history of translation and editorial reception of Russian classical literature in China. Based on the comparative analysis of the perception of the most popular works of Aleksandr Pushkin, Nikolai Gogol, Ivan Turgenev, Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky in foreign culture, it was determined that Leo Tolstoy, especially his novel *Resurrection*, was most introduced to China in the early 20th century. Four Chinese translations of the novel *Resurrection* are identified, which may be the most significant in terms of studying the dynamics of its perception in China.

Key words: quantitative analysis, translation reception, Russian-Chinese literary connections, Leo Tolstoy, *Resurrection*

История перевода русской литературы в Китае восходит к концу XIX – началу XX века. В это время в Китае становятся известными многие русские писатели, в том числе и наследие Л.Н. Толстого. Как известно, период от начала Октябрьской революции в России в 1917 г. до образования Коммунистической партии Китая в июле 1921 г. называется в Китае «Периодом четвертого мая». В это время в стране начинается небывалый подъем в истории художественного перевода. Вечные ценности, социально-политический пафос и духовные идеалы русской классики отвечали потребностям стремительно развивавшейся принимающей культуры.

Известно, что восприятие русской литературы в Китае началось с переводов А.С. Пушкина [1, с. 34]. В 1903 году «Капитанская дочка» была переведена впервые с японского на китайский и опубликована в шанхайском издательстве. К концу 1920-х годов уже 9 произведений автора появились в китайских переводах, в том числе «Метель» (в 1907), «Выстрел» (в 1911), «Станционный смотритель» (в 1919), «Барышня-крестьянка» (в 1920) [2]. В 1924 году в г. Шанхае были изданы повести «Дубровский», «Кирджали», «Пиковая

дама» и другие. С 1903 г. до середины 1920-х гг. на китайский язык переводились только рассказы А.С. Пушкина. С середины 1920-х годов личность А.С. Пушкина как поэта-новатора была замечена китайскими литераторами, и начали переводиться стихотворения А.С. Пушкина, в том числе «Поэту» (1927). С 1903 г. до конца 1920-х гг. в китайских переводах появилось около **15** произведений А.С. Пушкина. Первый стихотворный перевод «Евгения Онегина» с эсперанто и японского появился в Китае только в 1942 году, а первый перевод с русского оригинала был опубликован двумя годами позже [3].

Переводы произведений Н.В. Гоголя появились в Китае позднее: в 1920 году пекинский журнал «Заря» впервые опубликовал драматический отрывок «Лакейская». В этом же году вышел и китайский перевод его повести «Коляска», а также статьи «Женщина». Через год были опубликованы «Записки сумасшедшего», «Шинель» и «Ревизор» на китайском языке. В 1925 году комедия Н.В. Гоголя «Игроки» также была представлена в журнале. Стоит отметить, что перевод «Ревизора» был выполнен с английского, а первый перевод с оригинала был сделан лишь в 1941 году. «Мёртвые души» были опубликованы только в 1935 году, в переводе с немецкого [4]. Таким образом, к концу 1920-х годов всего **6** произведений Н.В. Гоголя могли быть знакомы читателям в Китае, при этом переводы были выполнены посредством обращения к литературе-посреднику, проникновение русского языка и появление переводов с оригинала последовали спустя два десятилетия. Эта специфика в динамике китайской рецепции русской классики характерна и для восприятия творчества других писателей.

Так, произведения И.С. Тургенева были представлены Китаю в июле 1915 года. Первыми стали 4 стихотворения в прозе: «Нищий», «Маша», «Дурак» и «Щи», переведенные с английского. В 1915-1916 повести «Вешние воды» и «Первая любовь» также были переведены с английского и опубликованы в китайских литературных журналах. Именно в период Четвертого мая наибольшее количество его произведений было представлено в Китае, среди них «Смерть» (1917),

«Корреспондент» и «Собака» (1918), «Морское плавание» (1919), «Муму» (1920) и «Фауст: Рассказ в девяти письмах» (1920). В 1920-е годы наблюдался своего рода пик переводческой рецепции И.С. Тургенева, не менее **10** произведений вышли на китайском [5]. К концу 1920-х годов на китайский язык было переведено около **25** текстов.

До 1919 года переводы русской литературы были выпущены не на классическом китайском языке вэньянь. Во время движения 4 мая за появились и переводы произведений Ф.М. Достоевского, однако они стали известны китайским читателям сразу на современном китайском языке. В мае 1920 года впервые вышел «Честный вор», а в ноябре того же года в китайском журнале был напечатан и его рассказ «Ёлка и свадьба». В течение десяти лет после 1920 года количество китайских переводов произведений Ф.М. Достоевского неуклонно росло в среднем на две работы в год: «Братья Карамазовы» (сокращённый перевод, 1921), «Мальчик у Христа на ёлке» (1921), «Преступление и наказание» (сокращённый перевод, 1922), «Униженные и оскорблённые» (сокращённый перевод, 1924), «Бедные люди» (1926), «Хозяйка» (1927), «Крокодил» (1929) и другие [6]. Таким образом, в 1920-е годы на китайский язык было переведено не менее **20** произведений Ф.М. Достоевского, все они были переведены с английского. Лишь в декабре 1946 г. в г. Шанхае был опубликован его роман «Идиот» – первый китайский перевод с русского оригинала. Первый полный китайский романа «Преступление и наказание» появился в 1930–1931 годах и был переведен с английского китайскими переводчиками. Первый китайский перевод романа «Преступление и наказание» с русского языка появился в 1979 году [6, 7].

Однако среди русских писателей-классиков наибольшим количеством переводов был представлен Л.Н. Толстой, еще до наступления периода Четвертого мая в Китае, то есть до 1917 г.: среди 80 произведений русской литературы, переведённых и опубликованных в Китае до этого времени, сочинения Л.Н. Толстого составляют **33** текста [4].

Согласно исследованиям в Китае в 1905 году впервые был переведен рассказ Л.Н. Толстого «Рубка леса» с япон-

ского языка и опубликован в китайском журнале об образовании. С тех пор произведения Л.Н. Толстого были представлены Китаю в виде китайских переводов. В 1907 году в Гонконге вышел сборник работ Л.Н. Толстого, которые переведены немецким священником и одним китайцем. В этом сборнике одержит 12 рассказов: «Хозяин и работник» «Много ли человеку земли нужно», «Свечка», «Где любовь, там и Бог», «Два старика», «Три старца», «Зерно с куриное яйцо», «Чем люди живы?» и другие. Это первый сборник романов Толстого на китайском языке. В 1910-х годах количество китайских переводов произведений Л.Н. Толстого значительно увеличилось: цикл рассказов «Севастопольские рассказы» (1917), повесть «Крейцера соната» (1918), роман «Семейное счастье» (1918), повесть «Детство», «Отрочество» и «Юность» (1918), сказка «Работник Емельян и пустой барабан» (1918), рассказ «Неужели это так надо?» (1919), «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях» (1919), «Записки маркёра» (1920), «Альберт» (1920) и другие. В 1917 году пьеса Л.Н. Толстого «Живой труп» была также переведена на китайский язык и опубликована в китайской газете [8].

Вплоть до начала 1930-х годов писатель так же занимал лидирующую позицию в сравнении с другими русскими классиками. При этом его роман «Воскресение» (1889–1899) стал самым популярным у переводчиков и читателей, очевидно, в силу того что это произведение, созданное Толстым после трансформации его мировоззрения в последние годы жизни, представляет собой кристаллизацию его самых глубоких мыслей и творческих идей.

«Воскресение» является первым романом Толстого, переведенным на китайский язык, первый полный перевод появился в 1922 г. А роман «Анна Каренина» впервые был переведен в 1917 г., но первый полный перевод был опубликован в 1943 году. «Война и мир» начали переводить только в 1931 году, первый полный перевод был опубликован в 1942 г. Кроме того, количество переводов «Воскресения» намного превышает количество переводов двух других романов: на сегодняшний день существует не менее 30 китайских переводов романа «Воскресение», 18 переводов романа

«Война и мир» и 23 версии перевода романа «Анна Каренина» [9].

Из приведенных выше данных количественного анализа можно заключить, что Л.Н. Толстой и его роман «Воскресение» имеют наиболее высокую популярность в Китае, что требует дальнейшего исследования. В настоящее время исследования китайских ученых сосредоточены на анализе системы персонажей оригинала романа «Воскресение», сюжетной линии и поэтики произведения, комплексное изучение переводческой рецепции практически отсутствует и выступает перспективой нашей работы.

Содержательно-смысловой анализ переводческой рецепции романа показывает, что наиболее репрезентативными в плане отражения динамики рецепции в Китае, являются четыре перевода. При их выявлении мы пользовались рядом критериев, как то: точность и полнота перевода, творческая личность переводчика, читательская оценка, авторитетность издания и время публикации перевода. Четыре выбранных китайских перевода: перевод Жу Луна (1979 г., Издательство народной литературы), перевод Цаоина (1990 г., шанхайское издательство переводов), Ван Цзиншэн (2001 г., Яньшаньское издательство Пекина), Лю Вэньфэй (2018 г., Чжэцзянское издательство литературы и искусства).

Литература

1. Лю Вэньфэй. Русская литература: пришедший совершенно другой вид с опозданием // Китайское чтение еженедельно. 2006. 18 мая. [刘文飞. 俄罗斯文学: 姗姗来迟的“完全别样的风景” [N]. 中华读书报, 2006年5月18日]
2. Фэн Цзяфэн. Распространение и восприятие А.С. Пушкина в Китае: дис. ... маг. филол. наук / Фэн Цзяфэн. Гуйчжоу, 2014. 42с. [冯加峰. 普希金在中国的传播与接受[D]. 贵州师范大学, 2014]
3. Лин Чен. Перевод и распространение романа «Евгений Онегин» в материковом Китае // Вестник Чжэцзянского института СМИ. 2015. № 22. С. 109-116+142. [林辰. 《叶普盖尼·奥涅金》在中国大陆的译介与传播[J]. 浙江传媒学院学报, 2015, 22(01):109-116+142]
4. Тянь Давэй. Ранние китайские переводы произведений Н.В. Гоголя (1920-1949) // Мировая литература. 2010. №1. С. 267-

297. [田大畏. 果戈理作品的早期中文译本(一九二〇—一九四九)[J]. 世界文学, 2010(1):267-297]

5 Чжан Чэнцзюнь. Путь канонизации романов И.С. Тургенева в Китае – Исследование распространения романов Тургенева в Китае от Четвертого мая до основания Народной Республики // Вестник Гуандунского открытого университета. 2015. № 24. С. 77-83. [张成军. 屠格涅夫小说在中国的经典化之路探析—“五四”至建国前屠格涅夫小说在中国的传播研究[J]. 广东开放大学学报, 2015, 24(02):77-83]

6. Тянь Цюаньцзинь. Сравнительное исследование Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук / Тянь Цюаньцзинь. Шанхай. 2003. 179 с. [田全金. 陀思妥耶夫斯基比较研究[D]. 复旦大学, 2003]

7. Жань Цзиньюй. Сравнительный анализ китайских переводов романа «Преступление и наказание» с точки зрения субъективности переводчика: дис. ... маг. филол. наук / Жань Цзиньюй. Харбин, 2020. 76 с. [冉金雨. 译者主体性视域下《罪与罚》中译本对比分析[D]. 哈尔滨师范大学, 2020]

8. Юань Диюн. Работы Л.Н. Толстого в Китае // Вестник Университета Панжихуа. 1998. № 1. С. 42-45. [袁荻涌. 托尔斯泰作品在中国[J]. 攀枝花大学学报, 1998(01):42-45]

9. Ян Ли, Чжан Юэ. Переводы и издания романов Л.Н. Толстого в Китае // Современные исследования иностранных языков. 2022. № 2. С. 130-138. [杨丽, 张越. 列夫·托尔斯泰小说在中国的翻译与出版[J]. 当代外语研究, 2022(02):130-138]

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1

Н.И. Бердибаева (г.Ош, Кыргызстан)

КОНЦЕПТЫ-СИМВОЛЫ В ВЕЩИХ СНАХ В ЭПОСЕ «МАНАС»

Ошский технологический университет

В статье анализируются концепты-символы в вещих снах и их толкование в эпосе «Манас». Выявлены и раскрыты смысловые значения символов-концептов беркута (орла), тигра, льва, сабли, которые являются ключевыми концептами не только кыргызской этнокультуры, но и других древнетюркских народов. В фольклорной картине мира концепт *сон* занимает большое место, так как во всех эпосах всех народов мира можно встретить вещице сны, которые играют сюжетообразующую роль. Выявлена сущность концептов-символов, которые встречаются в вещих снах, их значение в расшифровке национального культурного кода кыргызского народа.

Ключевые слова: этнокультура, этнолингвистика, концепт, символ, вещий сон, эпос «Манас», культура, фольклор.

The article analyzes the concepts-symbols in prophetic dreams and their interpretation in the epic "Manas". The semantic meanings of the symbols-concepts of the golden eagle (eagle), tiger, lion, saber, which are the key concepts of not only the Kyrgyz ethnoculture, but also other ancient Turkic peoples, are revealed and disclosed. In the folklore picture of the world, the concept of a dream occupies a large place, since in all the epics of all peoples of the world you can find prophetic dreams that play a plot-forming role. The essence of concept-symbols that are found in prophetic dreams, their importance in deciphering the national cultural code of the Kyrgyz people is revealed.

Key words: ethnoculture, ethnolinguistics, concept, symbol, prophetic dream, epic "Manas", culture, folklore

Языкознание постоянно находится в процессе развития, особенно его развитие было заметно в XX веке. Авторы учебника по этнолингвокультурологии справедливо отмечают: «Ученых занимали фонология, лексикология, морфоло-

гия, синтаксис, позднее – семантика. Совокупность всех этих элементов системы языка в их синхроническом и диахроническом (историческом) аспектах образуют фундамент лингвистического знания, позволяющего успешно овладеть другими областями лингвистики» [3]. Со второй половины XX века начались исследования языка как средства передачи этнической культуры. Так появились специальные дисциплины этнолингвокультурология и этнолингвистика. Этнолингвокультурология – комплексная дисциплина, изучающая вопросы, затрагивающие интересы нескольких наук гуманитарного и социального цикла, в том числе культурологию, историю, антропологию, этнопсихологию, этнолингвистику. Этнолингвистика трактуется наука, занимающаяся исследованием связей между языковыми и культурными явлениями. «Этнолингвистика – комплексная область исследования на стыке лингвистики, этнологии, фольклористики, мифологии, культурологии, связанная с изучением языкового компонента традиционной культуры и языкового отражения (выражения) этнического мирозерцания» [11]. Из этого следует, что один из аспектов современного языкознания – это изучение языка этноса в связи с культурой, историей и фольклором. Этнолингвистика рассматривает вопрос о феноменальности языка. Феноменальность каждого языка находит выражение в устном народном творчестве.

Устное народное творчество является сокровищницей народной мудрости. Международный термин *фольклор*, введенный в науку Вильямом Томсом, означает «народное знание, мудрость», это совокупность созданных в народной среде поэтических произведений, бытующих в устной форме: в них нет единой авторской позиции, место которой занимает ориентация на общенародный идеал. В энциклопедии «Русский язык» для школьников говорится: «Фольклорные исследования оказываются важными не только и не сколько для самих себя, или даже лингвистики, литературоведения. В изучении фольклорных текстов лингвистикой в зависимости от аспекта соотнесенности можно обозначить несколько подходов: лингвоцентрический, текстоцентрический, антропо-

центрический, психолингвистический, прагматический и когнитивный”. [1]

Одним из крупных жанров фольклора являются народные эпосы. В этой статье мы попытаемся рассмотреть, как репрезентируется концепт «сон/түш» в фольклорном дискурсе, а именно в эпосе кыргызского народа «Манас».

Концепт *сон* во все времена привлекал к себе пристальное внимание, вызывал наибольший интерес у обычных людей и ученых всех народов мира. В фольклорной картине мира сновидение играет достаточно весомую роль. Вещие сны персонажей эпосов имеют разные смысловые категории: о рождении богатыря, о скором наступлении врагов, о предстоящей победе и т.д., например, в эпосе «Манас» кыргызского народа отец и мать еще не рожденного богатыря видят вещие сны.

Вещий сон – сон предсказывающий. В кыргызском языке передается словом *аян*. Это слово в толковом словаре кыргызского языка объясняется так: *Боло турган иш, окуя жөнүндө алдын ала билинген белги, жышаан* ('то, что произойдет, предвещающий знак') [9]. Аян – предостережение, внушение «свыше» (во сне); тайное знание; дар ясновидения [6]. Этимология этого слова основывается на происхождении из арабского языка (Карасаев), а лингвист К.З. Зулпукаров выдвигает свою версию, утверждая, что это слово восходит к китайскому *уан/уа* 'страшный (зловещий) сон, кошмар; видеть кошмарный сон, кричать, стонать, бредить во сне (от приснившегося кошмара)' [5]

Ошо Жакып кайран бай

Жуманын кадыр түнүндө

Уктап жатып түш көрүп,

Түшүндө жакшы иш көрүп... [10]

Отец будущего богатыря Манаса Жакып видит во сне, как он поймал все сильного беркута, от которого все животные разбежались в разные стороны. Нашел саблю, помахал саблей в горы – они рассыпались вдребезги, еще раз помахал саблей – появлялись огни. И он просил аксакалов, чтобы они растолковали его необычный сон, так как есть обряд толкований снов. Аксакалы растолковали этот сон на рождение

сына, могучего и грозного, которого он просил у Бога. Он будет творить великие дела и объединит народ кыргызов под одним флагом. Той ночью вещие сны снились и женам Жакыпа Чыйырды и Бакдоолет: откуда ни возьмись, возле нее появился седобородый старец и сказал, что его прислал Всевышний Тенгри. Дал ей яблоко:

Алиги жеген ак алмам
Курсагыма толуптур,
Артымдан чыкты ышкырып,
Ажыдаар болуптур,
Ачууланып оп тартса
Ай ааламды соруптур [10].

Тут и младшая жена Бакдоолет с восторгом сообщила, что тоже видела во сне двух соколов.

Для кыргызского народа образы беркута, сокола, дракона, сабли, горы, огня, тигра, льва – это символы воинственности, величия, гордости. Это ключевые концепты кыргызской этнокультуры. «Ключевые концепты культуры – это концепты, в которых фиксируется ядерные ценности культуры...». [4] «Хищническая природа орла (беркута, ястреба, сокола) давала повод для символизации идей и представлений свободы и независимости, бесстрашия и отваги, что, несомненно, привлекало военных деятелей ранней и средневековой истории многих народов Европы и Азии использовать его в геральдике знамен, гербов и штандартов». [2]

Еще до рождения Манаса колдун Эсенкана поведал о своем сне, в котором видел рождение Манаса, который в будущем уничтожит его государство:

«Буруттан Манас шер туулат,
Жүргөнүнөн чаң чыгат,
Добушунан жан чыгат,
Арысландай шер туулат,
Ааламды бузган эр туулат». [10]

Арыслан, шер – в переводе означают лев, который у всех народов мира представляется как символ высшей божественной силы, власти и величия, мощи.

Манас видит сон перед встречей с Алманбетом:
...Жатып баатыр түш көрүп...

Куйрук-башы жаркылдай,
Куудан ашпак жөнү бар,
Аңдап көрсө баатырын
Алп кара куш сүрү бар...
Коңгону туйгун куш болду...
...Кызымталдуу бир кылыч
Жолдон таап алганым...
Сырты калың, откур миз...
Ташты чаптым ошо кез,
Ташты кести эттен тез...
Жолборсум турду күркүрөп,
Төрт тараптан айбанат
Төгүлүп келди дүркүрөп... [10]

Спит богатырь, видит сон, прилетела мифологическая птица *алп каракуш*, потом он превратился в *саблю*, потом сабля превратилась в *тигра*. Стоит тигр рядом с Манасом, и все животные стали поклоняться ему. Этот сон предвещает встречу не с простым человеком, а еще с одним богатырем, который станет другом и сыграет важную роль в судьбе Манаса и в судьбе его народа.

В эпизоде, в котором Жакып ищет жену для Манаса, Алманбет и Манас видят одинаковые сны:

Алманбет жатып түш көрүп.
Чекеси кетик толгон ай
Колуна кирип атыптыр...

Манас: Ай колумда болду деп,
Аягында ошол ай
Артык болуп толду деп.
Алганымда кетилди,
Аягында ай толуп
Кадимкидей жетилди... [10]

Они видят во сне полумесяц, когда остальные солдаты видят полный месяц. Бакай толкует их сон следующим образом:

Ай тийгени колуна
Ала турган жарыңдын
Акылынын жетиги,

Башка чукак экен го
Чекесинин кетиги.
Бащкасы алган толук ай,
Балалуу болуп баарысы
Балкыйт экен көөнү жай....
Башында кетик болгону,
Аягында толгону
Алардан бала табылып
Элиңе ээ болгону...[10]

Солнце и Луна являются символами космической силы, для кыргызов это общенародный культ. Дж. Купер пишет: «В большинстве традиций Солнце – всеобщий Отец, а Луна – Мать. Солнце и Луна вместе символизируют мужское и женское начало в их единении... Луна и Солнце олицетворяют *hieros gamos*, священный брак Неба и Земли» [8, с. 191]. Это символическое воплощение совпадает и с этнокультурой кыргызского народа.

М. Убукеев в своей работе упоминает небольшой эпизод из эпоса «Манас». Главная героиня эпоса супруга Манаса Каныкей перед гибелью героев воинов Манаса видит вещий сон: «Нынче приснился мне скверный сон, Плохие дела творились во сне: “Я увидела человеческую голову, притороченную к седлу. Я увидела сосуд-кокоар, полный слез. Я увидела пожар вдоль Таласа. Я увидела красную суку о сорока сосках, которая скулила не замолкая и обнюхивала все вокруг. Я увидела широкорогого козла, который блеял на луну. Я увидела, как короткошей сивый бык заревел из-под воды...» [12, с. 215].

В жизни кыргызского народа, как и других народов, сновидения и особенности их толкования занимают особое место. Своеобразное понимание снов во многом связано с понятиями тенгрианства, а также анимизма, фетишизма, тотемизма, шаманизма. Более того, особое отношение ко сну привело к тому, что с древних времен в жизни тюркских этносов, в том числе кыргызского народа, были толкователи снов. В народе бытовала твердая вера в то, что вещий характер сна зависит не от его изложения, а от толкования. Поэтому так называемые толкователи снов были из ряда акынов и

ораторов, которые знали все тонкости толкований». [7] Толкование снов и на сегодняшний день остается самым актуальным феноменом человеческого сознания.

В изучении вещих снов в эпосе «Манас» мы столкнулись с такими символами-концептами, которые являются ключевыми в этнокультуре кыргызского народа и являются актуальными по сей день. В заключение следует отметить, что изучение и объяснение вещих снов в эпических жанрах устного народного творчества является своего рода расшифровкой символов-концептов. Символы-концепты имеют важное значение в определении мировоззрения и мировосприятия определенного социума, этноса в национальной идеологии.

Литература

1. Абукаева Л.А. Лингвистика и фольклористика: взаимосвязи и взаимодействие // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 1(16). С. 61-64.

2. Бекмухамедова Н.Х. Мифоэпический символ ловчей птицы «беркут/орел» и его значения в мотивах сновидений эпоса «Манас» // International scientific review, 2016. URL: <https://scientific-conference.com/images/PDF/2016/13/mifopoeticheskij-simvol-lovchej.pdf> (дата обращения: 27.02.2021)

3. Вершинина Т.С. Этнолингвокультурология: учеб. пособие / Вершинина Т.С., Гузикова М.О., Кочева О.Л. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 80 с.

4. Дербишева З.К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры. М.: ФЛИНТА, 2015. 116 с.

5. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. Бишкек, 2016. 768 с.

6. Киргизско-русский словарь/ Сост. проф. К.К.Юдахин. Бишкек: Шам, 1999. 976 с.

7. Койлубаев К.К. Древние литературные традиции и роль сновидений в творческом процессе // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016, №61. С. 121-126.

8. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. 401 с.

9. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. Ч.1. Под ред. А.Акматалиева/ НАН КР. Бишкек: АВРАСИЯ ПРЕСС, 2015. 800 с.

10. Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу. С. Орозбаковдун варианты боюнча. Бишкек: Хан-Тенир, 2010. 1840 с

11. Русский язык: Энциклопедия русского языка. URL: <http://russkiyuzik.ru/1035/> (дата обращения: 27.02.2021)

12. Убукеев М.А. «Манас» – эпическая культура кыргызов: опыт художественно-научного, культурологического осмысления эпоса. Бишкек: Мурас, 1998. 120 с.

УДК 82-2

Е.С. Кабилова (г. Самара, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. доц. Л.Г. Тютелова

ЧЕЛОВЕК И СОБЫТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ О ПОДРОСТКАХ

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва»

В данной статье рассматривается роль событий в построении действия современной пьесы о подростках. В качестве материала исследования представлены пьесы С. Давыдова «Коля против всех» и А. Букреевой «Ганди молчал по субботам». Делается вывод о том, что в отличие от пьес «новой драмы» рубежа XX-XXI веков современные авторы конструируют сюжеты становления, для которых свойственно преодоление юными героями испытаний. При этом акцент делается не на внешнем действии, а на осмыслении произошедших событий.

Ключевые слова: пьеса о подростках, подростковая драматургия, драматическое событие, событие рассказывания, сюжет становления.

This article concerns the role of events in constructing the action of a contemporary play about teenagers. As material for the study, the plays by S. Davydov "Kolya against everyone" and A. Bukreeva "Gandhi was silent on Saturdays" are presented. It is concluded that, unlike the plays of the "new drama" at the turn of the 20th-21st centuries, modern authors construct the plots of formation, which are characterized by overcoming trials by young heroes. At the same time, the emphasis is made not on external action, but on understanding the events that have occurred.

Key words: play about teenagers, modern teenage drama, dramatic event, storytelling event, plot of formation.

Интерес к изображению жизни подростков является одной из тенденций в современной драматургии. К отдельным категориям относят «пьесу для подростков» и «пьесу о подростках»: если первая адресована детской аудитории, то вторая рассчитана на восприятие взрослым зрителем, поскольку, как правило, поднимает серьёзные общественные проблемы.

По замечанию Ловцовой О. В., в пьесе о подростках среди главных героев обязательно присутствует ребёнок, подросток или взрослый, отличающийся детской моделью поведения [11, с. 42]. По наблюдению Киприной С. В., в пьесе о подростках герою-ребёнку приходится по воле автора решать взрослые вопросы, проблематика таких произведений – философская, глобальная, вечная [8, с. 153]. Как отмечает Т. В. Журчева, образ ребенка/подростка в новейшей русской драматургии показывает состояние современного общества [6, с. 197].

Для пьес о жизни подростков «новой драмы» рубежа XX-XXI веков были характерны такие мотивы, как сиротство, брошенность, одиночество. Сюжеты пьес часто заканчивались гибелью юного героя, который становился жертвой жестокого мира взрослых. Реальность показывалась гипернатуралистично. В фабулу пьес включалось подробное описание происходящих событий, в том числе сцены унижения, издевательств, насилия над подростками. К примеру, в пьесе В. Сигарева «Пластилин» [14] главный герой 14-летний Максим вместе со своим другом подвергаются насилию со стороны бывших уголовников, а заканчивается пьеса гибелью Максима, который пытается отомстить преступникам, но проигрывает в неравной схватке.

По нашим наблюдениям, в пьесах о подростках 2010-х-2020-х годов всё чаще встречается «сюжет становления, в котором герой не погибает, а, получив определённый жизненный опыт, преобразуется» [7, с. 81]. Появляются такие мотивы, как конкуренция, борьба за лидерство, надежда на будущее. Драматургам важно показать не событие как таковое, а понимание героем этого события, осмысление произо-

шедшего, поэтому с внешних событий акцент перемещается на внутренний мир подростка.

Событие является одной из основных категорий литературного произведения. Согласно определению Н. Д. Тамарченко, событие – это «перемещение персонажа, внешнее или внутреннее (путешествие, поступок, духовный акт), через границу, разделяющую части или сферы изображенного мира в пространстве и времени, связанное с осуществлением его цели или, наоборот, отказом или отклонением от неё, а также столкновение персонажа с препятствием» [10, с. 1008]. В сюжете литературного произведения событие является важнейшим элементом, отмечает Тамарченко. Событие приводит к изменению сюжетной ситуации: это происходит либо в результате собственной активности персонажа (путешествие, новая оценка мира), либо вследствие активности обстоятельств. [10, с. 1008].

Применительно к анализу драматургических произведений Ю. В. Подковырин предлагает использовать термины «исполняемые события» (события из жизни героев) и «события исполнения» [12, с. 211] (способы изображения этих событий).

Как отмечает В. В. Федоров, событие исполнения называется персонажами-исполнителями, чья роль в драматических произведениях сопоставима с функцией повествователя в эпических текстах [16, с. 149]. Таким образом, фабула – это цепочка исполняемых событий, а сюжетный план – способ их передачи, вместе же они составляют художественное целое пьесы.

Событие, на наш взгляд, является одним из ключевых составляющих современной пьесы о подростках. Юный герой либо по собственной воле, руководствуясь личными целями, инициирует те или иные события, либо становится активным или пассивным участником событий, организуемых его окружением, в результате чего возникают конфликтные ситуации. Интересна реакция подростка на происходящее, его действие или, наоборот, бездействие, тот нравственный выбор, который он совершает.

В пьесе-монологе С. Давыдова «Коля против всех» [5] событие вынесено за пределы настоящего времени и помещено в прошлое. Внешнего действия в пьесе нет, однако герой перемещается во времени: он возвращается в раннее детство и затем в школьные годы, пытаясь осмыслить поступок, перевернувший его жизнь и кардинальным образом изменивший его судьбу.

Для анализа данной пьесы можно воспользоваться терминами, предложенными М. Бахтиным применительно к эпическим произведениям: «<...> перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели)» [1, с. 403–404]. Монолог Коли представляет собой «событие рассказывания», направленное на восстановление и осмысление событий прошлого.

Тип драматического конфликта, наблюдаемый в пьесе, характерен для произведений «новой драмы» рубежа XX–XXI веков, в частности – для монодрам. Происходит столкновение героя с самим собой как с Другим (прошлым). В классификации, предложенной И. М. Болотян и С. П. Лавлинским, данный конфликт относится к «сущностному» [2, с. 39].

Если говорить о типе сюжетной ситуации пьесы, то С.П. Лавлинский и А.М. Павлов относят такие случаи к «перформатизации эго-истории»: «серия рефлексивно-речевых жестов направлена на восстановление и/или пересоздание собственного Я» [9, с. 123].

Структурно монолог героя можно разделить на короткие отрезки, в которых Коля рассуждает о жизни, о школе, о своих взаимоотношениях с учителями и одноклассниками, об отношениях в семье. На момент рассказывания герою пьесы предположительно двадцать лет, а то событие, о котором он рассказывает, случилось около 10 лет назад. После смерти матери мальчик остался на попечении бабушки, которая была ему неродной. В отличие от матери, бабушка не только не поддерживала мечту мальчика стать знаменитым пианистом, но всячески препятствовала его занятиям музыкой. Конфликт с бабушкой, усиленный агрессией школьной среды, приводит

к трагедии: Коля сознательным образом калечит себя (отрезает пальцы правой руки), выставляя ситуацию так, будто всё произошло по вине бабушки. В итоге женщину сажают в тюрьму, а мальчик наконец осознаёт всю тяжесть совершенного им поступка.

В финале пьесы повзрослевший Коля сообщает о примирении с бабушкой. Таким образом, сюжет пьесы можно отнести к сюжету становления, в котором «обрамляющая циклическая схема включает в себя схему кумулятивную, причем «нарастание» <...> означает последовательное приобретение опыта» [13, с. 242].

Если в пьесе Сергея Давыдова «Коля против всех» вектор развития действия, заданный драматургом, направлен от настоящего в прошлое, то в пьесе Анастасии Букреевой «Ганди молчал по субботам» ситуация прямо противоположная. Катастрофическое событие (развод родителей) помещено в начало пьесы, и по мере развёртывания сюжета показывается, как герой переживает случившееся и какие решения он в итоге принимает.

Главный герой пьесы шестнадцатилетний Мот настолько болезненно переживает развод родителей, что называет случившееся «апокалипсисом» [3]. Время для него останавливается. В структуре пьесы то и дело встречаются длинные монологи героя, где он делится своими мыслями, озвучивая всё, что приходит ему в голову по принципу «потока сознания». И в этих размышлениях, на первый взгляд детских и смешных, прослеживается мотив смерти.

Первая форма реакции подростка на семейную трагедию – протест. Мот решает на неординарный поступок: он приводит в дом Лизу – женщину-бомжа, обитающую в переходе метро. С Лизой он проводит всё своё время, а от родителей, наоборот, отстраняется, начиная называть их Родителем 1 и Родителем 2. Поведение молодого человека вполне оправдано, ведь отец открыто встречается с молодой любовницей, а мать приводит в дом Хмыря. В ответ на попытку родителей выгнать Лизу из дома, юноша заявляет, что вступит в общество самоубийц в Контакте и прыгнет с крыши.

Лиза постоянно молчит. Единственная фраза, которую она периодически произносит – «Ганди молчал по субботам» [3]. Мальчик начинает подражать Лизе и сначала безмолвствует по субботам, а затем и в остальные дни недели. В какой-то момент юноша удаляет аккаунты во всех соцсетях. Мальчик, как говорит о своем герое Анастасия Букреева, «...превращается в Ганди, отрекается от мира, иначе он превратится в маму и папу, в картонные варианты человеческого существования» [4].

Тип конфликта, наблюдаемый в пьесе, относится, по классификации И.М. Болотян и С.П. Лавлинского, к социальному: происходит последовательное испытание социумом, столкновение героя с социальными Другими [2, с. 141]. Вариант драматической ситуации, реализованный в пьесе, – последовательное исключение героя из разных социальных институтов и из самой жизни [2, с. 141].

Духовный кризис, в котором долгое время находился герой пьесы, в конечном итоге удаётся преодолеть благодаря трём событиям. Во-первых, Лиза рассказывает ему о личной трагедии, которая произошла с ней много лет назад: женщина потеряла в метро своего маленького сына. Исповедь Лизы «оглушает публику своей личной историей, она закапывает зрителя живьем в свое горе», – читаем в одной из рецензий [15]. Ещё одним потрясением для мальчика становится смерть Лизы. Вскоре после этого происходит встреча с сестрой: мальчик узнаёт о её болезни, из-за которой девушка вынуждена бросить танцы. Мот взрослеет. Впервые в жизни он испытывает чувство сострадания к другому человеку. Молодой человек перестаёт молчать.

Композиция пьесы имеет кольцевую структуру: в финале герой произносит те же самые слова, которыми пьеса начиналась: «Мама. Папа. Сестра. Дедушка. Карамелька. Мой дом. Моя крепкая, любимая семья» [3]. Из состояния провала во времени герой возвращается в реальную жизнь – где есть настоящее, где есть смысл (в помощи сестре), где есть будущее.

Рассмотренные нами произведения показывают, что в современной пьесе о подростках авторы создают сюжеты

становления, в которых юные герои проходят испытания и, в отличие от новодраматических пьес рубежа XX-XXI веков, не погибают, а продолжают жить. Драматурги сосредотачиваются на развёрнутом изображении внутреннего мира подростка, на рефлексии героя по поводу событий, нарушивших привычный миропорядок, и поисках пути преодоления кризиса. Авторы помещают катастрофическое событие в начало или конец пьесы и таким образом определяют вектор развития драматургического действия: из настоящего в прошлое, из настоящего в будущее.

Литература

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

2. Болотян И., Лавлинский С. Конфликт драматический // Экспериментальный словарь новейшей драматургии. Под ред. С. Лавлинского. Siedlce, 2019. 391 с.

3. Букреева А. Ганди молчал по субботам. *literratura.org*: Литература. Электронный литературный журнал // [Электронный ресурс]. URL: http://literratura.org/issue_dramaturgy/3031-anastasiya-bukreeva-gandi-molchal-po-subbotam.html (дата обращения: 01.01.2023).

4. Букреева А. «Это тот случай, когда история воспитывает автора» // *vtinform.com*: Информационное агентство «Восток-Телеинформ». 2015 // URL: https://vtinform.com/interview/143171/?sphrase_id=13658272 (дата обращения 01.05.2022).

5. Давыдов С. Полный юнайтед: семь пьес о юности. Тольятти: Литературное агентство В. Смирнова, 2019. 200 с.

6. Журчева Т.В. Настоящее без будущего. Образ ребенка/подростка в новейшей русской драматургии как индикатор состояния современного общества // Современная драматургия. 2018. № 3. С. 197-199.

7. Кабилова Е.С. Темы, мотивы и конфликты в современной подростковой драматургии // XLVIII Самарская областная студенческая научная конференция: тезисы докладов, Самара, 11–22 апреля 2022 года. Санкт-Петербург: Эко-Вектор, 2022. С. 80-81.

8. Киприна С.В. Развитие темы детства в английской литературе второй половины XX века // Вестник Красноярского государ-

ственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. №1. С. 153–158.

9. Лавлинский С.П., Павлов А.М. О перформативно-рецептивном потенциале современной драматургии // Новейшая драма рубежа XX-XXI вв.: предварительные итоги: коллективная монография. Под общ.ред. Т.В. Журчевой. Самара: Изд-во Самарского университета, 2016. С. 103–125.

10. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.

11. Ловцова О.В. Типология детских образов в британской драме: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.03. Екатеринбург, 2018. 227 с.

12. Подковырин Ю.В. Событие исполнения // Современная драматургия. 2014. № 4. С. 211–214.

13. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Под общ. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

14. Сигарев В. Пластилин. vsigarev.ru: Василий Сигарев – драматург, режиссёр // [Электронный ресурс]. URL: <http://vsigarev.ru/doc/plastilin.html> (дата обращения: 01.01.2023).

15. Стафиевская С. Ганди молчал и нам завещал. Драматерапия в Хакасии: от подросткового бунта до личной трагедии // shansonline.ru. Сетевое издание «Шанс.Регион» [Электронный ресурс]. URL: <http://shansonline.ru/index.php/istorii/item/4728-gandimolchal-i-nam-zaveshchal-drama-terapiya-v-khakasii-ot-podrostkovogo-bunta-do-lichnoj-tragedii> (дата обращения: 01.05.2022).

16. Федоров В.В. Поэтический мир драмы. О природе поэтической реальности. М.: Советский писатель, 1984. С. 147–179.

УДК 821.161.1

Г.Р. Камилова (г. Ош, Кыргызстан)

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Ч. АЙТМАТОВА

*Кыргызско-Узбекский Международный
университет имени Б.Сыдыкова*

В данной статье рассматривается своеобразие языка Ч. Айтматова. Выявлен круг образов в прозе Ч. Айтматова, их значение в раскрытии проблематики произведения, раскрыта роль песни как проявления души народа. Определены поэтические достоинства творчества писателя в таких своеобразных элементах

текста, как эмоциональная интонация, ритм природы и жизни, многофункциональность музыкальных образов. Особый акцент ставится на философско-лирическое повествование, с которым автор передает свое осмысление действительности. В связи с этим рассматривается и роль искусства и слова в творчестве писателя. Утверждается мысль о том, что его слово несет веру и надежду в будущее народа и всего человечества.

Ключевые слова: фольклор, эпос, лирическое повествование, Ч. Айтматов.

In this article reflects the peculiarity of the language of Ch. Aitmatov. The range of images in the prose of Ch. Aitmatov, their importance in the disclosure of the problems of the work is revealed, the role of the song as a manifestation of the soul of the people is revealed. The poetic merits of the writer's work in such peculiar elements of the text as emotional intonation, the rhythm of nature and life, the multifunctionality of music images are determined. Particular emphasis is placed on the philosophical and lyrical narrative, with which the author conveys his understanding of reality. In this regard, the role of art and words in the writer's work is also considered. It is argued that his word brings faith and hope to the future of the people and all of humanity.

Key words: folklore, epic, lyric narration, Ch. Aitmatov.

*Люди ищут судьбу, а судьба людей...
И катится жизнь по тому кругу...
Ч. Айтматов «Плаха»*

*И вращалась Земля на пути своем неизменном,
и приближался тот час...
Ч. Айтматов «Тавро Кассандры»*

Строки Айтматова – музыка. Их надо расслышать. Их звучащие волны несут в себе тайну любви и божественную тревогу. Тайну той любви, что препоручает людей друг другу и человека Богу в испытаниях жизни на грешной земле под голубыми небесами – взыскующе-спасительным взглядом Создателя. Самобытный писательский стиль Чингиза Айтматова отличается особой музыкальностью. Под музыкальностью в музыковедении и литературоведении понимают и своеобразный эмоциональный, интонационный строй произведения, определенное сходство литературного произведения с музыкой, и так называемое «чувство музыки» как эстетическое качество, и общность структурных принципов литературы и му-

зыка. Круг музыкальных образов в произведениях Ч. Айтматова чрезвычайно широк, музыка звучит практически во всех произведениях автора: музыка природы, музыка слова, ритм жизни, звучание народных музыкальных инструментов, многофункциональные музыкальные темы и образы, что свидетельствует о глубокой интеграции музыки в художественную прозу Ч. Айтматова.

Большое влияние на формирование его писательского мышления оказала бабушка, которая ещё в детстве окунула внука в сказочный мир кыргызского фольклора. Писательский метод Ч. Айтматова восходит к установкам фольклорно-эпической иносказательности и высокой степени психологизации образности, свойственной современной литературе.

Ч. Айтматов унаследовал от фольклора важнейший принцип отношения к окружающему миру и его художественного отображения принцип эпического сказывания.

Строки Айтматова чудодейственно влияют на читателя. Божественную тревогу и высокую тайну любви, вознесенную народным сознанием из глубины народной жизни к высотам национального и, стало быть, мирового духа, являя образы реальных людей в их столкновении с неумолимостью бытия. Образы реальных людей, угадывающих в самих себе людей «не от мира сего».

О ранней повести Айтматова «Джамиля», опубликованной в 1958 году в журнале «Новый мир», восторженно отзывался выдающийся французский писатель Луи Арагон. В предисловии ко французскому изданию он писал: «Прежде чем сказать все, что я думаю о «Джамиле», я должен отметить, что считаю это произведение самой прекрасной в мире историей о любви... Здесь, в этом горделивом Париже, Париже Вийона, Гюго и Бодлера, в Париже королей и революций, Париже – вечном городе искусства, где каждый камень связан с легендой или историей, в городе влюбленных... в этом Париже, который все видел, все читал, все испытал, я прочитал «Джамилю» – не «Вертера» и «Беренку», не «Антония и Клеопатру» и не «Сентиментальное воспитание»... И образы Ромео и Джульетты, Паоло и Франчески, Эрнани и Доньи Соль померкли... ибо я встретился с Данияром и Джамилей, которые

перенесли меня в третий год войны, в августовскую ночь 1943 года, куда-то в Куркурейскую долину, к мажарам с зерном и мальчугану Сеиту, рассказывающему их историю...

У каждого человека лишь одна жизнь. Чингиз Айтматов ее лишь начинает. Но кажется, что он вобрал в свое сердце, познал разумом огромный опыт всего человечества. Став профессиональным писателем, он ощущает свою зависимость от своей совести, от тенденций мирового развития, от реальной жизни народа, от которой себя ни на секунду не отделяет. Недаром его сочинения изданы на ста пятидесяти четырех языках, в том числе языках малочисленных народов.

Айтматов воспринимается сегодняшним культурным миром в ряду классиков современной литературы. Писатель в совершенстве владел родным кыргызским языком, но русский для него куда больше чем «язык межнационального общения». Он для него язык творчества, язык его книг, язык, на котором писатель Айтматов «дышит» в мировом культурном пространстве.

Айтматов предложил своему читателю оригинальную структуру осмысления современной действительности, художественной мифологии. Айтматов часто предстает в своих произведениях как провидец. Он раньше, точнее и тоньше многих других в современной литературе разглядел опасные тенденции жизни современного человечества.

В повести «Материнское поле» обозначено эпическое начало жизни – символический образ Поля, Голос матери. Земля как бы говорит человеческим голосом. Голос матери слышен из некой нереальности. Однако за всем этим стоит реальная и очень правдивая жизнь.

С детства жизнь открыла Айтматову трагическое и лирическое, романтически сильное восприятие. Она поразила его своей многозначностью. Явились вместе ощущения конца и начала, обозначились человеческая злоба и человеческая вечная доброта, несправедливость и высшая справедливость. Айтматов удивительный писатель. Сила его не только в мощном эмоциональном токе, которым пронизаны все его произведения. Не только в глубокой проничательности и проничательности. Айтматов – настоящий мудрец, а художник и муд-

рец не одно и то же. Его творческая фантазия открывает реальность. Реальность, которая по сути своей фантастична. Он народный человек, что бывает не со всяким художником. Он по-настоящему добр, искренен и талантлив.

У писателя исключительно развито чувство «вины и ответственности». У него интуитивно глубокое ощущение того, что происходит в мире с людьми. Отсюда такие безысходно трагические финалы его сочинений. Герой «И дольше века длится день» погибает, герой «Плахи» (Бостон), совершая свой акт отмщения, повергает и себя в гибельную бездну отчаяния: никто не знает, придет ли он сдаваться властям, или покончит с собой, отпустив коня и взглядываясь с высоты в летящие воды Иссык-Куля, что зовут его, как мальчика из «Белого парохода». Герой романа «Тавро Кассандры» космический монах Филофей обрекает себя на гибель в космосе, ибо сознает свою вину перед людьми. В романе «Тавро Кассандры» женщина тайно оставляет своего младенца, рожденного в войну от пришельца-завоевателя, на крыльце чужого дома. И герой этот, Андрей Крыльцов (найденный на крыльце), становится человеком невероятного ума, но при этом на какое-то время теряет свой внутренний человеческий облик и обретает его ценою собственной жизни. Мысль, высказанная в романе, неожиданна – существует свобода умирать, а не свобода жить.

Слова автора доносятся к нам будто издалека, из мира вечных истин. Они говорят сегодня с людьми дивным, негромким, сотрясающим память, голосом, мудро внушающим доверие к людям и веру в естественную божественность хода будущей жизни.

Его голос можно расслышать сердцем. А сердце человеческое в высокие минуты жизни обращено к Богу. И об этом тоже свидетельствует творчество Чингиза Айтматова – писателя, состоявшегося в мировой литературе как явление художественное, но и духовное.

Строки Айтматова – музыка. Их надо расслышать. Их звучащие волны несут в себе тайну любви и божественную тревогу...

Литература

1. Агранович С.З. Фольклор и поэтика Ч. Айтматова // Проблемы истории, критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1980. С. 76-80.
2. Агранович С.З. Фольклорные источники повести Ч. Айтматова «Белый пароход» // Проблемы истории, критики и поэтики реализма: межвуз. сборник. Куйбышев, 1981. С. 143–159.
3. Акматалиев А. Чингиз Айтматов: Жизнь и творчество: Краткий очерк. Бишкек: Мектеп, 1991. 239 с.
4. Акматалиев А. Ч. Айтматов и взаимосвязи литератур. Бишкек: Адабият, 1991. 184 с.
5. Арутюнов Я. Повести Ч. Айтматова // Литература в школе. 1973. № 2. С. 80-82.
6. Кузнецова И.А. Музыка и слово // [Электронный ресурс]. URL:<http://www.literatura.kg/articles/> (дата обращения: 01.01.2023).

УДК 82.091

В.Р. Крутиков (г.Самара, Россия)

Научный руководитель к.ф.н. доц. А.В. Синуцкая

ОСОБЕННОСТИ ЛЮБОВНОЙ ИДИЛЛИИ Ф.К. СОЛОГУБА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «МЕЛКИЙ БЕС»

*Самарский филиал ГАОУ ВО Московского
городского педагогического университета*

В данной статье рассматриваются особенности любовной идиллии в творчестве Ф.К.Сологуба. Исследование проводится на примере романа «Мелкий бес», и посвящено анализу «передоновщины» как специфической категории, ставшей в этом романе ключевым образом-мотивом. Рассматривается специфика использования жанрового языка идиллии и особенности эстетизма и танатологических образов в романе. Наблюдения автора основаны на использовании методики мотивного анализа.

Ключевые слова: идиллия, мотив, патология, танатос, эротизм, эстетизм.

This article discusses the features of the love idyll in the works of F.K.Sologub. The research is carried out on the example of the novel "The Shallow Demon", and is devoted to the analysis of "peredonovshchina" as a specific category that has become a key motive in this novel. The specifics of the use of the genre language of the idyll

and the features of aestheticism and thanatological images in the novel are considered. The author's observations are based on the use of motive analysis techniques.

Key words: idyll, motive, pathology, thanatos, eroticism, aestheticism.

Важнейшие из мотивов, которые использует Ф.К. Сологуб для построения своего главного романа, – это идиллические мотивы, которые вызывали у автора пристальный интерес на протяжении почти всей его творческой биографии. Мы находим идиллические компоненты в романах «Мелкий бес» и «Тяжелые сны», трилогии «Творимая легенда»; в рассказах, которые можно во многом считать эскизами будущих романов, например таких, как «Земле земное», «Жало смерти» [4, с. 99-139]. В них нашли отражение почти все главные мотивы и приметы сологубовского творчества, в том числе и эстетизация «смерти утешительной», и использование «перевернутой» идиллии.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает сюжетная поэтика в произведении «Мелкий бес» – именно ему, наряду с романом Андрея Белого «Петербург», по мнению О. Сконечной, суждено было стать «литературной эмблемой эпохи» [10, с. 16]. Для того чтобы понять глубину неординарности («патологичности») данного мотива в творчестве автора, нам необходимо обозначить антитезу «норма/патология» как таковой.

В научной литературе существует много моделей описания безумия как художественного-философского феномена, немало работ по этой тематике насчитывается и в сологубоведении. В частности, в автореферате Л.Д. Бугаевой скрупулезно раскрывается воплощение безумия в романе «Мелкий бес» на языковом уровне: рассмотрены «лексико-семантические поля «иллюзорность», «бессвязность», «бессмысленность»; средства выражения достоверности в составе микрополей вероятности и истинности, участвующие в реализации смыслового плана «стирание грани между реальностью и ирреальностью»; случаи нарушения

причинно-следственных и субъектно-объектных отношений [2, с. 4-5].

Возникает вопрос: как это смещение реального и ирреального, патологии как смещение границ и духовного, и физического пространства персонажей в мире Сологуба взаимодействует с языком идиллического жанра?

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» А.Н. Николюкин в качестве определения жанра идиллии приводит слова Ф. Шиллера, согласно которым цель идиллической поэзии «всегда и везде одна – изобразить человека в состоянии невинности, то есть в состоянии гармонии и мира с самим собой и с внешнею средою» [5]. Идиллия (греч. εἰδύλλιον ‘картинка’) и идеальное (идеал – греч. ἰδέα ‘образ’) – слова однокоренные, сохраняющие свою древнюю связь и в истории литературы.

Можно выдвинуть основные составляющие идиллии:

- 1) постоянство места и действий;
- 2) гармония с миром и с собой;
- 3) невинность.

Отношения юного гимназиста Саши и Людмилы в романе «Мелкий бес» – важнейшая сюжетная линия в романе, и именно она станет предметом нашего внимания. Обозначим замеченные нами элементы идиллии.

1. Постоянство хронотопа. Все встречи Саши и Людмилы проходят либо в комнате гимназиста, либо в доме Рутиловых, где разворачиваются трагедийные сцены.

2. Во время встреч оба героя абсолютно счастливы, для них как будто исчезает весь остальной мир и его конфликты, сторонние проблемы. Персонажи постигают гармонию в блаженстве и отречении от окружающего мира.

3. Невинность. Рассматривая категорию невинности, мы обнаруживаем индивидуальные особенности сологубовской идиллии. Классическое европейское понятие этого жанра неразрывно связано с христианскими добродетелями: важнейший идиллический образ и воплощение – райский сад до первородного греха, мир свободы, безмятежности, безвременья. Эта связь верна и для невинности, полностью проистекающей из христианской

добродетели: чистота и непорочность мыслей и поступков, их искренность, нежность, наивность, уничтожение телесного.

Сологубовская идиллия не соответствует в полной мере этим традиционным образам.

1. Чистота мыслей и поступков. Герои Сологуба не чисты мыслями в христианском смысле этого слова: Людмиле, например, снятся «прекрасные отроки», бичующие друг друга.

Приведем фрагмент. «Потом приснилась Людмиле великолепная палата с низкими, грузными сводами, – и толпились в ней нагие, сильные, прекрасные отроки, – а краше всех был Саша. Она сидела высоко, и нагие отроки перед нею поочередно бичевали друг друга. И когда положили на пол Сашу, головою к Людмиле, и бичевали его, а он звонко смеялся и плакал, – она хохотала, как иногда хохочут во сне, когда вдруг усиленно забьется сердце, – смеются долго, неудержимо, смехом самозабвения и смерти...» [5, с.8].

2. Нежность. Как видно из приведенного отрывка, герои Сологуба далеко не всегда нежны, в их отношениях присутствует садизм – не только как физиологическая, но как специфическая эстетико-философская категория, которая оказывается наполнена в художественных текстах Серебряного века совершенно особым смыслом и свидетельствует о сдвигах реального и ирреального, о трансформации телесного и пространственного образов, как это отмечено Е.В. Астащенко [1, с. 20-35].

3. Уничтожение телесного. Как показано в отрывке, герои наслаждаются телесной красотой.

Итак, сологубовская идиллия с идиллией классической имеет много отличий. Тем не менее оставшиеся два положения являются общими: речь идет о искренности и наивности. Герои Сологуба искренно влюблены друг в друга, их наивность проявляется в вере в любовь, которую они демонстрируют, не обращая внимания на окружающую «передоновщину».

Обратимся к понятию «передоновщины». Ардалион Аркадьевич Передонов – учитель гимназии, человек пустой,

глупый, злой, самовлюбленный. Он наслаждается поркой учеников, пишет доносы, пытается защититься от воображаемых заговоров против него, в результате чего теряет рассудок. Можно сказать, что в нем нет ни единой положительной черты, он – воплощение всего худшего, что может быть в человеке, и этот образ напоминает чеховского «человека в футляре», в его доведенном до абсурда выражении. То же самое касается и всего его окружения, почти всего населения уездного города. Этот город лишен любви, лишен страсти, все браки заключаются по расчету, вместо страсти – похоть. И антитеза страсть – похоть очень важна как для всего романа, так и для нашей темы. Лишенные телесного, окруженные красивыми словами отношения горожан – не более чем сухая юридическая формальность – на их фоне отношения Саши и Людмилы существуют вопреки условностям. Сухое дозволительное противопоставляется табуированному искреннему, дионисийская энергия и открытость безумию понимается как живая, подлинная сила [11, с. 187-189], но безумие как отклонение от нормы выражается в разных формах, оно может быть творческим, «нормальным» и «ненормальным», и нездоровое безумие этого мира получает воплощение в знаменитом образе Недотыкомки, как центральном символе романа, квинтэссенции передонощины – абсурда и нездоровой хаотичности.

Из указанного мы видим, что отношения Саши и Людмилы воплощают апогей искренности и наивности в самом классическом смысле этих слов, но не в классической форме выражения. Три оставшиеся категории невинности: чистота мыслей, нежность и уничтожение телесного, несмотря на кажущееся полное несоответствие, на деле также присущи сологубовской идиллии, но в искаженных, деформированных формах, измененных по внешним признакам, но сохранным во внутренних функциях. Например, в романе есть момент, где Людмила сначала называет себя язычницей, говорит о любви к обнаженному мужскому сильному телу, а потом признается в любви к Христу: «А еще... его люблю... распятого...» [5, с.123].

Напомним о тесной связи христианской морали и идиллии: у Сологуба эта связь намеренно трансформируется. Как язычество является обратной стороной христианства, пусть и инверсивной, но той же по сути, так и элементы идиллии в романе отвечают все тем же целям, имея иные формы. Например, уничтожение телесного у Сологуба преобразуется в уничтожение пошлого. Как уже было нами обозначено, пошлость и страсть – антонимы для Сологуба. Саша и Людмила – страстные герои, почти все другие жители города – пошлые, и эта антитеза обнаруживает прямую зависимость идиллического дискурса у Сологуба от модернистской, то есть неоромантической концепции мира. Любопытно, что Передонов, являясь главным героем романа, имея все возможные отрицательные черты, окруженный женским обществом и вниманием, фактически асексуален на протяжении всего романа (изначально роман должен был быть полностью посвящен женитьбе Передонова; в черновиках имя главного героя было Страхов). Мы, как читатели, знаем мысли Передонова, но не видим там ни желаний, ни страсти.

Женские персонажи, как это отмечается, например, А.Ю. Трифионовой, в творчестве Ф. Сологуба воплощают в себе разные силы, которые располагаются на разных точках эстетических координат, но всегда ближе к некоей подсознательной, стихийной энергии [12, с. 177-181]. Примечательно, что и возраст героев Сологуба никак не обозначен. Такая особенность в описании персонажей объясняется убеждением писателя в несоответствии «внешних фактов» внутренней сущности человека и, возможно, содержит аллюзии на миф о Дионисе, как полагает Н. Мокина [7, с.136].

Обозначив конфликтность «сологубовской» идиллии с идиллией «классической», нам необходимо вывести отличительные черты исследуемого типа идиллии как таковой:

1. Эстетизм.

Говоря о идиллии, мы неизбежно сталкиваемся с понятиями антитезы, конфликта, контраста. Существование

идиллии в прозе Ф. К. Сологуба не замкнуто само в себе, идиллический мир существует в рамках многослойного противостояния, развившегося из романтического мировоззрения, но на метатекстовом уровне осознающего себя, и представляющего тип «торжествующего лучшего мира». Наиболее ярко это показано в романе «Мелкий бес», где мир «худший», представленный Передоновым, никак не способен навредить миру «лучшему» – миру Людмилы и Саши. Контрастность развивается не только на общем, но и на частном уровнях, что приводит к формированию дуалистической системы ценностей, на одном краю которой находится антиутопия, на другой – утопия. Любопытно, что антитеза этих моделей мира включена в «городской» текст, а урбанистичность – ключевая пространственная характеристика прозы символистов и вообще модернистов: феномен города предстает универсальным, идеалистически осмысленным образом бытия. У Сологуба же трансформация Города в провинциальный городок уже предполагает нечто инверсивное, патологическое, в котором переплетаются и возвышенные, и низменные мотивы, и древнегреческий, и гностический миф [3, с.13-21].

Важнейшей из этих форм/систем является многоуровневый эстетизм, формируемый во многом идиллической образностью («прекрасный» и «лучший» в его творчестве практически приравнены к «эстетичному»). Эта составляющая идиллии имеет множество авторских форм. Типы сологубовской идиллической эстетики можно описать следующим образом:

2. Эстетика тела (красота отроков из сна Людмилы).
3. Эстетика чувств (отношения Саши Пыльникова и Людмилы Рутиловой).
4. Эстетика природы (выражается в запахах и снах Людмилы).
5. Эстетика ольфактроники/запахов (запахи содержат в себе энергию природной силы, являются элементом и инструментом эротизма).
6. Эстетика сна (сны Людмилы воплощают все ее желания).

7. Эстетика детства (присутствует контраст между взрослыми персонажами и персонажами-детьми в пользу последних).

8. Эстетика боли.

Эти типы эстетики в творчестве автора нередко образуют синтез, рождают точки пересечения, которые необходимо отметить отдельно, поскольку они выражают и жанровые элементы идиллической эстетики у Ф.К. Сологуба, и их координаты: эрос и танатос, и своеобразное использование дионисийских мотивов в построении индивидуальной авторской утопии [9, с. 120]. Следует отметить, что автор определяет любовь как неизбежно страстное чувство, практически приравнивая, воссоздавая и модернизируя античную модель «эроса», определяя его как один из двух возможных путей спасения человека. При этом, как отмечено исследователями, все основные герои романа являются воплощением семи смертных грехов, причем каждый из них становится катализатором для внутренних процессов другого, «являя таким образом картину снисхождения в ад» [13, с. 110-114].

Второй возможный принцип построения идиллической картины в творчестве Ф. К. Сологуба – это танатос, смерть-как-жизнь, влюбленность в смерть. Мотив смерти как способа избавления, бегства, решения проблем часто звучит в творчестве автора и составляет одну из возможных основ идиллического мира.

Хотя один из двух принципов воспринимается автором как главенствующий, они не являются взаимоисключающими. Если в романе «Мелкий бес» танатос имеет относительно незначительные проявления, а в рассказе «Земле земное» отсутствует эротизм, то, например, в романе «Тяжелые сны» имеется их многоуровневый синтез (Логин: «Сладостно умереть! Не надо счастья! Любовь, смерть – это одно и то же. Тихо и блаженно растаять, забыть призраки жизни, – в восторге сердца умереть!») [6, с. 9].

Подведем итоги наблюдения над особенностями функционирования жанрового языка идиллии в романном творчестве Ф. К. Сологуба. Обозначение общего направления

идиллии в творчестве автора как «любвонной» не случайно – независимо от того, какая из двух возможных идиллических основ присуца любому конкретному произведению писателя, любовный элемент в ней будет обязателен, пусть он и может быть выражен в нестандартных формах. Творчество Ф.К. Сологуба вполне соответствует декадентской эстетике, эстетике болезни и смерти, – образов, которые приобретают особое художественное измерение, где «патологическое» работает как «эстетическое» и наоборот, и это находит свое отражение в описанных идиллических хронотопах, деформируя их. Деформация мира и идеала, расслоение реальности являются главной особенностью жанрового компонента идиллии в романе Ф.К. Сологуба «Мелкий бес».

Литература

1. Асташенко Е.В. Ирреалистические традиции в русской прозе первой трети XX века: монография. Санкт-Петербург: Сциентиа, 2022. 610 с.
2. Бугаева Л.Д. Идея безумия и ее языковые воплощения в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1995. 18 с.
3. Волегов А. В. О феномене городской культуры в прозе Федора Сологуба // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык, 2021. № 10. С. 12-21.
4. Сологуб Ф. К. Жало смерти: рассказы. М.: Время, 2018. 480 с.
5. Сологуб Ф. К. Мелкий бес. Санкт-Петербург: Наука, 2004. 890 с.
6. Сологуб Ф.К. Тяжелые сны. М.: Рипол-Классик, 2022. 464 с.
7. Мокина Н.В. Проблема возраста героев в романе Ф.Сологуба «Мелкий бес»: к вопросу о специфике символистского психологизма // Проблемы филологического образования: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 10 / Под ред. Л.И. Черемисиновой. Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 136-141.
8. Николькин А.Н. Идиллия // Литературоведческая энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 287-290.
10. Сконечная О. Ю. Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 110-115.

11. Тан Ц. Мотив добра и зла в рассказах Федора Сологуба // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. №7. № 4 (25). С. 187-189.

12. Трифонова А. Ю. Доминирующие мотивы образа Анны Ермолиной в романе Ф. Сологуба «Тяжелые сны» // Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2017. С. 177-181.

13. Харитонов А. Н. Проблема грехопадения в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Актуальные проблемы филологии и журналистики: сборник научных трудов. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2022. С. 110-114.

УДК 821.161.1

В.Н. Лисовицкая (г. Самара, Россия)

Научный руководитель д.ф.н. доц. Л.Г. Тютелова

**АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ
ДИАЛОГА В ПОВЕСТИ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ
«ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ»**

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва»

В статье анализируются авторские стратегии организации диалога автора и читателя в повести Стругацких «Трудно быть богом». Уточняется понятие «авторская стратегия». Определяются основные композиционные элементы, позволяющие начать и продолжить диалог, а также рассматривается повествовательная структура произведения. Обнаруживается, что в тексте присутствуют различные типы нарраторов, что позволяет раскрыть героя как «другого» а также добиться необходимого коммуникативного эффекта.

Ключевые слова: авторская стратегия, нарратор, автор, читатель, герой, диалог, научная фантастика, Аркадий и Борис Стругацкие

The article analyzes the author's strategy for organizing the dialogue between the author and the reader in the Strugatskys' story «It's Hard to Be a God». The concept of the author's strategy is specified. The main compositional elements that allow starting and continuing the dialogue are determined, and the narrative structure of the story is also considered. It is found that there are different types of narrators in the text.

That allows you to reveal the hero as «other», as well as to achieve the necessary communicative effect.

Key word: author's strategy, narrator, author, reader, hero, dialogue, science fiction, Arkady and Boris Strugatsky

В ранних произведениях братьев Стругацких (50-е годы XX века) диалог автора и читателя еще не получает развития. Авторы транслируют оформленную свою точку зрения. В это время Стругацкие находятся в поиске своего индивидуального стиля и способов организации диалога. К 60-м годам в их творчестве происходит усложнение отношений «автор-герой», «автор-читатель».

В эти года Стругацкие развивают тему стороннего вмешательства и нравственности прогресса. Научный прогресс у Стругацких неотвратим, но он всегда вне морали. Анализируя произведения Стругацких, А.В. Фролов отмечает, что никакие научные достижения «не в силах помочь человеку в познании Вселенной и самого себя» [1, с. 298].

Данная статья посвящена проблеме авторской стратегии организации диалога «я» и «другого» в художественном мире братьев Стругацких на материале повести «Трудно быть богом». Мы рассматриваем текст произведения в его композиционном и содержательном единстве, являющемся воплощением авторской интенции. В литературоведении зачастую происходит смешение понятий «повествовательная (нарративная) стратегия» и «авторская стратегия». В.И. Тюпа пишет, что нарративная стратегия реализуется на трех уровнях: «нарративная картина мира», «нарративная модальность», «нарративная интрига» [3, с. 9]. В общем смысле под нарративной стратегией понимается событие, о котором рассказывают, и сам факт повествования. Исследователи часто подменяют понятие авторской стратегии понятием нарративной стратегии либо акцентируют свое внимание сутобо на способах организации повествования. Так, С.А. Байкова не разделяет эти понятия: «Мы полагаем обоснованным отождествление авторской стратегии со стратегией повествовательной и определяем ее как сознательно избранную тем или иным художником повествовательную модель с особым, индивидуально-авторским набором приемов, тем, сюжетов, мо-

тивов, образов и вовлечением в повествовательный дискурс автора – текста – читателя» [4, с. 4]. Не отрицая правомерности высказывания С.А. Байковой, отметим, что авторская стратегия все же несколько шире повествовательной. Как замечает В.В. Прозоров, авторская стратегия «одновременно позволяет сфокусироваться и на крупном плане исследования, на произведении словесного искусства, прежде всего, с точки зрения его концепции, структуры, «внутреннего мира», «внутреннего состава», интенциональной (от лат. *intentio* – намерение) предрасположенности к вероятному читательскому восприятию» [5, с. 182]. Таким образом, к авторской стратегии мы будем относить как элементы архитектоники текста, в частности название и эпиграфы, так и повествовательные стратегии. Это единство обуславливает полноту эстетической коммуникации и способствует реализации диалога на всех уровнях.

Повесть «Трудно быть богом» – одно из самых известных и читаемых произведений братьев Стругацких. Задуманная авторами как авантюрная история в духе трех мушкетеров, она стала, как пишет Б.Н. Стругацкий, «романом о судьбе интеллигенции, погруженной в сумрак средневековья» [2]. Диалог, который организуют авторы, разворачивается на фоне исторических событий, понятных их современникам: 26.03.1963 года состоялось расширенное совещание секции научной фантастики и приключенческой литературы, после которого Стругацкие отказались от «надежд на светлое будущее». Ведущей темой творчества Стругацких является проблема существования человека и его морального выбора, вопрос о том, как научно-технический прогресс влияет на человека, как оставаться человеком. И наконец, как встреча с «другим» помогает раскрыть человеку собственное «я». И фантастическое здесь является эффективным способом пригласить читателя в этот диалог.

Итак, как же Стругацкие организуют диалог с «другим» в повести? Началом диалога является название, которое благодаря своей надтекстовой позиции способно направить читательское внимание на более глубокий символический уровень. Если речь идет об авторской интенции, а не о следо-

вании за волей цензора или редактора, то название обнаруживает способность отражать либо тему произведения, либо его смысл. «Трудно быть богом» – главный этический манифест повести. Фраза, помещенная авторской волей в заглавие, эксплицитно проявляется и в речи главного героя повести Антона-Руматы. Это практически его крик, обусловленный необходимостью делать выбор между тем, что правильно с точки зрения просвещенного коммунара с Земли и человека, который видит все уродство мира Арканара. Но за фразой героя – точка зрения героя, сформированная им в силу того опыта, который он приобрел, за названием – позиция авторов, которая оправдана всем художественным миром произведения: событиями, героями и т.п.

Следующим композиционным элементом текста, помогающим авторам организовать диалог с читателем, является эпиграф. Здесь Стругацкие используют тот же прием, что и в названии. С одной стороны, эпиграф – это «чужое слово», которое Стругацкие делают своим. С другой, отобранный автором и сознательно помещенный перед текстом повести, он является способом организации полноправного диалога автора и читателя. Это второй ключ к пониманию смысла произведения, направляющая сила коммуникации. М.А. Павлюковец отмечает, что «при восприятии эпиграфа читатель сразу обращает внимание на такие узловые моменты содержания, как указанные в нем субъекты действия, сами действия, а также некоторые обстоятельства» [6, с. 231]. Эпиграф, как пишет Н.А. Кузьмина, «одновременно создает коммуникативное пространство текста и определяется этим коммуникативным пространством» [7]. Эпиграфы в повести выполняют различные функции. Следуя за классификацией Н.А. Кузьминой, функцию эпиграфов к повести «Трудно быть богом» мы определяем как содержательно-концептуальную. Содержательно-концептуальная функция призвана транслировать основную идею произведения, настраивая читателя на определенный способ прочтения произведения.

Складывается впечатление, что эпиграфы в данной повести Стругацких – это не только диалог автора и читателя,

но и автора и героя. Так, цитата Пьера Абеляра *«То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться»* [8, с. 3] соотносится с внутренним состоянием главного героя повести Антона Руматы, отражает всю трагичность его пребывания в Арканаре.

Второй эпиграф – цитата из Хемингуэя: *«Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?»* [8, с.3]. Это и моральная установка всех сотрудников института экспериментальной истории, выполняющих задание на различных планетах, и обращение к герою, находящемуся в двойственном положении. А.Н. Стругацкий так характеризует положение своего героя: *«Антон мучительно решает сложнейшую проблему выбора. По сравнению с арканарцами он – бог. Он может практически все. Но совершить это «все» – значит, предать дело, ради которого ты сюда послан. А оставаться в бездействии не менее мучительно. Ведь ты человек, живой человек из плоти и крови, который страдает, любит и ненавидит»* [9].

В прологе и эпилоге произведения Стругацких события происходят на Земле XXII века, но читатель понимает это только в эпилоге. Любопытно, что образ Земли будущего у Стругацких наталкивает на мысли об упадке. Заброшенное шоссе, ржавый знак, дети, живущие в приюте и воспитываемые некими девами. Высокий уровень технологического развития землян авторы здесь не показывают. Это тоже усиливает ощущение приближающейся катастрофы.

Примечательно, что в прологе ведущим оказывается сказочный мотив. Земля у Стругацких – сказочный залитый солнцем сосновый лес. Герой оказывается в ситуации выбора, которая является традиционной для волшебной сказки. Сбежавшие из пансионата в лес дети в какой-то момент оказываются у заброшенного шоссе с «кирпичом». Антон называет шоссе анизотропным. Напрашивается аналогия с путевым камнем из русских сказок. И уже в прологе главный ге-

рой совершает выбор: «*Что мне твои непорядочные. Я сам непорядочный и пойду под знак*» [8, с. 20]. В Эпilogue друг Антона Пашка скажет: «*<...>Шоссе было анизотропное. Как история. Назад было идти нельзя, а он пошел*» [8, с.225]. Шагая назад, Антон поступается идеей прогресса. Уже здесь, в прологе, Стругацкие обозначают основной конфликт произведения: взаимоотношения Антона с враждебным миром Арканара, который будет все глубже и глубже затягивать его в трясину серого и неприглядного мира.

Проанализируем повествовательную структуру повести. В области субъектной организации можно выделить три уровня:

- 1) недиегитический нарратор, находящийся над событиями повести в прологе и эпилоге;
- 2) диегитический нарратор в основной части произведения;
- 3) соединение недиегитического и диегитического нарратора, обладающее знанием о произошедших событиях, но не являющегося прямым участником событий.

Дадим характеристику каждого из этих уровней. В прологе и эпилоге повествование осуществляет недиегитический нарратор. Как пишет В.Шмид, он «повествует не о самом себе как о фигуре диегесиса, а только о других фигурах. Его существование ограничивается планом повествования» [10, с. 81]. Нарратор в этих двух частях повести наблюдает за происходящим со стороны, он обладает знанием о прошлом героев, об их мыслях и чувствах. Личность нарратора в прологе и эпилоге максимально скрыта. Он практически не комментирует происходящее, не дает оценок.

В основной части произведения тип нарратора меняется. Недиегитический нарратор сменяется диегитическим с фокализацией на внутреннем мире героя. Стругацкие постоянно меняют повествовательные стратегии. В первых главах авторы словно пытаются убедить читателя, что о событиях повествует непричастный очевидец событий. Приведем примеры из текста. «*У поворота дороги от кустов отделилась темная фигура. Жеребец шарахнулся, задирая голову. Румата подхватил поводья, привычно подпернул на правой руке*

кружева и положил ладонь на рукоять меча, всматриваясь. Человек у дороги снял шляпу» [8, с. 23]; «Было уже далеко за полдень, когда Кира пригласила благородного господина и его высокоученого друга к столу. Доктор Будах, отмывшийся, переодетый во все чистое, тщательно побритый, выглядел очень внушительно. Движения его оказались медлительны и исполнены достоинства, умные серые глаза смотрели благо-склонно и даже снисходительно. Прежде всего он извинился перед Руматой за свою вспышку на площади» [8, с. 223].

Создание иллюзии, что повествование ведется от лица недиегитического нарратора – типичный прием, который используют Стругацкие. Как минимум, он используется в повестях «За миллиард лет до конца света» [11] и «Гадкие лебеди» [12]. Фокализация только на одном герое (Антоне-Румате), подробное описание его внутренних переживаний, обилие несобственно-прямой речи позволяет говорить, что читатель смотрит на мир Арканара глазами Антона-Руматы: *«Он не понимает. Да и как ему понять? Ему повезло, он не знает, что такое серый террор, что такое дон Рэба. <...> И где уж мне убедить его, когда он вот-вот, по глазам видно, пошлет меня на Землю лечиться» [8, с. 48].*

А иногда в повествовании появляются включения, позволяющие говорить, что нарратором является сам Румата: *«Знакомый голос, кто бы это мог быть? Кажется, дон Тамзо. Надо будет сегодня проиграть ему хамахарскую клячу обратно. Интересно, научусь я когда-нибудь разбираться в лошадях? Правда, мы, Руматы Эсторские, спокон веков не разбираемся в лошадях. Мы знатоки боевых верблюдов. Хорошо, что в Арканаре почти нет верблюдов» [8, с. 52].*

Герой Стругацких находится в постоянном внутреннем диалоге и с самим собой, и с обобщенным образом Землян, носителей нравственного идеала будущего: *«У Пашки бы тоже ничего не вышло, подумал он. Ни у кого бы не вышло. «Ты уверен?» – «Да, уверен». – «Тогда гроши вам всем цена!» – «Но меня тошнит от этого!» – «Эксперименту нет дела до твоих переживаний. Не можешь – не берись». – «Я не животное!» – «Если Эксперимент требует, надо стать животным». – «Эксперимент не может этого требовать». –*

«Как видишь, может». – «А тогда!..» – «Что „тогда“?» Он не знал, что тогда. «Тогда... Тогда... Хорошо, будем считать, что я плохой историк. – Он пожал плечами. – Постараемся стать лучше. Научимся превращаться в свиней...» [8, с. 111].

Герой Стругацких имеет двойственную природу. В нем одновременно сосуществуют два человека: Антон – сотрудник института экспериментальной истории, приверженец коммунистических идеалов землян XXII века, и Румата – аристократ, погруженный в мир Арканара и принимающий его правила. В тексте эта раздвоенность вначале выражается графически: несобственно-прямая речь, принадлежащая Антону, и закавыченные фразы и мысли Руматы. По мере того, как герой все больше укореняется в арканарском обществе, эта раздвоенность становится все меньше заметна. Голос Руматы поглощает голос Антона. Двухголосие, выражающее различные позиции в отношении происходящего, становится одноголосием. Точка зрения Антона перестает учитываться. Голос Руматы поглощает голос Антона.

Повествование о событиях в Арканаре прерывается моментом, когда ошеломленный гибелью любимой женщины Румата оставляет обруч с камерой (позволяющий сотрудникам института видеть то, что видит Антон) дома. А в эпилоге выясняется, что историю рассказывал Пашка подруге детства Анке, но он не был очевидцем этих событий и не переживал то, что пережил Антон. Поэтому это лишь попытка убедить читателя в том, что эту историю ему передал кто-то другой. Эти приемы позволяют Стругацким выстроить диалог не только автора и героя, но и героя и читателя, а через него автора и читателя. Глядя на события глазами главного героя, читатели могут лучше прочувствовать его. Принять его позицию или отвергнуть. Но главное – понять, стать соучастниками события и раскрыть через «другого» что-то в собственном «я».

Также появляется, очевидно, еще одно сознание, графически выраженное скобками. Это сознание как бы комментирует происходящее. Комментарии призваны объяснить его читателю, выполняют функцию, схожую с авторскими

ремарками в драматическом произведении: *«Постарайтесь поверить мне, я вижу дальше вас... (Арата слушал, уронив голову на грудь)»* [8, с. 239]; *«И теперь понимаю, чем он отравлен. (Румата насторожился)»* [8, с. 226]; *«Румата, бормоча русские слова, натянул штаны с бубенчиками (Муга сейчас же опустил перед ним на корточки и принялся застегивать многочисленные пряжки и пуговицы), вновь надел поверх чистой майки благословенную кольчугу и, наконец, сказал с отчаянием...»* [8, с. 202]. Это комментарии того, кто видит события со стороны, возможно, просматривая записи с обруча Антона-Руматы.

Можно говорить, что основная смысловая константа произведения проявляется в диалогах двух персонажей с Антоном-Руматой. С доктором Будахом, в диалоге о Боге: *«Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой»* [8, с. 233]. И с Арканарским бунтовщиком Аратой: *«...Вы ослабили мою волю, дон Румата. Раньше я надеялся только на себя, а теперь вы сделали так, что я чувствую вашу силу за своей спиной. Раньше я вел каждый бой так, словно это мой последний бой. А теперь я заметил, что берегу себя для других боев, которые будут решающими, потому что вы примете в них участие... Уходите отсюда, дон Румата, вернитесь к себе на небо и никогда больше не приходите...»* [8, с. 240]. Особенно важным здесь является то, что «неистинные боги» говорят о жалости к жителям Арканара, а не о любви.

Таким образом, диалог в повести Стругацких организуется как через композицию произведения (диалогический потенциал раскрывается в названии, эпиграфах, прологе и эпилоге), так и через особенности повествования. Фокусируясь на внутреннем мире героя, рисуя серый, угрюмый мир мрачного средневековья в Арканаре, Стругацкие предлагают подумать о том, кем же является человек на самом деле. Вывод прост и очевиден.

Человеку трудно быть Богом, потому что он не Бог. Находясь на более высоком уровне развития, по сравнению с

арканарцами, земляне не становятся богами (даже если герои думают иначе). Человек всегда остается человеком.

Традиционно для своего творчества никаких ответов на поставленные вопросы Стругацкие не дают, предлагая читателям стать участниками эстетической коммуникации и через диалог сконструировать собственные смыслы.

Литература

1. Фролов А.В. Дихотомия человека и машины в парадигме общенаучного прогресса (на материале повести А. и Б. Стругацких «Далекая Радуга») // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 293-298.

2. Стругацкий Б.Н. Комментарии к пройденному // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rusf.ru/abs/books/bns-03.htm> (Дата обращения: 15.12.2022).

3. Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. №3 (18). С. 8-24.

4. Байкова С.А. Авторская стратегия прозы Евг. Попова 1970–1990-х гг.: автореферат... канд. фил. наук: 10.01.01 – русская литература. Нижний Новгород, 2013. 20 с.

5. Прозоров В.В. Об авторских стратегиях в литературе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 180-185.

6. Павлюковец М.А., Соцкая Е.В. Эпиграф как перспективный текстообразующий элемент художественного текста (на материале рассказа М.Твена «По экватору») // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 4. С. 230-236.

7. Кузьмина Н.А. Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста // Вестник Омского университета. 1997. Вып. 2. С. 60-63.

8. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Трудно быть богом. М.: Издательство АСТ, 2022. 256 с.

9. Стругацкий А.Н. Румата делает выбор // [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusf.ru/abs/books/publ14.htm> (Дата обращения: 13.12.2022)

10. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

11. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. За миллиард лет до конца света. М.: АСТ, 2021, 256 с.

12. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Гадкие лебеди. М.: АСТ, 2022. 320 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

УДК 81-13

*В.А. Дмитриева (г.Курск, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. проф. О.С. Зубкова*

ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В РОССИИ И ЯПОНИИ

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

В данной статье рассматриваются понятие «рекламный дискурс», его характеристики и особенности с точки зрения лингвистики. Проводится анализ специфики реализации рекламного дискурса в контексте социальной рекламы двух стран, обладающих различными уникальными особенностями, России и Японии, на примерах рекламы, используемой на современном этапе. Исследуется степень влияния языковых единиц и аспекта культуры, морали и этики на создание социальной рекламы. Проводится сравнительный анализ для выявления наиболее ярких тенденций в развитии рекламного дискурса данных стран.

Ключевые слова: рекламный дискурс, рекламный текст, социальная реклама, прагматический аспект, социокультурный аспект.

This article considers the concept of "advertising discourse", its characteristics and features from the point of view of linguistics. The analysis of the specifics of the implementation of advertising discourse in the context of social advertising of two countries with different unique features, Russia and Japan, has been done on the examples of advertising used at the present stage. The degree of influence of linguistic units and aspects of culture, morality and ethics on the creation of social advertising has been studied. A comparative analysis has been done to identify the most striking trends in the development of the advertising discourse of these countries.

Key words: advertising discourse, advertising text, social advertising, pragmatic aspect, socio-cultural aspect.

Жизнь современного человека практически невозможно представить без рекламы, которая с конца XX века стала одной из самых больших глобальных сфер. Влияние данной индустрии на жизнь общества, язык и культуру продолжает расти, поэтому реклама становится предметом изучения для всё большего количества областей науки: психологической, экономической, социологической, лингвистической и др.

С точки зрения филологии, реклама имеет вариативность в определении. Так, В.В. Ученова определяет её следующим образом: «Реклама – это ответвление массовой коммуникации, в русле которого создаются и распространяются информативно образные, экспрессивно-суггестивные произведения, адресованные группам людей с целью побудить их к нужным рекламодателю выбору и поступку» [7].

Немного другую трактовку мы видим у Л.Г. Фещенко, который утверждает, что рекламный текст трактуется как «...коммуникативная единица, функционирующая в сфере маркетинговой коммуникации».

Как можно заметить из указанных дефиниций, понятие рекламы определяется как вид коммуникации, тесно связанный с сферой социума. Именно поэтому успех рекламы напрямую зависит от того, насколько правильно образ продукции, информация и рекламная кампания согласованы с национальными особенностями потенциального покупателя, его культурой и этносом. Немаловажную роль играет и выбор речевых конструкций [6].

В связи с тем, что рекламный текст имеет прямое отношение к тому, насколько убедительной будет презентация продукта, в настоящее время в лингвистике наблюдается тенденция развития интереса к изучению понятий «рекламный текст» и рекламный дискурс, их описания с точки зрения парадигмы «текст-дискурс».

Само понятие дискурса в современной лингвистике стало актуальным в 60-х годов XX века, сейчас оно имеет разные трактовки ввиду его постоянного переосмысления, связанного с тенденцией междисциплинарного изучения языка, а также в связи с задачами конкретного исследования.

Множество отечественных и зарубежных работ связано с понятием дискурса. Т.А. ван Дейк замечает, что «...наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся популярными. Дискурс – одно из них», что ярко и метко описывает суть исследований, посвящённых дискурсу [7].

При этом стоит различать такие понятия, как текст и дискурс. Текст, может трактоваться, по мнению Б.А. Маслова, как единица, которая объединяет в себе некоторые языковые признаки, характеристики языка, имеющие проявление в устной или письменной форме, цел которой – непосредственный или опосредованный акт коммуникации [7]. Когда речь идёт о дефиниции дискурса, можно обратить внимание на определение Н.Д. Арутюновой, утверждающей, что данное понятие следует рассматривать как «...связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [1].

Т.А. ван Дейк также разграничивает данные понятия. Согласно его точке зрения, дискурс является актуально воспроедвённым текстом, а понятие «текст» следует определять как абстрактную грамматическую структуру произнесённого. Текст – это система языка, дискурс же касается речи. Более того, стоит обратить внимание и на ёмкое определение, данное Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – это речь, погружённая в жизнь» [7].

Рекламным дискурсом принято считать особую форму речевой деятельности, конечным продуктом которой является рекламный текст [1]. Текст создаётся рекламодателем, который вкладывает в него задачу информирования целевой аудитории (потенциальных покупателей) о достоинствах продукции с последующей целью убеждения в необходимости покупки данного продукта.

Выделяют следующие типы рекламного дискурса:

- 1) устный рекламный дискурс – данный тип допускает наличие большого количества вариативных лексических и грамматических единиц;

- 2) письменный рекламный дискурс – данный вариант имеет большее стремление к нормативности [1].

Среди особенностей рекламного дискурса мы можем выделить следующие.

1. Наличие экстралингвистических факторов, которые напрямую влияют на создание и интерпретацию текста (например, ситуация на рынке рекламы, конкуренция, стоимость размещения рекламы и т.д.).

2. Антропоцентризм, так как рекламные тексты обслуживают потребности как всего социума, так и отдельного человека [7].

3. Быстрое реагирование на мировые события, изменения в общественном сознании, иными словами, постоянная актуальность.

4. Тесное взаимодействие функций сообщения и воздействия.

5. Обширное использование изображения (фотография, рисунок и др.), символики (например, логотип), цвета, графики [6].

6. Включение элементов разных знаковых систем, в некоторых ситуациях составляющие могут быть настолько слиты и комплексны, что их разделение приведёт к потере смысла и посылы.

7. Решающую роль играет контекст, заданный в конкретной коммуникации.

Говоря о понятии контекста коммуникации, можно вспомнить определение, данное Х.Кафтанджиевым, который трактует его как «физическую среду», в которой находится реклама. Контекст имеет следующую типологию:

- сверхлокальный – контекст, присущий самому рекламному сообщению;
- локальный – контекст, определяемый рекламным носителем;
- глобальный – контекст мировых событий [1].

Отдельно стоит обратить внимание на прагматический аспект рекламного дискурса. Н.Д. Арутюнова считает, что прагматику следует относить к области исследования языкознания, связанной с изучением функционирования знаковых

систем в речи, с областью вопросов о взаимодействии говорящего с адресатом в ситуации общения. Рекламный дискурс, в котором используются определённые коммуникативные стратегии, является прагматическим дискурсом. «Прагматические интенции формируют архитектуру рекламного дискурса, апеллируя к индивидуальным предпочтениям и паттернам» [8, р. 35].

Во время речевого акта, помимо передачи сообщения, имеет место реализация коммуникативного намерения говорящего. Дж.Остин утверждает, что высказывания могут нести функцию воздействия на адресата, что и определяет прагматическую сторону изучения рекламного дискурса. Реклама нацелена на побуждение адресата к какому-либо действию, и эффективность и успех рекламы зависит от того, насколько этого воздействия удалость достичь. Также стоит отметить, что прагматическая направленность рекламного дискурса является одним из факторов, которые определяют его специфику и имеют влияние на формирование других особенностей рекламы [7].

Для воздействия на потенциального слушателя в рекламе могут реализовываться определённые стратегии. Большую роль играют ценностные стратегии, в которых рекламный дискурс может играть роль социального регулятора, репрезентирующего «некоторую культурную «сердцевину», единую для членов социальной группы или общности и фиксируемую в понятии значения» [2, с. 19], и продвигать идеи и ценности, которые являются важными в данный момент для определённой культуры.

Стоит остановить внимание и на рациональных и эмоциональных типах рекламных стратегий.

Рациональные стратегии подразумевают, что в рекламном тексте аргументация построена на основе относительно большого количества фактов, доводах о пользе и качестве предлагаемого продукта. Такой вид рекламы помогает человеку, после анализа информации, сформировать осмысленное отношение.

Эмоциональная реклама направлена на воздействие посредством создания яркого, привлекательного образа про-

дукции, использования образов, ассоциаций. «Прежде всего, речь идёт об убеждении адресанта в онтологическом статусе транслируемых ценностей, соответствующих содержанию пропозициональных понятий, принятых в конкретной лингвокультуре. В лексическом изложении тема-рематическая корреляция интегрирует имеющиеся аксиологические представления и субъективность восприятия паттерна, с которыми связаны чувства удовлетворения или недовольства реципиента, увеличивая при этом степень субъективации объекта действительности» [3, с. 97]. Такая реклама нацелена на то, чтобы вызвать у потенциального покупателя положительные эмоции, которые в дальнейшем будут у него ассоциироваться с продуктом рекламы.

В современной же рекламе можно заметить тенденцию смешения различных рекламных стратегий [5].

Структура рекламного текста может включать в себя:

- заголовок – небольшая фраза, которая первой бросается в глаза потенциальному клиенту. Заголовок является одной из важнейших структурных элементов рекламы, так как она призвана удержать внимание человека, побудить его прочесть основной текст;

- основной текст – основная информация, которая касается продукта. Именно здесь находится аргументация, которая поддержит интерес аудитории, побудит к ожидаемому действию;

- слоган – краткая фраза, призванная для создания и последующего закрепления крепкой и устойчивой ассоциации между товаром и рекламой [4].

Рекламный текст – это яркий пример эффективно направленного использования языковых средств. Текст должен отличаться лаконичностью, при этом необходимо поместить в него максимально возможное количество информации. Именно поэтому в современной рекламе сохраняются две главные тенденции: сжатость и выразительность информации.

Задача рекламного текста зачастую не только проинформировать потенциального клиента, но и сформировать положительный, запоминающийся образ. Для этого в рекламе

используется большое количество выразительных средств языка. Часто в рекламном тексте можно увидеть тропы (гипербола, метафора, ирония, олицетворение, сравнение, эпитет и др.), фразеологические обороты, которые могут быть немного изменены для придания новых смысловых оттенков. Используются и различные стилистические фигуры: градация, инверсия, антитеза, риторический вопрос и др. для большего оживления текста.

Можно заметить, что в рекламе преобладающее большинство отдано простым предложениям. Это связано с приданием динамики, экспрессии рекламному тексту, что позволяет аудитории быстрее и эффективнее воспринимать информацию. Часто можно увидеть восклицательные предложения, побудительные конструкции, придающие высказываниям эмоциональность [7].

Далее рассмотрим, каким образом реклама реализуется в странах в разном культурном кодом, Россией и Японией. Проанализируем социальную рекламу в обеих странах, чтобы проследить наиболее яркие тенденции в рекламном дискурсе этих стран.

Можно отметить, что она социальная реклама в России зачастую транслирует такие традиционные, национальные ценности, как забота об экологии, ведение здорового образа жизни, правильное поведение и моральные установки, сохранение семейных ценностей.

Огромный процент социальной рекламы связан с пропагандой гуманного отношения к животным, в частности призывы к доброму отношению к бездомным животным и всевозможной помощи для них. Приют для животных «Шереметьевский приют для собак» выпустил баннер социальной рекламы с заголовком «Ирландский булкодав» и основным текстом «Спокойный, добрый, питает страсть к хлебулочным изделиям. Такую породу просто так не купишь. Но её можно просто так взять из приюта» [12]. В данном случае мы видим применение стилистического приёма, яркую игру слов в заголовке: «ирландский булкодав» является производной от породы собак ирландский волкодав, на чём так же делается акцент далее, в описании «редкой» породы.

Другим примером социальной рекламы служит вариант, предложенный проектом социальной рекламы «Всё равно?!» [9]. Мы видим изображение мусора: железной банки, пластиковой бутылки, литиевой батарейки. Сразу бросается в глаза заголовок: «Они переживут твоих внуков». Данное высказывание обладает сильным эмоциональным посылом, так как затрагивает тему семьи и поколений, которая является одной из национальных ценностей. Более того, данная фраза легка для восприятия, а в сочетании с хорошо подобранным графическим компонентом в виде фотографии мусора делает рекламу эффективной.

Рассмотрим социальную рекламу здорового образа жизни, представленную в виде видеоролика [10]. Мы наблюдаем линию сердцебиения, которая трансформируется в слова, произносимые диктором: «Малоподвижный образ жизни. Неправильное питание. Курение. Чрезмерное употребление алкоголя». При произнесении этих слов линия сердцебиения становится красной, сигнализируя об опасности, при этом импульсы уменьшаются, «сердцебиение» угасает и останавливается. «Пора ставить точку»: импульсы возобновляются. «Отказ от алкоголя и курения, здоровое питание, активный образ жизни»: линия сердцебиения становится активной, используется зелёный цвет, который вызывает положительные ассоциации. Социальная реклама заканчивается слоганом: «Выбери свою линию жизни». Эффективность данной рекламы связана с удачным соотношением текста, слогана и визуальной составляющей видео, где немаловажную роль играет смена красного, «опасного» цвета, на «безопасный» зелёный.

В текстах социальной рекламы наблюдается активное использование эмоциональной стратегии, при которой рекламный текст сопровождается указаниями на национальные ценности и содержит графический компонент. В них чаще используются краткие фразы, присутствуют побудительные конструкции.

Перейдём к рассмотрению японской социальной рекламы. Традиционные темы, которые поднимаются в рекламе Японии, имеют некоторые отличия. Социальная реклама

обычно направлена на освещение таких тем, как уважительное и доброе отношение к окружающим, сохранение традиционных моральных ценностей, культура здорового отдыха и сна, популяризация донорства и посмертного донорства (это связано с низким показателем молодого населения страны, что создаёт проблемы для поиска донора). Важными темами являются проблемы сиротства, старения населения и низкая рождаемость, чрезмерного и неконтролируемого употребления алкоголя [13].

Рассмотрим социальную рекламу, посвящённую одной из острых проблем Японии – домогательству в общественном транспорте [8]. Мы можем видеть руки мужчины, которые находятся в наручниках. На ладонях мужчины изображён иероглиф 痴漢 (тикан), который означает мужчин, которые совершили преступления на почве домогательств, чаще всего употребляется по отношению к тем, кто ошупывает людей в общественных местах. Выше мы видим надпись, которую можно трактовать как «Пусть раскаяние преступника-тикана длится всю жизнь». Ниже мы видим надпись: «Если вы стали жертвой, немедленно обратитесь по телефону 110», которая также ярко выделена. Это связано с тем, что, несмотря на большой процент данных преступлений, очень малое количество граждан обращается за помощью в соответствующие органы. Отчасти это может быть связано с тем, что в Японии более значение имеет имидж человека, который никто не захочет испортить подобной историей, поэтому такие ситуации предпочитают замалчивать. Японской рекламе свойствен символизм: иероглиф на ладони как будто «вырезан» кровью, что означает, что это станет клеймом человека и, как говорилось прежде, испортит его репутацию, сделав изгоем. Поэтому данная реклама работает и в защиту жертвы, и против потенциального преступника.

Интересным примером будет серия социальной рекламы, посвящённая поведению в метро [13]. Здесь мы наблюдаем графический рисунок, который выполнен на жёлтом фоне с чёрным контуром, что привлекает внимание и повышает шансы на то, что информация дойдёт до потенциальной аудитории. Рассмотрим один из баннеров. В верхней части

мы видим слоган «Пожалуйста, делайте это дома». Ниже мы видим графическую составляющую: рисунок мужчины, который разговаривает по телефону, делает заметки, при этом мешая окружающим вокруг людям. Следует обратить внимание, что мужчина выделен белым цветом, в то время как остальные люди обозначены жёлтым. Мы видим, что человек выделяется из толпы в негативном свете. Ниже представлен основной текст рекламы: «Пожалуйста, переведите телефон в беззвучный режим и воздержитесь от совершения звонков». Примечательно, что рядом мы также можем заметить белый круг, который в Японии принят как знак согласия, верного варианта (по аналогии с галочкой в России), что ещё больше убеждает аудиторию, как нужно поступать правильно. Данная социальная реклама является хорошим примером гармонии рисунка и выбора языковых средств.

В социальной рекламе в Японии большое значение имеет графика, символизм и использование кратких, лаконичных и ёмких языковых средств. В российской рекламе также реализуются эмоциональные стратегии, однако здесь роль играют не только национальные ценности, но и этические нормы, несоблюдение которых вызывает опасение быть отвергнутым обществом.

Итак, рекламный дискурс становится всё более значимым в обществе, что вызывает интерес к его изучению в лингвистике. Данный вид дискурса имеет ряд языковых особенностей, одной из главных является взаимосвязь между выбором языковых конструкций и лингвокультурой, этносом и национальными ценностями. Прагматический аспект рекламного дискурса также учитывает все перечисленные понятия, ведь для успешного рекламного текста, который заинтересует потенциальную аудиторию и с большей вероятностью совершит ожидаемое действие, необходимо учитывать все факторы при выборе языковых средств.

Проанализировав несколько примеров социальной рекламы России и Японии, мы убедились, что тенденции развития рекламы различаются, и эти различия зачастую обусловлены аксиологической составляющей.

Литература

1. Гаран Е.П. Основные особенности рекламного текста // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 40. С. 15–18.
2. Зубкова О.С. Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе (на примере медицинской метафоры в разных видах дискурса): автореф. дисс... канд. филол. наук. Курск. гос.ун-т, Курск, 2006. 22 с.
3. Зубкова О.С. Аксиологический аспект кодификации об-разных систем метафорических значений в дискурсе сказки // Тео-рия языка и межкультурная коммуникация. 2021. №1(40). С. 95-101.
4. Котенева И. А. Рекламный дискурс как феномен языка и культуры // Диалоги без границ: язык, культура, карьера: сб. мате-риалов междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 10-11 нояб. 2016 г.; под ред. А.П. Седых. Белгород, 2017. С. 66-70.
5. Куликова Е.В. Языковая специфика рекламного дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 197–205.
6. Паначёва А.С. Проблематика социальной рекламы в Япо-нии // Экономика и менеджмент: от теории к практике: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф., 10 авг. 2015 г. / ред. кол. В.В. Безпалов [и др.]. Ростов н/Д, 2015. С. 101-103.
7. Селянская Е.А. Лингво-прагматические и паралингвисти-ческие особенности рекламного дискурса // Научный аспект. Сама-ра, 2012. № 4-1. С. 125-133.
8. Zubkova O., Annenkova A. Perception Peculiarities of Image Advertising Polycode Texts (Some Results of Experimental Research) // Modern Journal of Language Teaching Methods.Vol.7, Issue 8 (Au- gust), 2017. С. 35–48.
9. Проект социальной рекламы «Всё равно?!». 2014 // [Элек- тронный ресурс]. URL: <http://vse-ravno.net/> (дата обращения: 23.11.2022)
10. Социальная реклама «Выбери свою линию жизни». 2018 // [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/ne2dQkdakg4> (дата обращения: 02.12.2022)
11. Социальная реклама против домогательств в транспорте. 2011 // [Электронный ресурс]. URL: <https://arky-titan.livejournal.com/417614.html?view=comments> (дата обращения: 23.11.2022)
12. Шереметьевский приют для собак. 2008 // [Электронный ресурс]. URL: <https://helpdog.ru/> (дата обращения: 01.12.2022)

13. Японский этикет в метро 2012 // [Электронный ресурс].
URL: <https://lifeglobe.net/blogs/details?id=757> (дата обращения:
23.11.2022)

УДК 801.8

К.А. Ерунова, Е.А. Комиссарова (г.Москва, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. Н.Ф. Крылова

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕСС- РЕЛИЗОВ САЛОНОВ КРАСОТЫ

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

В данной статье рассматриваются языковые особенности текстов интернет-релизов, относящихся к индустрии салонов красоты. Представлены два типа релизов, рассмотрены особенности каждого типа.

Ключевые слова: языковые особенности, салоны красоты, пресс-релизы, интернет-релизы, анонсирующие тексты, информирующие тексты, продающие тексты.

This article discusses the language features of the texts of Internet releases related to the beauty salon industry. Two types of releases are presented, the features of each type are considered.

Key words: language features, beauty salons, press releases, Internet releases, announcing texts, informing texts, selling texts.

В последнее время PR-коммуникация использует интернет-технологии, что приводит к изменению традиционных жанров PR-текстов и постепенному формированию «электронных PR-текстов» [2, с. 23].

Ученые отмечают целый ряд признаков, которые отличают тексты, функционирующие в Интернете, от традиционных PR-текстов: оперативность передачи и получения информации; скорость обновления передаваемой информации; возможность направлять PR-сообщения целевым группам; диалогичность интернет-коммуникации; объем текста и использование невербальных средств и др. [2, с. 26-31].

Объектом нашего исследования являются пресс-релизы официальных сайтов косметических салонов: CELEBRITY, KISTOCHKI, OPILKI, Smile Body, Маки, Якиманка, Dilara

Nails & Beauty, ALL IN, La Ric и Christina Fitzgerald, Wax Bar, Красота и Здоровье, InterCHARM, DIELLE PROFESSIONALS, ACQUA DI STRESA.

Представление индустрии косметических салонов в Интернете и социальных сетях представляет интерес для исследователей. Быстрый рост популярности салонов красоты и косметических брендов происходит в том числе благодаря технологическому прогрессу и использованию интернет-платформ. Интернет-реклама и интернет-PR-тексты компаний в сфере индустрии красоты являются инструментами привлечения потребителей, выстраивания диалога с ними и формирования репутации бренда. «Основной инструмент привлечения аудитории в Интернете, да и во всех остальных социальных сетях, – это письменный контент, что делает его действительно удобной и недорогой площадкой для продвижения. Можно создавать посты, писать статьи и многое другое» [3, с. 3–4].

Целью данной работы является рассмотрение языковых особенностей интернет-релизов, относящихся к индустрии салонов красоты, и выявление особенностей использования тех или иных языковых единиц в текстах релизов.

Рассмотренные нами интернет-релизы представлены по двум смысловым признакам:

- анонсирующие: открытие нового салона (первый салон или сеть салонов), бьюти-выставка и акции (для мужчин и женщин);
- продающие: услуги (новые и старые).

Главной особенностью анонсирующих релизов является объективность, краткость и актуальность. В текстах указывается информация о новинках в сфере косметических услуг, салонов и обо всем, что связано с этой сферой. Обычно описывается одно событие (открытие нового салона, коллаборация с известными личностями, новости о мероприятиях, акциях и т.д.). Тексты всегда максимально информационные, актуальные и выходят практически в тот же день, когда состоялось конкретное событие, которое описывается в пресс-релизе [1, с. 2–3]. Следует отметить просто и ясный язык релизов. «Салон красоты *OxaStyle* в Воронеже начал

предлагать всем посетителям салона бесплатную консультацию по красоте. Как пояснили специалисты салона, услуга эта уже сейчас пользуется очень большой популярностью, так как в ритме современной жизни у женщин почти нет времени, чтобы отслеживать новые тенденции и веяния в моде и красоте, поэтому они очень часто обращаются с этим вопросом к стилистам».

Продающие PR-тексты написаны всегда намного интереснее, чем анонсирующие. В них используются такие языковые средства, которые вызывают только положительные эмоции у читателей. Релизы этого типа делают акцент на выгоде от использования той или иной косметической услуги и показывают решение проблемы клиентам салонов при помощи нее [4, с. 3–4].

Характерной чертой электронных PR-текстов с продающим контентом, особенно тех, которые размещаются в социальных сетях, является стремление к непринужденному общению. В таких текстах используются изобразительно-выразительные средства, разговорные слова, средства выражения субъективной модальности, личностного начала, оценочная лексика, иногда даже сленг.

Например, в тексте релиза *«Известная петербургская сеть маникюра и педикюра KISTOCHKI расширяет свои горизонты. Теперь и жителям спального района, который находится вблизи метро «Ладожская», доступен высококлассный ногтевой сервис по доступной цене. Новая студия KISTOCHKI открыла свои двери по адресу Косыгина, 26/1»* используется фразеологизм «расширять горизонты», в основе которого лежит метафорический перенос. Интересным, по нашему мнению, является совмещение и собственно географической составляющей (новые районы города), и увеличение самой организации (количество салонов). Кроме того, метонимический перенос (студия открыла двери) лежит в основе такого средства выразительности, как олицетворение.

В релизе *«14 сентября в 15.00 в г.Москве стоматология Луизы Автандилян «Smile Studio» приглашает друзей и всех поклонников эстетического совершенства на торжественное открытие салона красоты «Smile Body» при под-*

держке «*Russian MusicBox*» используется слово *друзей*, которое имеет очень яркую положительную оценку, и описательная конструкция *поклонники эстетического совершенства*, все компоненты которой несомненно вызывают позитивный отклик, особенно потому, что так называют потенциальных клиентов салона.

Таким образом, Интернет-релизы салонов красоты являются достаточно популярными и не остаются незамеченными в социальных сетях, так как в своих пресс-релизах используют разнообразные средства выразительности, для того чтобы привлечь клиентов, влиять на аудиторию и быть с ней в контакте. PR-тексты в социальных сетях играют важную роль в выстраивании коммуникации с аудиторией.

Литература

1. Артаманов Б.В. Пресс-релиз в структуре PR-деятельности// Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2009. № 146. С. 109–112.

2. Балахонская Л.В. PR-текст: структура, содержание, оформление: учебное пособие. Санкт-Петербург: Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций, 2015. 196 с.

3. Бусыгина М.В. Двойственная природа Пресс-релиза в СМИ: форма и содержание // Известия Волгоградского педагогического университета. 2010. № 2. С. 44–47.

4. Горновой В.А. Критерии качества пресс-релиза // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 3. С. 46–50.

О.И. Самсонова (г. Москва, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. Ю.В. Rogovneva

НЕИЗОСЕМИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В КАТАЛОЖНОМ ТЕКСТЕ

*ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина»*

В статье исследуются неизосемические существительные в описаниях товаров на маркетплейсе Wildberries с точки зрения коммуникативно-функционального подхода. Выявляются функции этих слов в различных синтаксических конструкциях и описываются типы таких конструкций. Анализ примеров описаний из карточек товаров показывает, что неизосемические существительные могут функционировать как субъект (и/или его часть), предикат и атрибут. Вне зависимости от функции эти существительные усложняют модель предложения до полипредикативной, что позволяет авторам текстов эффективно представлять товары.

Ключевые слова: изосемия и неизосемия, монопредикативность и полипредикативность, предикация, нефикциональный текст, функция, коммуникативно-функциональная грамматика.

The article analyses non-isosemic nouns in product descriptions on «Wildberries» from the point of view of a communicative-functional approach. The functions of these words in various syntactic constructions are revealed and the types of such constructions are described. The analysis of examples of descriptions shows that non-isosemic nouns can function as a subject (and/or as a part of it), predicate and attribute. Regardless of the function, such nouns complicate the sentence model to a polypredicative, which allows the authors of texts to present products effectively.

Key words: isosemia and non-isosemia, monopredicativity and polypredicativity, predication, non-functional text, function, communicative-functional grammar.

В русской грамматической мысли принято разграничивать слова по частям речи и их подклассам. В.А.Белошাপкова в «Синтаксисе русского языка» отмечает, что такое разграничение является результатом «ряда компромиссов между синтаксическими, семантическими и морфологическими принципами классификации словоформ» [1, с. 401]. Лингвистиче-

ский компромисс в этом случае позволяет создать систему частей речи и их разновидностей, однако она, в свою очередь, не может охватить все элементы языка. Традиционная классификация по разным причинам провоцирует разногласия в отнесении слов к тому или иному типу. Принятая классификация лексем не учитывает, например, что различные словоформы одной лексемы могут характеризоваться разными грамматическими признаками и функциями. Снять эту неоднозначность помогает теория Г.А. Золотовой об изосемии и неизосемии. Г.А. Золотова соотносит основные категориальные значения частей речи и конкретных слов и предлагает по принципу соответствия или несоответствия (ср., например, *Изящный пиджак; Изящность пиджака*) делить все полнозначительные слова на изосемические и неизосемические [2, с. 126; 3, с. 109].

В нашей работе мы исследуем и систематизируем функции неизосемических существительных в каталожных текстах с маркетплейса Wildberries и постараемся выяснить, по какому принципу и для каких конструкций авторы нефикционального описания их выбирают. Отметим, что теория Г.А. Золотовой об изосемии и неизосемии была разработана на материале текстов художественной литературы. В настоящей статье мы также сможем проверить, как коммуникативно-функциональный подход применяется к нефикциональному языковому материалу эпохи цифровизации. Это представляется интересным, поскольку его анализ показывает, что неизосемия широко используется авторами карточек товаров. Более того, отдельные категории вещей описываются преимущественно неизосемически, например: *Нож для удаления сердцевины яблока произведен из высококачественной нержавеющей стали, которая характеризуется прочностью и надолго сохраняет первоначальные свойства. Нож для удаления сердцевины является лучшим помощником при очистке овощей и фруктов. За счет цилиндрической формы нож позволяет удалить сердцевину любых фруктов и овощей, не повреждая мякоть. Работа с данным ножом превратится в удовольствие, ведь данный нож является отличным приспособлением для любителей фруктов и овощей.*

Как было отмечено ранее, неизосемическое слово формально относится к определенной части речи и при этом выражает категориальное значение другой части речи. Существительное обладает потенциалом обозначать предметы, свойства, действия, состояния и количество. При этом только предметные существительные можно назвать изосемическими, поскольку именно они называют конкретные объекты действительности, например, *пиджак, пальто, брюки*. Такие существительные существуют в центре категории этой части речи. Повышение уровня абстракции, то есть уход от названия конкретного предмета, отодвигает слово по направлению к периферии поля изосемии. Любое отвлеченное значение принадлежит уже неизосемическому подклассу и обладает признаками других частей речи. Изосемические слова заключают усложняют модель предложения до полипредикативной, ср. *Носить кофту удобно; Кофта удобна в носке*.

В первую очередь рассмотрим, какие значения может реализовывать неизосемическое существительное в каталожном тексте:

1. Глагола. *Ткань мягкая, приятная на **ощупь**, флис с высоким ворсом в стиле ретро; При выборе **размера** ориентируйтесь на таблицу, добавленную в фото!*

2. Прилагательного. *Эко-кожа отличается особой **мягкостью** и **прочностью**; Такой костюм женский вечерний станет прекрасной **альтернативой** платью и будет здорово выделять вас из толпы.*

3. Наречия или категории состояния. *Подкладка в женских сапог изготовлена из меха, которая сохраняет **тепло** и придает обуви **комфорт**; Вы сможете носить кофту вязаную прохладной осенью, холодной зимой и ранней весной, при этом чувствовать себя **уютно и комфортно**.*

4. Числительного. *Рейлинги открывают великое **множество** возможностей для дизайнерских фантазий; Существует **множество** причин, по которым вам может понадобиться данный аксессуар.*

Исследование нефикциональных каталожных текстов показывает, что наиболее регулярно авторы используют неизосемические существительные со значением глаголов. Та-

кие слова функционируют в 194 из 200 проанализированных карточек товаров. Значение действия, заключенное в существительном, используется авторами, чтобы описать, как вещь была изготовлена и что покупатель может с ней делать и какие эмоции получить при этом, ср. *При **пошиве** использовалась плотная, не просвечивающаяся костюмная ткань; **Стирка** в машинке запрещена; Ткань приятна на **ощупь***. Инструкция по обращению с товаром обязательна, даже если бренд не использует развернутые описания артикулов. Во-первых, использование девербативов носит инструктивный характер, например: *Мы рекомендуем **стирку** (в стиральной машине) при 30 градусах на деликатном режиме и **сушку** в расправленном виде*. Во-вторых, некоторые производители дополнительно указывают информацию об условиях возврата, что тоже предполагает использование неизосемических слов: *Можно оформить бесплатный **возврат** в связи с **несоответствием** товара **ожиданиям***. В-третьих, для разных категорий вещей характерны различные способы применения, которые могут описываться в карточке товара, ср. *Аксессуар станет **украшением** любого образа!; Рубашка не сковывает движения, приятный материал и очень комфортна в **носке**; Нож кухонный станет незаменимым **приспособлением** при готовке!*

В 166 из 200 карточек товаров обнаружены неизосемические существительные со значением прилагательных. Это может объясняться тем, что в целом описание товара реализует качественную рематическую доминанту, а значит, содержит больше всего моделей с типовым значением качества. В свою очередь эти модели формируются с помощью отдельных синтаксем со значением качества, ими могут служить непосредственно прилагательные или другие части речи с оттенками их категориального значения, ср. ***Прочный** материал надолго сохранит внешний вид; **Прочность** материала позволяет изделию долго сохранять внешний вид*. По двум приведенным примерам понятно, что неизосемические слова могут участвовать в формировании синтаксических синонимов, или полипредикативных осложнений базовой модели. Далее в работе мы рассмотрим более подробно по-

тенциал неизосемических моделей к функционированию в разного типа конструкциях.

Неизосемические существительные со значением наречия или категории состояния функционируют в 99 из 200 проанализированных примеров. Авторы используют такие слова, если хотят показать, какое ощущение или впечатление может возникнуть у клиента при покупке товара или пользовании им. Отметим, что все они содержат оценочность, которая позволяет автору текста показать описываемую вещь с выгодной стороны, ср. *Комфортно, уютно, тепло, хорошо* и т.п. Ассоциации с приятными ощущениями настраивают посетителя сайта на покупку товара и таким образом работают на стратегию бренда продать его.

Употребление неизосемических существительных со значением числительных нерегулярно и, по нашим наблюдениям, ограничивается синтаксемами *множество и бесконечность*. Эти словоформы используются, чтобы указать на большое количество способов применения товара, его положительных характеристик или возможных удачных сочетаний (или применений) с другими вещами бренда. Нерегулярность употребления можно объяснить тем, что в описании товара авторы стремятся излагать конкретные потенциально продающие факты, а не сугубо оценочные абстрактные суждения о товаре. Количественные характеристики типа комплектации, в свою очередь, выражаются изосемическими моделями с разными типами числительных, ср. *В наборе двенадцать фломастеров; Две апельсиновые палочки в подарок!; Двойная порция по цене одной!*

Исследованный материал показывает, что выбор языковых средств, в частности – неизосемических существительных, в каталожных описаниях зависит от категории товара, требований маркетплейса и индивидуальной авторской тактики. Несмотря на то что в эффективно продающем каталоге каждое вербальное представление товара должно быть уникальным, это не всегда так. Во-первых, один бренд может копировать одни и те же описания или части описаний в разных карточках товаров, если они нейтральные и повторяющиеся (как инструкции по эксплуатации, например). Во-

вторых, в языке существует ограниченное количество способов комбинировать языковые единицы, чтобы они выражали какое-либо значение. Мы проанализировали 200 карточек товаров и выявили конструкции, которые регулярно в них функционируют. Рассмотрим, в каких синтаксических позициях и конструкциях может находиться неизосемическое существительное в нефикциональном каталожном тексте:

1) атрибутивная позиция, *Актуальный силуэт и универсальность модели в базовых черном и бежевом цвете впишется в офисный, спортивный, повседневный стиль, а также для особого случая на свадьбу, для вечеринки;*

2) глагол-компенсатор + существительное в тв.п., *Женский вязаный свитер PAVLOTTI с горлом из мягкой шерстяной пряжи, которая отличается прочностью и долговечностью; Такой маскировочной плинтус характеризуется универсальностью, его легко зафиксировать вне зависимости от типа профиля самого потолка без клея cosmofofen или момент.*

3) существительное в тв.п. или вин.п. + поссессивный глагол, *Трендовая одежда с клешем внизу отлично сочетается с нарядными вещами, популярными молодежными моделями, обладает невероятно удобным кроем и обеспечивает полный комфорт; Брюки имеют широкий крой.*

4) существительное в им.п. + предлог + существительное в пр.п. / предлог + существительное в пр.п. + существительное в им.п., *Комфорт в носке обеспечен; Свобода в движении; В стиле сила и уникальность!*

5) прилагательное меры и степени + существительное в им.п., *У модели повышенная комфортность; Увеличенная стойкость к морозу позволит носить ботинки в низкие температуры без опасений!*

6) без + существительное в вин.пад., ед.ч./ мн.ч., *Без раздумий заказывайте себе и Вашим близким, не пожалеете!;*

7) для + существительное в р.п., *Нож для удаления сердцевин является лучшим помощником при очистке овощей и фруктов.*

8) при + существительное пр.п., *Гладить **при** средней температуре; Незаменим **при** нехватке времени.*

Анализ примеров показывает, что предцизируемый компонент, то есть носитель признака, в предложениях может выражаться любой словоформой, ср. примеры из группы конструкций номер 5. При этом модели предложения с субъектом в им.п. или в косв.п. могут быть синтаксическими изосемическими и неизосемическими синонимами: *Рукава более эластичные; У рукавов бóльшая эластичность; Рукава обладают бóльшей эластичностью.* Формальные морфологические показатели не влияют на способность или неспособность синтаксемы быть субъектом предложения, поскольку синтаксический субъект – это явление действительности или его часть, которая характеризуется предикатом [4, с. 178]. Отметим также, что в описании одного товара возможно последовательное называние субъекта и его частей, которые представляет автор. Для текста соотношение «часть-целое» развивается как логическая последовательность [5, с. 151], например: *Вам будет удобно надеть **свитер** (целое) с молнией и отправиться на отдых, в горы, на рыбалку, на охоту, для прогулок, на работу, в офис. Плотная **вязка** (часть) совершенно не колетя. В **состав пряжи** (часть) входит: 68% шерсть - делает свитер очень теплым.* Такая тактика в представлении вещи позволяет автору логично и последовательно описать все особенности, свойства и преимущества товара. Изосемические существительные как характеристики вещи могут выполнять функцию предцизируемого компонента (*вязка*), его части (*состав пряжи*), а также предиката и атрибута, это видно из групп примеров конструкций, которые мы приводили выше.

В качестве вывода обобщим наблюдения. Благодаря неизосемическим существительным авторы описаний товаров на Wildberries экономят языковые средства. Предикация вербализуется в одном неизосемическом слове, а не в развернутой изосемической конструкции, ср. *Нож для удаления сердцевинки является лучшим помощником при очистке овощей и фруктов; Нож для того чтобы удалять сердцевинки является лучшим помощником в том чтобы очищать ово-*

щи. В группах конструкций с предлогами 7 и 8 показано, как неизосемическое слово может заменять придаточную часть предложения, ср. *При стирке соблюдайте температурный режим; Когда Вы стираете вещи, нужно соблюдать температурный режим.* В этом случае употребление неизосемической модели представляется более кратким, из чего можно сделать вывод, что конструкции типа предлог + неизосемическое слово отвечают авторской стратегии кратко и информативно достаточно описать товар. Однако это не значит, что синтаксические изосемические синонимы всегда включают в себя большее количество синтаксем. Например, конструкция без + существительное без потери смысла заменяется отрицательной модификацией глагольной модели предложения: *Без раздумий заказывайте!; Не раздумывайте, заказывайте!* Тем не менее в продающих текстах отрицание используется нерегулярно. Выбор в пользу той или иной конструкции зависит от конкретной коммуникативной ситуации и того, как автор текста будет в ней действовать.

Усложнение модели предложения неизосемическим словом – не всегда самый эффективный способ передать смысл. Анализ реальных вербальных представлений товаров показывает, что неизосемическое существительное в ряде конструкций требует при себе неполнозначенательный глагол-компенсатор. Вся семантическая нагрузка в таких моделях сосредоточивается в неизосемическом слове. Глагол выполняет при нем связующую функцию: обеспечивает связь преддицируемого компонента и предиката. Вопрос о том, насколько это коммуникативно удачное и эффективное решение, остается открытым для каждого автора при написании конкретного описательного текста. Мы можем предположить, что выбор в пользу неизосемической модели, а не ее изосемического синонима совершается в том случае, если неизосемическое слово является ключевым.

Литература

1. Белошাপкова В.А. Современный русский язык: Учебник для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошاپкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошاپковой. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.

2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.

4. Роговнева Ю.В. Синтаксический субъект в нефикциональных описательных текстах. / Международный научный конгресс «Русский язык в странах СНГ: положение, функционирование, коммуникация». Сборник материалов. В 3 ч. Ч. I. Русский язык в образовании стран СНГ / С.Ю. Камышева (отв. ред.). М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 177–178.

5. Сидорова М.Ю., Роговнева Ю.В. Соотношение «часть – целое» в описательных текстах, основанных на непосредственном наблюдении // Филология и человек. 2016. №2. С. 142–153.

УДК 654.197:37.03

*К.С. Сысолятина (г. Йошкар-Ола, Россия)
Научный руководитель к.и.н. доц. С.Ю. Смирнова*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕНТ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОГРАММ ОБ ИСКУССТВЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

В данной статье рассматривается контент телевидения об искусстве в условиях интернет-продвижения. Для написания статьи пользовались такие методы, как анализ и синтез, с помощью которых было проанализировано функционирование интернет-телевидения об искусстве. Социокультурный подход позволил рассмотреть контент программ об искусстве с точки зрения единства культуры и человека. Информация, содержащаяся в данной статье, будет полезна в исследовании интернет-телевидения об искусстве, рассмотрении его типологических и тематических особенностей.

Ключевые слова: интернет-телевидение, социокультурный контент, телевидение об искусстве, интернет-продвижение, культура, искусство.

This article discusses the content of television about art in the context of Internet promotion. To write the article, such methods as analysis and synthesis were used, with the help of which the functioning of Internet television about art was analyzed. The socio-cultural approach allowed us to consider the content of programs about art from the

point of view of the unity of culture and man. The information contained in this article will be useful in the study of Internet television about art, considering its typological and thematic features.

Key words: Internet television, socio-cultural content, television about art, Internet promotion, culture, art.

В век информационных технологий происходит стремительное развитие СМИ. Основой для создания информационного контента стали скорость, интерактивность, универсальность, мультимедийность и мобильность. Традиционные СМИ стали постепенно переходить в формат интернет-изданий и каналов. Не исключением стало и телевидение об искусстве. С помощью интернет-продвижения, программы об искусстве становятся наиболее доступными для аудитории. На сегодняшний день ТВ об искусстве выступает как самостоятельная сила, выражающая общесоциальные тенденции, объединяет культуру и общество.

В период становления информационного общества, информацию следует рассматривать как социально значимое явление, направленное на обеспечение прогрессивного продвижения общества к устойчивому развитию, актуализируется проблема изучения смыслов и конструктов медийных продуктов. Это относится к тем средствам массовой коммуникации, которые основаны на экранном воспроизводстве, зрительном восприятии информации, формирующей в социальном сознании картину окружающего мира. А это в первую очередь телевидение, Интернет, кино- и видеопродукция.

Телевидение играет ключевую культууроформирующую роль, которая помогает зрителю сделать выбор ценностей через сформированную отраженную реальность. В настоящее время наблюдается нехватка качественных каналов и программ по данной тематике. В попытках сохранения традиций культурного телевидения многие телеканалы переходят на интернет-платформы. Деятельность и контент таких программ изучен мало, и является не освоенной в теоретическом плане областью. В этом и заключается актуальность проблемы исследования контента телевизионных программ об искусстве в условиях интернет-продвижения.

Предметом нашего исследования является социокультурный контент интернет-телевидения об искусстве. Цель – провести анализ реализации социокультурного контента в сфере интернет-телевидения об искусстве. Эмпирической базой исследования стала интернет-версия телеканала «Театр».

О пользе перехода ТВ передач в Интернет в своей работе рассуждали Е.Г. Сомова и Д.О. Пономарева. Так они указывают, что преимущества интернет-вещания основаны на его мобильности, глобальном распространении информации, возможности обратного канала связи [6, с. 221-230]. Это приводит к тому, что ограниченность людей в получении информации начинает исчезать. Располагая огромными возможностями в плане продвижения контента, отрасль интернет-телевидения об искусстве обладает доступностью, а также проявляет транснациональные особенности [5, с. 13-17].

Можно выделить несколько факторов, которые выступают в пользу интернет-вещания:

1. В сети Интернет доступ к информации осуществляется в любое удобное время, круглосуточно. Зритель не имеет привязки к времени показа программы.

2. Зрителю не нужно просматривать рекламные блоки. Если реклама появляется на экране перед просмотром передачи, то ее всегда можно закрыть через несколько секунд.

3. Появляется выбор. Аудитория может выбирать не только интересную ей информацию, но и источники, которые она считает более достоверными и интересными [1, с. 53-55].

Реализуя социокультурный контент, интернет-программы об искусстве стоит рассматривать как социально значимое явление. Оно направлено на обеспечение прогрессивного продвижения общества к устойчивому культурному развитию.

Так, исследователь С.А. Герасимова в работе о средствах формирования культурных ценностей на телевидении выделяет несколько функций [2, с. 27]. К основным функциям современной медиакультуры она относит:

1. Информационную
2. Коммуникативную

3. Нормативную (идеологическая)
4. Релаксационную, креативную
5. Интеграционную
6. Посредническую

С точки зрения социокультурного подхода, контент программ об искусстве следует рассматривать как единство общества, культуры и социальности. Роль телевидения об искусстве для современной социокультурной сферы очень велика. Так, исследователь Т.В. Глазкова обращает особое внимание на функции искусствоведческих программ [3]. Помимо основных функций искусствоведческие программы должны:

- планировать и транслировать информационные потоки, привлекая к участию в них различных представителей областей искусства и культуры;
- проводить различные социально-культурные акции;
- воспроизводить и взаимообогащать социокультурные технологии в среде объектов культуры, искусства и досуга.

Все это помогает развивать общество, определять его социальное, культурное и духовное развитие.

В современной социокультурной ситуации особенно важно определение эстетических, ценностных и культурных приоритетов современного общества. Также важно выделять основные векторы воспитания и образования поколения, живущего в медиaprостранстве.

Интернет-версия телеканала «Театр» представляет из себя центральный, круглосуточный телеканал, посвященный театральному искусству в России и за рубежом. Основой канала его учредители называют популяризацию театрального искусства среди широкой общественности. Информационная поддержка, пропаганда театрального искусства России, приобщение зрителей к театральному наследию и к современным постановкам – главная задача телеканала. «Театр» стал первым медийным представительством для российского театрального сообщества.

Контент канала формируется из материалов о театральных деятелях, архивных записей театральных постановок. Также он включает современные спектакли и передачи о

событиях театральной жизни в России и мире, дневники театральных фестивалей. Большое разнообразие контента выделяет исследователь И.В. Чельшева [4, с. 234-240].

В сетку интернет-версии телеканала входят разные программы:

- спектакли мирового репертуара;
- история театров;
- великие театральные деятели;
- уроки мастерства разных театральных профессий;
- дневники знаменитых российских и международных фестивалей;
- поэтические чтения и музыкальная поэзия;
- молодежные театры, театральные училища, дипломные и студенческие спектакли.

По словам медиаруководителя «Театра», контент телеканала необходим современному обществу, так как он сохраняет уникальные постановки с выдающимися актерами, раскрывает жизнь театра, развивает эстетический вкус зрителя, расширяет его кругозор, осуществляет образовательно-воспитательную функцию. Также руководство телеканала выдвигает мысль о том, что развитие качественного тематического телевидения может способствовать формированию новой традиции телесмотрения, когда просмотр программ становится актом образования, просвещения и эстетического удовольствия. Из этих слов можно сделать вывод, что руководители телеканала «Театр» направляют контент программ на обеспечение общества прогрессивным продвижением к культурному развитию.

Телеканал «Театр» позволяет аудитории, проживающей далеко от театральных центров, «побывать» на спектаклях лучших театров, а жителям столиц – понаблюдать за жизнью провинциального театра.

С точки зрения социокультурного подхода, интернет-версия телеканала «Театр» сохраняет традиции культурного телевидения. Его деятельность выполняет культурно-просветительскую функцию, а именно помогает аудитории развивать эстетические взгляды, формирует базу для культурного просвещения и образования общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что телевидение об искусстве и в классическом виде, и в условиях интернет-продвижения насыщают социокультурное пространство идеями, нормами и ценностными представлениями. На сегодняшний день информация рассматривается как социально-значимое явление. Телевидение об искусстве в сети Интернет старается качественно выполнять социокультурные функции. Сми такого типа обладают некоторыми преимуществами в этом плане: их доступность и мобильность помогают взаимодействовать с большим количеством человек. Социокультурный контент телевизионных программ помогает качественно формировать в сознании общества картину окружающего мира, развивать эстетические вкусы, а также культурно просвещать и давать базу для образования аудитории.

Литература

1. Гарматин А.А. Интернет-телевидение выигрывает войну за внимание зрителей // Журналист. 2008. №4. С. 53-55.
2. Герасимова С. А. Телевидение как средство формирования культурных ценностей личности 2000 // Электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/televidenie-kak-sredstvo-formirovaniya-kulturnykh-tsen-licnosti> (Дата обращения: 20.01.2023).
3. Глазкова Т. В. Ожидания от прошлого: архивная программа как средство самоидентификации зрителя // Наука телевидения. 2011. №8. С. 234-240.
4. Чельшева И.В. Социокультурное поле медиа: реальность, коммуникация, человек. М: Информация для всех. 2016. 178 с.
5. Сагдуллаев К. К. Арт-журналистика в глобальном информационном пространстве // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. №3-4. С. 13-17.
6. Сомова Е.Г., Пономарева Д.О. Роль интернет-телевидения в продвижении молодежных социальных проектов // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. 2021. №4(36). С. 221-230.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-------------------	---

Русский язык в современном социуме

<i>Адамович М.Б.</i> Особенности функционирования категории времени в процессуальных фразеологизмах древнерусского языка.....	5
<i>Андреева Д.В.</i> Функционирование фразеологизмов в «кулинарных» демотиваторах	20
<i>Карачевцева А.А.</i> Ономастическая игра как разновидность языковой игры	30
<i>Малова Е.Н.</i> Прецедентные тексты в кулинарном рецепте (на материале рецептов А. Зимина и Е. Чекаловой в журнале «Коммерсантъ Weekend»).....	37
<i>Михайлова М.В.</i> Средства выражения авторской модальности в рассказе В. Набокова «Красавица».....	47
<i>Ряудина О.В.</i> Фикрайтерская лексика: от замкнутой группы заимствований до общеупотребительного сленга	58
<i>Резников Д.Р.</i> Прецедентные феномены военной тематики в творчестве Егора Летова.....	64
<i>Роголь Е.В.</i> Аксиология провинции в романе Эдуарда Веркина «Снарк. Снарк».....	73
<i>Скурышина Д.А.</i> Концепт 'воля' в русских песнях Самарского края.....	83
<i>Тарабина М.Е.</i> Концепт 'путь' в творчестве фолк-рок группы «Канцлер Ги»	90

Педагогический процесс и языковая личность

<i>Грищенко А.Д.</i> О значимости личности учащегося в педагогическом процессе	99
<i>Камилова Г.Р.</i> Нравственное воспитание молодёжи на примерах кыргызского фольклора.....	103
<i>Новикова В.К., Шалтаева А.Ф.</i> Развитие вербальной креативности младших школьников во внеурочной деятельности	109
<i>Петрова Е.А., Сенникова С.Э.</i> Способы стимулирования обучающихся к выполнению учебного плана в высших учебных заведениях	115
<i>Попова Д.И.</i> Экскурсия-квест в музей при обучении русскому языку как иностранному.....	119

Симакова А.В., Ефименко Е.В. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции младших школьников средствами технологии «Smart-English».....	130
Тодорец В.М. «Разговоры о важном» как воспитание нравственных ориентиров подрастающего поколения	135
Царикова В.С. Использование Edutainment-технологий в немецких школах	143
Щеголева Е.Л. Развитие критического мышления посредством использования кейс-стади в обучении иностранному языку в школе	152

Культурологический аспект изучения языковых единиц

Афанасьева М.А. Артиэргонимы полиэтнического города (на примере названий театров).....	158
Бухарина И.А. Образ белой женщины в легендах и быличках Южного Урала.....	164
Зимина В.Е. Образ ведьмы в фольклоре Южного Урала (на материале записей экспедиции ЮУрГГПУ).....	172
Малетина Д.Ю. Правила поведения человека в устных рассказах об околоцерковной жизни (по материалам экспедиционных записей ЮУрГГПУ).....	179
Романенко А.А. Ченьюй и идиомы в русском и китайском языках	190
Самойлова С.А. Образ домового в быличках Южного Урала (на материале, собранном в экспедиции ЮУрГГПУ в 2022г.)	196
Фазлиева М.А. Особенности функционирования диалектизмов в тексте поэмы Сергея Есенина «Пугачев».....	206
Хайретдинова Э.Ф. Наименования небольших оврагов и холмов в говорах левобережной части Среднего Поволжья	212
Хорошева С.И. Глаголы-зоофоны в самарских и оренбургских говорах.....	223

Проблемы перевода языковых единиц

Бабкова А.А. Перевод бытовых реалий на английский язык в книге Н Носова «Приключения Незнайки» (на примере перевода предметов одежды).....	230
---	-----

<i>Безрукова М.В.</i> Аспекты структурной организации малоформатных текстов англоязычной сетевой литературы.....	235
<i>Белогурова Т.В.</i> Перевод английских метафор в художественном тексте.....	242
<i>Боттески Каролина.</i> Итальянская новелла рубежа XIX-XX вв. и её переводческое восприятие в России.....	249
<i>Вострухина Ю.А.</i> Смыслообразующий потенциал ритма при переводе поэтического текста	261
<i>Жарикова И.А.</i> Отражение афроамериканской картины мира в образных сравнениях с союзами <i>as</i> и <i>like</i> (на материале романа «Песнь Соломона» Тони Моррисон).....	269
<i>Чжан Ян.</i> Русская классическая литература в Китае: количественный анализ переводческой рецепции.....	279

Художественный и фольклорный текст как феномен культуры

<i>Бердибаева Н.И.</i> Концепты-символы в вещих снах в эпосе «Манас»	286
<i>Кабилова Е.С.</i> Человек и событие в современной драматургии о подростках	293
<i>Камилова Г.Р.</i> Эмоционально-лирическое осмысление творчества Ч.Айтматова	300
<i>Крутиков В.Р.</i> Особенности любовной идиллии внутри «передоновщины» на примере романа Ф. К. Сологуба «Мелкий бес».....	305
<i>Лисовицкая В.Н.</i> Авторские стратегии организации диалога в повести братьев Стругацких «Трудно быть богом».....	314

Функционирование языковых единиц в современном рекламном тексте

<i>Дмитриева В.А.</i> Особенности рекламного дискурса на примере социальной рекламы России и Японии	324
<i>Ерунова К.А., Комиссарова Е.А.</i> Языковые особенности интернет-коммуникации: на материале пресс-релизов салонов красоты	335
<i>Самсонова О.И.</i> Неизосемические существительные в каталожном тексте	339
<i>Сысолятина К.С.</i> Социокультурный контекст телевизионных программ об искусстве в сети Интернет	347

Подписано к использованию 28.02.2023.
Объем 3 Мб. Тираж 100 экз. Заказ № 6044.

ООО «Научно-технический центр»
443056, г. Самара, ул. Николая Панова, д. 50, кв. 255
E-mail: as_gard@mail.ru